

ВОЙНА

В

ДОРГАНІСТАНЕ

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1991

ББК 63.3(4/8) Аф.

В65

Коллектив авторов: кандидат исторических наук полковник Пиков Н. И. (руководитель); полковник Шикитенко Е. Г.; кандидат философских наук подполковник Тегин Ю. Л.; подполковник Шведов Ю. Н.

В65 **Война в Афганистане.** — М.: Воениздат, 1991. — 367 с.: 10 л. ил.

ISBN 5—203—01004—8.

Через эту войну прошли сотни тысяч советских воинов-интернационалистов. Здесь тесно сплелись героизм и страдания. И хотя давно выведены наши войска из Афганистана, пережитая трагедия тех лет до сих пор болью отзывается в сердцах советских людей.

Притягательность книги, подготовленной авторским коллективом Института военной истории Министерства обороны СССР, ее сила — в достоверности описанных событий. Она в популярной форме дает ответы на многочисленные вопросы, связанные с войной в Афганистане.

Рассчитана на массового читателя.

В 1305010000—195 9—91
068(02)—91

ББК 63.3(4/8)Аф.

ISBN 5—203—01004—8

© Коллектив авторов, 1991

От авторов

В июне 1980 г., несколько месяцев спустя после ввода советских войск в Афганистан, состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором была дана политическая оценка интернациональной военной помощи Советского Союза этой стране. В постановлении, принятом Центральным Комитетом партии, указывалось: «Пленум ЦК полностью одобряет принятые меры по оказанию всесторонней помощи Афганистану в деле отражения вооруженных нападений и вмешательства извне, цель которых — задуть афганскую революцию и создать проимпериалистический плацдарм военной агрессии на южных границах СССР»¹.

Прошло девять с лишним лет, и на втором Съезде народных депутатов СССР 27 декабря 1989 г. прозвучала совершенно иная оценка. В сообщении Комитета Верховного Совета по международным делам, в частности, отмечалось: «В итоге обстоятельного анализа имеющихся данных Комитет пришел к выводу, что решение о вводе советских войск в Афганистан заслуживает морального и политического осуждения»².

Два вывода — две оценки. Авторы привели их в книге не для того, чтобы противопоставить одну другой или подстроиться под одну из них. Задача авторского коллектива несколько сложнее — всесторонне исследовать историю войны в Афганистане, проследить предпосылки и логику развернувшихся в этой стране событий и, не претендуя на истину в последней инстанции, высказать свои суждения.

В нашем обществе давно назрела необходимость восполнения того дефицита правдивой информации, который накопился за годы войны в Афганистане. В конечном счете нет истории плохой или хорошей, она всегда беспристрастна. Выстраданный человечеством опыт свидетельствует: насилие порождает насилие, а военные способы разрешения конфликтных ситуаций

могут привести к мировой катастрофе. Это справедливо и для региональных конфликтов, которые на каждом своем витке приобретают все больший размах, а масштабы порожденных ими трагедий перестают быть локальными. Долгие десять лет афганской войны — горькое свидетельство вышесказанного. В этом — суть позиции авторов — непосредственных очевидцев и участников войны.

Привлекая разносторонний фактический материал, документы и свидетельства представителей противоположающихся сторон, сопоставляя различные, часто диаметрально противоположные, точки зрения, авторы стремятся дать правдивую и всестороннюю картину сложных и неоднозначных событий в Афганистане и вокруг него, имевших место в 1978—1990 гг.

Они рассматривают вопросы, связанные с предысторией, характером и содержанием Апрельской революции 1978 г., диалектикой борьбы между ее сторонниками и противниками, мотивами и оценкой ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. В книге освещается участие советских войск совместно с афганскими вооруженными силами в боевых действиях против непримиримой вооруженной оппозиции, характер и сущность продолжающейся в стране гражданской войны, анализируется процесс реализации политики национального примирения как одного из практических проявлений нового политического мышления.

Исследуя предпосылки и условия совершения Апрельской революции 1978 г., анализируя роль и место НДПА в этот сложный и драматический период жизни афганского общества, особое внимание уделяется раскрытию истинных причин драмы гражданской войны, истоков зарождения вооруженной оппозиции. Опираясь на свидетельства очевидцев и документальные материалы (политические программы, уставы, наставления, журналы, газеты) различных отрядов афганской оппозиции, а также практические дела «борцов за веру», авторы раскрывают социальный характер, стратегию и тактику действий антиправительственных сил на различных этапах гражданской войны.

В книге прослеживаются истоки и особенности формирования идеологии исламского фундаментализма, ее эволюция от традиционных воззрений «братьев-мусуль-

ман» до современных вариантов «исламской революции».

Раскрываются источники финансирования и военной помощи афганской вооруженной оппозиции, причастность ее лидеров и их партнеров по «борьбе за свободу» к наркобизнесу и черным рынкам торговли оружием, а также участие арабских и других иностранных наемников в «необъявленной войне».

Авторы на примере афганских событий размышляют над таким понятием, как интернациональная помощь, ее сущность и содержание.

Не уклоняясь на страницах книги от дискуссии о долгих десяти годах афганской войны, целях и задачах противоборствующих сил, роли и месте ограниченного контингента советских войск, оказавшегося втянутым в жестокую и изнурительную гражданскую войну, авторы считают своим долгом рассказать о мужестве советских солдат, сержантов и офицеров, вынесших на своих плечах тяготы и лишения этой войны.

Авторский коллектив приглашает читателя познакомиться с Афганистаном, гордым и мужественным народом этой страны, его бытом, правами и обычаями, героической и многострадальной историей, в том числе и в ходе революционных событий последних лет.

В книге рассказывается о трагическом положении подавляющего большинства простых афганцев, оказавшихся волею судьбы зажатými тисками гражданской войны между противоборствующими силами.

События в Афганистане привлекли к себе огромное внимание во всем мире. Проблемы Апрельской революции, вооруженного сопротивления непримиримой афганской оппозиции и советского военного присутствия в Афганистане получили широкое освещение в зарубежной печати и монографических исследованиях. Авторы, естественно, не могли не учесть их в своей книге.

К сожалению, закрытость и недоступность материалов в архивах различных ведомств не позволили ответить на все вопросы.

Исходя из особенностей и тенденций развития обстановки в Афганистане после вывода советских войск, авторы пытаются заглянуть в будущее этой древней страны, рассказать о непростых и трудных уроках войны в Афганистане.

Глава первая

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К АПРЕЛЮ

1. Страна афганцев

Афганистан — сравнительно большая по территории страна Среднего Востока. Наибольшее расстояние с востока (от Хайберского горного прохода) до западной границы (Зульфигарское ущелье) составляет 960 км. Расстояние по прямой с севера на юг (между пунктом Хамиаб на реке Амударья и Чагайскими горами на крайнем юге) равно 800 км. Общая площадь Афганистана составляет 655 тыс. кв. км.

С Афганистаном граничат пять государств: СССР — на севере, КНР и Индия — на северо-востоке, Иран — на западе и Пакистан — на юго-востоке. Протяженность всей пограничной линии — 5425 км, из них с СССР — 2350 км, с КНР — 75 км, с Индией — 120 км, с Ираном — 820 км, с Пакистаном — 2180 км.

Столицей Афганистана является Кабул, один из старейших городов Центральной Азии. Он возник много веков назад и получил название от давшей ему жизнь реки.

Под воздействием различного рода внутренних и внешних факторов площадь и конфигурация территории Афганистана изменялись на протяжении последних двух столетий. Так, Дурранийская империя, созданная Ахмад-Шахом Дуррани в 1747 г., простиралась к началу XIX в. от Мешхеда (Иран) до Кашмира (Индия) и от реки Амударья до реки Сетледж и Аравийского моря. В последующем территория страны значительно уменьшилась.

В самом начале XIX в. сикхи, подстрекаемые англичанами, воспользовались гражданской войной в Афганистане, переправились через реку Инд, овладели Пешаваром и прилегающими провинциями. После кру-

нения сикхского государства англичане в 1849 г. оккупировали эти пограничные с Индией афганские провинции, прикрываясь «своим правом» на «сикхское наследство». При этом далеко не все английские государственные деятели того времени одобрили эти действия¹.

У современного Афганистана нет выходов к морю. В 1876 г. английские колонизаторы захватили приморскую провинцию Белуджистан, находившуюся в вассальной зависимости от афганских эмиров. Позже англичанам была оккупирована и превращена в военный пост Кветта. В результате Афганистан лишился выхода к морю. Это обусловило ухудшение экономического и стратегического положения страны. По существу, припльцы из страны Туманного Альбиона искусственно изолировали афганцев от внешнего мира: страна лишилась «морских ворот», через которые пролегали торговые пути в заморские страны Востока и Запада.

Английский империализм стремился увековечить свое влияние в регионе с помощью оружия. 12 ноября 1893 г. эмиру Абдуррахману была навязана так называемая линия Дюранда. В результате англичане вывели из политической юрисдикции Кабула территорию, на которой проживало несколько миллионов пуштунов (свыше трети афганского населения). Расчленение Афганистана явилось первопричиной всех пограничных конфликтов, возникавших у него с соседними государствами, начиная с XIX в. вплоть до настоящего времени.

Афганистан по праву называют страной гор. При взгляде с самолета представляется, что им нет числа: хребет за хребтом, как гигантские волны, простираются до горизонта, напоминая море во время сильного шторма.

На протяжении многих километров куполообразные горы перемежаются с редкими вершинами, покрытыми вечными снегами. В глубоких и узких ущельях протекают реки, вода которых имеет серовато-зеленый оттенок. Здесь имеются обширные необитаемые пространства, где можно ехать многие дни и не увидеть ничего, кроме обрывистых глубоких ущелий. Шотландский писатель и ученый Дж. Н. Дуглас в своей книге «За высокими Гималаями» писал: «Даже поразительные формы скал, характерные для Централь-

пого Гиндукуша, отступают на второй план перед их цветом. Я не видел ничего прекраснее Гиндукуша. Его скалы окрашены в желтый, красный, зеленый, ярко-розовый и пурпурный цвета. Воздух так прозрачен, солнце светит так ярко, что подчеркивается любой цвет и любой оттенок. Каждый раз закат солнца превращает вершины из серых в ярко-розовые и лиловые, а во время восхода горы кажутся волшебными»².

Климат страны зимой холодный, летом — жаркий и сухой. В центральных районах благодаря их более высокому расположению по отношению к уровню моря прохладней, нежели в остальной части страны. Афганский климат вообще характеризуется резкими колебаниями температуры зимы и лета, дня и ночи, на солнце и в тени. Однако в восточной части страны, климат которой приближается к климату Пенджаба (Индия), колебания температуры значительно меньше.

Скудость осадков, среднее количество которых не превышает 250 мм в год, и то, что они выпадают главным образом лишь зимой и ранней весной, оказывает существенное влияние на сельское хозяйство и развитие экономики страны. Осадки оказывают влияние не только на богарные (неполивные) посевы, называемые здесь лальми, которые полностью зависят от весенних дождей, но и на посевы поливных культур, именуемых аби.

В большей части страны собирают по два урожая. Весной убираются озимые посевы пшеницы, ячменя и некоторых сортов бобовых. Весенний урожай называется бахари. Второй урожай, именуемый тирмахи, снимается осенью. Это весенние посевы риса, кукурузы, проса, табака, брюквы, маиса и других культур.

Сухое лето благоприятствует развитию садоводства, принесшего Афганистану всемирную известность. Великолепные фруктовые сады здесь можно встретить повсюду, где позволяют условия. Джелалабадская низменность славится чудесными сортами цитрусовых. В более высоких местах отлично вызревают абрикосы, персики, сливы, груши, а также миндаль, инжир, гранат, тутовые ягоды, грецкие орехи и фисташки.

В различных частях страны, и особенно в районах Кандагара, Герата и Кохдамана, выращиваются разнообразные сорта винограда. Немаловажным продуктом питания являются съедобные орехи итальянской сосцы (или по-местному — джальгуза).

Афганцы³ в своем большинстве принадлежат к индоевропейской семье народов. В стране проживают народы и других рас. Всего здесь насчитывается более 20 народностей пяти этнических групп: иранской, индийской, тюрко-монгольской, семито-хамитской (арабской) и дарвидской. Все они значительно отличаются друг от друга по количественному составу, социально-экономическому развитию, исторически сложившейся роли в экономической и политической жизни страны. Крупнейшая группа населения — пуштуны (патаны) составляют 55 процентов населения страны.

Точные сведения о численности населения Республики Афганистан и его этническом составе отсутствуют. Согласно выборочной переписи, проводившейся в 1979 г., общая численность населения страны составляла 14 551 тыс. человек. По последним статистическим данным (1987 г.), она возросла до 16 145 тыс. человек⁴.

В Афганистане до сих пор сохранилась родоплеменная структура. Народности делятся на племена, а те в свою очередь — на кланы, роды, семейства. Существуют также племенные объединения.

Для всех афганских народностей характерны наличие устойчивых родоплеменных связей и традиций, приверженность этнической солидарности, независимо от того, ведут ли они оседлый (около 13 млн. человек, или 80 процентов населения), кочевой или полукочевой образ жизни, проживают ли они в городе или деревне. В меньшей мере они выражены у таджиков и узбеков, занимающихся преимущественно оседлым хозяйством в богарных районах Афганистана, отгонным животноводством и торговлей. В большей степени консервативные национально-этнические традиции сохранились у пуштунов, хазарейцев, чараймаков, белуджей, туркменов, киргизов.

Своеобразный уклад жизни афганского народа регулируется нормами шариата мусульманской религии, а в семейном быту — правом адата. Адат в переводе с арабского означает «обычай». Это право возникло в Афганистане до укоренения на территории страны исламской религии. Многие его нормы сложились еще во времена родоплеменных отношений и первоначально воплощали в себе в известной степени демократические начала. Однако с развитием феодальных отношений эти начала утратили свою прогрессивную роль.

Есть у афганцев (главным образом пуштунов) и неписанный кодекс чести — «Пуштунвалай». Он вырабатывался в течение веков и передавался из поколения в поколение. Согласно этому кодексу чести каждый афганец обязан предоставлять право убежища всем, кто перешагнет порог его дома; оказывать гостеприимство любому путнику, даже если он его враг; платить обидой за обиду.

Афганцы с большим уважением и почитанием относятся к старшим в семье и к убеленным сединами старикам. Ришсефид (белобородый) всегда был и остается у них синонимом мудрости и богатого жизненного опыта. К советам стариков прислушиваются и поступают в соответствии с их мнением и желанием.

Даже когда отец из-за своей старости и немощности не может принести пользу семье, он и тогда пользуется уважением и заботой своих сыновей и дочерей. Его дети и внуки, как правило, делают все, что в их силах, чтобы старый человек ни в чем не нуждался и ни на что не жаловался. Проклятие старого отца или матери считается самым тяжким наказанием.

У афганцев сильно развито чувство национального самолюбия и гордости, чувство преклонения перед установившимися обычаями и многовековыми традициями. Им в целом присуще высокое сознание собственного достоинства и чести.

По обычаю «тига пходиль» (буквально «класть камень» в знак прекращения военных действий и заключения мира), враждующие племена и семьи перед лицом общей опасности прекращают противоборство друг с другом, объединяются для совместных действий против общего врага и обещают сохранять этот союз до установления общей безопасности.

Нетерпимость афганцев к обиде и оскорблению проявляется в древнем обычае «бадал хистел» (мстить, компенсировать ущерб, нанесенный собственности или чести).

У афганских племен существует также особый кодекс, в котором устанавливается размер материальной компенсации за убийство, похищение женщины, поправу, кражу и т. п.

Значительное влияние на психологический склад, быт и нравы афганского населения продолжает оказывать религия. Господствующая в Афганистане религия — ислам. Его исповедуют 98 процентов населения

страны, из которых 80 процентов — сунниты (большая часть пуштунов и таджиков, узбеки, туркмены, белуджи, аймаки, нуристанцы, арабы и другие) и примерно 18 процентов — шииты (главным образом персы в Герате и Фарахе, горные таджики, хазарейцы, кызылбашы и часть пуштунов и таджиков, проживающих на востоке страны). Остальные 2 процента населения исповедуют сикхизм, индуизм и другие религии⁵.

Наибольшей популярностью и почитанием пользуется мечеть Руза-йе шариф (XV в.) в Мазар-Шарифе, построенная около предполагаемого места захоронения шиитского имама Ади, соборная мечеть (XIII в.) в Герате, мечеть Абу Насра (XV в.) в Балхе, кабульские мечети Шахи до Шамшира (XVI в.) и Пули — Хешти (XIX в.).

Справка:

Служителей исламского культа насчитывалось около 300 тыс. (2 процента населения), число действующих мечетей и святых мест превышало 40 тыс. Характерной особенностью Афганистана является то, что в стране отсутствует верховный религиозный глава. Муллы никому не подчиняются. Существующие советы улемов в провинциях и центре дают только толкование Корана и выдают различные рекомендации, которые не имеют обязательной силы. Каждый десятый афганец совершил паломничество в Мекку или Медину, Неджеф. В стране в религиозных учебных заведениях постоянно обучалось около 20 тыс. афганцев. Изучение ислама являлось обязательным во всех школах страны.

Из информации посольства СССР в Афганистане — КГБ СССР.

Влияние служителей культа на население весьма велико, особенно в сельской местности, где мулла не только служит в мечети, отправляет религиозные обряды, связанные с рождением, смертью, мусульманскими праздниками, но часто, по существу, является и учителем, и духовным наставником, и судьей. Мнение муллы является определяющим при решении многих важных вопросов, касающихся не только религии, но и всех сторон жизни его паствы.

Шариат подчиняет себе саму жизнь афганца, проникая в ее интимнейшие уголки, и таким путем делает подвластными не только деяния, но даже мысль и воображение верующего мусульманина.

Семья мусульманина представляет собой замкнутый мир, где полновластным господином является ее глава — мужчина. До сих пор женщина, по Корану, должна при выходе со двора закрывать свое лицо чадрой. Правда, у кочевых племен это правило обычно не соблюдается.

В 1959 г. в стране было официально отменено обязательное ношение чадры. С тех пор многие женщины в Кабуле и других городах ходят с открытыми лицами. А вот в сельской местности чадра еще сохраняется.

Значительное влияние на формирование афганского государства, национального самосознания населяющих его народов оказывала Россия, помогавшая ему в борьбе против англичан.

Под влиянием русской революции 1905—1907 гг. в Афганистане поднялось мощное движение младоафганцев, выступавших за ограничение эмирской власти, введение конституционного строя, восстановление полной независимости страны.

Афганские патриоты хорошо понимали, что политика Англии серьезно угрожает независимости Афганистана. Обращаясь к высоким идеалам Октябрьской революции, они видели в лице Советской России своего надежного союзника в борьбе против империалистической агрессии.

2. Влияние идей Октября

Победа Октябрьской революции в России укрепила положение национально-патриотических сил в Афганистане. Весной 1918 г. в Афганистан был доставлен текст Обращения Советского правительства к трудящимся России и мусульманским народам Востока (в переводе на язык дари).

Помыслы афганских патриотов, стремившихся к свободе, независимости и равенству, совпадали с объявленными Советским государством целями. Один из свидетелей событий тех лет — Мухаммед Рахим Шиван писал, что сообщения о событиях в России быстро распространились по всему Афганистану, о них рассказывали своим ученикам преподаватели, сообщала

афганская пресса. «Эти сообщения о русской революции, — свидетельствует М. Шиван, — оказали большое влияние на общественное мнение в Афганистане, особенно на молодежь, интеллигенцию и борцов за независимость. Люди говорили, что Ленин поможет Афганистану завоевать свою независимость от Британии»⁶.

В одной из статей газеты «Сирадж-аль-Ахбар» отмечалось, что влияние революции на мусульман России заключается в том, что они быстро развиваются, укрепляется их союз с другими единоверцами, исчезает разница между ними. Пробуждение мусульманских народов России расценивалось как начало пробуждения Востока.

С нарастанием освободительной борьбы и приходом к власти младоафганцев под руководством Аманулла-хана положение в стране изменилось. 28 февраля 1919 г. Аманулла-хан провозгласил независимость Афганистана, который стал одним из первых государств зарубежного Востока, освободившихся от колониального гнета.

Однако Англия отказалась признать суверенитет страны. 3 мая 1919 г. вспыхнула третья англо-афганская война. Как и в первых двух, количественное и техническое превосходство вновь было на стороне англичан. Афганская армия насчитывала 40 тыс. человек, тогда как английская — 340 тыс.

Борьба афганского народа за свою свободу и независимость облегчалась успешными боевыми действиями Красной Армии против британских интервентов в Средней Азии и антиколониальными выступлениями в Индии. Оказавшись, что называется, между трех огней, английские захватчики были вынуждены пойти на уступки Афганистану. 3 июля 1919 г. воюющие стороны заключили перемирие, а 8 августа 1919 г. в г. Равалпинди был подписан предварительный мирный договор. 19 августа 1919 г. Афганистан ратифицировал этот договор. С тех пор 19 августа стал национальным праздником афганцев — Днем восстановления независимости.

Победа Октябрьской революции в России, признание Республикой Советов независимости Афганистана, разгром Красной Армией английских интервентов в Средней Азии способствовали обретению Афганистаном суверенитета и национальной независимости.

Теоретические положения В. И. Ленина о необхо-

димости союза Советского государства и малых стран, отстаивающих свою независимость в борьбе с империализмом, были воплощены в жизнь уже в первые годы существования Советской власти. Советская Россия заключила межправительственные договоры с Афганистаном, Ираном, Турцией, которые предусматривали укрепление дружественных отношений, солидарность в борьбе с империализмом.

Необходимо отметить то исключительное внимание, которое уделял В. И. Ленин становлению и развитию отношений с Афганистаном. В личной переписке с главой афганского государства Аманулло-ханом им были глубоко разработаны коренные вопросы советско-афганских отношений. В. И. Ленин дважды принимал представителей специальной афганской миссии, прибывшей в Москву в октябре 1919 г. с целью установления дружественных отношений между двумя странами, и завоевал расположение представителей различных слоев афганского общества, в том числе патриотически настроенного духовенства. Один из видных афганских деятелей — духовное лицо, судья афганской армии Сайфуррахман-хан, который был членом первой афганской миссии, охарактеризовал В. И. Ленина следующим образом: «Его (В. И. Ленина.— *Прим. ред.*) проповедь, его отношение к угнетенным ярко его выделяют из среды современных политиков и вождей всего мира»⁷.

В. И. Ленин делал все для того, чтобы представители Советского государства, на практике осуществляющие дружественную политику в отношении Афганистана, правильно понимали исторические и национальные особенности афганского народа, бережно к ним относились. В ряде документов, разработанных под его непосредственным руководством и касающихся советско-афганских связей, отражены стратегические направления внешней политики нашей страны, получившие международное признание.

В инструкции Наркоминдела, направленной в 1921 г. советскому полпреду в Кабуле, указывалось: «Наша политика есть политика мира и сотрудничества между всеми народами. В настоящее время, когда восточные народы, как экономически отсталые, болезненно ощущают иностранное экономическое угнетение, социалистическая Советская Россия является для них естественным другом.

...Дружба предполагает взаимное содействие, и, исходя из нашего желания по мере возможности способствовать развитию и процветанию дружественного Афганского государства, мы готовы оказать ему на этом мирном поприще все содействие, какое в наших силах»⁸.

Эти принципы нашли свое яркое выражение в советско-афганском Договоре о дружбе от 28 февраля 1921 г., ставшем первым межправительственным документом, на основе которого начали развиваться всесторонние связи между двумя государствами.

Вскоре после этого В. И. Ленин писал руководителям Афганистана: «Мы уверены, что искреннейшее наше желание будет осуществлено и что Россия навсегда останется первым другом Высокого Афганского государства на благо обоих народов»⁹.

В. И. Ленин в 1919 и 1921 гг. направлял послания эмиру Афганистана Аманулле-хану. Эти послания интересны не только по содержанию, но и по форме. Вождь Октября обратился к эмиру как человек, глубоко уважающий обычаи и права народов Среднего Востока. В своих посланиях В. И. Ленин называет афганцев свободной, самостоятельной нацией, великим народом, а правителя Афганистана — просвещенным, стойким хранителем независимости государства Афганистана, мысли его — искренними, дружескими, высокими, направленными на освобождение народов Востока. В заключение своих посланий Владимир Ильич выражает уверенность, что «независимость Высокого Афганского государства ни силой, ни хитростью никем не будет поколеблена»¹⁰.

Одним из очевидцев и участников событий, связанных с установлением дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном, являлся член афганской дипломатической миссии Мирза Мухаммед Яфтали. Его воспоминания о далеком 1919 г. наиболее полно представлены и прокомментированы в записи, сделанной в 1955 г. в Кабуле корреспондентом «Правды» Ю. Жуковым.

«Это было знаменательное время,— медленно, раздумчиво говорил старый дипломат, вспоминая 1919 год.— Пришедший к власти после смерти отца Аманулла-хан обнародовал манифест, в котором он провозгласил полную независимость нашей страны. Английские колонизаторы ответили на это третьей по

счету войной. Положение было поистине драматическим. И вот седьмого апреля наш молодой падишах направил Ленину послание, в котором предлагал нашей стране, которая в те дни также подвергалась атакам врагов, союз и дружбу...»

В тексте послания, в частности, говорилось: «Так как Вы, Ваше Величество, мой великий и любезный друг — Президент Великого Российского государства, вместе с другими своими товарищами — друзьями человечества взяли на себя почетную и благородную задачу заботиться о мире и благе людей и провозгласили принцип свободы и равноправия стран и народов мира, то я счастлив впервые от имени стремящегося к прогрессу афганского народа направить Вам свое настоящее дружественное послание независимого и свободного Афганистана...»

Верные Аманулле афганцы доставили послание в Термез, оттуда оно было переправлено в Ташкент. В Москву его текст пришлось передавать по радио, так как сухопутные связи со столицей уже были прерваны — бушевала гражданская война.

Легко себе представить, как был занят в ту пору Владимир Ильич. Но при всей его занятости уже через неделю по радио в Ташкент полетел для передачи в Кабул ответ Аманулле-хану, подписанный В. И. Лениным и М. И. Калининым: «...приветствуя намерения Вашего Величества завязать близкие отношения с русским народом, мы просим Вас назначить официального представителя в Москву и со своей стороны предлагаем послать в Кабул представителя Рабоче-Крестьянского правительства... Установлением постоянных дипломатических отношений между двумя великими народами открывается широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние».

Афганское посольство, возглавляемое Мухаммедом Вали-ханом, лишь со второй попытки добралось до Москвы. Произошло это 10 октября 1919 г. Москва встречала афганских гостей духовым оркестром и почетным караулом.

«Мы не верили своим ушам и глазам, — говорил взволнованный пахлынувшими воспоминаниями М. М. Яфтали. — В какой стране, кроме Советской России, мы могли бы рассчитывать на такой прием? Мы

вышли на просторную, вымощенную булыжником площадь, сели в поданные нам автомобили, и нас отвезли в особняк, предоставленный в наше распоряжение. Нас поразило и обрадовало ощущение порядка и организованности во всем, вплоть до мелочей. Мы знали, что вашей столице со всех сторон угрожают смертельные враги, но нигде не было видно ни малейшего следа паники. Царил образцовый революционный порядок...»

В воскресенье 12 октября 1919 г. афганская делегация была приглашена в Народный комиссариат иностранных дел. Ее приняла коллегия комиссариата в полном составе. Встреча прошла в дружественной обстановке. Шел деловой разговор.

А через день афганцев принял в Кремле В. И. Ленин. Об этой встрече Яфтали вспоминал особенно тепло и подробно. Но при этом он оговорился: «С тех пор прошло тридцать шесть лет, и я боюсь, что не смогу сейчас в точности передать слова вашего вождя. Помню, однако, что ваши газеты опубликовали подробный отчет о нашей встрече. Воспользуйтесь им».

Действительно, в подшивке «Правды» сохранился этот отчет, составленный в духе той революционной эпохи. И вот что в нем было сказано: «14 октября, в 7 час. вечера, предсовнаркома тов. Ленин принимал афганское чрезвычайное посольство в присутствии представителей Народного комиссариата иностранных дел. Тов. Ленин встретил посла в своем рабочем кабинете словами: «Я протягиваю Вам дружескую руку и надеюсь, что Вы поможете освободиться от гнета европейского империализма всему Востоку». Во время начавшейся затем беседы тов. Ленин говорил, что Советская власть, власть трудящихся и угнетенных, стремится именно к тому, о чем говорил афганский чрезвычайный посол, по необходимо, чтобы мусульманский Восток это понял и помогал Советской России...

Посол на это ответил, что мусульманский Восток это понял и близок тот час, когда весь мир увидит, что европейскому империализму нет места на Востоке.

Потом посол встал и со словами: «Имею честь вручить главе свободного русского пролетарского правительства письмо от моего повелителя и надеюсь, что то, о чем говорит афганское правительство, обратит на себя внимание Советской власти», — подал тов. Ленину письмо эмира. Тов. Ленин ответил, что с вели-

чайшим удовольствием принимает это письмо и обещает в скором времени дать ответ на все интересующие Афганистан вопросы».

«После этой встречи,—продолжал свой рассказ Мирза Мухаммед Яфтали,— мне довелось еще два-три раза видеть Ленина.— Вспоминаю, в частности, вечер в Большом театре, когда мы сидели в дипломатической ложе. Кстати, надо сказать, что весь дипломатический корпус в Москве тогда состоял из представителей всего лишь двух-трех государств, признавших Советское правительство. Мы видели, понимали, что вам жилось тогда очень трудно, и тем более ценили то, что Москва делала все возможное для того, чтобы помочь нашей стране, которая тоже переживала очень трудные дни...»¹¹

Два года проработал Мирза Мухаммед Яфтали во вновь созданном посольстве Афганистана в Москве. Одновременно в Кабуле приступило к работе советское посольство. Первым советским послом в Афганистане стал Я. З. Суриц, прибывший туда 14 декабря 1919 г. Афгано-советское сотрудничество развивалось успешно.

Дипломатическая поддержка Советской страны помогла Афганистану укрепить свое международное положение. В создавшейся обстановке Англия была вынуждена подписать в ноябре 1921 г. окончательный англо-афганский мирный договор. Немаловажную роль в успехе борьбы афганского народа против британских колонизаторов сыграла и морально-политическая поддержка со стороны Советской России.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина в 20-е гг. было положено начало оказанию Страной Советов экономической, технической и военной помощи Афганистану, что способствовало дальнейшему укреплению его независимости.

3. Политика афганского руководства в 30—50-е годы

После установления дипломатических отношений между Советской Россией и Афганистаном важным событием, наглядно подтвердившим растущее взаимопонимание и еще больше укрепившим дружественный характер двусторонних отношений, явился визит в Москву по приглашению Советского правительства эмира Амануиллы в мае 1928 г.

24 июня 1932 г. между СССР и Афганистаном был заключен Договор о нейтралитете и взаимном ненападении, который обязывал обе стороны не допускать существования на своей территории групп, враждебных другой стороне.

Развитию национальной экономики Афганистана способствовало также расширение советско-афганских экономических связей. В 30-х гг. в Афганистане при участии государственного капитала был построен ряд предприятий легкой промышленности, некоторые из них — при помощи СССР. Именно в эти годы начинает складываться афганская буржуазия, возникает фабричный пролетариат, было положено начало развитию системы профессионального и высшего образования, закладываются основы Кабульского университета, давшего впоследствии Афганистану многих видных демократов и революционеров.

В 30—40-е гг. в период правления Мухаммеда Захир Шаха в Афганистане формировалась крупная по местным масштабам торговая буржуазия, расширялся внутренний рынок, начался некоторый перелив капиталов из торговли в промышленность. Однако тесные связи с помещиками и монопольное положение в сфере внешней торговли ограничивали прогрессивные возможности крупной буржуазии, а хищническая эксплуатация крестьян торгово-ростовщическим капиталом, разорение ремесленников и мелкой буржуазии усиливали социальную напряженность в стране.

С началом второй мировой войны афганские реакционные круги, поверив в победу фашистской Германии, фактически потворствовали гитлеровцам. Однако с осени 1941 г. они делали это осторожно, имея перед собой убедительный пример провала профашистской политики Реза-шаха в соседнем Иране. Вскоре после ввода советских и английских войск в Иран советский и английский послы в Кабуле обратились к афганскому правительству с нотой, указывая на необходимость положить конец проискам немецких и итальянских фашистских агентов в Кабуле. Афганское правительство высказало полную готовность последовать этому предостережению. Были приняты соответствующие меры, но по сути дела внешнеполитическая ориентация афганских правящих кругов оставалась прежней.

Лишь после разгрома немцев под Сталинградом аф-

ганское руководство начало постепенно отходить от старой ориентации, произошло его сближение в первую очередь с англо-американскими союзниками. Англичане взяли на себя обучение афганских офицерских кадров в Индии, снабжали Афганистан некоторыми промышленными товарами, но делали это так, чтобы укрепить свои собственные экономические позиции в этой стране.

Вместе с тем в 1939—1945 гг. Афганистан благодаря политике Советского правительства сумел сохранить нейтралитет и не был втянут во вторую мировую войну. Это обстоятельство тем более важно подчеркнуть, поскольку в феврале 1941 г. генеральный штаб фашистской Германии разработал план, по которому немецкие войска должны были двинуться на Индию через Афганистан. Согласно плану была создана оперативная группа «Афганистан» в составе 17 дивизий¹². Все это свидетельствует об опасности для Афганистана замыслов, которые вынашивались гитлеровской Германией. Однако Советская Армия, разгромив гитлеровские полчища сначала под Сталинградом, затем на Кавказе, преградила путь фашистским захватчикам в страны Среднего Востока и тем самым избавила Афганистан от угрозы порабощения.

Вторая мировая война весьма болезненным образом отразилась на экономическом положении Афганистана. Старые мировые хозяйственные связи были подорваны, страна оказалась в положении вынужденной изоляции, в то время как собственная афганская промышленность была слишком слаба, чтобы обеспечить снабжение внутреннего рынка промышленными товарами. Таким образом, первым результатом войны явился острый недостаток промышленных товаров, и прежде всего мануфактуры, нефти, керосина и сахара. Импорт хлопчатобумажных изделий увеличился в 3 раза в 1943 г. по сравнению с 1939 г.; завоз сахара, нефти и керосина за это же время упал в 2 раза. Если принять цены промышленных товаров в 1939 г. за 100 процентов, то в 1944 г. цены повысились до 460, а в 1945 г. — до 750 процентов¹³. В значительной мере упал и афганский экспорт хлопка и овчины, которые не находили рынка сбыта. Более или менее благополучно обстояло дело лишь с экспортом каракуля. Американский рынок и во время войны предъявлял высокий спрос на афганские каракулевые шкурки, од-

нако фактически афганцы не получали ни одного доллара за проданный каракуль, поскольку все причитающиеся Афганистану суммы оставались замороженными в США до окончания войны (около 30 млн. долларов).

К середине 50-х гг. межгосударственные связи Афганистана с СССР несколько ослабли. Усилилось американское экономическое, политическое и военное проникновение в эту страну. Внедрение США в Афганистан, где обосновалась их военная миссия, преследовало изначально политические и военно-стратегические цели, являлось частью обширного военно-стратегического плана, который предусматривал создание в мирное время многочисленных баз и плацдармов, значительно удаленных от Американского континента и предназначенных для использования в агрессивных целях против СССР и других стран социализма.

В середине 50-х гг. Афганистан подвергся массированному давлению со стороны западных стран, и прежде всего США, с целью втянуть его в агрессивные военные группировки. Однако афганские правящие круги, проявив реализм в оценке неокOLONиалистских устремлений империализма, подвергли определенному пересмотру свой внешнеполитический курс преимущественно односторонней ориентации на страны капитализма, которого они придерживались в 30—начале 50-х гг. Афганское правительство, основываясь на рекомендациях Большой Джирги (ноябрь 1955 г.) «любыми возможными средствами, любым доступным честным способом укрепить и вооружить страну в целях ее обороны», обратилось к Советскому Союзу с просьбой оказать Афганистану необходимую помощь. Советское государство положительно отнеслось к желанию Афганистана укрепить оборону и защитить страну от происков империализма.

Советско-афганское сотрудничество начало активно развиваться, что способствовало укреплению самостоятельности Афганистана на международной арене.

4. Развитие демократического движения. Образование НДПА

После второй мировой войны в Афганистане начали возникать первые политические группировки, выступающие за проведение глубоких экономических и

социальных реформ, демократизацию общественной жизни, ограничение привилегий землевладельческой аристократии, защиту предпринимательской деятельности мелкой и средней национальной буржуазии от произвола феодальной знати и иностранных монополий. Уже в 1947 г. в Афганистане возникло и начало быстро набирать силу национально-демократическое движение «Виш зальмиян» («Пробудившаяся молодежь»). На основе этой организации возникли новые политические группы, которые тоже выдвигали требования буржуазно-демократического характера: создание политических партий, установление ответственности правительства перед парламентом, демократизация избирательной системы и т. п. Под влиянием этого в мае 1952 г. в Кабуле состоялась первая в стране политическая демонстрация, участники которой требовали изменения порядка выборов. Таким образом, соотношение социальных сил в стране хотя и медленно, но менялось в пользу сторонников демократических преобразований в жизни афганского общества.

В 60-е гг. начался новый подъем демократического движения. Возникают демократические группы. В формирующейся революционной среде росло стремление к идейно-политическому и организационному сплочению, совместной борьбе за права и счастье народа, за создание революционной партии на идеях марксизма-ленинизма. Это стремление было реализовано 1 января 1965 г., когда нелегально в Кабуле в доме Н. М. Тараки в районе Шпр Шах Мина состоялся I Учредительный съезд НДПА. На съезде обсуждались структура, цели и задачи партии. Был избран Центральный Комитет, в состав которого вошли Н. М. Тараки, Б. Кармаль, С. А. Кештманд, С. М. Зерай, Г. Д. Панджшер, М. Т. Бадахши, Ш. Шахпар и 4 кандидата — Ш. Вали, К. Мисак, М. З. Задран, А. В. Сафи.

Особенностью образования НДПА как партии, считающей себя авангардом рабочего класса, было то, что она возникла на волне общедемократического движения, в стране, где рабочее движение только еще зарождалось.

Нечеткое классовое расслоение общества, его политическая неразвитость, проявляющиеся в клановости, семейственности, землячестве, трайбализме и даже кастовости, причиной чего была общая экономическая

и политическая отсталость страны, не могли не сказаться на составе и жизнедеятельности партии.

С одной стороны, всеобщая отсталость страны породила брожение в среде широких беднейших масс крестьянства, ремесленничества, рабочего класса. С другой — крайне тяжелым положением страны были недовольны и средние слои общества: государственные служащие, военные, интеллигенция, представители которых в своем мировоззрении поднимались выше узких интересов личного благополучия.

Итак, оба потока общественного движения объединялись, видя свою задачу в необходимости радикальных перемен в обществе и уничтожении помещичье-буржуазного строя в стране, феодальных устоев и дофеодальных наслоений. Эти общие цели делали их союзниками в борьбе. Однако неоднородность социального состава этих сил таила в себе опасность их дробления, разобщения и отражалась на составе партии.

На первом Пленуме ЦК в присутствии всех делегатов съезда Н. М. Тараки был избран Генеральным секретарем партии, а Б. Кармаль — секретарем ЦК.

Программа НДПА в соответствии с решением Учредительного съезда публиковалась в первых двух номерах центрального печатного органа партии — газете «Хальк» («Народ») в апреле 1966 г.¹⁴ В ней определялись стратегические задачи и цели партии: «Сосредоточить в руках народа всю полноту государственной власти» и «установить национальную демократию». Впервые были отчетливо сформулированы задачи проведения «кардинальной земельной реформы в пользу безземельных и малоземельных крестьян при участии всего крестьянства» для «ликвидации существующих устаревших производственных отношений» и «развития производительных сил сельского хозяйства».

Программа предусматривала сплочение всех прогрессивных, патриотических и национальных сил страны под руководством НДПА для борьбы за демократические права народа, за победу антифеодальной, антиимпериалистической национально-демократической революции.

Через год, весной 1967 г., был нелегально издан Устав НДПА, определяющий основы организационной структуры, принципы деятельности партии, права и обязанности ее членов. Статья 1 Устава гласила: «Народно-демократическая партия Афганистана представ-

ляет собой авангард трудящихся классов и высшую форму политической организации рабочего класса Афганистана. НДПА основана на принципах марксизма-ленинизма и добровольном союзе передовых и сознательных масс Афганистана — рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции»¹⁵.

Действуя в нелегальных и полуполигальных условиях в годы королевского и даудовского режимов, НДПА вела активную политическую деятельность. Под ее руководством проводились забастовки, митинги, марши протеста, организовывались демонстрации трудящихся в связи с международными революционными праздниками, издавалась и распространялась литература революционного содержания. Использовались и методы парламентской борьбы. Осенью 1965 г. партия открыто приняла участие в парламентских выборах и провела в нижнюю палату четырех делегатов — Б. Кармаля, Н. А. Нура, А. Ратебзад и Файз уль-Хака.

При отсутствии в стране зрелого рабочего класса в середине 70-х гг. НДПА сосредоточила внимание на идейно-политической работе среди демократической части интеллигенции и патриотически настроенных офицеров.

С начала 1966 г. партия вступила в сложный период своего идейного и организационного развития. Среди членов партии, особенно ее руководителей, возникли разногласия. Они появились первоначально на базе личного соперничества отдельных лидеров партии и расхождения взглядов на ряд тактических вопросов.

Н. М. Тараки считал партию «авангардом рабочего класса» и требовал, чтобы в основе ее деятельности лежали нелегальные средства и методы борьбы. Б. Кармаль и его соратники рассматривали НДПА как «партию трудящихся Афганистана» и отстаивали необходимость широкого использования легальных средств борьбы.

Б. Кармаль, например, наиболее эффективным методом работы считал выступления лидеров партии на митингах и демонстрациях. Н. М. Тараки доказывал, что в условиях королевской монархии открытые выступления руководителей прогрессивной организации немедленно приведут к их арестам.

В вопросе принятия новых членов в партию Б. Кармаль, как утверждается в очерке истории НДПА «Хальк», предлагал брать во внимание не классовую принадлежность кандидата, а его взгляды и желание работать. Так, он настаивал на принятии в члены НДПА Мир Акбара Хайбара — в то время начальника академии полиции, Мохамеда Доста — начальника канцелярии при премьер-министре. Н. М. Тараки доказывал, что принятием в члены НДПА представителей имущих классов и королевской семьи нарушится классовый принцип отбора и партия потеряет авторитет у народа.

Финалом таких разногласий явилось предложение Н. М. Тараки исключить Б. Кармалю из членов НДПА по обвинению его в связях с зятем и племянником короля Сардаром Абдул Вали. По утверждению второй стороны, это не соответствовало действительности.

Осенью 1966 г. Б. Кармаль, а также члены ЦК Г. Д. Панджшери, Ш. Шахпар, С. Кештманд вышли из состава ЦК вместе с примкнувшими к ним кандидатами в члены ЦК А. Х. Шарьи, С. Лаеком, Б. Шаффи, А. В. Сафи и Н. А. Панджваи (Нур) и сформировали свою группу, которая в 1968 г. стала издавать и свою газету — «Парчам» («Знамя»). В то же время они постоянно заявляли о своей принадлежности к НДПА, верности ее программе и идеологии и продолжали называться, так же как и «Хальк», НДПА. На страницах частной газеты «Рузгар» Н. М. Тараки в 1971 г. доказывал, что «Парчам» не имеет права носить единое наименование с «Хальком» (т. е. НДПА) и добавлять к своему названию слово «Афганистан», так как представляет собой отколовшуюся от партии фракцию.

Вскоре после разрыва отношений Г. Д. Панджшери, Ш. Шахпар и А. Шарьи возвратились в НДПА и были восстановлены в составе ЦК.

Таким образом, из состава ЦК, избранного на I съезде НДПА, в нем остались: Н. М. Тараки, Г. Д. Панджшери, С. М. Зерай, М. Т. Бадахши, Ш. Шахпар. Вышли из ЦК Б. Кармаль и С. А. Кештманд. Были введены: Х. Амин, К. Мисак, И. Данеш.

Полный раскол в партии, длившийся около десяти лет, нанес серьезный ущерб ее деятельности. Тех членов партии, которые после ее раскола оставались сторонниками Н. М. Тараки, стали называть в народе

халькистами, а сторонников Б. Кармалы — парчамистами.

Начался период острой и постоянной борьбы между двумя крыльями партии. Халькисты обвиняли парчамистов в расколе, фракционизме, заигрывании с королевским, а затем и даудовским режимами, сползании на либерально-буржуазный реформистский путь борьбы, стали называть их меньшевиками и троцкистами, агентами аристократов и феодалов.

Парчамисты в свою очередь обвиняли халькистов в оппортунизме, предательстве, авантюризме, карьеризме, искажении фактов и документов, недостаточном учете в революционной борьбе национальных особенностей страны.

В основе раскола НДПА были различия в социальном и этнонациональном составе фракций «Хальк» и «Парчам», которые в свою очередь сыграли существенную роль в формировании их руководством различных политических целей в революционной борьбе, в использовании неодинаковой тактики для их достижения. Изучение документов и материалов НДПА дает возможность сделать некоторые выводы об этих различиях.

Сравнивая платформы фракций, можно сказать, что глубина революционных устремлений каждой из них была различной. Халькисты являлись сторонниками наиболее радикальных перемен в обществе, конечной целью своей деятельности они считали построение социалистического общества. Парчамистов, наоборот, отличала умеренность, эволюционность, конечной целью своей деятельности они ставили построение некоего демократического, свободного, процветающего общества, необязательно идущего по пути социализма. Раскольнические тенденции в партии проявились уже на I Учредительном съезде НДПА. Название партии, как известно, во многом отражает конечную цель ее деятельности. Н. М. Тараки, возглавивший впоследствии «Хальк», предложил назвать партию «народно-демократической». Б. Кармаль, возглавивший крыло «Парчам», настаивал на том, чтобы партия называлась «прогрессивной». За этими названиями кроются целые концепции развития афганского общества. «Хальк» рассматривала установление народно-демократического или национально-демократического режима как переходного после уничтожения феодальных и дофеодаль-

ных отношений в стране к построению социализма. «Парчам» видела конечную цель партии в уничтожении феодальных отношений, однако конкретные формы государственной организации нового общества в то время еще не разработала.

Таковы были политические цели и устремления обеих «партий», обусловленные главным образом их социальным составом.

По своему происхождению халькисты являлись выходцами из малообеспеченных, полупролетарских и трудовых слоев общества (из семей мелких служащих, кочевников, крестьян, ремесленников), уроженцами периферийных районов, по национальному составу — в основном пуштунам. Они были более активны и имели тесные связи с народом и демократическими слоями общества. Среди халькистов было больше педагогической интеллигенции, служащих низших рангов госаппарата, инженерно-технических работников предприятий государственного сектора, младшего офицерского состава (особенно ВВС и танковых частей). Им были свойственны непоследовательность, экстремизм, левацкие уклоны. Они считали себя настоящими революционерами, а парчамистов — выразителями интересов буржуазии.

Парчамисты являлись выходцами из имущих классов и слоев (помещиков, крупных торговцев, представителей верхних эшелонов армии, обеспеченной интеллигенции, буржуазии и влиятельного духовенства), уроженцами Кабула и его предместий, в основном городскими пуштунами, подвергшимися ассимиляции со стороны таджиков, и «чистыми таджиками».

В политическом плане они были склонны к умеренности, к сползанию на либерально-реформистский путь борьбы. Имея слабые связи с народом, они, как признают сейчас некоторые партийные руководители из этого крыла, не знали, о чем и как говорить с народом.

В соответствии со сложившейся в Афганистане традицией представители богатых слоев, как правило, учились на Западе. Поэтому мало кто из парчамистов учился в то время в СССР. Наоборот, большая часть халькистов (из числа учившихся за рубежом) обучалась в советских вузах. Тем не менее парчамисты также считали себя революционерами, причем более подготовленными в теоретическом отношении, и настоящими марксистами-ленинцами. На самом деле и те

и другие больше думали в то время о своих собственных интересах, о вытеснении партийцев другого крыла, и у них очень мало оставалось времени на дела во имя своего народа и родины.

После раскола в НДПА образовались две, по сути дела, самостоятельные партии. Об этом свидетельствует заявление Н. М. Тараки в 50-м номере газеты «Афган меллят» («Афганская нация») за 1967 год, в котором говорилось, что «Парчам» не имеет никаких организационных связей с НДПА. Это заявление было сделано в ту пору, когда «Парчам» пыталась выступить в парламенте от имени НДПА. Самостоятельность «Парчам» неоднократно подтверждал впоследствии и ее лидер Б. Кармаль.

Халькисты видели свою задачу в соединении зарождающегося в стране рабочего движения с марксистско-ленинским учением. При этом они не могли не учитывать неразвитости производительных сил страны, опутанных феодальными и дофеодальными пережитками, малочисленности рабочего класса.

А потом халькисты намеревались действовать и в других социальных слоях общества: в среде крестьянства, ремесленничества, интеллигенции, военных. И таким образом возглавить общедемократическое движение. Большую поддержку они рассчитывали найти в лице Советского Союза и других стран социализма. В предисловии к книге «Новая жизнь», выпущенной в 1961 г., Н. М. Тараки говорил, что, опираясь на помощь социалистических стран, молодые развивающиеся государства могут миновать капиталистический путь развития.

О политических целях и направленности «Парчам» говорит уже само название. «Парчам» стремилась быть знаменосцем, авангардом общедемократического движения в стране, однако четкой идейной платформы не имела. Конечной целью своей деятельности парчамисты считали построение демократического общества. Исходя из существовавших тогда реалий в стране и мире, они вели работу в основном в среде интеллигенции, государственных служащих, военных, считая эти слои общества наиболее реальной силой, с помощью которых могли бы достичь своих целей. Они рассматривали парламентскую форму борьбы как наиболее эффективную. Именно им принадлежит идея образования Национального отечественного фронта, призван-

ного стать организацией, объединяющей все патристические и демократические силы общества в борьбе против старого режима.

Таковы были платформы деятельности «Хальк» и «Парчам», которые из-за своей несхожести не могли не привести к расколу и образованию двух самостоятельных движений в рамках партии. Обе фракции продолжали называть себя НДПА, однако действовали самостоятельно. У них были самостоятельные печатные органы, самостоятельные организационные структуры.

В постановлении ЦК НДПА о 20-летию партии в качестве основных причин раскола указываются общая отсталость социально-экономических отношений в стране и связанный с этим низкий уровень классово-политической сознательности, непонимание большинством партийцев революционной теории, специфики афганского общества, недостаточная классовая идейно-политическая зрелость партийного руководства.

В течение десяти лет, последовавших после раскола, оба движения вели самостоятельную борьбу за достижение своих целей, оставаясь тем не менее союзниками, потому как программа-минимум «Хальк» предусматривала построение пародно-демократического общества, что отвечало программе-максимум «Парчам».

Несмотря на переживаемые НДПА «болезни роста», нападения и преследования со стороны реакционных и ультралевых элементов, а также суровые репрессии властей, партия продолжала борьбу за реализацию своей программы и защиту интересов трудящихся. Только в 1965—1973 гг. под руководством НДПА было проведено большое количество политических акций (2 тыс. митингов и демонстраций, а также значительное число забастовок).

В связи с расколом партии, образованием фракций «Хальк» и «Парчам», обострением идейно-политической борьбы между ними от них откололся и образовался ряд мелких самостоятельных леводемократических организаций, в том числе в армейской среде.

В 60-х гг. с обострением классовой борьбы в стране и изменением социального и национального состава армии усиливался процесс ее политизации. Особенно быстро революционизировались офицеры-разночинцы и унтер-офицеры технических частей. Прямым след-

ствием этого процесса явилось создание 13 сентября 1964 г. подпольной армейской революционной организации (АРО), поставившей своей целью свержение монархии и развитие Афганистана по некапиталистическому пути.

К началу 70-х гг. левые офицеры установили контакты с антимонархически настроенными офицерами — сторонниками М. Дауда, надеясь с его помощью не только обеспечить успех свержения монархии, но и удержать завоеванную власть в своих руках.

В июле 1973 г. армия совершила государственный переворот, в результате которого в стране была свергнута монархия и установлен республиканский строй. Это был первый случай открытого вмешательства армии в общественно-политическую борьбу на стороне демократических сил. При этом решающую роль в подготовке и осуществлении антимонархического выступления армии сыграли офицеры и унтер-офицеры — члены и сторонники «Хальк» и «Парчам». Вскоре после переворота внутри пришедшей к власти коалиции, включавшей группировку бывшего премьер-министра Дауда, который стал президентом республики, и левых офицеров, разгорелась острая борьба относительно путей дальнейшего развития страны. Дауд, имевший родственные связи с низложенной династией и принадлежавший к помещичье-буржуазной верхушке, и его сторонники стремились направить развитие Афганистана по капиталистическому пути, а радикально настроенные офицеры — по пути некапиталистического развития. С этого времени стержнем политической борьбы в стране становится выбор пути дальнейшего общественного развития.

В заявлении от 17 июля 1973 г., в «Обращении к народу» Президента Республики Афганистан от 23 августа 1973 г. был определен внутренний и внешнеполитический курс республиканского режима. В этих документах в определенной степени учитывались пожелания и требования прогрессивных и демократических сил. Так, в заявлении говорилось, что «для народа Афганистана, в частности для обездоленных классов и молодого поколения страны, будут созданы благоприятные условия материального и духовного развития, и не будут допускаться проявления фанатизма и реакции»¹⁶.

Большинство реформ, изложенных в «Обращении

к народу», совпадали с требованиями прогрессивных сил, в том числе НДПА. В случае осуществления этих реформ могли быть созданы условия для формирования национально-демократического правительства. Поэтому НДПА поддержала содержащиеся в обращении реформы и преобразования.

В день провозглашения республики она опубликовала коммюнике с призывом ко всем членам партии быть готовыми к защите республики, борьбе против внутренней реакции и происков империализма, пытавшихся восстановить монархический режим.

Следует отметить, что НДПА одобряла и поддерживала республиканский режим, для того чтобы это первое прогрессивное завоевание в стране не было ликвидировано внутренней и региональной реакцией в самом зародыше, чтобы на практике осуществить реформы, отвечающие интересам развития экономики страны и улучшения жизни народа, чтобы были созданы благоприятные условия для вовлечения в борьбу рабочих, крестьян, всех трудящихся за достижение справедливости.

После июльского государственного переворота были раскрыты по меньшей мере три заговора.

Летом 1973 г. провалился первый заговор. По сообщениям газеты «Монд», он имел цель организовать восстание под руководством людей, прибывших из Пакистана. Афганское правительство тогда признало лишь, что в августе 1973 г. в долине Панджшер, примерно в 100 км от Кабула, возникли беспорядки, которые были делом рук «агитаторов», вооруженных Исламабадом, сопровождавшиеся нападениями на ряд полицейских участков¹⁷.

Бывший премьер-министр Мейвандваль был приговорен к смертной казни за то, что руководил вторым, сентябрьским, заговором в 1973 г. Среди других обвиняемых, которых судили при закрытых дверях в январе 1974 г. и приговорили к различным срокам тюремного заключения,— три генерала, пять полковников, три бывших депутата и четыре крупных коммерсанта.

Среди организаторов третьего, декабрьского, заговора 1973 г.— бывший начальник разведки Расул и мулла, который держал книжную лавку близ одной из кабульских мечетей.

В июне 1974 г. были арестованы 200 человек — в большинстве офицеры и студенты. Их обвинили в

том, что они устраивали собрания, на которых говорилось о создании «афганской исламской республики». Закон Корана, как сообщалось, был применен со всей строгостью. Заговорщики принадлежали к партии «братья-мусульмане» — движению, руководимому муллами и, судя по всему, пустившему глубокие корни в народе.

Государственный переворот 1973 г. пытались выдать за дело рук молодых офицеров — сторонников сотрудничества с Москвой. В действительности же президент Дауд олицетворял новаторскую, националистическую, умеренную третью силу, стоящую где-то посредине между сторонниками традиционного ислама и людьми, сочувствующими НДПА. Однако в дни переворота он был не прочь получить поддержку и от самой НДПА.

Республиканский режим в первые годы после переворота был вынужден под давлением прогрессивных сил, в первую очередь НДПА, пойти на ряд сравнительно прогрессивных мер. Однако через некоторое время, когда, по мнению правящих кругов, основы режима укрепились, началось преследование членов НДПА, что побудило партию пересмотреть свою позицию по отношению к режиму. Этот вопрос был поставлен на обсуждение Пленума ЦК НДПА 5 декабря 1975 г. и партийной конференции 26 декабря 1975 г.

В основном докладе на конференции отмечалось, что силы империализма, поддерживаемые врагами развития независимого Афганистана, включая и правое крыло существующего режима, с каждым днем наращивают борьбу против партии. Правящий режим Афганистана пытался скрыть свой сдвиг вправо и подавить протест патриотов.

Дав оценку положению в стране и отношению режима к демократическим и прогрессивным силам, конференция пришла к выводу, что единственным средством достижения цели являются национально-демократическая революция, единство и союз демократических и прогрессивных сил и прежде всего сплоченность НДПА.

Однако различные подходы к анализу и решению ряда политических вопросов, определению тактических целей национально-демократической революции привели к углублению раскола партии, потере ею организационного единства и дальнейшему оформле-

Командарм 40-й армии генерал-лейтенант Ю. В. Тухаринов

Командарм 40-й армии генерал-лейтенант Б. В. Громов

И так приходилось ...

Подполковник Ф. Р. Рахманов и полковник Исмаил Саид обсуждают военно-политическую обстановку в уезде

Врач Н. Н. Засекин оказывает помощь жителю кишлака

нию крыльев «Хальк» и «Парчам». Разногласия проявлялись прежде всего в вопросах определения этапов революции, ее сущности, роли общественных сил в революции, политики партии по национальному вопросу.

Внутренняя и региональная реакция, международный империализм стремились посеять вражду среди демократических сил, и прежде всего в рядах НДПА, используя для этого различные средства. Для осуществления своих планов они широко использовали разногласия внутри партии.

Военный переворот Дауда летом 1973 г. и обрушившиеся на демократические силы страны в последующие годы репрессии во многом изменили политическую ситуацию в Афганистане.

Во-первых, военный переворот, усиление реакции, связи Дауда с империализмом развенчали надежды «Парчам» на эволюционный, мирный парламентский путь достижения своих целей.

Во-вторых, возросшая активность народных масс подсказывала парчамистам, что ход битвы может быть не столь мирным, ибо в движение могут прийти широкие низы общества, для руководства которыми потребуются другие, более радикальные установки.

В-третьих, горькие плоды правления Дауда, свергнутого монархию и провозгласившего широко разрекламированный его правительством новый экономический курс, ничего не давший народным массам и только усугубивший их и без того тяжелое положение.

И в-четвертых, наряду с этим возросшая популярность в стране партии «Хальк», завоевание ею все большего числа сторонников и сочувствующих среди различных социальных слоев афганского общества, привели партию «Парчам» к необходимости пересмотреть некоторые свои программные установки, внести в них коррективы и искать пути сближения с халькистами. В этом была заинтересована и «Хальк», так как обе партии рассчитывали, что своим слиянием они усилят революционный поток в стране и смогут уберечься от обрушившихся на них репрессий.

К 1977 г. под влиянием вышеперечисленных факторов «Парчам» внесла существенные коррективы в свои программные установки. Она признала себя партией рабочего класса, строящей свою деятельность на

основе марксизма-ленинизма. Конечной целью деятельности было провозглашено построение социализма.

Организационно объединение двух партий произошло в 1977 г. Благодаря активной посреднической деятельности Шах Мухаммада Доста произошла встреча Н. М. Тараки и Б. Кармалы. В ходе беседы они обсудили политическую ситуацию в стране и рассмотрели принципы организационного единства НДПА. На основе этой встречи в июне 1977 г. стороны подписали заявление о единстве НДПА.

В июле 1977 г. в Кабуле состоялась объединительная конференция. В ее работе приняли участие 90 делегатов. На конференции полномочными представителями партийных организаций была принята резолюция конференции НДПА, в которой говорилось, что единство НДПА является важнейшим фактором для развития и совершенствования демократических и рабочих движений, поэтому необходимо обеспечить единство взглядов по идеологическим, программным, политическим, организационным вопросам, единство партии на основе марксизма-ленинизма и интернационализма, в атмосфере братства, демократии, искренности, товарищеской критики, взаимопонимания.

В резолюции была определена стратегическая цель НДПА — достижение победы национально-демократической революции, образование Демократической Республики Афганистан, некапиталистический путь развития с перспективой построения социалистического общества.

Представляет интерес организационная процедура, при которой произошло слияние НДПА. Оба крыла партии согласились в следующем:

1. Представители «Хальк» и «Парчам» в руководящих органах партии получают одинаковое представительство.

2. Нур Мухаммед Тараки избирается генеральным секретарем ЦК НДПА, а Бабрак Кармаль — секретарем ЦК.

После объединительной конференции НДПА заметно усилила свою деятельность среди трудящихся, в государственных учреждениях, высших и средних учебных заведениях, в армии.

Несмотря на объединение, низовые партийные организации остались все же в стороне от центростремительных тенденций, так как никакого слияния, сме-

степня партийцев на местах не произошло. В этом смысле объединение «Хальк» и «Парчам» не было слиянием в качественно новую партию, а было на самом деле образованием блока двух фракций, хотя руководство НДПА об этом и не объявляло. Такое положение порождало атмосферу неясности, давало повод для кривотолков, как со стороны самих партийцев, так и со стороны их противников.

Во многом формальное объединение «Хальк» и «Парчам» объясняется неразвитостью форм партийной работы, рабочего движения вообще, полулегальным положением партии и, что особенно важно, их социальным составом. Различный социальный состав двух крыльев партии создавал в них особый психологический и моральный климат, обусловленный клановостью социальных слоев общества.

Состоя формально в одной партии, «Хальк» и «Парчам» установили особые отношения руководства каждого крыла со своей фракцией. Это выражалось в том, что некоторые вопросы деятельности партии не выносились на обсуждение всей партии, а держались в строгой тайне в рамках своих фракций. Например, подавляющее большинство участников вооруженного восстания 27 апреля оказались членами фракции «Хальк», хотя нельзя сказать, что у «Парчам» было мало сторонников в вооруженных силах.

5. Военная работа НДПА

Вокруг революционных событий, происшедших в Кабуле 27 апреля 1978 г., наряду с широко известными и общепринятыми фактами бытует множество небылиц и домыслов, передаваемых из уст в уста как недругами афганской революции, так и людьми малоосведомленными. Афганская революция-де не имеет ничего общего с настоящей революцией, революцией народной, так как для ее свершения не существовало надлежащих условий, что она-де — обычный военный переворот, которым изобилует политическая жизнь государств этого региона.

Однако знакомство с фактами афганской действительности, подготовительным этапом Апрельской революции убеждает в том, что такие утверждения безосновательны. Утверждать подобное, сознательно или пессознательно, — значит не принять во внимание пред-

шествующее развитие политической обстановки в Афганистане, тот глубокий революционный кризис, который созрел в недрах афганского общества на протяжении многих десятилетий. 27 апреля 1978 г. в Кабуле произошло вооруженное восстание, свергнувшее режим Дауда. В восстании участвовали исключительно военнослужащие. Это общеизвестный факт. Но в том и состоит специфика этой революции, что в афганском обществе не существовало в то время другой реальной силы, способной играть роль ударного ядра революции. НДПА стремилась учитывать в своей деятельности особые условия, сложившиеся в стране, и проводила большую работу среди военнослужащих афганской армии. Ее военная работа в предшествующий революции период заслуживает самого пристального внимания и изучения. Из орудия правящего класса, используемого им для подавления трудящихся, афганская армия еще в недрах старого общества превратилась в костяк революционной армии — выразительницы интересов трудящихся.

Афганистан на протяжении всей новейшей истории традиционно оставался, как известно, неприсоединившейся страной, которая проводила независимую внешнеполитическую линию, не участвовала в военных блоках, вооруженные силы страны не испытали на себе непосредственного влияния аппарата идеологического воздействия империалистических государств, как это было в Пакистане и Иране.

Наряду с этим на позицию армии и вооруженных сил в целом, их отношение к происходящим событиям оказал влияние и ряд внутриполитических факторов.

Рядовой и сержантский состав, подавляющее большинство младшего офицерского состава, некоторая часть старших офицеров были выходцами из беднейших крестьянских масс. Служба в армии Афганистана традиционно не являлась привилегией правящих классов, рассматривалась ими как обременительная обязанность. Такое положение объясняется тем, что структура вооруженных сил Афганистана имела свою особенность. Вооруженные силы включали армию, внутренние войска, органы госбезопасности, а также военные формирования племен «малиши», охраняющие свои территории. При таком ее составе правящая верхушка страны не смогла создать сильную лояльную армейскую элиту, в королевской армии Афганистана

генералами становились в основном родственники и лица, приближенные к правящим кругам, а не лица плебейского — в глазах аристократии — происхождения. Многие ключевые посты в государстве и армии занимали представители пуштунских племен, однако эта их привилегия не соответствовала экономическому и политическому весу пуштунских племен в жизни страны. Это было анахронизмом, доставшимся в наследство от далеких времен, и пуштунская армейская верхушка не имела опоры в солдатской и офицерской массах, представленных другими национальностями.

В низах армии было много представителей дискриминированных при короле и Дауде народностей: хазарейцев, узбеков, туркмен, казахов, чараймаков, использовавшихся на самых трудных участках и испытывавших наибольшее давление со стороны командной пуштунской элиты. Таким образом, к факторам социального порядка прибавлялись и национальные противоречия.

Военная работа НДПА в армейской среде началась с контактов партийцев с рядовым, сержантским и младшим офицерским составом. В ходе этих контактов военнослужащим разъяснялись военно-политическое положение в стране и мире, роль, которую выполняют вооруженные силы в капиталистическом и социалистическом государстве, специфика афганского общества и афганских вооруженных сил, возможности, таящиеся в этой специфике.

Создание прослойки сочувствующих партии позволило перейти к следующей фазе партийной работы в армии — к установлению контактов с военнослужащими старшего офицерского состава, командирами некоторых подразделений и частей, начальниками служб и отделов. Следует заметить, что в партийной работе в армии соблюдался классовый, дифференцированный подход. Среди военнослужащих — членов НДПА или сочувствующих партии лиц не было ни одного генерала.

Партийная работа не велась в гвардейских частях командос, являвшихся до революции частями привилегированного положения, укомплектовывавшихся лицами только аристократического происхождения и осуществлявших охрану резиденции и членов семьи короля, а также правительства. Влияние НДПА не распространялось на полицию и органы безопасности.

С 1970 г. НДПА приступила к созданию сети партийных ячеек в армии. После государственного переворота в июле 1973 г. вопрос о военной работе партии рассматривался в ЦК НДПА. Во главу угла партия поставила два вопроса, два условия, обязательные в военной работе: «Первое — не следует допустить, чтобы армия стала орудием в руках правящего класса, реакции, представителей и слуг империализма. Чем менее глубоко и широко будет проводиться партийная работа в армии, тем успешнее правящий класс, слуги империализма и реакции смогут завтра использовать армию для подавления революционных сил и элементов. Второе — партия получила относительный рост, в народе возросла популярность партийцев, партия может взять в свои руки и отстоять политическую власть в стране. До сих пор вооруженные силы использовались в качестве средства угнетения и подавления трудящихся правящим классом. Классовый состав армии дает возможность партии рабочего класса вооружить солдат и офицеров идеологией научного социализма и таким образом превратить вооруженные силы в своего союзника, взять политическую власть в свои руки»¹⁸.

НДПА провела эту работу довольно успешно, сохранив партию и революционный авангард от крупных провалов. Правительству Дауда так и не удалось очистить армию — свою опору от революционной «заразы».

Вооруженные силы Афганистана, в отличие от вооруженных сил большинства современных государств, обладали одной существенной особенностью, заключающейся в том, что их важным компонентом были территориальные формирования племен. При этом они не являлись постоянно действующим элементом: народное ополчение собиралось лишь в случае войны. Сохранившиеся в мирное время немногочисленные вооруженные формирования племен не подчинялись центральному правительству, выполняя роль своеобразного буфера между Афганистаном и Пакистаном, так как до 70-х гг. ни в одном из этих государств не было пограничных войск. Кроме того, территория, на которой проживали племена, оставалась крайне отсталой в экономическом отношении. Изолированность их общественно-политической жизни крайне затрудняла партийную работу и партийное строительство в этой части страны. А потому в период революционной си-

туации племена с их военными формированиями (которые не были развернуты) остались вне влияния НДПА. Данное обстоятельство, как показали последующие события, сыграло наряду с другими факторами чрезвычайно отрицательную роль в дальнейшем развитии революции в Афганистане.

Таковы вкратце объективные условия внутриполитической обстановки в Афганистане, на фоне которой в 70-х гг. шла работа по формированию ударного ядра революции, осуществлялось вооруженное восстание, ставшее отправной точкой национально-демократической революции в стране.

Знакомство с афганской действительностью убеждает в том, что вооруженное восстание 27 апреля 1978 г. в Кабуле, мыслившееся как начало национально-демократической революции в Афганистане, должно было одновременно означать и начало революции сверху (раз мало было надежд, что она начнется снизу). Любой неосторожный, опрометчивый шаг революционных сил, в условиях когда народные массы на собственном опыте не убедились в правоте и жизненности лозунгов революционного авангарда, когда ежедневно нужно завоевывать доверие народных масс для решения задач уже не разрушения, а созидания, мог бы обернуться во вред этой революции, оттолкнуть массы от революции.

Последовавшие за восстанием события показали, что революционный авангард как раз пренебрег заботой о расширении своей социальной базы и своими действиями, оттолкнув массы от себя, сузил свою социальную базу. Президент Афганистана Наджибулла по этому поводу писал: «Теоретические ошибки потянули цепь ошибок практических, пошел процесс монополизации власти со стороны НДПА. Началась борьба буквально против всех. Кончилось тем, что мы остались сами собою, слабой партией, разъедаемой фракционной борьбой, процессом изоляции от народа. Отсюда и мольбы о помощи»¹⁹. Эта оценка происшедших событий была дана почти через 12 лет.

Глава вторая

АПРЕЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

1. Накануне

В преддверии революции Афганистан находился на 108-м месте среди 129 развивающихся стран мира по доходу на душу населения, который в 1977 г. составлял 132 доллара¹.

Он занимал одно из последних мест в мире по урожайности основных сельскохозяйственных культур, постоянно нуждался в продовольствии, хотя свыше половины из 8 млн. га, пригодных для посева земель, ежегодно оставались необработанными.

В стране имелось немногим более 300 промышленных предприятий с общей численностью фабрично-заводских рабочих 44 тыс. человек, в основном имевших дело с первичной обработкой сельскохозяйственного сырья. Число строительных рабочих составляло 67 тыс. человек. Производство средств производства фактически отсутствовало. Топливо-энергетическая база была развита крайне слабо. Национальная промышленность (на ее долю приходилось 18,5 процента валового национального продукта) обеспечивала потребности внутреннего рынка примерно на 20 процентов. Экономика страны развивалась главным образом за счет внешних источников финансирования: иностранные займы, кредиты, безвозмездная помощь².

Продвигалась коррупция; внешняя финансово-экономическая помощь и государственный сектор в экономике стали источниками обогащения правящих кругов и возросшего числа крупного и среднего чиновничества. Хищения и другие злоупотребления властью руководителей государственных и коммерческих предприятий были одной из главных причин плохой работы этих предприятий, их убыточности, хронической

недогрузки производственных мощностей и частых простоев. Неуклонно снижался жизненный уровень широких масс населения. Многие представители национальных меньшинств подвергались не только жестокой эксплуатации, но и национальной дискриминации.

При полном отсутствии элементарных социально-экономических прав население Афганистана было лишено и политических прав. Повседневной реальностью являлось расовое, языковое, национальное и религиозное притеснение.

Деятельность политических партий в стране запрещалась. Исключение составляла даудовская правительственная партия. Преследовались даже кружки и группы мелкобуржуазной интеллигенции, возникшие в период монархии. Несмотря на террор монархического режима, а затем и «республиканского» правления М. Дауда, НДПА продолжала вести борьбу в условиях нелегального существования. Не внес режим М. Дауда особых изменений и в социальную структуру власти. Изгнав из государственного аппарата к 1977 г. немногих оставшихся там демократов, он открыл широкие возможности для возвращения на старые, пасиженные места представителей тех классов и сословий, которые до 1973 г. составляли опору феодально-монархической власти.

В стране ширились недовольство и протест народных масс существующим положением. Режим М. Дауда, смещаясь все более вправо, усилил репрессии. В декабре 1977 г. были проведены многочисленные аресты среди членов и сторонников НДПА. Влиятельные деятели из окружения М. Дауда установили непосредственные контакты с «братьями-мусульманами». Участились случаи политических убийств, открытого террора. Так, 16 ноября 1977 г. в центре Кабула был убит один из немногих оставшихся в правительстве прогрессивных деятелей министр планирования Али Ахмад Хоррам. Нити убийства вели к «братьям-мусульманам». По мере нарастания недовольства населения ухудшением экономического положения страны и диктаторскими методами правления вокруг правящей верхушки происходила консолидация правых сил. В то же время подавление режимом любой демократической оппозиции вело к росту революционных настроений среди интеллигенции, демократическая часть которой стала все более тяготеть к НДПА и устанавли-

ливать с ней политические и организационные связи.

Происходили волнения в зоне пуштунских племен, которые были недовольны жесткой централизаторской политикой правительства.

Во второй половине 70-х гг. в Афганистане произошло резкое обострение условий жизни народа и противоречий между помещичье-мелкобуржуазным и крестьянским классами. Правящие круги давно сознавали опасность народного движения за землю. Провозглашенная М. Даудом аграрная реформа была очередной попыткой опередить развязку событий, снять остроту проблемы. Однако аграрная реформа М. Дауда зашла в тупик. Более 13 млн. крестьян, составлявших более 80 процентов населения страны, пребывали в долговой кабале у помещиков и сельских ростовщиков. Сильно обострились отношения и между двумя другими молодыми классами общества — буржуазией и пролетариатом. В результате неудач с проведением в жизнь индустриализации в стране росла безработица.

Антипародный внутривнутриполитический курс М. Дауда находил свое проявление и во внешней политике. С середины 70-х гг. и особенно в 1977-м — начале 1978 г. правящий режим стал заметно менять международную ориентацию, устанавливая и расширяя связи и сотрудничество со странами Запада и наиболее консервативными силами региона — Ираном, Саудовской Аравией, Египтом. Очевидно, что внешнеполитическая переориентация режима была тесно связана не только с его социально-классовой природой и усилением влияния крайне правых, прозападно настроенных элементов в высших сферах государственной власти, но и со всевозрастающим давлением извне со стороны региональной реакции и империалистических кругов.

Политический курс М. Дауда затронул и афгано-советские отношения. Советский Союз в эти годы неизменно стремился укреплять взаимовыгодное сотрудничество, продолжая оказывать содействие планам социально-экономического развития Афганистана. Что касается правительства М. Дауда, то, не порывая технико-экономического и торгового сотрудничества с Советским Союзом, оно вместе с тем предпринимало шаги к сдерживанию и свертыванию афгано-советских связей в других сферах, в частности в подготовке национальных кадров, в военной области.

Растущие социально-классовые противоречия и

обострение политической борьбы в обществе коснулось и армии, где среди значительной части офицеров усилились оппозиционные настроения. В связи с этим М. Дауд и его окружение принимали все меры к тому, чтобы расправиться с военной оппозицией режиму. Эти меры были направлены прежде всего против революционно-демократических офицеров. Одни из них путем различных реорганизаций и чисток были изгнаны из армии и руководящих республиканских органов власти (так, в правительстве М. Дауда, созданном в феврале 1977 г., не оставалось ни одного представителя левого офицерства), другие направлены на работу подалеке от беспокойной столицы, в провинциальные, уездные и другие органы власти или за границу, третьи подвергнуты репрессиям.

Антинародный внешнеполитический курс М. Дауда, дальнейшее ухудшение экономического положения широких народных масс и неспособность правящих кругов устранить причины острейших социальных противоречий, обострение борьбы между различными по классовому содержанию общественно-политическими силами, постепенная социальная и политическая изоляция режима, глубоко зашедшие процессы политизации армии, переход передовой части ее офицерского и унтер-офицерского состава на сторону национально-демократических сил — все это предопределило кризис власти.

Был ли в Афганистане класс, способный вести массы на революцию? Однозначного ответа на этот вопрос, на наш взгляд, дать нельзя. Рабочий класс Афганистана находился еще в стадии становления и оставался малочисленным. Он не провел самостоятельно ни одной общенациональной экономической и ни одной политической стачки. Его не отличали ни высокая концентрация, ни, следовательно, высокая организованность.

Однако в условиях когда на повестку дня встала национально-демократическая революция, перед рабочим классом после победы этой революции открывались широкие перспективы политического и качественного роста, превращения его в результате целенаправленных усилий партии в руководящую силу общества.

Была ли в Афганистане партия, вооруженная передовой революционной теорией, без которой не может быть революционной практики? Такая партия в Афга-

нистане была: НДПА, объявившая себя авангардом рабочего класса и всех трудящихся страны, строящая свою деятельность на марксистско-ленинской платформе с учетом специфики страны. С момента своего образования партия показала себя боевой, мобилизующей народные массы силой, осваивающей многочисленные формы классовой борьбы: парламентскую деятельность, пропаганду и агитацию за идеи партии, организацию касс взаимопомощи на заводах, проведение стачек, демонстраций и митингов.

Еще до прихода к власти Дауда, летом 1973 г., правящий класс в Афганистане развернул настоящую травлю демократических и прогрессивных сил страны. Мечети, святые места — обычные сосредоточия народа в мусульманской стране, места формирования общественного мнения и сознания — стали местами злобной клеветы на демократические силы, и в первую очередь на НДПА. С помощью громкоговорителей полицейские распространяли в кишлаках, на базарах клеветнические измышления относительно целей НДПА, выдавая партию за «орудие дьявола», а партийцев — за иностранных шпионов, вероотступников — кяфиров. Партийцев избивали, предательски убивали из-за угла, прилюдно предавали анафеме, позорили. Например, партийцам брили наголо голову, сбривали бороду, усы, брови, сажали на мулов (для афганцев — это большой позор), лицо мазали грязью, поджигали дома партийцев, заключали их в тюрьмы-крепости феодалов, требуя за них выкуп в сотни тысяч афгани. В учебных, государственных учреждениях началась травля партийцев, их выгоняли с работы, ссылали в необжитые места. Особенно жестоким репрессиям подвергались члены фракции «Хальк». Причем для приведения в исполнение репрессий правящая верхушка использовала не только государственную машину (полицейский аппарат, силы безопасности), но и фашиствующие элементы в лице международной террористической организации «Братья-мусульмане», известные в Афганистане как «эхваписты». Деятельность этой организации на территории Афганистана при попустительстве и с ведома правительства является еще одним свидетельством смыкания его с международной реакцией.

25 октября 1970 г. от рук наемных убийц пал молодой активист партии Абдул Рахман. Его тело четвертовали. 25 октября 1971 г. мирная демонстрация

в Герате, организованная в честь павших в борьбе партийцев, была разогнана фашиствующими молодчиками. При этом погиб Абдул Кадыр, шествовавший во главе демонстрантов с красным знаменем. Многие демонстранты получили ранения, тяжелые увечья. 16 ноября 1972 г. в Хосте от рук убийц пал другой молодой активист партии — Пача Задни³. Однако, несмотря на широкие репрессии, аресты, ссылки, убийства, НДПА все больше завоевывала растущее число сторонников среди всех слоев населения страны, во всех ее уголках.

Стремясь сбить накал народной борьбы, изолировать НДПА от народа, монархия в 1973 г. перенесла срок выборов в парламент 14-го созыва. Правящий класс вынужден был производить перегруппировку своих сил. Военный переворот Дауда оттянул на время крах эксплуататорских классов в Афганистане. Устранив ограниченную монархию, правящая верхушка в лице бывшего премьер-министра преследовала цель сбить остроту противоборства между реакцией и прогрессивными силами, выиграть время и в конечном счете укрепить свои позиции.

В движение был приведен репрессивный аппарат. В стране волна за волной проходили чистки от «скверны революции». За период правления М. Дауда (с 1973 по 1978 г.) только в армии было репрессировано более 200 офицеров⁴. По данным фракции «Хальк», в 1976 г. М. Дауд готовил над ней расправу:

К 1978 г. революционная ситуация в Афганистане достигла своего апогея. Массовые манифестации в Герате, Кандагаре, Кабуле и других крупных городах страны по случаю 1 Мая 1977 г., широкие празднества, устроенные по инициативе НДПА в честь 60-й годовщины Великого Октября, похороны М. А. Хайбара, одного из основателей партии, застреленного платным убийцей 17 апреля 1978 г., в которых приняло участие около 20 тыс. человек, выдвигавших политические лозунги, говорило о наступившем в стране революционном подъеме.

В этих условиях правительство М. Дауда перешло в контрнаступление. 25 апреля, неделю спустя после зверской расправы над членом Политбюро ЦК НДПА М. А. Хайбаром, оно арестовало высшее руководство партии, в том числе Н. М. Тараки, Б. Кармаля. Над

демократическим движением и партией в особенности нависла угроза быть обезглавленными.

Политические репрессии со стороны власти имущих являются признаком их слабости и неуверенности в своем положении. Для партии в такой ситуации было бы непростительным, если бы она не воспользовалась моментом и не взяла власть в свои руки. Она не могла не действовать.

2. Апрельское вооруженное восстание

Солнечный весенний день, но на лицах кабульцев тревога, озабоченность и напряженность. Длинные молчаливые колонны демонстрантов. В первых рядах — в традиционных черных платьях ученицы, студентки школ и лицеев. Над колоннами — красные флаги, транспаранты. Затем грандиозный похоронный митинг, на котором выступали руководители НДПА. Лозунги: «Смерть империализму!», «США, руки прочь от Афганистана!»...

Таким запомнился день 18 апреля многим очевидцам тех событий. Это был день похорон одного из руководителей НДПА М. А. Хайбара. В похоронной процессии приняли участие около 20 тыс. человек.

Убийство Хайбара было совершено просто и хладнокровно. По описанию пакистанского журналиста Раджи Анвара в книге «Трагедия Афганистана», в ночь на 18 апреля 1978 г. двое неизвестных подъехали на мотоциклах к дому Хайбара. Они постучали в дверь. Как только Хайбар ее открыл, они направили на него револьверы и заставили лечь на землю. Затем застрелили⁵.

По мнению многих афганцев — это политическое убийство, так как М. А. Хайбар не имел личных врагов и посвятил свою жизнь революционной деятельности. Правительство М. Дауда возложило тогда ответственность за убийство на партию «Хезбе ислами» («Исламскую партию»). Однако после революции в 1980 г. Б. Кармаль объявил, что ответственность за убийство Хайбара несет Х. Амин⁶. Сообщалось, что убийство совершили два брата — Садик и Ареф Алемьяры якобы по приказу Х. Амина. При этом выдвигалась версия о том, что Х. Амин хотел таким образом ускорить военный переворот. Правительство Б. Кармаля арестовало братьев Алемьяр по обвинению в

убийстве. В июне 1980 г. их повесили. Два младших брата Алемьяр твердо стояли на том, что их старшие братья цевиновны. В своей книге Раджа Анвар пишет: «Если говорить о причастности Амина, то он бы предпочел избавиться от Кармаля, чем от безобидного Хайбара».

Наиболее правдоподобной выглядит версия, выдвинутая сразу после апрельских событий. Согласно ей Хайбара убили по приказу министра внутренних дел правительства М. Дауда Д. Нурпстани, находившегося под влиянием западногерманских советников, работавших в Афганистане. Убийство совершено с целью внести раскол между фракциями «Парчам» и «Хальк». После казни братьев Алемьяр средства массовой информации принялись открыто обвинять правительство М. Дауда в убийстве М. А. Хайбара. Обвинение высказывалось и в адрес западногерманских советников.

В течение недели после похорон М. А. Хайбара М. Дауд не предпринимал никаких репрессивных действий против членов НДПА. Существуют свидетельства тому, что в эти дни разрабатывался план разгрома партии, составлялись списки для проведения арестов, выяснялось и уточнялось местонахождение партийцев, их сторонников. Было принято решение изолировать лидеров от партии. Особое наблюдение велось за военными городками.

Затем начались облавы и аресты. Приверженец вооруженного восстания Х. Амин был арестован последним. Возникла именно та политическая ситуация, которую руководство НДПА предвидело и к действиям в условиях которой начало готовиться сразу же после похорон Хайбара.

Осуществляя репрессивные меры против прогрессивных сил страны, правительство М. Дауда непрерывно проводило консультации с посольствами западных стран в Кабуле, в столицу стягивались войска. Многие в этих событиях могло бы проясниться, если бы стало известно содержание конфиденциальной беседы бывшего посла США Д. Элиота с М. Даудом, состоявшейся 24 апреля 1978 г. в закрытом ресторане Центрального армейского корпуса⁷. После этой встречи 25 и 26 апреля по распоряжению Дауда начались аресты руководителей НДПА по обвинению в нарушении конституции, запрещавшей деятельность политических партий.

Арест руководителей НДПА и расправа над прогрессивными деятелями не оставили для партии и национально-демократической оппозиции иного выбора, чем немедленно начать революционное выступление против режима. Отказ от вооруженного восстания стал бы роковым для руководства армейских партийцев и мог бы привести к непредсказуемым последствиям для демократических сил страны.

В действие вступили военные организации НДПА и ее союзники в вооруженных силах. На этом этапе подготовки и в ходе вооруженного восстания «проявил» себя Х. Амин, который еще с середины 70-х гг. стоял на позициях путчизма и требовал от Н. М. Тараки немедленного свержения М. Дауда. Общая линия на революцию между фракциями НДПА была согласована еще в начале 1978 г., однако вопрос о времени восстания оставался открытым. В руководстве партии существовали разногласия в оценке объективных и субъективных предпосылок для революционного переворота.

В связи с тем что лидеры НДПА Н. М. Тараки и Б. Кармаль были арестованы, Х. Амин взял на себя ответственность за отдачу приказа о вооруженном выступлении. Правомерность и своевременность его решения начать военное выступление предстоит еще исследовать. Крупным просчетом, а может быть и заранее задуманной акцией, явилось то, что, приводя в действие механизм переворота, он не обеспечил одновременность и согласованность действий военных организаций «Хальк» и «Парчам», в результате чего между ними имели место столкновения, приведшие к жертвам. Возвращаясь к событиям, предшествовавшим восстанию, необходимо обратить внимание на то, что Х. Амин по каким-то непонятным причинам остался на свободе, в то время как Н. М. Тараки, Б. Кармаль, Г. Д. Панджшер, Ш. Джоузджани и А. В. Сафи в ночь на 26 апреля были арестованы. Как известно, полиция побывала в доме у Х. Амина. Когда полицейские постучали в дверь, он быстро передал жене подробный план действий по захвату власти, велел ей спрятать этот документ в детской комнате. Полиция провела усиленный обыск, но ничего не нашла. В ту ночь Х. Амина не взяли, но посадили под домашний арест. Как только полицейские ушли, Х. Амин попросил старшего сына Абдула Рахмана выехать в район

Карте-йе Чахар (где жил Н. М. Тараки) и узнать, что там случилось. Возвратившись, сын сообщил, что Н. М. Тараки арестован еще вечером⁸.

Это был сигнал к захвату власти, однако полиция не спускала глаз с дома Амина, и он не смог передать ни одного сообщения своим сторонникам в армии. Утром, передав план действий по захвату власти сыну, он направил его к работнику кабульского муниципалитета Факир Мохаммеду Факиру. Но случилось так, что Ф. М. Факир сам пришел к Х. Амину. Ф. М. Факир был похож на старшего брата Х. Амина — Абдуллу Амина, и охрана пустила его в дом беспрепятственно. Через Ф. М. Факира Амин передал план действий Саиду Гулябзою, офицеру афганских ВВС, который быстро связался с офицерами-халькистами в ВВС и в 4-й танковой бригаде. Избрав Ф. М. Факира для выполнения этого задания, Амин не ошибся в своем выборе⁹.

Ф. М. Факир не занимал ответственных постов в партии и поэтому не был под наблюдением полиции. Служба безопасности даже не могла представить, что какой-то младший офицер ВВС сыграет решающую роль в революции, которая через день перевернет Кабул.

На следующее утро армейский автобус, как обычно, объезжал кварталы, где находились квартиры афганских офицеров, направляющихся на службу. Офицеры-халькисты сумели использовать эту возможность для того, чтобы передать сигнал о начале действий.

После арестов политических противников режима 25 и 26 апреля правительство чувствовало себя довольно уверенно. Министр обороны М. Х. Расули даже отдал приказ о проведении «в связи с подавлением коммунистов» для солдат и офицеров праздничных ужинов и увеселительных мероприятий. Однако войска должны были оставаться в боевой готовности. Этот приказ сыграл важную роль для подготовки халькистов к перевороту. Принимая участие в праздничных мероприятиях, они проводили разъяснительную работу с командирами частей.

Вечером 26 апреля Х. Амина перевезли в тюрьму. Перед этим инженер Зариф попытался посетить его, но полиция, будучи настороже, воспрепятствовала. Тогда Зариф через детей Амина передал, что будет

ждать известий от Амина в ближайшем кафе. Через некоторое время старший сын Амина Абдул Рахман зашел в кафе и сообщил: «Отец попросил вас сказать Х. М. Катавази и С. М. Зераю, что, как только начнется революция, им необходимо находиться возле радиостанции»¹⁰.

Утром 27 апреля небо над Кабулом было чистым, ярко-синим. Светило солнце. Не догадываясь о предстоящих событиях, жители города занимались своими обычными делами. Кабинет министров начал свое заседание в 9 часов. Председательствовал М. Дауд. На повестке дня стоял вопрос о ситуации, сложившейся после ареста лидеров партии. Большинство министров, включая М. Дауда, были за объявление смертного приговора арестованным. Разгорелись горячие дебаты по поводу «за» и «против». Радио Кабула уже сообщило о том, что лидеры НДПА арестованы по обвинению в измене и заговоре в целях совершения переворота. Все арестованные лидеры, за исключением Х. Амина, не имели представления о готовящемся перевороте и напряженно ожидали решения своей судьбы. Они знали о том, что за измену может быть одно-единственное наказание — смертная казнь. М. Дауд и министр обороны были уверены, что, действуя решительно, они избавят страну от «коммунистической угрозы»¹¹.

В 9 часов 27 апреля майор Мухаммед Аслам Ватанджар вошел в кабинет своего командира бригады, поприветствовав его, обратился с просьбой: «Генерал, вы больше, чем все мы, обеспокоены положением, которое сложилось в стране. Поскольку армия приведена в состоянии боевой готовности на случай возможной реакции после ареста коммунистических лидеров, я прошу разрешения выделить моей роте боезапас, чтобы я смог двинуть танки на защиту Арга (президентский дворец.— *Прим. ред.*), если поступит такой приказ»¹².

М. А. Ватанджар имел при себе заряженный пистолет, на тот случай если командир откажет ему в выдаче боезапаса. Однако командир бригады распорядился выдать ему по 6 снарядов на каждый из 12 танков роты. Молодой офицер снова встал по стойке «смирно», отдал честь и покинул кабинет. Командир не мог знать, что, по сути дела, он отдал распоряжение, которое приведет к свержению правительства. Добавив ноль в накладной на выдачу боеприпасов,

М. А. Ватанджар сумел получить не по 6, а по 60 спарядов на каждую боевую машину.

В соответствии с планом около 12 часов эскадрилья афганских ВВС начала облет военных городков и совершать полеты над городом, в том числе и над президентским дворцом. Это был сигнал для бронетанковых частей начать штурм дворца. Подполковник ВВС Абдул Кадыр после захвата Баграмской базы ВВС его соратником Хашемом вылетел на вертолете в Кабульский аэропорт, где и взял на себя руководство действиями авиации.

Асадулла Сарвари, офицер ВВС, убежденный халькист, находился в Кабульском аэропорту все утро вместе с Гулябзоем. Он пишет: «У нас было абсолютное большинство в ВВС. Однако А. Кадыр, вместо того чтобы выполнять команды М. Хашема, как было договорено, закрылся в офисе. И только после того как мы связались с базой в Баграме, узнали о сложившейся обстановке. Около 19.30 два танка из 4-й танковой бригады появились в Кабульском аэропорту. М. А. Ватанджар был обеспокоен, почему ВВС не выступили как предусматривалось. Тем не менее с помощью двух танков и наших друзей мы взяли под контроль Кабульский аэродром. Мы также установили связь с М. А. Ватанджаром и той группой танков, которая двинулась на базу ВВС Баграм. И только после того как эта группа появилась в Баграме, мы смогли взять под контроль ВВС. А. Кадыр к этому времени согласился покинуть свой кабинет. Хотя мы и контролировали теперь ВВС, но не смогли сразу установить контакт с нашими друзьями на базе ПВО. Не имея под контролем базу, не могли также отдать приказ летчикам для облета города. Только после того как связались с нашими друзьями на базе ПВО и получили от них «добро», первый летчик (халькист) вылетел для бомбардировки президентского дворца»¹³.

Первая колонна 4-й танковой бригады под командованием командира танковой роты старшего капитана Умара появилась перед главным входом в президентский дворец в 12.15. Заседание кабинета все еще продолжалось. М. Дауд был немедленно проинформирован о подходе танков к дворцу. Что-то заподозрив, он приказал министру обороны Г. Х. Расули и начальнику президентской охраны майору Зия разобраться, что происходит. Майор Зия вышел и спросил Умара

в причине появления танков, на что последний ответил: «Танки прибыли для защиты президентского дворца». Однако такое объяснение не успокоило генерала Расули. Умару приказали вернуться на базу. Покинув позицию у главных ворот, Умар загнал машины в боковую улицу. Однако через несколько минут возле дворца появились другие подразделения 4-й бригады и полностью окружили его. Майор Ватанджар, майор С. Д. Тарун, майор Назар Мохаммед, майор Маздурьяр и капитан Ахмед Джап нетерпеливо выглядывали из люков, высматривая в небе запропастившиеся самолеты.

Жители Кабула называют полдень часом пушки, поскольку традиционно 12 часов отмечается ее выстрелом. Ровно в 12 часов Ватанджар приказал произвести первый выстрел по дворцу. После этого стрельба по дворцу стала вестись со всех сторон. Дауд прервал совещание и заявил министрам: «Кто хочет спасти свою жизнь, волен сделать это, покинув дворец»¹⁴. Дворец М. Дауда (бывшая резиденция короля Захир Шаха) был оснащен новейшими противотанковыми средствами и охранялся 2 тыс. военнослужащих, на вооружении которых состояло 24 танка Т-54 с большим количеством боеприпасов. Кроме того, дворец сооружался как крепость, и нападающим было нелегко прорваться вовнутрь.

С началом перестрелки министр обороны Расули и министр внутренних сил Нуристани бежали через запасные ворота. Добравшись до своих министерств, они безуспешно попытались организовать сопротивление восставшим. Остальные министры нашли спасение в мечети Шахи на территории дворца.

По рассказам очевидцев, первыми, кто покинул дворец, оказались полицейские. Полиция М. Дауда была подготовлена для действий против безоружных людей и в сложившейся ситуации показала свою полную несостоятельность. Головные машины из колонны полицейских грузовиков, достигшей площади Пуштунистана, были расстреляны танками, остальные повернули обратно.

Весть о штурме дворца быстро достигла военных городков в районе Кабула. Сторонники «Хальк» всюду захватывали штабы. Те, кто оказывал сопротивление, просто расстреливались, остальные брались под арест.

Министр обороны, объехав на машине ряд военных городков, сумел уговорить командиров нескольких подразделений 7-й и 8-й дивизий и 88-й артиллерийской бригады выступить против восставших.

Однако во второй половине дня часть этих сил перешла на сторону революционных войск. К 17 часам к 4-й бригаде примкнула большая группа командос. После этого подразделения, верные М. Дауду, были рассеяны. В 17.30 майор С. Д. Тарун освободил арестованных лидеров НДПА.

Между 17.00 и 17.30 повстанцы захватили радиостанцию. В эфире прозвучала национальная мелодия, которая традиционно исполняется при смене власти. Кабульское радио сообщило о победе революции.

Слово «хальк», означающее «народ», упоминалось только один раз. И если Б. Кармаль хотел в тот момент ввести в заблуждение и удержать реакционные силы от выступления, то это ему в некоторой степени удалось. 29 апреля член семьи Моджаддиди — одного из религиозных лидеров Афганистана (его семья бежала в Пакистан еще во время правления М. Дауда) — опубликовал в выходящей в Лахоре газете на языке урду заявление, в котором утверждалось, что революция совершена «любящими ислам» элементами. В течение нескольких дней правые силы не смогли разобраться в сути происходящего.

Сразу после сообщения по радио о революции над Кабулом появились самолеты афганских ВВС, которые нанесли ракетные удары по дворцу, где продолжал оказывать сопротивление М. Дауд со своими родственниками и верной ему охраной.

Вскоре группа командос ворвалась в апартаменты М. Дауда и потребовала от него сдать оружие. На вопрос президента: «Кто совершил переворот?» — старший лейтенант Имамуддин, руководивший группой командос, ответил: «НДПА возглавляет революцию». М. Дауд, выхватив револьвер, выстрелил в Имамуддина. В завязавшейся перестрелке М. Дауд и члены его семьи были убиты.

На рассвете 28 апреля совместными усилиями танкистов и летчиков сопротивление гвардии, защищавшей президентский дворец, было окончательно подавлено. Взятием президентского дворца была обеспечена победа вооруженного восстания в столице. Армейские соединения и части, дислоцированные в провинциях,

непосредственного участия в вооруженном восстании не принимали. Активисты Народно-демократической партии Афганистана, как военные, так и гражданские, сразу же после получения известий о событиях в столице брали власть в свои руки. Вскоре под контроль революционно настроенных офицеров перешли гарнизоны Кандагара, Желалабада, Герата, Газни, военные аэродромы Шинданда, Мазари-Шарифа и другие.

Апрельское вооруженное восстание отличалось организованностью, мужеством и решительностью действий революционных войск. Несмотря на ожесточенный характер борьбы в столице, победа была достигнута в целом «малой кровью». Среди тех, кто пал в борьбе за интересы афганского народа, — старший капитан Омар Мохаммад Шариф (4-я танковая бригада), лейтенант Гулям Фарук Лала Джан (15-я танковая бригада), капитан Мухаммад Монир (88-я артиллерийская бригада), младший лейтенант Сайфар Рахман Асадулла (4-я танковая бригада), рядовой Абдул Рахман (4-я танковая бригада), рядовой Мухаммед Асмай Абу Хайр (88-я артиллерийская бригада) и другие. Потери среди военнослужащих составили 43 человека. Общие потери вместе с гражданскими лицами — до 100 человек¹⁵.

С 27 апреля по 3 мая 1978 г. в Кабуле не выходила ни одна газета. Информацию о происходящих в стране событиях население получало только из передач Кабульского радио, которые до 29 апреля велись от имени Военно-революционного совета вооруженных сил. В этих передачах раскрывались основные программные лозунги восставших и характер начавшейся революции. В частности, в «Обращении к соотечественникам», переданном 27 апреля в 22.30, говорилось, что в Афганистане «началась подлинная национально-демократическая революция», положившая конец «господству сардаров-демагогов, превративших священное слово «революция» в игрушку в своей антинародной политике»¹⁶.

На следующий день, 28 апреля, в 17.30 по радио Кабула было передано следующее заявление Военно-революционного совета:

«1. Официально объявляется об отмене фальшивой конституции М. Дауда и о свержении его правительства. С настоящего времени вступают в силу указы

и распоряжения Военно-революционного совета вооруженных сил.

2. Военно-революционный совет полностью контролирует положение; все части вооруженных сил страны заявили о своей верности Военно-революционному совету и выполняют свой патриотический долг.

3. Те генералы и министры свергнутого правительства Мухаммада Дауда, которые до сих пор не связались с Военно-революционным советом, немедленно должны явиться в министерство национальной обороны. В противном случае к ним будут применены меры военного времени.

4. В соответствии с постановлением военного времени до принятия последующего решения запрещается организация любых собраний.

5. Население может с полной уверенностью продолжать свою повседневную жизнь и работу»¹⁷.

Простые люди приветствовали победу национально-демократической революции. Десятки тысяч кабульцев и жителей пригородов афганской столицы 29 апреля направились к месту, где были разбиты силы сторонников режима М. Дауда. Они тепло приветствовали военнослужащих, вручали им красные гвоздики. Везде ощущалась торжественность, радость. Афганский народ ожидал перемен в своей жизни и надеялся, что они с победой революции осуществляются.

Вооруженные силы Афганистана полностью контролировали положение в стране. Служащие, рабочие, торговцы, студенты, учащиеся с утра 29 апреля начали свою повседневную работу. Кабул жил полноценной жизнью, все лавки были открыты, население полностью обеспечивалось продуктами питания и другими необходимыми товарами. Нормально функционировал весь хозяйственный механизм страны.

О нормализации положения в стране говорил и тот факт, что комендантский час был сокращен сначала на три, а с 29 апреля — еще на два часа.

Нормализация обстановки в стране дала возможность решить вопрос о введении гражданской формы правления в стране. Военно-революционный совет вооруженных сил решением, принятым в 9 часов вечера 29 апреля 1978 г., передал все свои полномочия сформированному Революционному совету ДРА.

В указе Военно-революционного совета в связи с этим сказано следующее:

«7 саура 1357 г. (27 апреля 1978 г.) по воле народа Афганистана произошло революционное восстание патриотически настроенных офицеров и солдат страны. Это восстание, знаменующее собой начало национально-демократической революции Афганистана, менее чем за 24 часа свергло деспотический режим Мухаммеда Дауда и заложило в стране основы национально-демократического строя. Но для того чтобы революция 7 саура смогла творчески, всесторонне и эффективно выполнять свои огромные национально-демократические задачи, Военно-революционный совет передал всю полноту высшей государственной власти Революционному совету Демократической Республики Афганистан. В соответствии с решением Военно-революционного совета выполнение национально-демократических задач переходит в руки Революционного совета Демократической Республики Афганистан»¹⁸.

Революционный совет, в состав которого вошло около 40 человек, в том числе и пять представителей вооруженных сил, на своем первом заседании, 30 апреля 1978 г., избрал Генерального секретаря ЦК НДПА Н. М. Тараки своим председателем и одновременно главой правительства (Председателем Совета Министров), а Б. Кармаля — заместителем председателя Революционного совета и заместителем главы правительства Афганистана.

Ставший высшим органом государственной власти, Революционный совет 30 апреля провозгласил страну Демократической Республикой Афганистан.

На следующий день было сформировано правительство ДРА в составе 20 министров и заместителей премьер-министра. Три министерских поста заняли военные — активные участники апрельского вооруженного восстания: майор М. А. Ватанджар — заместителя премьер-министра и министра связи; подполковник Абдул Кадыр — министра обороны; майор Мухаммед Рафи — министра общественных работ. Были назначены в провинции новые губернаторы и командиры армейских частей и соединений.

Члены «Джаамат-и-улема» (общество богословов) и духовенство кабульских мечетей в эти же дни направили в адрес Революционного совета ДРА послание, в котором поздравили Революционный совет ДРА по случаю победы Апрельской революции и выразили полную поддержку новому режиму. В послании, в ча-

стности, указывалось, что, поскольку новый режим в своем первом заявлении назвал основы ислама принципами своей внутренней политики, «мы полностью поддерживаем новый режим и осознаем свою ответственность перед ним. Молим Всевышнего, чтобы он ниспослал успех этому режиму»¹⁹.

Так завершился революционный переворот, совершенный несколькими частями кабульского гарнизона под руководством НДПА, партией, заявившей о том, что по основным вопросам теории она стоит на позициях марксизма-ленинизма.

Революционные события, встреченные с воодушевлением народными массами Афганистана, положили начало глубоким социально-политическим преобразованиям афганского общества. По своему основному содержанию они были антиимпериалистическими и антифеодальными (освобождение крестьян от задолженностей помещикам, бесплатная передача конфискованных излишков земли безземельным и малоземельным крестьянам, создание кооперативов по обработке земли, ликвидация империалистических иностранных концессий, создание демократических общественных организаций, предоставление полноправия женщинам, создание школ по борьбе с неграмотностью и т. д.).

Исходя из сложившейся в стране ситуации и содержания программы действий нового правительства можно полагать, что в ходе вооруженного восстания 27 апреля 1978 г. наступил начальный этап национально-демократической революции. Цели революции отвечали чаяниям народных масс, которые тепло приветствовали сообщения о первых шагах нового правительства.

Однако радостные сообщения постепенно сменялись все более сдержанными, особенно после гибели Н. М. Тараки, возглавлявшего НДПА и революционное правительство. Тогда мало кому было известно о характере происходящих в Афганистане событий и их возможных последствиях для судеб афганского народа.

В целом парчамисты в ходе восстания оставались пассивными наблюдателями и, по сути дела, выжидали. Активно действовали с самого начала событий танковые подразделения под командованием М. А. Ватанджара и авиаторы во главе с А. Кадыром (оба халькисты). Нельзя не отметить, что Б. Кармаль по-

сле освобождения из тюрьмы упорно настаивал на том, чтобы все партийное руководство вылетело в безопасное место (в Баграм) и оставалось там до успешного завершения восстания. Он и его сторонники активизировались лишь с началом распределения постов и высоких должностей.

Социальную базу Апрельской революции и ее движущие силы составляли трудящиеся, полупролетарские, мелкобуржуазные слои, прогрессивная интеллигенция, заинтересованные в радикальном изменении материальных условий своего существования, подъеме национального самосознания, а также в демократизации общественной жизни.

Основная же масса населения Афганистана — неграмотная, крайне религиозная, в большинстве своем живущая по законам родоплеменного общества — не только не участвовала в революционных событиях, но и фактически не была готова воспринять новые, революционные лозунги. Позитивная реакция населения на вооруженное восстание в Кабуле, которая отмечалась во многих районах страны, больше относилась к факту свержения правительства М. Дауда, чем к факту прихода к власти НДПА.

3. Первые шаги новой власти

После победы вооруженного восстания новое руководство страны во главе с Н. М. Тараки приступило к осуществлению радикальных преобразований. Их размах, глубина, социальная направленность не оставляли сомнений в том, что эти перемены — в интересах народа и для народа.

Прежде всего революция протянула руку помощи беднейшему крестьянству. Был принят указ Революционного совета № 6 об освобождении крестьян от задолженности помещикам и ростовщикам. От долговой кабалы было освобождено около 11 млн. крестьян и членов их семей, т. е. более 80 процентов сельского населения. В конце 1978 г. вступил в силу указ № 8 Революционного совета, провозгласивший начало коренной перестройки сельского хозяйства. В соответствии с ним устанавливался предел землевладения — в 30 джерибов (6 гектаров), конфисковывались излишки земли и бесплатно наделялась землей беднейшая масса крестьян — 296 тыс. семей. Была начата работа

по созданию кооперативов по обработке земли, крестьянских касс взаимопомощи²⁰.

Немало дала революция и рабочим. Были созданы профессиональные союзы, установлены 8-часовой рабочий день, контроль над ценами на основные продовольственные товары, введено распределение продуктов питания рабочим государственного сектора по льготным ценам.

Революция приступила к раскрепощению женщины. Закон о семье и браке предоставил женщине равные права с мужчиной. Принимались меры по ликвидации неграмотности и повышению общеобразовательного уровня населения, не была забыта и национальная проблема. На языках национальных меньшинств вводилось преподавание в школах, стали выходить газеты, вестись радиопередачи.

Прогрессивные реформы, проведенные в первые месяцы после победы революции, способствовали расширению ее социальной базы. Руководство Н. М. Тараки стремилось активно вовлекать в революционный процесс широкие массы, чтобы в дальнейшем опереться на них. И эта работа приносила свои плоды. При поддержке и по инициативе НДПА возникли новые общественные движения, такие, как, например, «движение добровольного труда», охватившее всю страну. В рамках этого движения силами самих трудящихся безвозмездно ремонтировались, строились больницы, школы, жилые дома.

За первый год революции трудящиеся Афганистана собрали многие сотни миллионов афгани в различные фонды, созданные для осуществления демократических преобразований.

Однако уже вскоре у нового руководства страны обнаружилось просчеты, отклонения от первоначальных установок. Крупным просчетом халькистов было то, что они воспринимали рабочий класс страны готовым к революционным действиям, готовым к тому, чтобы вести массы на революцию, и в силу этого положения провозгласили пролетарский характер свершившейся революции. В тезисах Политбюро ЦК НДПА к празднованию годовщины победы Апрельской революции в Афганистане провозглашалось, что «саурская революция (по названию месяца «саур» мусульманского календаря.— *Прим. авт.*) является частью мировой пролетарской революции». И это провозглашалось в стра-

не, где к моменту революции насчитывалось всего около 110 тыс. промышленных рабочих на 16 млн. населения, в стране, пассивно пронизанной и целиком опутанной феодальными и дофеодальными пережитками.

Провозгласив пролетарский характер революции в Афганистане, руководство НДПА надеялось не столько на внутренние силы и ресурсы, сколько на поддержку СССР, других социалистических стран и международного рабочего класса. «...Трудящиеся могут, — говорил Н. М. Тараки 20 февраля 1979 г. на встрече с офицерами 99-й зенитно-ракетной бригады, — заставить или оказать давление на правящие и реакционные круги и предпринять шаги для своего освобождения. Мы на это не только надеемся, но и говорим, что это — международная и историческая задача, которую они должны неустанно выполнять. Между нашими рабочими и рабочими всего мира существует солидарность и братство. Мы желаем благополучия всем трудящимся мира и, не обращая внимания на национальность или политическую систему, считаем трудящихся всего мира своими братьями. Например, трудящиеся Америки, Франции, Германии, Японии и остальных стран — наши братья, и мы не отделяем их от себя, и по отношению к ним у нас есть лишь одно желание: чтобы они на основе своих международных задач защищали нашу революцию так, как защищают ее наши трудящиеся. Это наше желание на международной арене не является необоснованным, потому что так издавна повелось, что трудящиеся мира не знают границ и не обращают внимания на близость или удаленность, и везде поддерживают народные революции, поэтому таковы наши требования и пожелания ко всем трудящимся мира»²¹.

4. Борьба в партии

После революции в руководстве НДПА все отчетливее и острее стали проявляться соперничество и личные амбиции, корни которых уходили в первые годы существования партии. Давали о себе знать последствия происшедшего в НДПА весной 1967 г. раскола на две группировки: «Хальк» во главе с Н. М. Тараки и «Парчам» во главе с Б. Кармалем. Хотя на июньской (1977 г.) конференции состоялось объединение этих группировок и на время разногласия и внутривла-

тийная борьба пошла на убыль, сплоченность революционного авангарда была вскоре снова нарушена.

Напряженность внутри ИДПА была обусловлена также и тем, что сотрудники советского посольства и некоторых других ведомств пытались предложить руководству ИДПА свои варианты решений по конкретным кадровым вопросам. Известно, что Б. Кармаль, будучи назначенным на должность заместителя председателя Революционного совета ДРА, уже тогда начал активно действовать в целях захвата власти. Свидетельством тому является проведение съезда парчамистов в июне 1978 г. в Пагмане под руководством Б. Кармаля. На съезде была выработана программа взятия власти парчамистами. Отбывая вскоре в ЧССР на должность посла ДРА в этой стране, он заявил, что обязательно вернется, но «с красным флагом в руках»²². Кроме него два месяца спустя после вооруженного восстания под предлогом назначения на новые должности покинули страну и другие парчамисты: Анахита Ратебзад, министр общественных работ, была назначена послом в Югославию, Наджибулла, первый секретарь Кабульского горкома партии, — в Иран. Уже 27 ноября, через семь месяцев после победы восстания, девять человек, составляющих ядро «Парчам», исключили из партии и объявили врагами народа.

Против членов партии, придерживающихся альтернативных взглядов на те или иные вопросы развития революции, не согласных с курсом руководства ИДПА, а вернее, с Х. Амином и его сторонниками, в ход пошли террор и физическое уничтожение.

На фоне внутренних беспорядков и волнений, прокатившихся по стране, возникли серьезные разногласия между Н. М. Тараки и Х. Амином, который с 27 марта 1979 г. занимал посты премьер-министра и министра иностранных дел ДРА. Он принадлежал к той же группировке, что и Н. М. Тараки, и одно время пользовался его безграничным доверием, что дало Х. Амину возможность расправиться со всеми, кто выражал несогласие с его методами руководства, и прежде всего с членами «Парчам». Крупнейшая тюрьма Пули-Чархи оказалась заполненной заключенными, зачастую ни в чем не повинными людьми. Не считаясь с традициями и религиозными убеждениями трудящихся масс, Х. Амин практиковал педоустимые приемы и методы при проведении важнейших преоб-

разований, таких, как, например, земельная реформа и ликвидация неграмотности взрослого населения. При нем стали осуществляться массовые репрессии против мирных жителей.

Политика Х. Амина привела к сужению социальной базы революции. Люди стали отворачиваться от режима. К осени 1979 г. деструктивная деятельность Х. Амина стала настолько нетерпимой, что в руководстве партии и страны поднимался вопрос о нецелесообразности его дальнейшего пребывания на посту премьер-министра. Доверие Н. М. Тараки к нему было подорвано.

С каждым днем все больше и больше людей теряли веру в революцию. Этим широко и очень изощренно пользовалась контрреволюция. Резко возросло вмешательство во внутренние дела Афганистана со стороны американского империализма, реакционных режимов стран Ближнего и Среднего Востока, не осталось в стороне и китайское руководство того времени.

Таким образом, в чрезвычайно сложной обстановке, сложившейся в Афганистане весной 1978 г.—осенью 1979 г., в афганском руководстве нарастали и накапливались противоречия; между Н. М. Тараки и Х. Амином не стихала борьба за власть.

10 сентября 1979 г. произошла встреча Л. И. Брежнев и Н. М. Тараки во время кратковременной остановки последнего в Москве при возвращении из Гаваны с конференции глав государств и правительств движения неприсоединения. А через месяц после встречи информационное агентство «Бахтар», а затем и радио Москвы объявили о смерти Н. М. Тараки после тяжелой и непродолжительной болезни. О трагических событиях, случившихся за этот месяц, довольно противоречиво повествует афганская печать, неоднократно обращавшаяся к ним за прошедшие годы.

Как известно, во время поездки Н. М. Тараки в Гавану среди сопровождавших его лиц находился майор С. Д. Тарун, являвшийся доверенным лицом Х. Амина. По некоторым данным, именно от него узнал Х. Амин о намерениях Н. М. Тараки сместить его с занимаемых постов и отстранить от руководства партией и государством. С. Д. Тарун якобы сказал, что хотят вернуть Б. Кармаля в Афганистан и что подобное делается не без содействия советских руководителей.

Как известно, Х. Амин догадывался об этих планах

еще раньше и поэтому намеревался устранить Н. М. Тараки во время его встречи в Кабульском аэропорту 10 сентября, но осуществить задуманное ему в тот день по каким-то причинам не удалось.

14 сентября Х. Амин со своим адъютантом Вазир Зираком и шестью вооруженными гвардейцами поехал во дворец Голь-хана в Кути-йе Багча, где находился Н. М. Тараки. С. Д. Тарун встретил Х. Амина и повел по лестнице на второй этаж, слева от С. Д. Таруна шел В. Зирак. За Х. Амином, следовавшим за ними на расстоянии, шли три гвардейца, трое других остались внизу. Когда С. Д. Тарун поднялся на второй этаж и попросил часовых, стоявших у дверей кабинета Н. М. Тараки, посторониться, в ответ прозвучали автоматные очереди. С. Д. Тарун упал. В. Зирак был ранен и покатился по ступеням, успев крикнуть: «Господин Амин, беги!» Х. Амин успел подхватить В. Зирака и вместе с ним выбрался из здания. Быстро сев в две машины, они уехали в Министерство обороны²³.

Существует и другая, неофициальная, версия, согласно которой первыми открыли огонь сам Х. Амин и его люди, чтобы спровоцировать перестрелку и обвинить в измене Н. М. Тараки.

После инцидента Н. М. Тараки был вскоре изолирован и взят под охрану преданной Х. Амину гвардией. В тот же день Х. Амин направил закрытое письмо членам партии, в котором обвинил высокопоставленных советских военных и гражданских товарищей «в причастности к случившемуся»²⁴. (Действительно, в момент перестрелки у Н. М. Тараки находились советский посол А. М. Пузанов, генерал армии И. Г. Павловский, главный военный советник генерал-лейтенант Л. Н. Горелов и представитель КГБ генерал-лейтенант Л. П. Богданов). Затем 1 и 5 октября Х. Амин потребовал отзыва советского посла и главного военного советника из Кабула. 21 ноября 1979 г. посол Советского Союза в ДРА А. М. Пузанов отбыл в Москву.

В начале октября по указанию Х. Амина было совершено убийство Н. М. Тараки. Незадолго до этого официально объявлялось, что Н. М. Тараки тяжело болен и поэтому вынужден отказаться от занимаемых постов. На своей первой пресс-конференции после захвата власти Х. Амин без всяких обиняков дал понять присутствующим иностранным журналистам, что дни Н. М. Тараки сочтены, и при этом цинично добавил,

что он не врач, чтобы определить, когда наступит смерть. В Афганистане, да и во всем мире, никто не поверил последовавшему вскоре сообщению, что Н. М. Тараки скоропостижно скончался от тяжелой болезни.

В январе 1980 г. в афганских газетах публиковались материалы допроса бывшего начальника караульной службы гвардии Дома народа (резиденция афганского руководства.— *Прим. ред.*) лейтенанта Эқбаля, прищмавшего участие в убийстве Н. М. Тараки.

«Вопрос: Вы обвиняетесь в убийстве Н. М. Тараки.

Расскажите, какого числа, по чьему приказу, с кем вместе, где и как вы осуществили свое преступление?

Ответ: Это Амин и его сообщники вынудили меня предать народ Афганистана, убив Н. М. Тараки. Они действовали по приказу империализма, и теперь их разоблачили перед всем миром. Империализм может пытаться защищать Амина, однако эти усилия тщетны.

До моего прихода в кабинете уже находился Рузи. 8 октября вечером я собирался идти домой, так как у меня было увольнение. Я уже переоделся в гражданскую одежду, когда мне позвонил командир гвардии Дома народа Джандад. Он приказал мне подняться к нему в кабинет. Вскоре после моего прихода туда пришел также вызванный им Водуд.

Вопрос: Кто такие Рузи и Водуд?

Ответ: Рузи был офицером гвардии по политическим вопросам. Он был в звании старшего лейтенанта. Лейтенант Водуд был начальником связи гвардии.

После того как мы собрались, Джандад сказал нам, что Н. М. Тараки должен быть уничтожен. Сделать это должны мы.

Я попросил показать нам документальное оформление решения двух вышеупомянутых инстанций. В ответ Джандад назвал меня простаком.

В соответствии с решением Илелума ЦК НДПА, сказал он, Н. М. Тараки исключен из партии и выведен из состава Революционного совета. Решение же о его уничтожении было принято раньше, и это не является секретом.

ПЕРВЫЕ АФГАНСКИЕ ГЕРОИ

4-й – Джума Хан

5-й – Мухаммед Кабули

Участница демонстрации, посвященной 1-й годовщине Апрельской революции

Курсант Кабульского военного лицея

Дворец Тадж-Бек — место расположения штаба 40-й армии

Спецпропагандисты (слева направо: С. М. Небренчин, Н. И. Пиков, Мухаммед Фарук)

Сослуживцы пришли проведать Героя Советского Союза Р. С. Аушева

Мы сказали, что обо всем надо сообщить по радио, чтобы не получилось, что мы совершили преступление. Джандад ответил, что соответствующее сообщение будет опубликовано, однако в несколько иной форме, так как партийные тайны должны сохраняться. Он сказал также, что мы должны выполнить то, что нам приказывают. Я тогда не знал, где находится Тараки, и спросил об этом Рузи. Он ответил, что Тараки находится в Кути-йе Багча.

Рузи подогнал машину и оставил ее у ворот Кути-йе Багча. Он вошел вовнутрь, я последовал за ним и увидел Водуда, стоящего справа. Рузи спросил у него: «Где?» «Здесь, в комнате», — ответил Водуд.

Мы втроем направились в сторону комнаты. На первом этаже дверь была закрыта. Рузи достал из кармана ключ, открыл ее, и мы стали подниматься. Впереди шел Водуд, мы следовали за ним. Когда мы вошли в комнату, Тараки стоял. Рузи сказал ему, что мы пришли перевести его в другое место. «Захватите мои вещи», — сказал Тараки. «Хорошо, спускайтесь вниз, мы возьмем ваши вещи», — сказал Рузи. Тогда Тараки раскрыл небольшой чемоданчик и сказал, что в нем 45 тысяч афгани и кое-какие украшения и что все это надо передать его родственникам, если они живы. «Хорошо, — ответил Рузи. — Вы спускайтесь, мы все заберем». Тараки начал спускаться, мы последовали за ним. Водуд захватил с собой небольшое одеяло. Когда спустились вниз, Рузи сказал Тараки, чтобы он вошел в комнату. В этот момент я не мог понять, что за указания получил Рузи от командира гвардии или начальника Генерального штаба и каким образом должен быть убит Тараки. В этот момент руководил всем Рузи. Когда все вошли в комнату, Тараки снял с руки часы, протянул их Рузи и сказал: «Передай Амину». Затем из кармана рубашки вытащил партийный билет и тоже отдал его Рузи, который забрал билет, положил к себе в карман кителя. В этот момент Рузи сказал, чтобы я связал руки Тараки, что мы сделали вместе с Рузи, немного

помогал и Водуд. После этого Рузи сказал: «Вы постойте здесь, а я пойду закрою дверь». Когда Рузи вышел, Тараки попросил Водуда принести стакан воды. В тот момент, когда я взял стакан и вышел, появился Рузи, который спросил: «Ты что делаешь?» На что я ответил, что Тараки попросил воды. «Сейчас не время воду распивать», — ответил Рузи. Когда я вошел в комнату, Водуд спросил меня, почему я не принес воду. «Рузи не разрешил», — ответил я. Вошел Рузи и сказал Тараки, чтобы он лег на кушетку. Когда Тараки лег, меня начало трясти, и я не мог сдвинуться с места. Рузи зажал Тараки рот, у того начались судороги. Тогда Рузи заорал на Водуда, чтобы тот держал ноги Тараки. Водуд обхватил ноги Тараки, но не мог удержать. Я немного помог ему, и Рузи начал его душить, через несколько минут все было кончено...»²⁵.

А вот свидетельские показания бывшего начальника гвардии майора Джандада:

«О заговоре Амина и убийстве Тараки могу сообщить следующее. Через несколько дней после возвращения из Гаваны с конференции глав неприсоединившихся стран, куда я сопровождал Н. М. Тараки, он пригласил меня в свой кабинет и сказал: «Джандад, ты являешься командиром президентской гвардии и отвечаешь за мою безопасность. Когда мы были в Гаване, внутри нашего руководства возникли разногласия. Поэтому будь особенно бдительным, держи охрану, предупреди командиров подразделений, чтобы без особого приказа никто не покидал территории президентского дворца». Я отдал приказ о повышении бдительности. Затем Тараки вызвал к себе начальника Генерального штаба армии Якуба и поставил перед ним такую задачу — усилить бдительность, но Якуб был ближайшим человеком Амина.

На следующее утро Амин вызвал меня к себе. «О чем вы беседовали?» — жестко спросил Амин. Я рассказал, что Тараки просил усилить охрану президентского дворца. Тогда Амин поинтересовался, говорил ли Тараки о нем. Амин был очень обеспокоен.

14 сентября вечером (я находился в это время за пределами дворца) у дверей кабинета Тараки, который охранял его личный адъютант, поднялась стрель-

ба. Была объявлена тревога. Но телефонная связь с дворцом прервалась. Во дворец прибыли отряды командос, а также верные Амину воинские части, которые окружили его. Начальник Генерального штаба Якуб приказал мне выполнять только его распоряжения. Фактически к этому времени у власти уже находился Амин. Тараки был изолирован и содержался под арестом на своей квартире. Два дня его не трогали. Затем Амин поручил офицеру президентской гвардии Рузи перевезти семью Тараки в другое место»²⁶.

Заговорщическая деятельность Х. Амина и его сторонников, дезорганизовавших поступательное движение революции, усилившееся вмешательство в дела Афганистана сил международной реакции привели к обострению внутриполитической обстановки в стране. Здоровые силы в партии хорошо понимали, что дальнейшее усиление группировки Х. Амина чревато опасными последствиями для дела революции.

В этом ракурсе рассматривали события, предшествовавшие вводу советских войск в Афганистан, западные специалисты по проблемам Среднего Востока.

Так, английский автор Дж. Гриффитс следующим образом объясняет причины ввода ОКСВ в Афганистан. Рост мощи СССР, крах колониальной системы империализма и неспособность США заполнить вакуум во многих частях Азии позволили Советскому Союзу успешно осуществлять свои политические и экономические цели в регионе после второй мировой войны. Советская помощь все глубже вовлекала Афганистан в сферу советского влияния. Однако позже Советскому Союзу, пишет автор, стало ясно, что таким образом он не сможет добиться своих целей, хотя вначале он и считал, что «Афганистан дает классическую возможность доказать, что общество можно направить по марксистскому пути, используя экономическое проникновение в социальное воздействие технологии. СССР столкнулся с выбором: либо потерять часть своего труда и затрат, либо оказать военную помощь своему протеже. Он выбрал последнее как наименьшее зло»²⁷.

Сотрудник Колумбийского университета (США) профессор Сен Гупта Б. писал: «Хотя внешне отношения афганского режима с СССР продолжали оставаться дружественными, однако «новый глава Кабула» (Х. Амин. — Прим. ред.) вскоре обратился к США с

инициативой радикально улучшить отношения между странами. Цель этого предложения состояла в оказании давления на Советский Союз. Амин всеми силами пытался изменить представление о «новом режиме» как в Афганистане, так и на международной арене, но «явно опоздал с проведением нового курса»: население было запугано террором властей, мятежники контролировали большинство провинций страны. В декабре 1979 г. Амин обратился к пакистанскому президенту с просьбой о немедленной встрече. В ходе беседы с министром иностранных дел Пакистана, подчеркивает автор, глава афганского режима утверждал, что СССР якобы требовал, что его страна «отказалась от независимости и суверенитета», и просил передать в Вашингтон, что предлагает вмешаться в ситуацию в Афганистане. Советское посольство немедленно было информировано о словах Амина»²⁸.

По мнению Беверла Мейла, известного австралийского специалиста по проблемам Ближнего и Среднего Востока, иностранная пресса исказила портрет Х. Амина, представив его кровожадным маньяком и беспринципным карьеристом. Мейл считает, что Амин играл ключевую роль как до Апрельской революции, так и после ее победы. С именем Х. Амина он связывает практически все достижения НДПА. В своей книге он подчеркивает, что Амин никогда «не показывал большого энтузиазма к русским». Одновременно он настойчиво работал над тем, чтобы держать открытыми каналы коммуникаций с США, чтобы подтвердить приверженность Афганистана к неприсоединению и подчеркнуть, что Афганистан нуждается в помощи и стремится получить ее из любых источников, включая Америку. Став президентом, Х. Амин пытался внушить американцам, что Афганистан нуждается в экономической помощи также и в качестве средства уменьшения чрезвычайно большой зависимости от СССР. Аналогичные усилия были предприняты Х. Амином и в отношении Пакистана...

5. Борьба за влияние в армии

Возвращаясь к апрельским событиям, следует отметить, что сообщение о вооруженном восстании 27 апреля в Кабуле было встречено в афганской армии

в основном с воодушевлением. Военные организации «Парчам» и «Хальк» в дивизиях, расположенных в провинциях, сумели устранить или изолировать старших офицеров — сторонников М. Дауда и не допустить переброски верных режиму частей в столицу. В гарнизонах проводились многочисленные митинги в поддержку революции. Военнослужащие принимали участие в чистке госаппарата от наиболее реакционных чиновников, входили в специальные группы муниципальных властей, контролировавшие справедливость цен на базарах, некоторые офицеры были назначены на посты губернаторов и начальников уездов.

Однако отношение к революции в войсках было неоднозначным. Имевшие в армии свою подпольную сеть организации правого толка, в первую очередь братья-мусульмане, опираясь на уволенных из армии офицеров и реакционных политических деятелей из числа гражданских лиц, а также при поддержке посольства США в Кабуле, приступили к подготовке заговора в целях свержения народной власти. Широкая пропагандистская кампания была развернута среди духовенства, в «зоне пуштунских племен» на границе с Пакистаном и в армии. Так, например, летом 1978 г. среди военнослужащих в Кабуле распространялись листовки с призывом «вступить на тропу войны за очищение Афганистана от русских и коммунистов». В результате в первые месяцы после революции из армии дезертировала часть офицеров и солдат, которые перешли на пакистанскую территорию и способствовали укреплению базы развернувшегося вскоре контрреволюционного движения.

Раскрытые после апрельских событий заговоры в войсках показали, что в командном звене вооруженных сил и в Министерстве обороны ДРА оставалось много реакционно настроенных офицеров. Однако наибольшая опасность для революции была в разногласиях, охвативших афганское руководство по вопросам строительства вооруженных сил.

В первый послеапрельский период в высшем звене партийно-государственного руководства ДРА сложились три группировки, занимавшие различные позиции в отношении армии: группировка Н. М. Тараки, Х. Амина и ряда других халькистов, группа А. Кадыра и парчамовское руководство во главе с Б. Кармалем.

Особые позиции занимала группа А. Кадыра, сыгравшая по сути дела решающую роль в судьбе восстания 27 апреля. После революции она поставила вопрос о приеме всех членов ОФКА (Объединенный фронт коммунистов Афганистана) в НДПА и о введении некоторых из ее руководителей в состав ЦК НДПА, Революционного совета и правительства ДРА. Халькистское руководство первоначально дало такие обещания А. Кадыру, но в последующем, ссылаясь, в частности, на то, что Устав партии не предусматривает коллективного приема, отказалось от своих обещаний. Из всей группировки ОФКА в Революционный совет и правительство ДРА был введен только А. Кадыр, ставший первым министром обороны республики, а в члены НДПА приняли лишь около 15 человек из 600. Под тем предлогом, что выборы руководящего органа партии происходят на съезде, в ЦК НДПА ни сам А. Кадыр, ни один из членов его группы не были введены. В дополнение к личной неприязни и недоверию, существовавшим между А. Кадыром и Х. Амном, прибавились значительный элемент обиды и чувство ущемленного самолюбия. Хотя формально ОФКА перестал существовать, определенная его часть практически сохранялась. Видимо, это частично и послужило в дальнейшем основанием для обвинения А. Кадыра в заговоре.

А. Кадыр в тот период высказал открытое недовольство действиями Х. Амнина, направленными на подчинение армии его личному влиянию. Он видел начало процесса нового обострения вражды между «Парчам» и «Хальк» и, как профессиональный военный, хорошо понимал губительность перенесения внутривластных противоречий в армейскую среду, особенно в условиях начавшейся волны заговоров и мятежей контрреволюции. Резкое противодействие А. Кадыра встречали попытки руководителей «Хальк» насаждать в армии пуштунский национализм, а также широко распространявшаяся ими после революции практика распределения должностей в государственном аппарате и армии по родственным и клановым соображениям в ущерб принципу профессиональной подготовленности. Он выступил за очищение Министерства обороны и руководства воиновых частей от реакционных элементов, не считаясь с их национальной принадлежностью (и даже начал составление списков офицеров), пред-

лагал решительные меры в отношении мятежных пуштунских племен, предусматривая возможность их насильственного переселения внутрь страны. Одновременно А. Кадыр противился незаслуженному изгнанию с военной службы и репрессиям в отношении честных офицеров, не являвшихся членами НДПА.

Как наиболее авторитетный человек в армии (после революции ему было присвоено звание генерала), герой двух вооруженных восстаний А. Кадыр мало устраивал дальновидного и хитрого политика Х. Амина, хорошо знавшего те черты характера и факты личной биографии А. Кадыра, которые можно бы использовать для его нейтрализации. Однако у А. Кадыра были разногласия и с парчамистским крылом партии. Он высказывал недоверие к военной организации «Парчам», обвиняя ее руководителей в попытках срыва вооруженного восстания 27 апреля, а также не мог простить парчамистскому руководству слишком тесного, по его мнению, сближения с главой государства М. Даудом.

Парчамистское руководство во главе с Б. Кармалем, в свою очередь, пыталось использовать в своих интересах разногласия между Х. Амином и А. Кадыром и даже стремилось их углубить. Оно высказывало серьезные опасения в связи с намерениями Х. Амина расширить состав ЦК НДПА и Революционного совета ДРА за счет военных, усматривая в этом опасность утраты партией контроля за ходом революции. Одновременно оно настаивало на предоставлении ответственных постов, в том числе и в армии, тем членам группировки «Парчам», которые скрывали свою принадлежность к партии в период правления М. Дауда и занимали в республиканском государственном аппарате ответственные должности (например, Д. Бахтари, Ф. Мухаммад, С. Асгар и др.). Халькистское же руководство при поддержке А. Кадыра дискредитировало «Парчам» в глазах офицеров, утверждало, что именно группировка Б. Кармаля мешает усилению роли армии в руководстве революцией. При этом Х. Амин умело использовал и подогревал экстремистские настроения офицеров из крыла «Хальк», выступавших против включения в правительство гражданских лиц, требовавших расправы над парчамистами за предательство во время восстания, настаивавших на повышении в званиях и продвижении по службе тех

военнослужащих, которые отличились в событиях 27 апреля.

Весьма остро встал вопрос и об объединении военных организаций «Парчам» и «Хальк», а также об их включении в общую организационную структуру партии. Для активизации политико-воспитательной работы с личным составом в армии возникла необходимость создания главного политического управления вооруженных сил Афганистана на правах отдела ЦК НДПА для организации политической работы в армии. Обсуждение этого вопроса в Политбюро ЦК НДПА 24 мая вызвало острые разногласия среди представителей бывших фракций партии. Поскольку политотделы в частях должны возглавить работу по объединению партийных организаций, то каждая группировка стремилась выдвинуть на ответственные посты в политорганах своих сторонников. Х. Амин не хотел уступать парчамистам высоких политических должностей в основных соединениях и частях армии, предполагая назначить на них преданных ему офицеров. В результате разногласий решение об образовании политорганов в армии ЦК НДПА принял лишь спустя два месяца, т. е. 29 июля 1978 г., уже после того как лидеры «Парчам», включая и тех, кто в прошлом занимался военными вопросами (А. Вакиль, И. А. Нур, Наджиб), были направлены послами за рубеж и таким образом фактически удалены с политической арены.

Раскол в НДПА оказал губительное влияние на армию, так как привел к гонениям на парчамистов как в партийно-государственном аппарате, так и в вооруженных силах. В ходе чисток многие активные сторонники «Парчам» были уволены из армии, а другие репрессированы. Оставшиеся на свободе парчамисты, законспирированное руководство которыми осуществляли С. А. Кештманд и Н. Тахзиб, получили указание уйти в подполье и укреплять позиции «Парчам» в армии. Таким образом, вопрос о создании в воинских частях единых партийных организаций фактически отпал. В августе 1978 г. Х. Амин и его группировка сфабриковали материалы по обвинению в заговоре против революции члена Политбюро парчамиста С. А. Кештманда, министра обороны А. Кадыра, министра общественных работ парчамиста М. Рафи, начальника Генерального штаба Шахпура и др. По некоторым данным, в связи с так называемым «делом

А. Кадыра» из вооруженных сил было уволено 800 военнослужащих в званиях унтер-офицера и выше. Во время допросов и к А. Кадыру, и к С. А. Кештманду применялись пытки, было решено предать их и ряд офицеров смертной казни в соответствии со статьей 204 Закона о наказаниях. Лишь после неоднократных обращений советской стороны в октябре 1979 г. смертную казнь им заменили длительными сроками тюремного заключения.

17 августа 1978 г. было объявлено, что Н. М. Тараки, занимающему одновременно посты Генерального секретаря партии и главы государства, поручено исполнять обязанности министра обороны, а Х. Амину — «оказывать ему содействие в осуществлении этих функций». В решении Пленума ЦК НДПА 27 ноября 1978 г. констатировалось: «В настоящее время армия в целом представляет собой истинно народную армию... По поручению Политбюро ЦК руководство партийной работой в армии осуществляется товарищем Х. Амином. За свою деятельность он непосредственно отчитывается перед Н. М. Тараки и получает от него инструкции». До конца 1979 г., несмотря на явно нараставшую волну контрреволюционных мятежей и заговоров, министерство обороны фактически оставалось без руководителя, что крайне неблагоприятно отражалось на военном положении страны.

Тем временем борьба Х. Амина за полное подчинение вооруженных сил своему влиянию в высшем звене партийно-государственного руководства продолжалась. Воспользовавшись устранением парчамистов и группы А. Кадыра, он и его сторонники сумели занять многие важные посты в армии, службе безопасности и министерстве внутренних дел. Для широкого проникновения в армейскую среду Х. Амин широко использовал и систему политорганов, куда он назначал своих доверенных лиц и с помощью которых под предлогом усиления в войсках роли партии проводилась линия на возвышение роли Х. Амина в революции (его стали называть командующим Апрельской революцией), выявлялись и устранялись офицеры, симпатизировавшие парчамистам, а также твердые сторонники Н. М. Тараки (таракисты). На этом отрезке борьбы за власть в партии и государстве Х. Амину уже противостояли халькисты из числа ближайших соратников Н. М. Тараки, осознавших губительность для ре-

волюции деятельности аминистов и стремившихся не допустить окончательного захвата ими решающих позиций в армии.

В группу твердых таракистов входили кадровые офицеры — активные участники апрельских событий и переворота 1973 г. — М. А. Ватанджар, А. Сарварн, С. М. Гулябзой, а затем и Ш. Д. Маздурьяр.

На заседании Революционного совета ДРА 27 марта 1979 г. М. А. Ватанджар и С. М. Гулябзой обвинили Х. Амина в неправильном отношении к вооруженным силам, в том числе в использовании их для борьбы с внутрипартийной оппозицией, в широком применении войск в целях подавления выступлений мирных жителей. Было решено отстранить Х. Амина от руководства делами министерства обороны и сосредоточить его деятельность на экономических и общеполитических вопросах. В этих целях он был назначен на специально для него учрежденный пост первого министра с полномочиями, приближенными к полномочиям премьер-министра, а министром обороны ДРА утвердили М. А. Ватанджара. На пост министра внутренних дел вместо Ватанджара назначался Ш. Д. Маздурьяр. В апреле того же года М. А. Ватанджар одновременно стал и начальником Генерального штаба вооруженных сил ДРА.

Учитывая значительное обострение внутривнутриполитической обстановки в стране, характеризовавшейся усилением деятельности внутренней и внешней реакции против новой власти, решением Революционного совета 27 марта 1979 г. был создан Высший совет обороны ДРА под председательством Н. М. Тараки.

Тем временем борьба за влияние в армии продолжалась. Усилению позиций М. А. Ватанджара в войсках препятствовали сторонники Х. Амина, занимавшие руководящие позиции в министерстве обороны и в частях, а также в Главном политическом управлении. По всем конкретным вопросам многие старшие офицеры обращались за указаниями не к министру обороны, а непосредственно к Х. Амину, с которым они поддерживали контакты со времен подпольной деятельности военной организации партии. К тому же сказывалось отсутствие у М. А. Ватанджара достаточного опыта и качеств руководителя общенационального масштаба. Двусмысленное положение министра обороны мешало налаживанию эффективного управления

войсками, вело к обострению отношений между ним и Х. Амином. А последний тем временем настойчиво убеждал Н. М. Тараки в необходимости укрепления единоличного контроля за ходом вооруженной борьбы с контрреволюцией, максимальной централизации власти в одних руках.

27 июля 1979 г. Х. Амину удалось сделать еще один важный шаг на пути к полному захвату власти.

Специальным указом Революционного совета Н. М. Тараки формально взял на себя «ведение всех дел, связанных с обороной родины, и командование всеми вооруженными силами страны». Однако далее в указе говорилось: «До тех пор пока не прекратится иностранная агрессия, я поручил своему любимому и выдающемуся товарищу Хафизулле Амину... по моим непосредственным указаниям заниматься деятельностью министерства обороны»²⁹. Таким образом, контроль над армией снова оказался в руках Х. Амина. М. А. Ватанджар был возвращен на должность министра внутренних дел, а Ш. Д. Маздурьяр назначен на пост министра по делам границ. Последнее столкновение Х. Амина с таракистами произошло в сентябре 1979 г., когда они в ультимативной форме потребовали от Н. М. Тараки полного устранения Х. Амина от власти. Однако и на этот раз вождь революции оказался на стороне «своего любимого», «верного ученика», обещая своим сторонникам созвать Политбюро и уладить на нем все вопросы мирным путем. Заговор «банды четырех» (как Х. Амин назвал потом эту четверку) окончился поражением, и 13 сентября 1979 г., т. е. за три дня до отстранения Н. М. Тараки со всех постов, они были вынуждены уйти в подполье. Один из крупнейших военных руководителей «Хальк» полковник Назар Мухаммад 25 сентября 1979 г. был смещен с поста командующего ВВС и под предлогом заботы о налаживании работы дезорганизованной транспортной системы назначен на пост заместителя министра транспорта ДРА.

Четвертый и последний раунд борьбы Х. Амина за армию развернулся уже после узурпации им государственной власти и устранения Н. М. Тараки. В ряде воинских частей имели место открытые выступления халькистов против личной диктатуры Х. Амина, которые подавлялись преданными ему военными подразделениями и службой безопасности.

Таким образом, продолжавшаяся около полутора лет ожесточенная борьба в руководстве ДРА за влияние в армии, в основе которой лежали честолюбивые замыслы Х. Амина, не могла не сказаться на состоянии вооруженных сил страны.

Восполнение убыли личного состава в войсках, возникшей в связи с дезертирством и потерями в боях с контрреволюцией, путем принудительной мобилизации населения не приносило положительных результатов, так как от призыва в армию уклонялись любыми способами, в том числе спасаясь бегством в Пакистан, Иран и другие страны. Попытки призыва в армию партийного актива в мае 1979 г. также не дали никаких результатов — партийцы не хотели добровольно идти на службу, и к тому же это оголяло партийно-государственный аппарат.

Мало внимания уделялось и формированию отрядов защиты революции, так как Х. Амин опасался давать оружие в руки партийному активу.

С учетом хронического недокомплекта, всегда существовавшего в армии дореволюционного Афганистана, и сокращения ее рядов в условиях революционного времени реальная численность войск ДРА к концу 1979 г., видимо, не превышала 40—50 тыс. человек.

Все эти обстоятельства в совокупности привели к тому, что к концу 1979 г. афганская армия оказалась в значительной степени деморализованной и уже была не в состоянии самостоятельно защитить народный строй и отстоять суверенитет государства от натиска щедро поддерживаемых империализмом контрреволюционных сил.

Выше уже упоминалось, что в НДПА в целом и в ее руководстве существовала оппозиция курсу Х. Амина. Однако действия оппозиции оказались недостаточно эффективными, и Х. Амин сумел ее физически устранить.

Автор многочисленных публикаций по Афганистану А. Д. Давыдов, работавший в то время советником в аппарате ЦК НДПА, рассказывает, что афганское руководство, в частности Х. Амина, настойчиво убеждали в невозможности установления диктатуры пролетариата посредством насилия. Увы, подобные беседы заканчивались безрезультатно. Во имя придуманного им социализма Х. Амин продолжал уничтожать старейшину, мулл — столпов афганского общества. Извест-

ны случаи, когда старейшины какого-то племени приглашались на «важную встречу» в Кабул. Заполучив «гостей», Амин с коварством и жестокостью средневекового тирана отдавал распоряжение на их расстрел без суда и следствия...

Беседы с Амином проводились конфиденциально, их содержание, естественно, не раскрывалось органами массовой информации. Состояние дел в НДПА и проблемы афганской революции вообще не обсуждались на страницах советской печати.

Первый аналитический материал о деятельности НДПА появился в советской открытой печати лишь в июле 1988 г., т. е. около 10 лет спустя после начала революции и уже после принятия решения о выводе советских войск из Афганистана.

В целом реакция бывшего советского руководства во главе с Л. И. Брежневым на авантюризм Х. Амина не привела к положительным результатам, если не сказать, что действенной реакции вообще не было. Такой реакции, которая направлялась бы на стабилизацию обстановки. Ни одного официального предостережения афганским руководителям воздержаться от авантур и волюнтаристских действий! А времени было достаточно, для того чтобы отреагировать: начиная с 1 мая 1978 г. (когда началось негласное наступление на фракцию «Парчам») до 14 октября 1979 г., когда власть перешла в руки Х. Амина (все это время ставилось все более очевидным, что он рвется к власти), и далее до декабря 1979 г. Всего 20 месяцев! Даже тогда, когда Х. Амин неоднократно просил Л. И. Брежнева принять его, советское руководство молчаливо проигнорировало это. Увы, советский аппарат времен застоя был лишен гибкости, чтобы адекватно реагировать на изменения обстановки в Афганистане. Не сокращался в это время поток вооружения и боевой техники, доставляемых в Афганистан. Советским оружием, руками политических авантюристов типа Х. Амина осуществлялось давление на афганского середняка, на мулл и старейшин родов, которые не приняли революции и осуждали Советский Союз, поддерживавший революционные события в стране.

А что же советские ученые? Был ли хоть один, который бы в то время (1978—1979 гг.) выступил с предостережением: товарищи афганские революционеры, не поддавайтесь на авантюры в теории, политике и

практике, строго учитывайте реально складывающуюся ситуацию в стране, не пытайтесь опережать время, выдавать желаемое за действительное, не пытайтесь представить дело так, что всевозрастающая помощь Советского Союза может подменить ваши трезвый расчет внутренних сил, может умалить или свести на нет последствия ваших собственных ошибок и просчетов, наконец, что высокие идеалы великой пролетарской революции можно осуществить исключительно силой оружия, воюя против собственного трудящегося народа? Но тогда вес и влияние имели те ученые, которые хорошо знали, что желает слышать руководство, и соответственно исходили из этого. Трезвые и объективные оценки (были и такие!) оставались незамеченными.

Авторы менее всего склонны обвинить советских ученых в некомпетентности или пассивности. Политический механизм, функционировавший в стране в застойный период, не давал ученым возможности высказаться против истины, монополию на которую установило Политбюро ЦК КПСС. Ученый, как никто более, должен быть свободным в своих исследованиях, свободным от официальной точки зрения, от мнения сложившихся авторитетов. Увы, такой свободы у ученых не было. И горьким плодом этого положения было, например, то, что ни один советский ученый за это время не опубликовал ни одного глубокого и объективного исследования, где бы обосновывалась политика Советского Союза в отношении Афганистана. Ученые ведь люди понимающие, и они видели, что эта политика шита белыми нитками...

Советское руководство, опираясь на заявления лидеров НДПА, не проведя самостоятельного глубокого анализа положения в Афганистане, первоначально открыто поддержало якобы пролетарский характер афганской революции.

Однако уже первый год развития Апрельской революции показал узость ее социальной базы при тогдашней практике руководства НДПА. Из революции народной, в которую она должна была превратиться, она переросла в военную диктатуру, в авторитарную власть. Это стало настолько очевидным, что руководство СССР полтора года спустя уже не могло не отреагировать на происходящее в Афганистане.

Глава третья

ОППОЗИЦИЯ: ИСТОКИ И ИСХОД

Существуют различные точки зрения относительно истории возникновения афганской оппозиции, ее истоков, движущих сил и тенденций эволюции. Некоторые исследователи сравнивают ее с басмаческим движением 1920—1930 гг. в советской Средней Азии. В ряде случаев борьба афганских моджахедов преподносится как однозначно националистически окрашенное народное восстание, в истоках которого исторически сложившаяся у афганцев реакция на появление вооруженных чужеземцев.

Существует мнение и о том, что первопричиной антиправительственного движения в Афганистане стали Апрельская революция 1978 г. и последовавшие за ней реформы, против которых выступили помещичье-феодалные круги и мусульманское духовенство, сумевшие привлечь на свою сторону значительную часть забитых и неграмотных крестьян.

Широко распространена и иная точка зрения, отождествляющая афганскую оппозицию с движением воинствующего панисламизма по типу печально известной ассоциации «Братьев-мусульман», ростки деятельности которой в Афганистане просматриваются еще в середине 50-х гг.

В сущности, упомянутые мнения о природе и истоках афганской контрреволюции не лишены оснований, однако они не исчерпывают, а главное, не объясняют столь сложное социально-политическое явление. Исходя из этого, видимо, более логичным будет рассмотреть истоки и природу возникновения афганской оппозиции в ее историческом развитии.

1. Возникновение оппозиции

Период зарождения современного антиправительственного движения в Афганистане может быть очер-

чен рамками 1963—1973 гг., которые в афганской истории принято называть конституционными. В эти годы в стране происходили крупные изменения в различных сферах экономической, социальной и политической жизни общества. Впервые за всю историю страны главой правительства стал человек не из королевской семьи, началось ускоренное развитие капиталистических отношений, активизировалась общественно-политическая жизнь. В октябре 1964 г. король утвердил новую конституцию, два положения которой, в частности о праве создания обществ и политических партий и об ограничении влияния мусульманского духовенства в судопроизводстве и образовании, непосредственным образом затронули традиционные сферы деятельности и интересов многотысячного духовенства.

Выборы в нижнюю палату парламента летом и осенью 1965 г. сопровождались многолюдными манифестациями и демонстрациями, произошли столкновения с полицией. Свообразным барометром общественной жизни стал Кабульский университет; его студенты и преподаватели отличались высокой политической активностью. И не случайно.

Становление капиталистических отношений в условиях Афганистана, само по себе очень болезненное, протекало неравномерно. Начала меняться многовековая социально-классовая структура, в сельской местности усилился процесс расслоения крестьянства, в результате которого появились средние и крупные землевладельцы, разбогатевшие на ростовщичестве. Вместе с тем основная масса крестьянства в силу сложившихся за века родоплеменных отношений оставалась наиболее инертной и маловосприимчивой к переменам группой населения.

Рабочий класс Афганистана, несмотря на некоторое его увеличение вследствие ввода в строй ряда промышленных объектов, построенных при советском содействии, по-прежнему был малочислен, тесно связан с патриархальным укладом жизни в кишлаках и не являлся самостоятельной политической силой.

По-прежнему сильными оставались социальные, политические и идеологические позиции мусульманского духовенства, которое, несмотря на социальную неоднородность, было тесно связано между собой корпоративными интересами. Деревенские муллы занимали промежуточное положение между местными богатеями

и племенной знатью, обычно в одном лице, и трудовым крестьянством, защищая интересы первых и работая наравне со вторыми. Как низшая категория духовенства, они являлись главными ревнителями традиций. Среднее сословие мусульманского духовенства, состоявшее из мулл городских мечетей и преподавателей богословия, преимущественно мелкобуржуазного происхождения, представляло собой политически весьма активную часть общества. При этом большинство из них не получали государственного содержания и, как правило, были критически настроены в отношении властей. Высший слой духовенства — видные богословы и правоведы, наследные религиозные авторитеты — хазраты и пиры — главы влиятельных суфийских орденов — были тесно связаны деловыми и семейными отношениями с правящей элитой. Союз неустойчивый, но взаимовыгодный по основным вопросам общественной жизни.

Вследствие объективных процессов развития страны в 1950—1960 гг. значительное расширение получила система образования, число школ и студентов заметно возросло. В эти годы в столице основным центром студенческой общественно-политической жизни стали Кабульский университет и Политехнический институт. Получение образования перестало быть привилегией представителей господствующей элиты, в классах и аудиториях появились дети государственных служащих, мелких торговцев, деревенских мулл и просто зажиточных крестьян. Это способствовало возникновению межсословной мелкобуржуазной интеллигенции, двойственная и противоречивая природа которой превратила ее в носителя самого широкого спектра идеологических установок, от крайне левых до крайне правых, единых лишь в одном — понимании неспособности монархии обеспечить решение острых социальных проблем общества и необходимости радикальных перемен.

Социальная неоднородность разночинной интеллигенции способствовала ее постепенной идейно-политической дифференциации и размежеванию. В 60-е гг. в афганском обществе уже сложился ряд характерных течений общественно-политической мысли. Консервативное течение, состоящее преимущественно из правящей элиты, духовенства, крупных феодалов, помещиков, торговцев и компрадорской буржуазии, было за-

интересовано в неизменности социального и политического уклада афганского общества. Любые реформы и перемены воспринимались им как посягательства на статус-кво и преподносились обычно как антиисламские и антинациональные. Либерально-буржуазное течение, представленное прозападной прослойкой господствующей элиты и средним звеном чиновничества, осознавая неизбежность перемен, предпочитало путь осторожных и постепенных реформ. Левые силы, несмотря на малочисленность, отличались высокой политической активностью и разобщенностью своих действий. Наряду с основными фракциями НДПА вокруг газет определенной идеологической направленности возникали другие радикальные группировки. В конце 60-х гг. вокруг газеты «Шоале-и джавид» («Вечное пламя») формируется одноименная мелкобуржуазная группировка маоистского толка. Левацкие лозунги, выдвигаемые ею, разделяла определенная часть мелкобуржуазной интеллигенции. В этот же период сторонники идей частной газеты «Афган меллят» («Афганская нация») объединяются в социал-демократическую группу, которая довольно быстро трансформировалась в буржуазно-националистическую организацию сторонников пуштунского национализма. В ответ на пуштунский шовинизм возникла «Сетам-и мелли» («Национальный гнет») — группировка левацкой, промаоистской ориентации, состоящая из непуштунов. Возглавил «Сетам-и мелли» бывший член ЦК НДПА Тахер Бадахши.

В 60-е гг. возникло еще одно общественно-политическое течение. Это — исламское фундаменталистское движение, которое после Апрельской революции 1978 г. стало ядром афганской вооруженной оппозиции. До конца 70-х гг. исламские фундаменталисты были малоизвестны, их деятельность окружалась тайной, активисты движения действовали в условиях строжайшей конспирации и жесткой дисциплины. В ту пору были больше известны братья-мусульмане, традиционные воззрения которых разделяли многие представители духовенства, преподаватели в университете и различных религиозных колледжах и школах. Многие из них по сложившейся издавна традиции направлялись для получения высшего теологического образования в Каирский мусульманский университет Аль-Азхар, в котором позиции братьев-мусульман были

сильны. Но это были люди постарше, а студенческая молодежь, как в Афганистане, так и в других мусульманских странах, в конце 60 — начале 70-х гг. все больше понадела под влияние отколовшихся от традиционных братьев-мусульман исламистских фундаменталистских групп, чей экстремизм и радикализм, готовность все переменить одним махом больше импировали молодежи.

Зарождение организации «Мусульманская молодежь» относится к середине 60-х гг., когда теологический факультет Кабульского университета превращается в один из главных центров подпольной исламской политической активности. Под патронажем декана факультета профессора Г. М. Ниязи создается исламская группа, ее членами становятся студенты и преподаватели. На первых порах на еженедельных собраниях они изучают и обсуждают исламскую политическую литературу, преимущественно арабоязычную, получаемую от братьев-мусульман, намечают общие контуры «исламского пути» решения стоящих перед страной проблем.

В скором времени религиозно-политические диспуты сменяются обсуждением и разработкой программных документов и устава. По принятой в «братстве» традиции последователи профессора Ниязи не ограничиваются университетскими рамками, они активно участвуют в мероприятиях других оппозиционных сил, на митингах и собраниях которых вербуют единомышленников.

Примерно в этот же период возникает аналогичный кружок и на инженерном факультете университета, признанными лидерами которого становятся Гульбеддин Хекматъяр, Сейфуддин Насратъяр и Хабиб Рахман. По их инициативе происходит объединение исламских групп в университете в интересах совместных действий. В 1969 г. после переговоров на квартире у профессора богословского факультета Бурхануддина Раббани возникла первая исламская фундаменталистская организация в Афганистане — «Мусульманская молодежь». Создание этой организации явилось практическим результатом многолетней агитационно-пропагандистской работы, которую еще с середины 50-х гг. настойчиво вели афганские профессора теологии, бывшие вынужденные Аль-Азхара, эмиссары арабских групп.

пировок «Братьев-мусульман» и пакистанской «Джамаат-и-ислами».

Деятельность «Мусульманской молодежи» в определенном смысле мало чем отличалась от традиций политической практики братьев-мусульман. С первых дней своего существования эта организация начала активно действовать как против прогрессивных сил, так и против властей. В идеологическом отношении молодые фундаменталисты исходили из теоретических положений об «исламском пути» развития общества, восприняв воззрения идеологов братьев-мусульман. В социальном плане в организации преобладала мелкобуржуазная разночинная интеллигенция, с характерной для таких сообществ большой долей горожан первого поколения. Национальный состав членов организации, как и принято у братьев-мусульман, признающих лишь одну нацию — исламскую, на первых порах особой роли не играл.

Организационные аспекты деятельности «Мусульманской молодежи» также базировались на давно апробированных методах работы братьев-мусульман. Все сохранялось в секрете. Особенно тщательной конспирации подвергались организационная структура, программные документы и уставы, списки руководителей, планирование и организация мероприятий. Во главе организации стоял Высший совет, в который входили «учредители» «Мусульманской молодежи» — Г. М. Ниязи, Б. Раббани, М. Тавана, А. Сайяф, Г. Хекматъяр и др. Конкретными вопросами деятельности занимался исполнительный совет. Работой военной секции руководили Г. Хекматъяр и С. Насратъяр, которые отвечали за вербовочную работу в армии, разработку планов вооруженных выступлений, организацию демонстраций и митингов. За руководство работой периферийных структур организации отвечал профессор Б. Раббани. В столице и провинциальных центрах создавалась сеть комитетов и ячеек, в деятельность которых вовлекались учителя, мелкие чиновники, торговцы, учащиеся и некоторые муллы.

«Мусульманская молодежь» действовала обособленно от высокопоставленного мусульманского духовенства, которое исламские фундаменталисты традиционно рассматривают как часть правящего режима.

Одним из важнейших направлений пропагандистской и организаторской работы активистов «Мусуль-

манской молодежи» была инфильтрация в различные организации, а затем их использование в своих интересах. В своеобразный опорный пункт исламских фундаменталистов превратилась книжная лавка моулави Фейзани из Герата. Через нее шло распространение исламской литературы, планировались связи с духовенством, торговцами и ремесленниками базара.

В самом университете действовала специальная секция по выявлению членов неисламских групп. Над ними затем организовывались расправы. В интересах расширения организации за счет притока студентов Г. М. Ниязи, используя пост декана теологического факультета, сумел не только добиться создания центра исламских исследований при университете, но и навязать включение специально подобранных вопросов по исламской проблематике в качестве обязательных на приемных экзаменах.

Настойчивая и целеустремленная деятельность исламских фундаменталистов уже через пять лет дала ощутимые результаты: на выборах в высший совет университета в 1973 г. лидеры «Мусульманской молодежи» сумели получить более двух третей мест, значительно потеснив своих противников из числа лево-радикальных сил.

На нелегальных встречах руководителей исламских фундаменталистов Г. М. Ниязи настойчиво проводил мысль о необходимости кропотливой, длительной и осторожной работы по подготовке исламской революции. «...До созревания революции, до наступления переломного момента, — указывал он, — не спешите, ищите центры силы и опорные точки, используйте их для борьбы против разврата и пороков». Однако в университете все чаще массовые мероприятия завершались заранее спровоцированными столкновениями и избиениями пинакомыслящих. Весной 1972 г. по Кабульскому университету прокатилась волна жестоких студенческих схваток. Летом в результате крупного побоища между сторонниками «Мусульманской молодежи» и левацкой «Шоале-и джавид» один студент погиб и 24 были ранены. В тюрьме оказались зачинщики — Г. Хекматъяр, С. Насратъяр и доктор Омар².

Характерной особенностью политической борьбы в столице стали события, связанные с реакцией правых кругов на публикацию юбилейного номера газеты фракции ИДПА «Парчам», посвященного 100-летию

со дня рождения В. И. Ленина. По требованию влиятельных мусульманских богословов был создан «Комитет, ответственный за дела ислама». По его призыву в Кабул спешно прибыло более тысячи мулл. Они начали организовывать шумные сборища, привлекая на свою сторону религиозных фанатиков, а также деклассированные элементы. В течение полутора месяцев у мечети Пули-Хешти не прекращался антикоммунистический шабаш крайне правых сил; не удержавшись на волне антисоветизма, представители исламской реакции начали делать выпады и в сторону королевского режима. В ответ на это войска и полиция силой прекратили исламские политические манифестации экстремистского толка. Однако вывезенные из столицы муллы продолжили подстрекательскую деятельность, мутная волна беспорядков и погромов охватила Мазари-Шариф, Джелалабад. Против беснующихся толп власти использовали армейские части.

События у соборной мечети Пули-Хешти в Кабуле и других городах примечательны тем, что впервые взаимно враждующие представители традиционного ислама и исламские фундаменталисты сумели объединиться под антисоветскими и антикоммунистическими лозунгами, а затем выступить в качестве оппозиции властям.

Верная традициям братьев-мусульман, «Мусульманская молодежь» и близкие ей политические силы начали готовиться к захвату власти. Однако в ночь на 17 июля 1973 г. в стране произошел военный переворот, монархия была низложена и провозглашена республика, во главе которой стал бывший премьер-министр и член королевской семьи М. Дауд.

После антимонархического переворота и прихода к власти М. Дауда между руководством «Мусульманской молодежи» и ее наставниками из университетской профессуры, особенно Б. Раббани и Г. М. Ниязи, наметились разногласия по поводу тактики дальнейшей борьбы. Формально суть этих разногласий заключалась в столкновении мнений о методах и сроках вооруженного выступления в целях захвата власти. Молодежное крыло афганских исламских фундаменталистов во главе с Г. Хекматьером и доктором Омаром настаивало на немедленных и решительных действиях по свержению режима М. Дауда, а более опытные и прагматичные профессора, среди которых не послед-

нее место занимал Б. Раббани, выступали за постепенную подготовку исламской революции.

Действительное противоречие между молодым и более старшим поколениями исламских фундаменталистов было гораздо глубже. Через многие годы эти разногласия вылились в хроническую кровавую междоусобицу, прежде всего между Исламской партией Афганистана во главе с Г. Хекматъяром и Исламским обществом Афганистана Б. Раббани. Старшее поколение, профессора-теологи, прошедшие курс наук в каирском Аль-Азхаре, до раскола в ассоциации «Братьев-мусульман» в Египте во второй половине 60-х (по сходным причинам), являясь выходцами из господствующего класса или близких к нему социальных кругов, больше склонялись к постепенной, кропотливой работе по подготовке условий к захвату власти изнутри системы, хотя и не отказывались от вооруженных методов борьбы. Сторонники же немедленных действий — представители экстремистски настроенной разночинной молодой мелкобуржуазной интеллигенции, как правило не имеющие базового религиозного образования, преимущественно студенты, инженеры, учителя, были настроены более радикально. Их не сдерживали традиционные связи с правящими кругами страны. Более того, сам факт захвата власти М. Даудом при помощи группы армейских офицеров, в состав которых входили сверстники и бывшие сокурсники, стимулировал у активистов «Мусульманской молодежи» возникновение иллюзии о правомочности насильственного захвата власти, легкости и доступности подобного предприятия.

Уже в декабре 1973 г. в антиправительственном заговоре под руководством бывшего шефа госбезопасности Абдуррахмана активное участие приняла военная секция «Мусульманской молодежи». После раскрытия заговора боевики этой организации нашли убежище в Пакистане.

В начале 1974 г., отсидев по полтора года в тюрьме, сторонники экстремистской линии Г. Хекматъяр, С. Насратъяр и доктор Омар вновь начинают настаивать на радикальных и немедленных действиях. Объявив джихад безбожному режиму М. Дауда, они начали готовить почву для крупного антиправительственного мятежа. В этот же период активисты «Мусульманской молодежи» по одному и группами тайно вы-

езжали в Пакистан, где, как стало известно позже, они в течение трех месяцев проходили курс специальной военной подготовки в секретных лагерях пакистанских спецслужб. Так афганские братья-мусульмане, став на путь вооруженной борьбы против правительства М. Дауда, постепенно превратились в орудие пакистанских секретных служб, а затем и других антиафганских сил.

В 1974—1975 гг. произошло очередное обострение афгапо-пакистанских отношений из-за проблемы Пуштунистана и Белуджистана. М. Дауд, не признавая линии Дюранда, обратился в ООН и одновременно попытался активизировать сепаратистские настроения среди пуштунских племен на пакистанской территории. В этих условиях правительство З. А. Бхутто сделало ставку на афганских фундаменталистов, отведя им роль инструмента давления на республиканский режим М. Дауда. В секретных пакистанских лагерях, в частности в местечке Атток, была организована подготовка около 5 тыс. афганских фундаменталистов, которые стали ядром антиправительственных сил внутри Афганистана³. К этой антиафганской операции вскоре подключились представители пакистанских фундаменталистов из «Джамаат-и-ислами». Начался качественно новый этап в политической истории афганских исламских фундаменталистов.

21 июля 1975 г. вспыхнули повстанческие действия мятежников в Панджшерской долине, а затем очаги мятежа возникали в провинциях Бадахшан, Логар, Лагман, Пактия и Нангархар. Однако поднять вооруженное восстание по всей стране не удалось. Пакистанские власти были заинтересованы в оказании давления на М. Дауда путем дестабилизации внутривнутриполитической обстановки, что явно ограничивало честолюбивые замыслы афганских фундаменталистов. По ряду причин крестьяне не поддерживали мятежников. Довод исламских фундаменталистов о том, что в Кабуле правит «безбожный коммунистический режим», на этот раз не сработал. Прежде всего потому, что режим М. Дауда не представлял угрозы сложившейся системе землепользования и родоплеменных отношений. Немаловажное значение при этом имел и политический аспект — М. Дауд был членом королевской семьи, авторитет которой был слишком велик среди крестьян.

В 1975—1976 гг. начался отход режима М. Дауда от провозглашенных социально-экономических реформ, что не могло не привести к отстранению от власти прогрессивных сил и в дальнейшем к их преследованию. М. Дауд предпринял активные шаги по сближению с шахским Ираном и арабскими монархическими режимами. В июне 1976 г. З. А. Бхутто нанес визит в Кабул. В ходе него было достигнуто соглашение о прекращении спора по вопросам Пуштунистана и линии Дюранда. Афганскому правительству недвусмысленно дали понять, что в случае отхода от договоренностей по пуштунскому вопросу Пакистан может вновь действовать силой в долине Панджшер. Одновременно шах Ирана взял на себя обязательство оказать помощь правительству М. Дауда в размере нескольких миллиардов долларов.

Таким образом, к середине 70-х гг. в основном завершился процесс образования политического ядра афганского фундаменталистского движения. В 1974—1976 гг. Г. Хекматьяр создал Исламскую партию Афганистана, а профессор Б. Раббани — Исламское общество Афганистана. Оставшись в Пакистане, Г. Хекматьяр и Б. Раббани установили прочные связи со своими пакистанскими единомышленниками и исламскими фундаменталистскими группировками в арабских странах. Осуществив скрытую перегруппировку и накопление сил, исламское фундаменталистское движение в большинстве мусульманских стран превратилось в важный фактор общественно-политической жизни в регионе.

2. Идеология «защитников» ислама

Подавляющее большинство партий и отрядов афганской вооруженной оппозиции, действующей против законного правительства и поныне, в качестве политической идеологии широко используют основные положения исламского вероучения. В рядах исламской вооруженной оппозиции можно различить два основных религиозно-политических течения: исламский традиционализм и исламский фундаментализм.

Исламский традиционализм является политической идеологией бывших правящих кругов Афганистана, приверженность которых к традициям обусловлена прежде всего ностальгией по временам своего безраз-

дельного господства. В реставрации дореволюционных порядков заинтересованы некогда могущественные феодально-помещичьи кланы, аристократическая знать, компрадорская буржуазия и высшее мусульманское духовенство. Под видом спасения ислама и мусульман от «безбожников» и радея за восстановление дореволюционных порядков, исламские традиционалисты вполне допускают возврат к монархии.

Активно используя исламскую символику и риторику в борьбе за создание «исламского государства», они не столько ратуют за установление теократии, сколько за восстановление ислама в той роли, к которой они привыкли.

В исламском государстве традиционалистского типа исламу и мусульманским богословам планируется предоставить право, как и ранее, лишь идеологически обеспечивать законность правления страной со стороны старой элиты. Кроме возврата к старым порядкам в силу своих социальных особенностей традиционалисты ничего нового фактически современному афганскому обществу предложить не могут. Исламские пассажи лидеров данного течения и их ближайших сторонников, а зачастую просто родственников, представляют собой не более чем исламизированный вариант недалекого прошлого.

Исламский фундаментализм — политическая идеология мелкобуржуазных радикалов города и некоторой части сельской молодежи, которые склонны видеть в возврате к первоосновам ислама, к пуританской чистоте раннего периода мусульманской религии времен пророка Мухаммеда панацею от всех бед, пороков и проблем любого общества. Выступая за особую чистоту религии, фундаменталисты подвергают резкой критике официальное духовенство, объявляя его даже «куском исламской декорации» правящего режима. Эффект черно-белого видения мира распространяется и на рядовых мусульман, если они по каким-либо причинам не разделяют экстремистских установок фундаменталистов. Принцип тут один: или с нами, или против нас.

Как известно, духовными предтечами афганских фундаменталистов являются идеологи и лидеры арабских «Братьев-мусульман» и пакистанской «Джамаат-и-ислами». Идеологическое кредо «Братьев-мусульман» довольно отчетливо просматривается в лозунгах, рас-

считанных на эмоциональное воздействие на верующих и формирование у них готовности действовать, руководствуясь чувствами, а не разумом, к примеру: «Аллах — наша цель», «Пророк — наш вождь», «Коран — наша конституция», «Джихад — наш путь», «Смерть во имя Аллаха — высший идеал»⁴.

Как правило, не обладая, в отличие от своих наставников, классической религиозной подготовкой, фундаменталистские идеологи больше склонны к обсуждению современных социально-политических проблем с использованием религиозной терминологии, чем к богословским диспутам.

Истоки современного исламского фундаментализма в Афганистане связаны с организацией «Мусульманская молодежь», чьи исторические лидеры Г. Хекматъяр и Б. Раббани и по сей день являются наиболее характерными представителями данного течения в стане афганской оппозиции.

Другим важным подвидом исламского фундаментализма в Афганистане являются последователи идеологии «исламской революции» аятолы Р. Хомейни. К ним относятся различные группировки проирански настроенных шиитов Афганистана, идеологические установки которых в той или иной мере ориентированы на политику экспорта «исламской революции» по иранскому образцу.

Справедливости ради следует отметить, что афганские фундаменталисты заявили о своей исторической миссии еще в конце 60-х гг. — борьба за возврат к первоосновам ислама, очищение его от поздних искажений и в конечном итоге за создание истинно исламского государства в Афганистане. С точки зрения фундаменталистов, сегодня в мире нет действительно исламских государств. По их мнению, лишь Иран приближается к фундаменталистскому идеалу исламизации общества и государства. Идеологические концепции афганских фундаменталистов не отличаются новизной или своеобразием. Как и братья-мусульмане в арабских странах, афганские фундаменталисты широко используют идеи видных мусульманских богословов, высказанные еще сотни лет назад. Идея о том, что ведение джихада — высшая и пожизненная обязанность правоверных, неоднократно применялась в ходе борьбы за власть и против мусульман.

Еще Ибн Хальдун (1332—1406), великий древний арабский философ и мыслитель, отмечал, что халифат является «идеальным политическим строем, который неподвластен влиянию обстоятельств времени и пространства»⁵. Эти слова И. Хальдуна о халифате и сегодня можно рассматривать как наиболее четкое определение основного направления в деятельности многочисленных исламистских движений.

Именно из этого положения исходили великие мусульманские реформаторы — «отец» панисламизма Д. аль-Афгани (1839—1897) и его ученик и последователь Мухаммед Абдо (1849—1905), которые видели причины «упадка исламской цивилизации и немощи ее политической власти не в самом исламе, а в пренебрежении и отходе мусульман от их вероучения».

«Упадок исламского общества, — пишет Д. аль-Афгани, — не может быть отнесен за счет истинного ислама, но за счет неведения мусульманами, что есть истинный ислам»⁶. Из этого вытекает, что истинность ислама по-прежнему вне всякого сомнения, причины отсталости и упадка мусульман в них самих, но не в религии. Поэтому пужен призыв (даава) к распространению ислама вновь, но в очищенном от всего привнесенного в него виде.

В силу неоднородности существующих исламских фундаменталистских движений говорить о какой-либо четкой идеологической концепции, характерной для всех или большинства из них, затруднительно. Более того, апелляции фундаменталистов к исламу зачастую сопряжены с конъюнктурными моментами в политической борьбе и частыми междоусобицами. Нередки случаи, когда высокоморальные и категоричные декларации с позиции «самого истинного» ислама на практике служат маскировке узкокорыстных и эгоистических интересов верхушки оппозиционных партий и их ближайших сторонников.

Вместе с тем анализ идеологических установок основных группировок исламской вооруженной оппозиции позволяет реконструировать своего рода «идеологическое кредо» фундаменталистов, или, как они себя называют, исламистов. Политической целью данного движения по сложившейся уже традиции объявляется полная исламизация государства и общества на уровне отдельно взятой страны, региона и во всем мире. В конечном варианте планетарные претензии

фундаменталистов сводятся ни больше ни меньше чем к созданию «соединенных исламских штатов».

Более скромной задачей объявляется установление исламских форм правления в тех странах, где это возможно. При этом фундаменталисты, апеллируя к традициям мусульманской солидарности, требуют безоговорочного участия в борьбе против «безбожных» правителей всех мусульман. Тот, кто этого не делает, — не истинный мусульманин. А следовательно, объектом «священной борьбы» могут стать он сам и его близкие. Может быть, именно этим объясняются жестокие ракетные обстрелы афганских городов, многочисленными жертвами которых становятся невинные дети, женщины, простые горожане.

Логика рассуждений фундаменталистов предельно проста и радикальна. В этом секрет ее популярности, особенно среди определенной части молодежи, как правило не имеющей достаточного жизненного и политического опыта. Линия рассуждения фундаменталистов может выглядеть так. Мусульмане сегодня живут очень плохо. Почему? Ведь в период раннего ислама все правоверные жили хорошо, процветали мусульманские государства. Люди — те же, земли — те же. В чем причина? А дело в том, говорят фундаменталисты, что с течением лет мусульмане отошли от «истинной» религии, Аллах отвернулся от них и подверг их наказанию лишениями, нищетой и пороками. Что же делать? Выход один — вернуться в лоно истинной веры, т. е. к тому исламу, который истинен для фундаменталистов. Ну а кто же мешает восстановить истинную веру и, как следствие, вернуть правоверным благоденствие? Конечно, враги ислама и мусульман, внутренние и внешние. А кто же эти враги? Все, кто не согласен со взглядами фундаменталистов, т. е. не только «безбожные» режимы, но и рядовые мусульмане, которых по тем или иным причинам не прельщает экстремизм идеологов фундаменталистов. Так безошибочно срабатывает столетиями опробованный метод манипуляции религией, когда под предлогом борьбы за «истинную» веру врагом ислама и мусульман может быть назван любой неугодный правитель или просто человек. Но ведь согласно постулатам веры никто не имеет права выступать от имени Аллаха. Каждый мусульманин подотчетен ему лично, без посредников, даже из числа фундаменталистов, которые

под предлогом борьбы за «чистоту» ислама пытаются часто скрыть свои честолюбивые замыслы и корыстные интересы.

Довольно часто обвинение в отходе от канонов религии имеет и чисто светский, политический ракурс: люди живут плохо, потому что ими правят вероотступники, следовательно, только объявив войну властям и свергнув их, можно установить «истинный» ислам, а после этого само собой наступит всеобщее благоденствие. Несмотря на очевидный примитивизм рассуждений, попытки объяснить окружающий мир столь упрощенно, идеология фундаментализма овладевает умами многих. Видимо, секрет тут в простоте объяснений и радикальности предлагаемых выходов, которые, в свою очередь, реализуются в знакомой с детства и понятной религиозной форме.

Лидеры и идеологи афганских фундаменталистов умело оперируют целым набором традиционных исламских понятий, специально подобранными выдержками и стихами из Корана, применяют апробированные методы религиозно-политического убеждения. К примеру, религиозно-философское понятие «джахиллия» (доисламское варварство) отражает суть понимания и оценки окружающей действительности фундаменталистами.

Религиозно-теологическая концепция исторического процесса наиболее полно изложена в книге С. Кутба «Вехи пути», которая является наиболее характерной и популярной среди братьев-мусульман работой, отражающей существо философских основ теории и практики данного движения, его социально-политические концепции. В современных условиях работа С. Кутба «Вехи пути» по-прежнему является главным источником формирования воинствующих мировоззренческих установок у братьев-мусульман.

В конечном итоге пророчества С. Кутба сводились к утверждению, что за веком капитализма и социализма грядет «мировая исламская система».

Ислам призван вести мир через синтез ценностей Востока и материального гения Запада. «Необходимо сохранить достигнутые человечеством уровень материальной цивилизации, творения европейского гения в материалистическом совершенстве, — продолжает далее С. Кутб, — но дать миру новые ценности... чтобы они были истинны, положительны и реальны». По его мнению, только ислам может осуществить эту миссию, ибо

«только ислам, единственный, обладает этими ценностями»⁷. В соответствии с этой установкой, активно использовавшийся лидером египетских братьев-мусульман С. Кутбом, все мусульмане до такой степени отошли от истинной религии, что оказались в доисламском положении, в состоянии варварства. Следовательно, как и 14 веков назад, путь к счастью лежит через восстановление истинной религии. Ранний период распространения ислама в VII в. всячески идеализируется и объявляется пригодным для всех времен и народов. А поскольку в сохранении «джахилии» заинтересованы определенные правящие круги и связанные с ними политические силы, то они незаконны и носят антиисламский характер.

Другое понятие — «такфир» («обвинение в ереси») позволяет, прикрываясь лозунгами борьбы за «истинный» ислам, обосновать законность организации антиправительственных действий против любых властей или просто инакомыслящих. Вследствие подчеркнуто нетерпимого и агрессивного отношения фундаменталистов к любым другим точкам зрения именно насилие в той или иной форме становится главным аргументом в насаждении угодных им взглядов. В целях завоевания поддержки более широких слоев населения возможна манипуляция понятием «такфир», однако суть остается прежней — «или черное, или белое».

После того как враги ислама определены, в зависимости от конкретных условий им объявляется джихад сразу или после хиджры. В Афганистане имело место и то и другое. Понятие «хиджра» (исход) взято по исторической аналогии с периодом начала проповеди пророком Мухаммедом, когда он и группа его последователей вынуждены были перебраться из Мекки в Медину, так как меккацы первоначально негативно отнеслись к новой религии. В Медине пророк сумел обратить в свою веру многих и затем, укрепив свои позиции, с триумфом вернуться в Мекку. Упростив данный исторический случай и придав ему современную политическую трактовку, лидеры афганской оппозиции сумели использовать понятие «хиджра» в целях организации массовой эмиграции афганцев из своей страны под предлогом угрозы исламу и необходимости в новых местах, собравшись с силами, свергнуть «безбожников» в Кабуле. Примером политической интерпретации понятия «хиджра» является передовица, опубликованная в журнале «Наставления ислама»

(Движения исламской революции Афганистана) М. Наби Мухаммади и содержащая следующие рассуждения: «Пророк Мухаммед совершил хиджру по приказу Аллаха из Мекки в Медину из-за тирании и преследования со стороны безбожников... Долг каждого истинного мусульманина подчиниться воле Аллаха и уехать с земли, где нет исламской власти. Долг каждого истинного мусульманина вести джихад, пока не восстановится ислам»⁸.

Характерно, что те, кто отказывался эмигрировать, рассматривались как сторонники «нечестивого» режима, т. е. тоже кяфиры — враги ислама. А с неверными — разговор короткий. Отсюда кроме всего прочего произрастает циничное пренебрежение к человеческой жизни, которое уже само по себе богопротивное дело. Но в данном случае фундаменталистская трактовка Корана служит применению против «врагов ислама» любых средств, ставит людей, подведенных под эту категорию, мусульман и немусульман, вне логики человеческой морали, обрекая их во многих случаях на мучительные страдания, глумления, истязания и тяжкую смерть. Воистину цель оправдывает средства. Как свидетельствуют многочисленные факты, жертвами могут стать дети, женщины, старики, больные, раненые и даже видные мусульманские духовные лица, а судьями и палачами их от имени «истинного» ислама зачастую становятся те, кто не способен прочесть ни одной суры Корана.

Понятие «джихад» возведено фундаменталистами в ранг непреложной религиозной обязанности, при этом в расширительной трактовке джихад из средства защиты религии превращается в самоцель. Характерно, что такое использование фундаменталистами учения о джихаде вызывает серьезное осуждение среди большинства профессионального духовенства. И не случайно. В исламе веками утвердились пять «столпов веры»: «аш-шахада» — исповедание единобожия и признание пророческой миссии Мухаммеда; «ас-салат» — молитва; «ас-саум» — пост; «аз-закат» — обязательная милостыня и «аль-хадж» — паломничество. Произвольное добавление к пяти общепринятым «столпам веры» шестого — агрессивно и расширенно трактуемого джихада свидетельствует не столько о попытках реформации, сколько об умышленной политике защиты ислама и мусульман.

Крайний слева — Х. Амин; крайний справа — Н. М. Тараки.
(За полтора месяца до убийства Н. М. Тараки)

Встреча боевых друзей

Фируза. Командир женского отряда самообороны

Мулла пехотной дивизии

Сторожевой пост в горах

Встреча далеко от Родины (на снимке: в центре — преподаватель Института общественных наук ЦК НДПА Л. Д. Белогурова со своим сыном С. Б. Белогуровым)

Таких невзгоды не сломили ...

На заставе в горах

Привал. Скоро — бой

Мать с сыном

Эти две фотографии разделяет не так уж много времени. На одной из них запечатлен десантник А. Шумов с мамой Валентиной Петровной перед его отправкой в Афганистан. Анатолий, выполняя интернациональный долг, погиб. Неизбывна печаль матери

В. П. Куценко, Кабул, 1987 год
(автор рисунков)

Санинструктор Виктор Усачев

Медсестра Нина Егорова

Виктор Верстаков

Голос Родины

Долгожданная встреча

Прощай, застава ...

Осторожно, мины!

Наши спецпропагандисты всегда были среди афганцев

Президент Республики Афганистан Наджибулла у советских воинов

Председатель Совета Министров РА С. А. Кештманд вручает награды отличившимся в боях

Афганские строители

Им нужен мир

Подрывная машинка, захваченная у моджахедов

Мины-ловушки, применяемые против афганского народа

Скоро домой

Теплая встреча

Генерал-лейтенант Б. В. Громов пересекает мост через Амударью (15 февраля 1989 г.)

Совместный советско-афганский космический экипаж к полету готов

Для идеологии исламского фундаментализма характерна намеренно упрощенная и циклическая периодизация истории ислама: период правления пророка Мухаммеда, период правления халифов, период правления королей, период правления диктаторов и современный период борьбы с «безбожными диктаторами», после свержения которых мусульмане вновь обретут право жить как при пророке, вновь воцарят мир и согласие. При всей очевидной несостоятельности подобные точки зрения весьма распространены.

Все теоретизирования на предмет особого «исламского пути» развития, как правило, сводятся к одному — синтезу морально-этических норм ислама и материальных достижений современного общества. Иными словами, по взглядам фундаменталистов, если высокоразвитую технологию производства организовать по-исламски, а обществом управлять по шариату, то наступит всеобщее процветание.

Наиболее отчетливо агрессивный и антидемократический характер идеологических установок афганских фундаменталистов прослеживается в их непримиримости в отношении политики национального примирения, последовательно проводимой правительством Афганистана. Фундаменталисты, провозгласив главной целью борьбы создание на территории Афганистана исламского государства, выдвигают ультимативные требования в вопросе политического урегулирования, что означает капитуляцию современного правительства в Афганистане.

В обосновании непримиримой линии фундаменталисты широко используют тенденциозно подобранные выдержки из Корана, факты военной истории ислама, комментируя источники мусульманского богословия в интересах современной борьбы. К примеру, в работе Г. Хекматъяра с характерным наименованием «Политическое урегулирование проблемы Афганистана» проводится мысль о том, что с позиций истинного ислама согласие на политическое урегулирование конфликта означает предательство интересов «священной борьбы». Более того, теоретические изыскания Г. Хекматъяра о возможности достижения мира лишь с позиции силы касаются не только народной власти, но и его конкурентов на монополию исламской власти в стране в стане афганской оппозиции.

После вывода советских войск из Афганистана дей-

ствительные политические цели афганских фундаменталистов отчетливо обнажились. С уходом советских войск исчезла главная причина ведения джихада, однако «священная борьба» не прекратилась, напротив, масштабы и интенсивность ее резко возросли. ореол бескорыстных «борцов за веру» из пешаварского альянса афганской оппозиции померк. Все чаще стали вспыхивать кровавые и жестокие междоусобицы. Предвосхищая быстрое падение режима НДПА, моджахеды всех мастей и оттенков, невзирая на исламские нормы, ревностными защитниками которых они себя годами выставляли, бросились сводить счеты друг с другом.

В течение 1989 г. для большинства афганцев стало ясно, что исламские теоретизирования лидеров афганской вооруженной оппозиции, многолетние призывы к защите ислама и мусульман от неверных на деле не что иное, как исламское прикрытие честолюбивых замыслов и политических амбиций главарей вооруженной оппозиции, непримиримость которых враждебна интересам подавляющего большинства населения страны и самих рядовых моджахедов. И это не случайно. Именно годы гражданской войны под лозунгами «священной борьбы» принесли власть и богатство верхушке вооруженной оппозиции. Прекращение же братоубийственной войны создает недвусмысленную угрозу их господству.

Более того, за бесчисленные преступления, совершенные против своего народа от имени ислама под лозунгами джихада, когда-либо придется нести ответ.

3. Расширение социальной базы оппозиции. Начало гражданской войны

Среди целого комплекса внутренних и внешних причин возникновения гражданской войны в Афганистане особое место занимает внутривнутриполитический кризис 1978—1979 гг. Известно, что успех в гражданской войне, как правило, обусловлен двумя моментами: завоеванием поддержки основной массы населения и степенью воздействия на внутривнутриполитическую ситуацию извне.

Безусловно, региональные условия и внешние факторы эскалации внутриафганского конфликта имели и имеют исключительное значение, именно они способствовали превращению внутренней гражданской

войны в многолетний и кровопролитный региональный конфликт. Однако попытаемся осмыслить и реконструировать события 1978—1979 гг., тенденции развития которых во многом предопределили ход многолетней гражданской войны.

подавляющее большинство афганцев, и прежде всего крестьяне, жившие по законам родоплеменного общества и ислама, не только не приняли никакого участия в апрельских событиях 1978 г., но и объективно не были готовы к восприятию последовавших затем радикальных лозунгов и действий.

В этот период лидеры НДПА, ошибочно восприняв реакцию масс на свержение М. Дауда в качестве проявления популярности партии в народе, взяли курс на установление фактической монополии НДПА на политическую и государственную власть. Вместо расширения своей социальной и политической базы халькистское руководство НДПА сделало все, чтобы лишить себя политических союзников и опоры на прогрессивные силы общества, мотивируя это самостоятельным захватом власти.

Заблокировав образование коалиционного правительства и не желая ни с кем делить власть, руководство НДПА обрекло себя на политическую изоляцию. При этом Апрельская революция была объявлена «народной», а власть НДПА — «диктатурой пролетариата», опирающейся на партию и вооруженные силы. Маоистская установка «винтовка рождает власть» была представлена в качестве нового шага в развитии теории марксизма. Участились явно необоснованные исторические аналогии между Великой Октябрьской социалистической революцией 1917 г. и «великой Апрельской революцией». В международном аэропорту афганской столицы появился характерный огромный кумачовый плакат: «Добро пожаловать в страну новой модели социальной революции!»

Видимо, максимализм Н. М. Тараки и Х. Амина в деле построения социализма при помощи диктатуры пролетариата в сугубо аграрной стране может быть отчасти объяснен характерным для мелкобуржуазных радикалов «революционным нетерпением» и неискренностью в теории. Но кроме идейно-теоретического ракурса «политический авантюризм» халькистского руководства НДПА мог иметь и прагматический характер. Дескать, поскольку в результате «народной рево-

люции» к власти в Афганистане пришла партия «рабочего класса», то верные традициям и принципу пролетарского интернационализма социалистические страны должны оказать помощь братской партии. Можно с известной уверенностью предположить, что Н. М. Тараки и Х. Амин лучше, чем кто-либо, знали о действительной возможности НДПА удержать власть и, следовательно, осознанно делали ставку не на свои силы, а на помощь извне.

Иждивенческие, по существу, расчеты халькистского руководства на внешнюю помощь во многом объясняют безоглядное форсирование социально-экономических преобразований в стране, отстранение от власти фракции «Парчам», массовые репрессии против потенциальных союзников и в определенном смысле вызывающее поведение в отношении Пакистана и Ирана в вопросах, связанных с пограничными проблемами. Фактически, уповая на административно-командные методы и внешнюю помощь, халькистское руководство НДПА рассчитывало быстро подавить внутреннюю оппозицию.

Однако любые действия центральных властей в обход местных авторитетов всегда и при любой власти рассматривались как грубое посягательство на традиции и независимость и, как правило, приводили к восстаниям.

«Воздействие» же НДПА на афганское крестьянство ограничивалось публикацией в газетах статей о земельной реформе (которых крестьянин не читал по простой причине — своей неграмотности, да и газеты в деревню не доставлялись), затем приездом в деревню молодых, не внушавших крестьянам доверия уполномоченных, собиравших крестьян на митинги и произносивших непонятные им речи, конфискацией земли и попытками передать ее испуганному крестьянину, а затем и принудительными мерами по осуществлению реформ.

Более того, перераспределение земли сверху, без непосредственного участия крестьян, непродуманное дробление хозяйств, а также отрыв земельных наделов от источников воды, инвентаря, семенного фонда привели к резкому снижению уровня сельскохозяйственного производства в сугубо аграрной стране. Несмотря на афганскую специфику, в аграрном «творчестве» халькистского руководства НДПА проглядываются

процессы, аналогичные массовой коллективизации 30-х гг. в России.

В результате грубейших ошибок в реализации аграрной реформы, затронувшей напрямую интересы родоплеменной знати, начала быстро расти напряженность. Действие таких факторов, как экономическая основа власти малика, авторитет религии, воплощенной в мулле, географическая изоляция деревни, усиливалось неписаными племенными пуштунскими традициями, закрепленными в своде норм поведения — «пуштунвалай», и в частности жесткой заповедью кровной мести. А ведь афганская деревня — это замкнутая, изолированная ячейка общества, где не могли появиться новые люди со стороны, новые идеи. Крестьянин не видел в лице помещика или малика врага.

Усилилась антиправительственная пропаганда, начали «сбываться» предостережения исламской оппозиции о «безбожном» характере кабульских властей. Центр тяжести борьбы с оппозицией смещался в сельскую местность.

Постепенно ряды политической оппозиции стали расти не только за счет уволенных со службы чиновников и офицеров, торговцев, предпринимателей, крупных землевладельцев, представителей мусульманского духовенства и племенных вождей, но и за счет простых крестьян, забитых и неграмотных, находившихся веками во власти кишлачных старейшин, мулл и родоплеменных авторитетов. В силу исторических традиций, религиозности большинства афганцев, а также из-за соседства Афганистана с враждебно настроенными мусульманскими странами ислам становился политической идеологией конгломерата антиправительственных сил, все чаще борьба с «безбожниками-коммунистами» велась под лозунгами «защиты веры», за создание исламского правительства.

Действуя по отношению к крестьянству свысока, игнорируя его специфику как класса, НДПА скомпрометировала на этом этапе в глазах крестьянства идею национально-демократической революции и оттолкнула крестьянство от новой власти. Напуганное революцией крестьянство пыталось найти спасение и объяснение происходящему в привычной для него идеологии — исламской религии, носители которой быстро сформулировали доступные крестьянину стереотипы: власть в Кабуле захвачена безбожниками, коммуни-

стами, они хотят уничтожить исламские ценности, они привели в Афганистан иностранцев. Долг каждого мусульманина встать на защиту своей религии, начать джихад против неверных и их афганских прислужников. Вот, собственно, и весь комплекс религиозно-политических взглядов, с которым оппозиция обратилась к афганскому крестьянству, комплекс проверенный и испытанный.

Другим важным фактором активизации борьбы антиправительственных сил в стране после Апрельской революции явились промахи НДПА по отношению к религии. Справедливости ради следует отметить, что еще 28 апреля 1978 г. руководители революционного переворота заявили о том, что революция осуществлена во имя «защиты принципов ислама и демократии». Выступая на пресс-конференции в мае этого же года, Н. М. Тараки попытался наметить курс новых властей в отношении ислама, верующих и духовенства. Он заявил, что революционная власть «уважает принципы ислама, не препятствует совершению религиозных обрядов... не вмешивается в религиозные дела... опирается на принципы ислама».

Фактически же ислам не был включен в систему общественно-политических взглядов и идеалов новых властей, правительство заняло пассивную позицию в отношении верующих и духовенства. Следует отметить, что вопросы религии не затрагивались в Программе партии, изданной еще в 1966 г. Руководство НДПА не имело опыта разработки вопросов религиозной политики. Отдав приоритет осуществлению важных социальных и экономических преобразований, правительство проигнорировало религию, ей не нашлось места в официальной идеологии. Новое правительство заняло жесткую, недифференцированную позицию в отношении духовенства, рассматривая его односторонне, как враждебный пережиток.

В первые же дни переворота были расстреляны более 20 представителей высшего духовенства, в том числе члены известного и могущественного клана Моджаддиди.

Не проводя никакой подготовительной, разъяснительной работы, руководство ДРА объявило 27 сентября 1978 г. джихад группировке братьев-мусульман, назвав их «братьями-дьяволами», «врагом № 1», и развернуло против них широкие репрессии.

Руководство ДРА не раскрыло и не объяснило народу характер связей афганских братьев-мусульман с реакционными кругами в странах Ближнего и Среднего Востока (Иран, Египет, Саудовская Аравия) и международным империализмом. Политически эта организация дискредитирована не была. Правительство, не изолировав братьев-мусульман от верующих, не смогло получить широкой поддержки в массах в борьбе против «братьев» и реакционной части духовенства. Имел значение и тот факт, что население испытывало страх перед членами этой организации, запугивавшими людей и угрожавшими им карами за поддержку правительства. С момента объявления джихада началась широкая кампания в печати, сопровождавшаяся мерами репрессивного характера, против всех потенциальных противников режима и оппозиционно настроенных групп, в том числе группировки «Парчам», объявленной наряду с другими прислужницей международного империализма.

Отсутствие на практике дифференцированного и научно обоснованного подхода к различным силам оппозиции со стороны руководства ДРА объективно содействовало не расколу и разобщению оппозиции, а ее консолидации.

В различных кругах духовного сословия в течение определенного периода времени сохранялось своего рода равновесие по отношению к возникшему в апреле 1978 г. режиму. Практические шаги правительства по реализации своей программы стали разрушать это хрупкое равновесие. Первым толчком, приведшим в движение определенные слои духовенства, послужил декрет № 6 об отмене и облегчении задолженности крестьян ростовщикам и помещикам.

Политико-экономическое значение этого мероприятия трудно переоценить. При проведении в жизнь декрета ставились важные задачи: подорвать экономические позиции крупных феодалов и связанного с землей ростовщического капитала, привлечь на сторону режима широкие крестьянские массы, создать благоприятные условия для осуществления дальнейших, более глубоких и радикальных, преобразований в деревне, в первую очередь земельной реформы. Но, к сожалению, правительство недооценило степень влияния ислама на крестьянскую психологию. Мулла оказался для многих крестьян более авторитетным лицом, не-

желе партийные работники, проводившие в жизнь декрет № 6. В результате агитации мулл многие крестьяне, формально освободившиеся от долговой кабалы и получившие на этот счет документ от властей, на деле продолжали считать себя должниками и по-прежнему выплачивали свои долги. Крестьянство в своей массе оказалось не подготовленным к восприятию такого рода радикального преобразования.

Ущемленными оказались крупные ростовщики и помещики, тесно связанные в социальном и экономическом отношении с крупным реакционным духовенством. Именно в период осуществления этого декрета (июль — октябрь 1978 г.) активизировалась деятельность тех групп духовного сословия, которые с самого начала были в оппозиции к народному строю. Они тайно вели пропаганду среди различных слоев населения против идей социализма.

Очередным толчком к усилению антиправительственных действий реакционных организаций послужили торжества, посвященные поднятию нового, красного флага ДРА 19 октября 1978 г. В конце октября вспыхнули волнения в Кандагаре. Фанатичная толпа по подстрекательству местных мулл захватила резиденцию губернатора и несколько других государственных учреждений, сорвала красный флаг и водрузила зеленый, исламский. В ходе уличных столкновений погибло несколько десятков членов и активистов НДПА. Лишь на другой день при помощи армейских подразделений удалось ликвидировать беспорядки, устроенные братьями-мусульманами.

В декабре 1978 г.— январе 1979 г. во многих провинциях Афганистана стало неспокойно. Небольшие террористические группы «братьев» совершали нападения на солдатские казармы и населенные пункты.

В начале февраля 1979 г. в соседнем Иране происходит антишахская революция. Пришедшая к власти на гребне широкого демократического движения группировка аятоллы Хомейни провозгласила курс на исламизацию общественно-политической жизни страны. Амбиции аятоллы Хомейни вышли за рамки Ирана, когда он объявил себя имамом (духовным главой) всех шиитов мира. В последующем реакционные круги Ирана стали оказывать многостороннюю поддержку афганской оппозиции.

Таким образом, земельная реформа в ДРА, нанес-

шая удар по позициям феодалов-землевладельцев и связанному с ними крупному духовенству, и воинствующий исламизм в соседнем Иране катализировали политическую и вооруженную деятельность реакции, в первую очередь духовенства.

К началу лета 1979 г. военно-политическая обстановка в стране обострилась. Вооруженные вылазки оппозиции имели место во многих провинциях Афганистана. В начале мая крупному нападению многочисленного вооруженного отряда мятежников подвергся промышленный город Пули-Хумри в Северном Афганистане. Была перерезана на несколько дней автотрасса Кабул — Север. Участились вооруженные столкновения в провинции Пактия, большую часть которой захватили военные формирования мятежников. В апреле 1979 г. по подстрекательству братьев-мусульман вспыхнул мятеж в гарнизоне центра провинции Нангархар — городе Джелалабад. Непокойно было в Логаре, Гурбанде и Панджшере. 9 мая вооруженный отряд мятежников совершил нападение на Кабульский международный аэропорт, сделав попытку захватить ангары с самолетами.

В статье «Жестокость, не знающая предела» корреспондент ТАСС от 28 июня 1979 г. поведал о терроре, развязанном антиправительственными силами против мирного населения в сельской местности. Факты, о которых стало известно здесь, неопровержимо свидетельствуют о бесчеловечных методах бандитов. Так, в районе Сарчешма они совершили нападение на село Джольриз. Живьем сожгли в здании местной школы учеников и их учителя, который проводил занятия. В населенных пунктах Хугиян, Печ и Асадабад, расположенных в приграничных районах, озверевшие бандиты разрывали людей на части и глумились над телами убитых. По свидетельству очевидцев, они на глазах у матери разрубили на части ее сына только за то, что он посещал школу.

Гнев и возмущение вызывали зверства террористов у афганского народа. Тысячи жителей провинции добровольно вступали в ряды комитетов защиты революции, выражая готовность дать решительный отпор вооруженным бандам. Многие люди приходят из деревень в афганскую столицу, чтобы рассказать о том, как погибли их братья и сестры, матери, отцы и дети.

То, что мы видели в нашем селе, говорил в беседе

с корреспондентом ТАСС Хамад Джами из села Мусакала, забыть невозможно. Банда из десяти вооруженных человек напала на деревню и зверски у всех на глазах убила 19 человек. Они расправлялись со своими жертвами, отрубая им конечности, вспарывая животы. Затем дотла сожгли школу. Террористы не остановились даже после того, как служитель местной мечети призвал их прекратить изуверства над народом. Они убили и его.

В антиправительственной пропаганде противников народной власти важное место занимали антисоветские выпады и обвинения в адрес правительства ДРА в проведении «просоветской политики». Об этом убедительно свидетельствует текст листовки, написанной на языке пушту и распространявшейся среди жителей города Кандагар:

«Срочная информация!

К сведению истинных мусульман!

Программа Тараки, или то, к чему он стремится:

1. Несомненно, тот, кто недостойно ведет себя — тот кяфир.
2. Соотечественники делают свою родину неверной.
3. В угоду русским они попирают честь мусульман.
4. Отбирают землю и имущество мусульман.
5. Сыновья Советов (НДПА) говорят: у вас не будет женщин, земли и золота.
6. Будут уничтожены религия ислам и улемы.
7. Русским отдадут землю и родину.

Мусульмане, запомните все это.

Смерть русским прислужникам!

Смерть английским прислужникам!»

Кроме оппозиционных кругов в эмиграции в Пакистане и Иране немало противников режима находилось внутри страны. Они территориально рассредоточились по многим провинциям. Единой организационной структуры и единого руководства у них не было. Их лозунг — «Борьба за ислам, против марксистов-безбожников». Тактика деятельности была та же, что и у зарубежной оппозиции: формируются террористические вооруженные отряды, совершающие нападения на населенные пункты. Большую помощь им оказывали иранские клерикальные круги, использовавшие свое влияние особенно среди национальных и рели-

гиозных мепьшинств, в частности шиитов. Деятельность иранской агентуры в ДРА привела к тому, что значительная часть афганских шиитов признала аятоллу Хомейни своим верховным имамом и выступила против народного правительства. Примером может послужить вооруженное выступление большой группы шиитов 23 июля 1979 г. в Кабуле, имевшее целью организацию беспорядков и создание паники в столице, пагнетание общей неуверенности в стабильности правящего режима. Мятежники, устроив беспорядочную стрельбу в городе, организовали митинг, подняли зеленое знамя ислама, призывали к свержению правительства и провозглашали хомейнистские лозунги.

Еще одним чрезвычайно важным моментом в борьбе между НДПА и антиправительственными движениями за привлечение на свою сторону крестьянских масс явилась проблема афганских беженцев, особенно тех, кто разместился на территориях Пакистана и Ирана.

В некоторых официальных пакистанских источниках динамика эмиграции в Пакистан за десять лет, с 1973 по 1983 г., представлена следующим образом: 1973 г.— несколько сот человек; 1978 г.— 109 900 человек; сентябрь 1979 г. (Х. Амин отстраняет от власти Н. М. Тараки) — 193 тыс. человек; декабрь 1979 г. (свержение Х. Амина и приход к власти Б. Кармалы) — 402 100 человек; июль 1980 г.— более 1 млн. человек; май 1981 г.— более 2 млн. человек; январь 1982 г.— более 2,8 млн. человек; май 1983 г.— более 2,8 млн. человек.

Следует отметить, что понятие «беженцы» не совсем точно квалифицирует ту массу афганцев (в своем большинстве представителей пуштунских и белуджских племен), которая под влиянием ряда факторов оказалась вне пределов своей страны. По вольному определению некоторых западных авторов, беженцы — это лица, покинувшие свои страны, опасаясь преследований. Согласно международному праву это лица, добровольно или по распоряжению властей покинувшие во время войны места жительства, находившиеся под угрозой оккупации или занятия противником. Ни то ни другое определение не отражает причин возникновения такого феномена, как афганские беженцы.

Вспомним лето 1975 г., когда вооруженные группы фундаменталистов из «Мусульманской молодежи» пы-

тались поднять восстание в сельских районах страны. Крестьяне не пошли за ними главным образом потому, что режим М. Дауда не посягал на существовавший порядок землепользования.

Поспешные и неподготовленные реформы руководства ДРА дали в руки афганской оппозиции такой мощный социально-экономический рычаг, какого она еще никогда не имела. Вначале вспыхнули локальные вооруженные выступления крестьян против новой власти, инспирированные маликами, ханами и муллами, затем эти выступления стали направляться организованной контрреволюцией. Усилилась инфильтрация в деревню элементов организованной контрреволюции; при участии помещиков, маликов, ханов и мулл происходили обработка с использованием исламских догм крестьянского населения, его запугивание и склонение к участию в вооруженной борьбе против центрального правительства и к уходу в Пакистан и Иран.

Процесс ухода крестьян происходил по нарастающей и приобретал все более массовый и «организованный», если можно так сказать, характер. Вот как описывает этот процесс один из афганских авторов, сам эмигрант: «Во время республики Дауда, а затем и в период правления Тараки руководители находившихся в эмиграции партий, стремясь поднять свой престиж и привлечь в свои партии большее число людей, прибегали к различного рода приемам, в частности распространяли среди народа в Афганистане слухи о том, что партии в эмиграции якобы имеют в своем распоряжении... достаточно денег и оружия и приветствуют в своих рядах новых борцов. Таким образом, эти партии стимулировали массовый выезд людей за пределы Афганистана... Но когда люди приходили в Пакистан, они убеждались в том, что не было ни оружия, ни денег (речь идет о начальном периоде процесса ухода части населения), все, что им говорили, оказалось неправдой, обманом, а отношение к ним было зачастую бесчеловечным, неисламским... Ответственность за все эти унижения, оскорбления, голод и скитания в значительной степени лежит на тех, кто призывал и поощрял народ становиться беженцами. Если бы не было этих фальшивых обещаний, если бы народ не подстрекали к бегству, то, возможно, не было бы такого числа беженцев из страны»⁹.

Для афганских фундаменталистских оппозицион-

ных организаций ИПА и ИОА, прозябавших в 1975—1976 гг. в бесславной эмиграции, приход после Апрельской революции 1978 г. в Пакистан большого числа афганских беженцев открыл этим замкнутым, не имевшим никакой опоры в массах антиправительственным организациям, находящимся на содержании у арабских «Братьев-мусульман», «Джамаат-и-ислам» Пакистана и пакистанских спецслужб, прямую дорогу к многочисленной группе афганского крестьянства, оказавшейся на чужой земле, в полной и экономической и политической зависимости как от местных властей, так и от своих маликов, ханов и мулл, сомкнувшихся с организованной контрреволюцией. «С началом притока беженцев,— говорится в докладе Института ООН по исследованиям социального развития,— партии моджахедов упрочили свои позиции в Пакистане как перед лицом местных провинциальных властей, так и среди самих беженцев. Правительственные власти, видимо, сотрудничают с ними в целях опознания беженцев и их регистрации. Агентства по оказанию благотворительной помощи тоже, очевидно, оказывают свою помощь через этот канал. Спустя некоторое время после начала притока беженцев партии моджахедов, видимо, успешно вовлекли в свои ряды лидеров общин беженцев, а эти лидеры в свою очередь привлекли рядовых беженцев — крестьян»¹⁰.

Поскольку лагеря афганских беженцев в Пакистане при попустительстве, а иногда и прямом содействии пакистанских властей превратились в неиссякаемые источники пополнения вооруженных формирований афганской контрреволюции, целесообразно более подробно рассмотреть механизм их образования и функционирования.

Все беженцы (ориентировочно 2,7 млн. человек) расселены в северо-западной пограничной провинции (СЗПП) Пакистана и Белуджистане примерно в 330 лагерях. Земля, на которой расположены лагеря, принадлежит или афганским помещикам из числа беженцев, или главам пакистанских племен, или местным землевладельцам, с которыми правительство заключает арендные договоры. В лагерях на территории Пакистана проживают беженцы из 13 провинций Афганистана: Бадахшана, Баглана, Газни, Гильменда, Кабульской провинции, Кандагара, Кундуза, Кунара, Лагмана, Логара, Нангархара, Пактия и Парвапа. Эти

провинции расположены в пределах 200 км от афганско-пакистанской границы.

Социальный состав беженцев представляет собой как бы срез, отражающий социальный состав афганской деревни, племени: от безземельных крестьян до крупных землевладельцев, от мелких торговцев до купцов, от рядовых членов племени до ханов. Но основную массу беженцев составляют крестьяне.

Социальная структура лагеря — деревни подобна структуре деревень племени в Афганистане. Существуют и действуют советы старейшин, избирающие маликов. Те, в свою очередь, являются связующим звеном между беженцами и пакистанской администрацией лагеря-деревни, а также между данной группой беженцев и другими их общинами. Свои обязанности в каждой группе беженцев выполняют деревенские муллы. Таким образом, проиграв борьбу за сельское население, руководство НДПА способствовало расширению социальной базы антиправительственных сил.

4. Почему они воевали против

Для того чтобы понять, как и почему определенная часть афганцев взялась за оружие и в течение более девяти лет вела боевые действия против правительственных войск и ОКСВ, которые все эти трудные годы защищали афганский народ от его врагов, видимо, необходимо попытаться проникнуть в суть мотивов действий этой части афганцев, понять, как они оказались по ту сторону баррикад.

Речь пойдет о людях, противостоявших Советской Армии в течение девяти лет. Как известно, в первые годы пребывания наших войск на афганской земле советские люди стремились решать политические проблемы в этой стране силовым путем, ведя боевые действия в целях разгрома вооруженной оппозиции. К политике национального примирения прибегли лишь тогда, когда убедились, что результаты бесконечных боевых операций напоминают черпанье воды решетом.

Советские органы массовой информации, выполняя в то время заказ сверху, оказали плохую услугу политическим и военным деятелям, значительно искажая образ противника — моджахеда, создавая у советского народа имидж глупого, слабого и трусливого отщепенца, который не пользуется никакой поддержкой у аф-

ганского населения и влачит жалкое существование исключительно за счет помощи извне.

Так происходило формирование ситуации, при которой рядовому советскому гражданину было непонятно, как можно, имея мощную боевую технику, обученные командные кадры, богатые военные традиции, не разбить контрреволюционных группировок, пусть и пользующихся поддержкой извне. Что же заставило этих людей с такой яростью и неутомимостью сражаться против советских войск так, что в конечном счете советское и афганское руководство было вынуждено изменить свой курс в решении внутренних и внешних проблем афганского вопроса?

Преобладающей части афганского населения были неведомы статьи советско-афганского договора от 1978 г. или те пункты Устава ООН, ссылаясь на которые пытались юридически обосновать факт отправки советских войск в Афганистан. Большинство афганцев вообще не знало об этих документах. Да и вопрос, кто конкретно просил Советский Союз о военной помощи в виде отправки войск и в каких размерах, остался тайной для многих, а не только для афганцев.

Естественно, появление советских войск в Афганистане, пусть даже и с благими намерениями, не нашло единодушной поддержки у населения. А когда «ограниченный контингент» втянулся в активные боевые действия, то лозунг о советской агрессии, выдвинутый оппозицией, встретил понимание у многих жителей, особенно в сельской местности. Оппозиция в данном случае сыграла на национализме афганца, вызвав к жизни вооруженные формы этого явления.

Афганцы, как и любой другой народ, любят свою родину и гордятся своим историческим прошлым, поэтому нет ничего удивительного в том, что города Герат, Кандагар и отчасти Газни, которые традиционно считались в Афганистане символами народного сопротивления вооруженным пришельцам, вновь стали ареной ожесточенных боев. Закономерно и то, что, когда советские войска покинули страну за Амударьей, в этих городах произошла разительная перемена. Например, Кандагар из эпицентра непрерывных боев и попыток мятежников захватить власть превратился в довольно-таки спокойное место по афганским нынешним меркам. Ушли иностранные войска — исчез лозунг об агрессорах. Ставший губернатором генерал

Олими довольно быстро договорился с оппозицией о прекращении боевых действий и налаживании мирной жизни, хотя за время пребывания советских войск взять полностью город под правительственный контроль не удалось ни разу.

В других районах страны, за исключением Джелалабада, тоже вскоре установилось затишье, некое мирное сосуществование правительственных войск и оппозиции, которая и без того замотана раздорами в своей собственной среде.

В то же время тезис оппозиции и их покровителей «уберите советские войска — и все наладится» далеко не оправдался. Война в стране продолжается, гибнут невинные люди, страдает и голодает мирное население.

Как известно, в самом Афганистане уже в нашем столетии было достаточно случаев вооруженных выступлений различных племен против своих собственных властей из Кабула, когда те пытались ограничить как-то их свободу, в чем-то навязать свою волю. Знало ли советское руководство, направляя войска, что в этой стране, сохранившей родоплеменную структуру общества, никогда не было достаточно прочной правительственной власти на местах, особенно в южных и восточных провинциях. Ведь даже ни король Захир Шах, ни президент М. Дауд на самом деле никогда не были полными хозяевами в стране. Уже в 40—50-х гг. текущего столетия местное население в Кунаре дважды громило правительственные войска, когда те приходили выполнять распоряжения Кабула. Естественно, что советские войска, вольно или невольно помогая НДПА распространить свое влияние на все районы страны, вызывали негативную реакцию населения этих самых районов.

Другая причина, побудившая простого афганца взяться за оружие, заключалась в исламе. Суть мировоззрения, образ жизни афганца — это ислам, и когда, по мнению афганца, его религии стала грозить опасность со стороны неверных, т. е. членов НДПА, пришедшей к власти, а затем и русских, которых позвали в страну свои собственные неверные, афганец начал джихад — борьбу за защиту ислама.

Многие советские политологи и журналисты были склонны объяснять это явление тем, что оппозиция развернула широкую пропагандистскую работу среди

«безграмотного, забитого, религиозного населения», настраивая его против местных коммунистов и советских войск, якобы прибывших для уничтожения ислама и насаждения коммунистической идеологии. Отчасти они правы, но лишь отчасти. Дело в том, что такие оппозиционные партии, как ИОА и ИПА, возникли задолго до 1978 г. и уже в 1974—1975 гг. пытались взбунтовать сельское население Афганистана и насильственным путем свергнуть режим президента М. Дауда, обвиняя его в попрании норм ислама и сближении с коммунистами. Выдвигался уже знакомый лозунг «Ислам в опасности». Однако население не пошло за мятежниками, не находя веских причин для развертывания джихада. Мятеж был с легкостью подавлен, за экстремистами никто не пошел. Анализируя материалы, относящиеся к этому периоду, можно сделать вывод, что одной пропагандой, какой бы изощренной она ни была, нельзя добиться желаемых результатов. Почему же в 1978—1979 гг., с прибытием советских войск, лозунг «Ислам в опасности» стал отвечать представлениям населения, во всяком случае его значительной части, о событиях, происходивших в стране?

Позитивные идеи Апрельской революции, провозгласившие прогресс, улучшение жизни трудовых слоев населения, равенство, ликвидацию эксплуатации и социально-экономической отсталости, со временем оказались чуждыми, инородными для простого афганца, так как методы и формы, в которых преподносились эти идеи на первом этапе, дискредитировали саму суть их, извратили понятие революции, оказались негодными для условий Афганистана и в конце концов отвратили от новой власти значительную часть населения. Достаточно вспомнить извращения при проведении земельной реформы во многих районах, форменный геноцид в отношении некоторых племен, вплоть до бомбардировок их поселений, расправы со священнослужителями в первый период пребывания у власти НДПА. Уже в это время был выдвинут тезис об опасности исламу. Появление же советских войск в стране, соответственным образом преподнесенное оппозицией в ее пропаганде, было расценено как приход неверных с целью уничтожения ислама.

Значительная часть духовенства также поддержала идею джихада. Безраздельное влияние ислама на умонастроения масс нельзя игнорировать. Ислам, как и

любая другая религия, обладает чрезвычайной живучестью. Культура народа, его язык, образ жизни настолько тесно переплелись с исламом, что отрицание религии было воспринято как покушение на само существование народа. Исправление ошибок, допущенных на первом этапе, пересмотр всей политики НДПА в отношении ислама и самое главное — вывод советских войск как главного раздражителя в исламском вопросе благотворным образом сказались на ситуации в стране.

Невозможно подсчитать, сколько из миллиона убитых и искалеченных афганцев приняли смерть и увечья от нашего оружия, от наших рук. Давно известно, что в войнах подобного рода гибнет гораздо больше гражданских лиц, чем военных. Такая статистика почему-то стыдливо замалчивалась в советской прессе долгие годы войны в Афганистане. Современная реактивная артиллерия, бомбардировочно-штурмовая авиация производили опустошающее воздействие в кишлачных зонах. Как только в каком-нибудь районе Афганистана начинались широкомасштабные боевые действия, толпы беженцев запруживали дорогу, бежали, чтобы спасти жизнь. Около 3 млн. афганских беженцев в Пакистане и Иране очутились в этих странах не по своей воле. Их вынудила покинуть родину война.

В Афганистане во многих районах сохранился обычай кровной мести, поэтому родственники убитых должны были отомстить обидчикам, что на практике приводило к увеличению численности вооруженных оппозиционеров. Никогда насилие не оставалось без ответа, кровь взывала к пролитию новой крови, и Афганистан не стал исключением. Разговоры о том, что кучка фанатично настроенных и непримиримых к революции феодалов, чиновников и буржуазии смогла силой и обманом загнать сотни тысяч простых афганцев в банды и заставить их воевать, и воевать неплохо, по крайней мере несерьезны. Стоит обратить внимание и на такое явление: отомстив в достаточной мере врагу за погибшего сородича, афганец, преследуя свои цели, может пойти даже на сотрудничество со своим бывшим противником. Однако такой союз непрочен и недолговечен и прекращает свое существование, как только сей альянс перестает быть нужным афганцу. Советские военнослужащие, по роду службы тесно общавшиеся с местными жителями, в том числе и с оп-

позиционерами, могли бы привести немало примеров, подтверждающих это.

Три основные причины названы. Однако этот список был бы неполным, если бы была забыта еще одна причина — причина экономического, материального порядка. Сами афганцы, порой шутя, говорят, что в их стране все продается и все покупается. В такой шутке есть немалая доля истины.

Всем членам вооруженной оппозиции платили и платят за боевые действия очень хорошо. Платят за выполнение каждого конкретного задания. Причем по мере роста инфляции местной валюты ставки возрастают.

Для многих мужчин-афганцев, чьи семьи живут в лагерях беженцев, война, по сути дела, превратилась в единственный источник существования их многочисленных родных. Заработок боевика сравним разве только с заработком среднего предпринимателя или торговца. Война стала выгодной.

Лояльность к той или иной власти в Афганистане всегда покупалась. Так было при королях, такое положение вещей сохраняется и сейчас. Например, племя кукихейль, получавшее дотации от правительства за охрану линии электропередачи Соруби — Кабул, в августе 1984 г. вдруг взрывает десятки опор этой линии и уходит в Пакистан. Что же произошло? Да ничего сверхъестественного, просто лидеры оппозиции смогли предложить большие суммы вождям племени. Война обогатила значительную часть тех, кто воюет под зеленым знаменем. За годы войны появилось поколение, которое умеет только стрелять и получать за это вознаграждение. Ему все равно, в кого стрелять, лишь бы платили. Ушли советские воины, в которых они стреляли девять лет, но остались правительственные власти, остались конкурирующие партии оппозиции. Представители этого поколения тоже простые афганцы, и кроме защиты своей земли, ислама, своих родственников они защищали и защищают вдруг открывшуюся возможность делать большие деньги. Помощь Запада и некоторых арабских государств, таким образом, инициировала одну из причин, заставивших простого афганца взяться за оружие.

Именно эта причина продолжает питать войну, продолжает стимулировать борьбу, которую ведут непримиримые.

5. Шиитская восьмерка

Влияние восьми основных шиитских группировок афганской вооруженной оппозиции, которые иногда также называют «союзом восьми», распространяется главным образом на шиитское население в приграничных с Исламской Республикой Иран районах Афганистана и на хазарейцев, проживающих в зоне так называемого Хазараджата и в Кабуле.

Шиизм, который исповедуют около 20 процентов афганцев — хазарейцы, горные таджики и кызылбаши, находился в Афганистане на положении почти еретического направления в исламе. Многие шииты были вынуждены традиционно прибегать к использованию так называемого принципа «такия», т. е. скрывать свою принадлежность к шиизму (применяющие «таклю» шииты должны мысленно отречься от того, что говорят вслух, и проклясть врагов своей веры). Были запрещены некоторые шиитские обряды, в том числе связанный с ашурой — днем поминовения шиитского имама Хусейна (так называемый шахсей-вахсей), которые совершались тайно, в подвалах домов. Шииты всячески третировались и подвергались религиозной и иной дискриминации со стороны государственных властей, суннитских улемов, суннитского большинства населения страны.

На руководящих государственных постах в дореволюционном Афганистане могли находиться только сунниты. Чиновничество и офицерский состав были суннитскими, высшее образование в стране могли получить, за редким исключением, только сунниты. Даже богословский факультет Кабульского университета готовил кадры теологов только суннитского толка.

Антишахская революция 1978—1979 гг. в Иране способствовала политизации афганских шиитов и вовлечению их в политику экспорта «исламской революции» под руководством аятоллы Р. Хомейни.

Проиранская ориентация шиитской части афганской оппозиции обусловила и территориальные границы ее деятельности в Афганистане. Это город Герат и одноименная провинция, горная область Хазараджат, на территории которой находятся провинции Гур, Урузган, Бамган, Вардак и север провинции Газни, т. е. районы наиболее компактного расселения шиитов.

Герат и Гератская провинция являются постоян-

ными объектами подрывной деятельности как проиранской оппозиции, так и афганских антиправительственных организаций со штабами в Пакистане. На основе боевых групп, засланных из Ирана и Пакистана, была создана так называемая «дивизия Хазрата Хамзы», в состав которой входило до десяти «батальонов».

В районах Хазараджата практически сформировалась некая особая зона, в которой законодательная и исполнительная власть осуществляется многочисленной прослойкой шейхов и мулл проиранской ориентации, сплачивающей вокруг себя наиболее фанатично настроенных верующих. Большая часть населения Хазараджата в идеологическом отношении полностью ориентирована на исламские установки, провозглашаемые правящим духовенством Ирана. Даже религиозные мусульманские праздники отмечаются в Хазараджате не по афганскому, а по иранскому календарю. В школах (большинство из них составляют духовные медресе) преподавание ведется по иранским учебникам.

С течением времени среди шиитов в Хазараджате и других районах Афганистана начал действовать ряд оппозиционных вооруженных группировок. Наиболее влиятельными стали восемь организаций проиранской ориентации, или иначе шиитская восьмерка.

Исламское движение Афганистана (ИДА) имеет штаб-квартиру в городе Кум, а филиалы — в Тегеране, Мешхеде, Захедаде, Тайабаде, Ширазе, Турбете-Шейх-Джаме.

Имеются представительства в Пешаваре, Кветте, Мирамшахе, Чамане (Пакистан). Члены организации проходили подготовку в иранских военных гарнизонах. Вооруженные отряды организации действуют в провинциях Кандагар, Гильменд, Герат, Газни, Бамиян, в районах Хазараджата.

Задачей организации являются борьба против «иностральной разведки» в Афганистане, свержение народной власти в стране и установление исламского правления иранского образца. ИДА располагает печатным органом — журналом «Эстегамат» («Направление»).

Руководитель организации аятолла шейх Мохаммад Асеф Мохсени, преподаватель теологии, прибыл в Иран в 1979 г. Не пользуясь особым расположением Хомейни и Монтазери, М. А. Мохсени тем не менее поддер-

Живал близкие отношения со многими иранскими религиозными деятелями, имел связи с организациями братьев-мусульман в арабских странах. Общая численность кадровых боевиков — до 2 тыс., а последователей — 15 тыс. человек¹¹.

Революционный совет исламского союза Афганистана на сегодня остается сильной и хорошо организованной группировкой, лидером является Сайед Бехешти. Иногда эту группировку называют «Шура». В идеологическом отношении она ориентирована на автономию Хазараджата. В состав группировки входит 4 тыс. кадровых боевиков, а число сторонников составляет 8 тыс. человек.

Организация стала органом КСИР, а точнее, его отдела национально-освободительных движений во главе с ходжжата оль-исламом Садеком Хашеми. Руководство КСИР, обеспечивая организацию оружием, продовольствием и денежными средствами, использовало ее в качестве жандармской силы для осуществления контроля над афганской колонией в Иране, для выявления в ней прогрессивных или инакомыслящих элементов, получения информации о процессах, происходящих среди афганских беженцев и в других контрреволюционных организациях. Большое число членов организации было направлено в качестве «добровольцев» на ирано-иракский фронт.

«Партия Аллаха» («Хезболлах») имела штаб-квартиру в Тегеране. Лидер партии — Кари Якдаст, военный руководитель — Вали Мохаммад. Имеются отделения в городах Мешхед, Тайбад, Захеда, представительство — в Заболе.

Партия создана иранским религиозно-политическим руководством в 1980 г. для объединения на ее базе всех проиранских и других афганских контрреволюционных группировок, действующих с территории и при поддержке Ирана в целях экспорта «исламской революции» в Афганистан. Полное обучение члены организации проходят в военном учебном центре КСИР в Куме, в гарнизоне «Тупхане» в Тегеране, в Ширазе. Руководящий состав организации — выходцы из провинций Герат и Фарах. Не ограничиваясь использованием хезболлаховцев в качестве жандармской силы, иранское руководство направляет членов организации на ирано-афганскую границу для ее охраны и поддержания порядка в приграничной зоне. В их обязанно-

сти, в частности, входят работа среди прибывающих в Иран афганцев, их опрос и проверка. Здесь же происходит вербовка в организацию новых членов.

Иранское руководство использовало отряды организации для уничтожения отрядов других, нешиитских, контрреволюционных организаций. По тем же данным, действуя на территории Афганистана, отряды «Партии Аллаха» проявляют по отношению к мирному населению особую жестокость.

Численность кадровых членов «Партии Аллаха» — 1,5 тыс. человек, число последователей — около 3 тыс. человек. Основные районы действий группировки — провинции Бамиян, Гур, Фарах, Герат, Урузган. «Партия Аллаха» имеет связи с одноименными группировками в ряде стран Ближнего и Среднего Востока.

НАСР (Победа) является проиранской организацией, возглавляемой коллегиальным (5 человек) органом со штаб-квартирой в городе Кум (Иран). Лидер — Казим Амин, военный руководитель — Шемакай. Организация создана в 1979 г. В прошлом она поддерживала тесные контакты с организацией Б. Раббани. Из-за откровенного стремления к автономии Хазараджата у нее возникали осложнения с иранским руководством. НАСР насчитывает до 1,5 тыс. кадровых боевиков и 4 тыс. человек последователей.

Название организации НАСР некоторые исследователи склонны переводить с арабского как имеющее значение «победа», называя так и эту организацию. Однако по некоторым, более близким к действительности, данным, организация названа в честь ее основателя афганского шиитского религиозного деятеля Насра. В течение некоторого периода, рамки которого определить затруднительно, группа именовалась Организацией борющегося духовенства Афганистана. С самого начала своего существования организация сотрудничала с иранцами. В целом ее можно считать наиболее ориентированной на Иран афганской организацией. Имеет комитеты в Куме, Исфагане, Мешхеде, Захедане, Заболе и Кермане. Иранская радиостанция в Заболе выделяла для НАСР часы радиовещания на Афганистан. В Тегеране издаются печатные органы НАСР — «Паяме мостазафин» и «Моджтахед». Вооруженные отряды НАСР действуют на территории Афганистана в основном в провинциях Урузган, Парван, в Бехсуде, Мазари-Шарифе.

«Сенахи Пасдар» («Корпус стражей исламской революции в Афганистане») — проиранская организация, находящаяся под контролем иранского КСИР. Лидер организации — Мохсен Резаи. Практическая деятельность организации началась в 1983 г. Она, как и «Партия Аллаха», создана усилиями КСИР. По замыслу ее создателей организация должна была иметь полностью военный характер и послужить ядром для создания на ее основе так называемой афганской освободительной армии. Среди членов группировки довольно сильно были распространены маоистские концепции, в связи с чем она пользовалась поддержкой Китая. В отрядах и группах имелись китайские инструкторы. Координирует свою деятельность с группировкой НАСР. Действует в районах Гур и Бамиян. Численность — до 3 тыс. боевиков и около 8 тыс. сторонников. Штаб-квартира в Куме.

Объединенный фронт исламской революции Афганистана (ОФИРА) был создан в 1983 г. усилиями иранского руководства в целях объединения нескольких относительно мелких шиитских групп.

В состав фронта вошли следующие организации.

Школа единства, созданная иранским шиитским руководством в 1980 г. Организация выполняла функции военно-политического центра, где проходят подготовку члены других организаций, входящих в ОФИРА, а также организации НАСР. Руководящий орган школы — Высший совет находится в Тегеране и имеет тесные связи с Кумским теологическим центром. В самом учебном центре обучение продолжается в течение трех месяцев. Изучаются в основном религия и военное дело (способы ведения партизанской войны). Инструкторами являются специалисты из КСИР. После окончания школы слушатели направлялись «на практику» на ирано-иракский фронт на срок до трех месяцев, после чего возвращались в ту афганскую оппозиционную организацию, которая направила их на учебу.

Духовенство и исламская молодежь (иранская и афганская аббревиатура — РЕДЖА, иногда используется название ОМИД) — создана в 1980 г. из афганских шиитов, выходцев из южных и юго-западных провинций Афганистана: Капдагар, Фарах и Гильменд. Центр организации в Тегеране, имеются комитеты в Куме, Мешхеде, Захедане, Заболе. На тер-

ритории Афганистана отряды организации действуют в провинциях Кандагар, Фарах, Гильменд.

Исламское движение обездоленных (ДЖАМА) — создана в 1978 г. Влияние среди афганских беженцев слабое. Между членами руководства имеют место многочисленные разногласия. Авторитетом у иранского руководства организация не пользуется. Данные о ее деятельности на территории ДРА отсутствуют.

Феданцы мусульманского народа Афганистана (ФАМА) — включала афганцев-шиитов из афганской провинции Балх и особенно из центра этой провинции — Мазари-Шарифа. Своим идейным вдохновителем члены организации считают ныне покойного известного шиитского богослова и поэта Сейда Исмаила Бадхи. Штаб-квартира организации находится в Куме, имеются комитеты в Тегеране и Мешхеде.

«РААД» (Гром) — основана в 1976 г. шиитскими религиозными деятелями из Мазари-Шарифа Мохаммадом Хазаи и Сейдом Исмаилом Балхи, связанными с Кумским теологическим центром в Ирапе. До Апрельской революции организация занималась в Мазари-Шарифе подпольной антиправительственной деятельностью, а также антикоммунистической пропагандой. Штаб-квартира организации находится в Тегеране, комитеты — в Куме, Мешхеде, Тайабаде. Вооруженные группы организации действуют в афганских провинциях Герат и Балх. Руководит деятельностью организации аятолла шейх Мохаммад Асеф Мохсени, который одновременно возглавляет организацию Исламское движение Афганистана и Объединенный фронт исламской революции Афганистана.

Организация Исламская сила — создана в 1979 г. при активном участии известного иранского деятеля Садека Хальди. Членами организации являлись афганцы-шииты, в основном хазарейцы. Центр организации находится в Куме, имеются комитеты в Тегеране, Мешхеде, Исфагане, Захедане, Рее, Тайабаде. Отряды организации действуют в Кабуле, Герате, Мазари-Шарифе, в уезде Бехсуд. Члены организации «специализируются» на совершении террористических актов.

В июле 1989 г. на базе шиитских группировок, входящих в «союз восьми», и четырех независимых афганских группировок был создан объединенный «Совет джихада». Наряду с прежними установками на продол-

жение «священной войны» лидеры «Совета джихада» выступили в поддержку любых усилий, которые могли бы создать условия для формирования свободного исламского правительства в Афганистане.

«Совет джихада», как и ранее «альянс восьми», не считает созданное в Пакистане афганское переходное правительство полномочным представителем афганского народа.

6. Пешаварский альянс

К началу Апрельской революции в Пакистане уже находились и действовали центры двух основных фундаменталистских оппозиционных организаций — Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Г. Хекматъяра и Исламского общества Афганистана (ИОА) под руководством Б. Раббани.

К августу 1979 г. помимо ИПА и ИОА в Пакистане возникли еще три организации: Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством М. Наби, отошедшая от ИПА фракция во главе с Ю. Халесом (ИПА-Х) и Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди.

В январе 1980 г. провозгласил свое существование «Национальный исламский фронт Афганистана» (НИФА) во главе с прибывшим в Пакистан из Кабула С. А. Гилани, а в марте 1982 г. начала свою деятельность организация Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом.

В 1982 г. было объявлено о создании «союза семи» контрреволюционных партий, который получил название Исламский союз моджахеддинов Афганистана (ИСМА), или «альянс семи». В него вошли все семь вышеуказанных партий: ИПА, ИОА, ДИРА, ИПА-Х, НФСА, НИФА и ИСОА. Кроме ИСМА в Пешаваре начали действовать различные мелкие организации и группы, которые вскоре практически утратили свое значение.

Оппозиционное объединение «альянс семи» было воссоздано в мае 1985 г. под непосредственным давлением США, Китая, Пакистана. В состав альянса вошли:

1. Исламская партия Афганистана (ИПА), лидер — Г. Хекматъяр.

2. Исламское общество Афганистана (ИОА), лидер — Б. Раббани.

3. Исламская партия Афганистана (ИПА-Х), лидер — Ю. Халес.

4. Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА), лидер — А. Сайяф.

5. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА), лидер — С. Гилани.

6. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА), лидер — М. Наби.

7. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА), лидер — С. Моджаддиди.

В это же время были распущены существовавшие с 1983 г. группировки «союз семи» и «союз трех». В «союз семи» входили: ИСОА, ИПА, ИОА, ИПА-Х и три фракции, отколовшиеся от НИФА и ДИРА. «Союз трех» включал НИФА, ДИРА, НФСА.

В качестве программ своей деятельности «альянс семи» провозгласил непримиримую борьбу с народной властью в ДРА и создание в Афганистане «истинно исламского государства». Печатным органом стал журнал «Исламское единство».

В структуре альянса имеются высший совет и шесть комитетов, основными из которых являются политический, военный, международный и по делам беженцев. До настоящего времени все эти органы (за исключением высшего совета, в который входят сами лидеры семи организаций) не укомплектованы и практически бездействуют. Не сформирован до сих пор и предусмотренный объединенный штаб альянса.

Ввиду сохраняющихся между руководителями входящих в состав коалиции группировок противоречий (борьба за лидерство в контрреволюционном движении, за сферы влияния и источники получения помощи, личные счеты, различная политическая ориентация) не решен вопрос об избрании ее постоянного руководителя. В связи с этим принято решение о очередном нахождении во главе альянса каждого из семи лидеров. По сложившейся практике он избирается сроком на три месяца.

Создание в 1988 г. в Пешаваре переходного правительства мало что изменило в деятельности лидеров пешаварского альянса. По-прежнему каждая группировка вооруженной оппозиции представляет только

свои интересы. А потому необходим анализ каждой группировки в отдельности.

Исламская партия Афганистана (ИПА) была создана в 1974—1975 гг. на базе молодежного экстремистского крыла афганской фундаменталистской организации «Мусульманская молодежь» Гульбеддином Хекматьяром и его ближайшим сподвижником Кази Мухаммедом Амином¹².

ИПА является одной из наиболее крупных, активных и хорошо организованных группировок афганской вооруженной оппозиции, кадровый состав и численность последователей оценивается соответственно в 30 тыс. человек и 67,5 тыс. человек.

В соответствии с уставом и программой главной целью ИПА является разрешение всех проблем через «установление спасительного исламского строя». Политические установки ИПА пронизаны духом воинствующего панисламизма, исламская риторика перемежается популярными терминами о «справедливости», «революции», «борьбе с колониализмом»¹³.

ИПА имеет наибольшее влияние прежде всего в Кабуле и Кабульской провинции, отчасти — в юго-восточных районах расселения пуштунских племен, а также на севере и наименьшее влияние — на западе, юго-западе страны. Районами наибольшей активности вооруженных отрядов ИПА являются Кабул и Кабульская провинция, районы Кундуза, Баглана, Кунара, Нуристана и Бадахшана.

Что касается национального состава вооруженных отрядов ИПА, то они комплектуются из таджиков, пуштунов, узбеков, туркмен и нуристанцев, при этом обычно пуштуны не являются доминирующей силой, поскольку основная часть населения зоны пуштунских племен ориентируется на традиционалистские организации афганской оппозиции, которые в отличие от ИПА не отрицают права племен иметь свои традиции, не всегда совпадающие с догмами ислама, и сохранять племенной уклад жизни. Определенную роль здесь сыграл тот факт, что сам Г. Хекматьяр, будучи пуштуном, является уроженцем севера страны.

Социальную базу вооруженных отрядов ИПА вне городов, как и других афганских антиправительственных организаций, составляют афганские крестьяне.

Структура ИПА в целом идентична структуре других исламских фундаменталистских организаций

(ИОА, «Джамаат-и-ислами» Пакистана, «Братьев-мусульман» в арабских странах). Высшим руководящим органом партии является Центральный совет (шура), в который входят амир партии, его заместители, руководители исполнительного комитета партии и наиболее авторитетные богословы.

Рабочий орган партии — исполнительный комитет ИПА состоит из руководителей функциональных комитетов, основными из которых являются: военный, финансовый, по делам культуры, административный, юридический, по вопросам образования, по вопросам здравоохранения, плановый, по вопросам беженцев.

Исполком ИПА через комитеты руководит деятельностью соответствующих исламских провинциальных комитетов на территории Афганистана, а через провинциальные комитеты — деятельностью уездных, волостных и деревенских исламских комитетов.

Военный комитет исполкома ИПА, имеющий в своем составе штаб по руководству военными действиями на территории Афганистана, направляет или пытается направлять деятельность вооруженных формирований так называемых фронтов — объединений нескольких вооруженных отрядов ИПА на территории, как правило, одного уезда или волости.

Особое положение ИПА среди других группировок «альянса семи» во многом обусловлено личными качествами Г. Хекматъяра.

Самостоятельность мышления, четко выраженная контрреволюционная направленность взглядов (во многом связанная не столько с его личными воззрениями, сколько явившаяся следствием его тесных контактов с пакистанскими правыми кругами), смелость и жесткость в руководстве партией притягивали к нему эмиграцию. С другой стороны, такие его личные качества, как экстремизм в отношениях с людьми, высокая амбициозность, определенная эксцентричность, власть, поставили Хекматъяра в некоторой степени в изолированное положение среди других крупных лидеров афганской контрреволюции.

В силу своих реформистских взглядов на ислам, неприкрытого стремления к участию в политике Г. Хекматъяр в новых условиях не нашел контакта и с С. Моджаддиди, что еще больше усугубило его изоляцию среди руководителей контрреволюции.

Западные спецслужбы внимательно следили и сле-

дят за изменениями в политике и позициях Г. Хекматъяра. Однако тот факт, что он является (по сравнению, например, с кланом Моджаддиди) относительно новой фигурой в афганской политике, плохо поддается управлению со стороны Запада, часто принимает самостоятельные решения, вынудил спецслужбы западных стран влиять на Г. Хекматъяра не непосредственно, а через пакистанскую администрацию. Через нее же осуществляется финансовая и военная помощь ИПА.

Острые разногласия с руководителями почти всех контрреволюционных партий, постоянный контроль и давление со стороны пакистанских властей (вплоть до личных претензий со стороны Зия уль-Хака) привели к тому, что Г. Хекматъяр несколько раз пытался спекулировать на возможности перебазирования своей штаб-квартиры в Иран.

В марте 1982 г. Г. Хекматъяр подвергся аресту в Пакистане по обвинению в причастности к заговору даже против Зия уль-Хака.

Исламское общество Афганистана (ИОА) возникло на базе исламской фундаменталистской организации «Мусульманская молодежь», действовавшей в Кабульском университете в 1969—1974 гг. Возглавляет ИОА профессор теологии Бурхануддин Раббани, являющийся активным участником исламского подпольного движения с 1957 г.

Значительным подспорьем в деятельности Б. Раббани как лидера ИОА является его широкая известность среди ученых-богословов арабских стран. Он имеет ученую степень бакалавра философии и мусульманского права, был активным членом научно-исследовательского общества Кабульского университета. Б. Раббани перевел с арабского языка на дари ряд основополагающих трудов ведущих идеологов братьев-мусульман. Его научные статьи публиковались в журналах «Голос правды», «Обычай», «Жизнь», «Шарнат». Книги Раббани «Ислам и коммунизм», «События 26 июля (1973 г.) и деятельность Дауд Хана», «Политические основы ислама» изданы на арабском и английском языках. Б. Раббани убежденный антимонархист. Программа ИОА выгодно отличается от подобных документов других партий своим довольно четким изложением положения о будущем государственном устройстве Афганистана, а именно о созда-

нии исламской республики панисламистского толка на основе шариата.

Б. Раббани свойственна способность объективно оценивать обстановку. Так, несмотря на лозунг, под которым ИОА ведет вооруженную борьбу («Отпор русскому империализму»), Б. Раббани неоднократно высказывал мысль о том, что, по его мнению, Советский Союз заинтересован в быстрейшем решении афганской проблемы. Кроме того, он заявлял, что «ИОА не имеет ничего против СССР, но мы ведем борьбу против русских войск, оккупировавших Афганистан».

Большой авторитет Б. Раббани в мусульманском мире, его связи с научными и правящими кругами, а также с исламскими организациями арабских государств позволили ему занять одно из ведущих мест в руководстве афганской оппозиции. В настоящее время ИОА является второй после ИПА (Г. Хекматьяр) по влиянию и силе организацией афганских мятежников. Бандгруппы ИОА отличаются от других группировок сравнительно умеренным отношением к мирным жителям (как правило, избегают жестокого обращения с ними), а также строгими требованиями к соблюдению канонов ислама.

В финансовом положении ИОА значительную роль играют поступления от продажи изумрудов и лазуритов, добываемых на территории Афганистана. Раббани имеет личные вклады в банках США и европейских стран на имя Тафиля Мохаммада. В Пакистане Б. Раббани располагает капиталом около 100 млн. пакистанских рупий, в том числе имеет текстильную и ковроткацкую фабрики.

Программа и устав ИОА почти аналогичны, а в некоторых частях идентичны соответствующим документам ИПА. Являясь второй по численности и организованности контрреволюционной организацией после ИПА, ИОА тщательно следит за приемом в общество новых членов.

Основными районами вооруженной деятельности ИОА являются северные провинции страны: Герат, Бадгис, Фарьяб, Джаузджан, Балх, Саманган, Кундуз, Тахар, Баглан, Бадахшан, а также Панджшерская долина. Национальный состав общества еще более разнороден, чем в ИПА. Здесь в первую очередь представлены народности севера страны — таджики, туркмены, узбеки, а затем уже пуштуны. Социальная база

кадрового и руководящего состава ИОА та же, что и ИПА,— это представители средних городских слоев: учителя, студенты, бывшие военнослужащие, мелкие чиновники, несколько большее, чем в ИПА, число религиозных деятелей. Социальной базой вооруженных отрядов ИПА в сельских местностях является в основном крестьянство.

Структура ИОА идентична с ИПА и другими фундаменталистскими организациями. Эта исламская организация насчитывает в своих рядах ориентировочно 15 тыс. официальных членов и 25 тыс. последователей. Некоторые относят Б. Раббани к числу более прагматичных и гибких, по сравнению с Г. Хекматьером, руководителей афганской контрреволюции, готовым на компромиссы с традиционалистскими группами.

На территории Афганистана ИОА имеет сеть исламских комитетов, называемых амиратами и осуществляющими функции местной власти, вплоть до сбора налогов с населения. Провинциальные, уездные, волостные амираты, возглавляемые ампрами соответствующих рангов, издают различные указания, инструкции, в том числе по хозяйственным вопросам, рассылаемые в деревни. Помимо амиратов и амиров — гражданской структуры власти существует структура военная — система «фронтов», объединяющих несколько вооруженных отрядов на территории одного уезда, волости.

Известной фигурой в военной структуре ИОА является Ахмад Шах Масуд, бывший ранее одним из командиров «фронтов», создавший в долине реки Панджшер укрепленный район. Западная пресса писала о Масуде как о примере выдвижения в рядах афганской оппозиции на первый план молодых и способных полевых командиров, призванных постепенно заменить пышешнее руководство пешаварского альянса.

Личные качества Бурхануддина Раббани, о которых говорилось выше, особенно ярко проявились и в установках ИОА по решению афганского вопроса. До середины 1986 г. Б. Раббани занимал такую же жесткую позицию, как и Г. Хекматьер, т. е. выступал за полный и безоговорочный вывод из Афганистана ограниченного контингента советских войск, установление в стране исламского правления, против афгано-пакистанских переговоров в Женеве. В июне 1986 г.,

довольно неожиданно для всех, Б. Раббани во главе группы лидеров афганской контрреволюции (кроме него в группу вошли все три руководителя традиционалистского альянса ИСМА-3 — С. Моджаддиди, С. А. Гилани и М. Наби) вылетел в Вашингтон, где 16 июня 1986 г. группа имела встречу и вела переговоры с президентом Р. Рейганом. Г. Хекматъяр ехать в Вашингтон отказался и поездку Б. Раббани осудил. Однако к 15 января 1987 г., когда началось осуществление программы национального примирения, объявленной руководством ДРА, обе крупнейшие фундаменталистские контрреволюционные организации — ИПА и ИОА — совместно с другими членами последнего контрреволюционного альянса из семи групп отвергли призыв ДРА.

Исламская партия Афганистана Халеса (ИПА-Х) является отколовшейся фракцией ИПА Г. Хекматъяра. Сохранив прежнее название, ее возглавил моулави Мухаммад Юнус Халес.

Причины выхода группы Ю. Халеса из состава ИПА Г. Хекматъяра неясны, но можно предположить следующее. Если ИПА Г. Хекматъяра не является чисто религиозной партией и ее руководящий состав укомплектован в основном за счет представителей городских средних слоев, в том числе интеллигенции, то руководящий состав организации Ю. Халеса — это гораздо более старшая в возрастном отношении группа улемов и мулл, далеких от современной политики и цивилизации в целом, ориентированных на примитивное и фанатичное служение исламу в средневековых формах.

Эта разница в социальном составе руководства и в уровнях мировоззрения могла быть терпимой и преодолевалась в условиях нелегальной работы в 1969—1973 гг. в столице Афганистана — Кабуле, но в Пакистане, в эмиграции, эти различия привели к размежеванию.

Ю. Халес, пожалуй, один из немногих из лидеров афганской оппозиции, который постоянно находится со своими отрядами на территории Афганистана. Его правой рукой, заместителем по военным вопросам, является моулави Джелалуддин.

Основное влияние партии распространяется на пограничные провинции Кунар, Нангархар, Пактия и

Пактика. Ее вооруженная группировка насчитывает до 5 тыс. боевиков и 7,5 тыс. последователей.

ИПА Ю. Халеса выражает в основном интересы реакционного духовенства, мелких и средних землевладельцев, а также ряда антиправительственно настроенных пуштунских племен.

Основная цель организации мало чем отличается от других исламских контрреволюционных партий и заключается в свержении существующего строя в Афганистане и провозглашении исламской республики. В качестве модели государственного и социального устройства рассматривается Исламская Республика Иран.

В финансовом плане Ю. Халес в значительной степени опирается на поддержку племени хугиани.

На протяжении всего своего существования ИПА-Х входила практически во все союзы и объединения контрреволюционных сил. Это связано с тем, что руководство партии стремится к объединению с другими контрреволюционными партиями в силу малочисленности ее рядов. Наибольшим влиянием она пользуется в провинции Нангархар.

С самого начала зарождения контрреволюционного антиправительственного движения, еще с начала 70-х гг., Ю. Халес был на вторых ролях и выдвинулся в лидеры только после выхода из ИПА, возглавляемой Г. Хекматьяром. Это определяет его позицию среди афганской контрреволюции, где он рассматривается как возможный союзник той или иной группировки.

Исламский союз освобождения Афганистана (ИСОА) возглавляет один из основателей фундаменталистского движения в Афганистане профессор богословия Абдул Расул Сайяф.

Еще в 1974 г. Сайяф вместе с некоторыми другими руководителями братьев-мусульман был арестован и осужден на пять лет по обвинению в подготовке и проведении антиправительственных выступлений, а также в осуществлении жестокой расправы с населением (боевики этой организации в провинциях Лагман, Нангархар и районе Панджшера уничтожили до 100 человек, не согласившихся участвовать в антиправительственных выступлениях).

В 1979 г. практически все руководители организации «Братья-мусульмане», находившиеся в заключении, были казнены. Однако Сайяф избежал подобной

участи благодаря родственным связям с Х. Амином (соплеменник и дальний родственник по линии жены Амина) и в январе 1980 г. был освобожден из тюрьмы по амнистии. В том же году Сайяф выехал в Пакистан, где приступил к активной подрывной деятельности против ДРА.

Как руководитель ИСОА, А. Сайяф много внимания уделяет вопросам совершенствования тактики действий вооруженных групп оппозиции, их боевой подготовке, упорядочению организационной структуры.

Так, в 1984 г. под его руководством был сформирован в Джаджи (Пактия) так называемый полк мятежников «Аль-Фатх» (до 400 человек). Для увеличения численности своих формирований он умело использует материальные стимулы. Авторитет А. Сайяфа среди рядовых мятежников базируется на его личном участии в боевых действиях и частых поездках на территорию Афганистана.

ИСОА пользуется определенным влиянием среди пуштунских племен, особенно в юго-восточных районах страны. Его лидер лично встречается со старейшинами и авторитетами племен непосредственно в районах их расселения. В течение длительного времени А. Сайяф обладает непререкаемым авторитетом в племени джаджи. В то же время активно ведет работу по укреплению своих позиций в отдельных родах племен мангал и джадран. Отношения его с пуштунскими племенами основываются прежде всего на их заинтересованности в получении гарантий от групп ИСОА по обеспечению безопасности контрабандной торговли.

Наибольшим влиянием А. Сайяф пользуется в провинциях Кабул, Кунар, Нангархар, Пактия, Пактика, в которых боевые отряды его партии насчитывают более 4 тыс. человек.

Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) основан в 1978 г. в Пакистане видным светским и религиозным деятелем С. А. Гилани. По существу, фронт является не политической организацией с четкой программой, уставом, структурой, а конгломератом последователей суфийского ордена Кадирия, мюридов семьи Гилани, которые из поколения в поколение продолжают считать главу этой семьи потомком пророка и своим духовным вождем. С. А. Гилани и его ближайшие помощники, в основном его родственники,

пытаются придать фронту форму организации: выработана довольно разветвленная структура с революционным советом и штаб-квартирой в Пешаваре, функциональными комитетами, отделами, фронтами на территории ДРА. Однако все это, за исключением вооруженных отрядов, принимающих участие в борьбе против ДРА, в основном остается только на бумаге. На практике фронт строится по принципу, в соответствии с которым лидером является С. А. Гилани, или, как его зовут в окружении, эфенди-ага, а все остальные — его последователями, мюридами.

Национальный состав фронта исключительно пуштунский, в религиозном плане — суннитский, но фронт, точнее его лидер С. А. Гилани, настойчиво укрепляет связи с шиитской хазарейской общиной в Пакистане, пытаясь укрепить в ней свое влияние и ограничить иранское.

Некоторые зарубежные исследователи, говоря о численности фронта, считают, что она может составлять 8 тыс. организованных членов и до 15 тыс. последователей. Эти данные, как оговариваются сами исследователи, могут быть завышенными.

Районы деятельности фронта — приграничные с Пакистаном провинции Заболь, Пактия, Нангархар; влияние фронта наиболее ощутимо в таких крупных пуштунских племенах, как сулейманхейль и ахмадзаи.

По сравнению с другими афганскими контрреволюционными организациями позиции фронта по многим вопросам более умеренны и прагматичны. Фронт выступает за восстановление в Афганистане прежних форм правления, не уточняя конкретно — монархического или республиканского, что объясняется старыми связями с бывшим королем Захир Шахом. В то же время, стараясь избежать обвинений со стороны фундаменталистов в недостаточной приверженности исламу, фронт отдает дань исламской риторике, хотя и не в таких масштабах, как фундаменталисты или даже союзники по ИСМА-3.

Фронт располагает значительными финансовыми средствами. Помимо помощи, получаемой от различных фондов в США и странах Западной Европы, из арабских стран, фронт имеет прибыль от торговли наркотиками, сборов налогов с населения, поступлений от мюридов. Некоторую помощь фронту оказывает Захир Шах.

НИФА уделяет большое внимание поддержанию связей с внешним миром, с западными странами. При этом фронт, как самостоятельно, так и в составе ИСМА-3, стремится создать о себе представление как о респектабельной, заслуживающей доверия умеренной политической силе.

В западных исследованиях отмечается, что политические взгляды Гилани на фоне радикализма и экстремизма фундаменталистских лидеров отличаются большим реализмом. Гилани имеет сбалансированный подход к жизненно важной проблеме будущих афгано-советских отношений¹⁴.

Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) основано в апреле 1978 г. в пакистанской провинции Белуджистан Мухаммедом Наби Мухаммади.

М. Наби является автором программы Движения исламской революции Афганистана, которая изложена в виде обращения к мусульманам Афганистана под названием «Чего мы хотим»? В целом программа перекликается с политическими установками ИПА и ИОА («Освобождение от ига «красных» и «эксплуатации», «Ведение священной войны против НДПА и правительства ДРА», «Создание в Афганистане исламской республики на основе проведения в жизнь исламской экономической политики и ликвидации всех неисламских порядков»). В программе говорится также о необходимости проведения земельной реформы, однако исключительно под расплывчатыми лозунгами — «по законам шариата»¹⁵.

В отличие от некоторых других афганских контрреволюционных организаций, основу руководства которых составляет городская исламствующая интеллигенция (ИПА, ИОА), основной костяк высшего руководства ДИРА — это известные улемы и богословы, преимущественно из юго-западных районов Афганистана, второй эшелон руководства — среднее и низшее звено улемов и мулл, имеющих большое влияние в сельских местностях.

По своим программным установкам ДИРА стоит ближе к фундаменталистам, чем к традиционалистскому альянсу ИСМА-3, в состав которого она входит.

Так, еще в период Захир Шаха М. Наби выступал за утверждение в стране исламского правления, исламской культуры. Как видим, эти положения программы

полностью соответствуют фундаменталистским установкам. Даже герб ДИРА имеет атрибуты гербов братьев-мусульман, ИПА и ИОА: здесь присутствуют и Коран, и скрещенные сабли. И тем не менее, несмотря на эти фундаменталистские симпатии, ДИРА в 1981 г. вместе с группами, возглавляемыми С. Моджадиди и С. А. Гилани, вышла из только что образованного ИСМА с участием фундаменталистов и примкнула к традиционному альянсу ИСМА-3.

По данным зарубежных авторов, численность членов ДИРА к 1981 г. составляла 10 тыс. членов и ориентировочно 25 тыс. последователей. Кроме того, позиции М. Наби и ДИРА в целом были ослаблены выходом из организации в 1981 г. двух групп под руководством заместителей М. Наби — И. Мансура и Р. Моузина, которые вошли в фундаменталистский альянс ИСМА-7 также под названием ДИРА.

Районы наибольшей активности ДИРА — провинции Кабул, Логар, Газни, Кандагар, Пактия, Заболь. Национальный состав движения — пуштуны. В состав высшего руководства помимо улемов (богословов) входят бывшие генералы и полковники афганской армии; в среднем и низшем руководящем звене много мулл и учащихся богословских школ. Массовую базу вооруженных отрядов составляет крестьянство юго-западных районов Афганистана. Структура организации имеет много общего со структурой ИПА и ИОА, но не столь отлажена. На территории Афганистана действуют фронты ДИРА, объединяющие вооруженные отряды, как правило, уезда или волости.

Являясь ярким сторонником вооруженной борьбы с правительством РА, Наби вместе с тем не разделяет экстремизм Г. Хекматъяра, особенно критикует его связи с левацкими маоистскими и националистическими элементами, испытывает к нему личную неприязнь. Характерно, что М. Наби и Г. Хекматъяр на совещаниях лидеров альянса избегают друг друга.

Лидеры ДИРА проявляют готовность к сотрудничеству с другими антиправительственными организациями, неоднократно выступали с призывами к их объединению. Показателем этого является то, что ДИРА входила в состав всех существовавших объединенной оппозиции на территории Пакистана.

Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) создан в Пакистане в начале 1979 г. пред-

ставителем известного в мусульманском мире клана Моджаддиди Себгатуллою Моджаддиди после расстрела в январе 1979 г. в Кабуле по приказу Х. Амина всех находившихся в Кабуле членов клана (21 человек), в том числе членов семьи С. Моджаддиди. По обвинению в заговоре и подготовке покушения на советскую делегацию, прибывшую в Афганистан во главе с Н. С. Хрущевым, находился в заключении в 1959—1964 гг.

В программных документах фронта говорится: «Фронт ставит своей задачей создание исламского общества на основах справедливости, равенства... соблюдения принципа шура (совета) при управлении страной, обеспечения личной и социальной свободы в соответствии с основами ислама. Фронт никому не позволит установить самодержавную власть, личную диктатуру или партийную диктатуру... Фронт стремится к хорошим отношениям с соседями Афганистана и к устранению причин имеющих с ними противоречий... Фронт открыт для всех правоверных мусульман независимо от политических и религиозных взглядов и положения при прежних режимах»¹⁶.

В кругах руководства афганской оппозиции Моджаддиди считается сторонником «западного варианта» решения афганской проблемы. В подготовленной им программе своей организации указывается, что целью фронта является объединение всех контрреволюционных сил для свержения режима НДПА и создания буржуазно-клерикального государства, основанного на учении ислама и собственных демократических принципах.

Традиционалистский характер фронта, его сравнительно умеренные политические установки, отсутствие ограничений для членства и авторитет самого С. Моджаддиди среди определенных слоев привлекли в его ряды представителей самых разнообразных слоев: улемов, интеллигенции, государственных деятелей прежних режимов, в том числе бывших министров, чиновников, руководителей некоторых племен.

Основными районами политического влияния и вооруженных действий отрядов НФСА являются провинции Кабул, Логар, Кунар, Напгархар, Пактия и приграничная полоса расселения пуштунских племен. Имеются отдельные вооруженные отряды фронта в не-

которых северных провинциях — Фарьябе, Кундузе, Тахаре.

Фронт по своему национальному составу является пуштунским, а по религиозной принадлежности — суннитским, хотя в его программных документах декларируется возможность участия в нем мусульман всех национальностей. Численность фронта, по некоторым оценкам, составляет ориентировочно 8 тыс. человек организованного состава и 15 тыс. последователей. Структура фронта не столь четка и не так отлажена, как у фундаменталистских ИПА и ИОА, здесь преобладает принцип личной преданности руководителю фронта или традиционная приверженность клану Моджаддиди.

С. Моджаддиди вместе с лидерами других организаций, входящих в ИСМА-3 — С. А. Гилани и М. Наби, — поддерживает контакты и сотрудничает с бывшим королем Афганистана Захир Шахом, считая, что при определенной политической ситуации он может явиться той символической фигурой, вокруг которой состоится национальное примирение в Афганистане.

7. Джихад и наркотики

Афганистан исторически был одним из ведущих производителей и легальных экспортеров опиума с высоким содержанием морфина (до 20 процентов). Однако зоны традиционного выращивания опиумного мака издавна заселялись воинственными племенами, правительственный контроль над которыми был всегда символическим. Из-за этого большая часть наркосредств переправлялась контрабандистами за границу.

Характерно, что в 1978—1979 гг. американская печать, традиционно освещающая проблемы наркомании, в числе стран — поставщиков этого зелья Афганистан почти не упоминала. Дело в том, что, включившись в тайную операцию по свержению народной власти в РА, США решили использовать в этих целях давно сложившиеся структуры наркомафии и контрабанды.

Многоопытные группы контрабандистов и их подпольные каналы были задействованы для доставки больших партий оружия афганским мятежникам, охранные отряды и подполье наркомафии на первых порах должны были создать впечатление о серьезных масштабах повстанческого движения в Афганистане.

С течением времени к взаимному удовольствию афганской оппозиции и ЦРУ обычных и широко известных контрабандистов стали величать «борцами за свободу», а их промысел — «борьбой за веру». Все это делалось тайно, личных свидетелей убивали, а контрабандисты и так всегда вершат свои дела без огласки. В 1980 г. практически все американские кадровые сотрудники управления по контролю и борьбе с наркотиками (УКБН) были заменены на сотрудников спецслужб, которые под прикрытием борьбы с наркобизнесом начали создавать инфраструктуру тайной войны против ДРА¹⁷.

Официальный представитель УКБН при министерстве юстиции США Д. Гувер, по словам журнала «Филадельфия мэгэзин», заявлял: «Все наши агенты (т. е. УКБН) эвакуированы из этого района. Ближайшие наши сотрудники находятся в Анкаре и Стамбуле». А в это время на афгано-пакистанской границе в полную силу действовала традиционная схема тайных операций: по караванным маршрутам и тропам контрабандисты везли оружие в Афганистан, а обратно — наркотики. В беседе с американским корреспондентом пожелавший остаться неизвестным высокопоставленный сотрудник УКБН расставил все точки над «i» и прямо заявил: «Раз эти афганские мятежники всего лишь контрабандисты, перевозящие за границу опиум, зачем мы поставляем им оружие. Ведь они будут использовать его для расширения своей деятельности... Вы представляете себе цену, которую мы заплатим? Это тысячи новых наркоманов, это смерть и разгул преступности... На нас идет очередная эпидемия наркомании...» В дальнейшем предвидения профессионала, к сожалению, оказались пророческими.

Опубликованный в январе 1980 г. доклад о результатах «Операции Цербер», проведенной УКБН США, зафиксировал опасные тенденции в деятельности наркомафии в зоне «золотого полумесяца» в прямой связи с нестабильной политической обстановкой в регионе. Было отмечено, что к наркобизнесу в «золотом полумесяце» подключаются каналы и агенты международной наркомафии.

Кувейтский еженедельник «Аль-Маджалис аль-Мусаввара» сообщал, что лагеря афганских беженцев превращаются в очаги наркомании, а лидеры афганской вооруженной оппозиции широко используют свои

боевые отряды для переправки и продажи наркотиков в Пакистане и за его пределами под предлогом необходимости финансирования «священной войны».

Особый «вклад» в разрастание наркобизнеса внесли различные афганские оппозиционные группировки. За десять лет войны они создали мощную структуру наркобизнеса, включающую бесчисленные плантации наркосодержащих растений по обе стороны афгано-пакистанской границы, отработанные и оборудованные маршруты переброски зелья и целую сеть лабораторий и фабрик (десятки) по переработке наркотического сырья. Фактически Северо-западная пограничная провинция (СЗПП) Пакистана превратилась в огромную наркотическую плантацию.

Как писал американский журнал «Роллинг стоунз», в районе от Парачинара до Читрала, где обосновались лагеря афганской оппозиции, все нагорье представляет собой буквально сплошное поле опиумного мака¹⁸. В преступный наркобизнес главари разношерстных антиправительственных группировок включились вскоре после того, как Апрельская революция вышвырнула их из Афганистана. Уже в середине 1980 г. появились сообщения о том, что в лагерях мятежников, находящихся под контролем Хекматъяра, при помощи иностранных специалистов стали создаваться лаборатории по производству «белой смерти».

Но подлинно «героиновым королем» называют другого главаря афганской оппозиции — Сайеда Ахмада Гилани. Полагают, что на поприще наркобизнеса он далеко обошел Г. Хекматъяра и контролирует сейчас подавляющую часть операций душманской «опиумной мафии». Как и Г. Хекматъяр, С. А. Гилани с первых же дней своей контрреволюционной деятельности получает «консультации» от американских секретных служб, в частности от кадровых сотрудников резидентуры ЦРУ в Пакистане.

По данным американской печати, уровень годовичного производства опиума наркомафией «альянса семи» в 1989 г. составлял более 800 т, что уже сейчас вдвое превышает его годовое производство в Пакистане и Иране¹⁹. Крупнейшими производителями и торговцами наркотиков являются организации Исламской партии Афганистана Г. Хекматъяра, Движения исламской революции Афганистана М. Наби, Исламского

общества Афгапистапа Б. Раббани и некоторых других формирований моджахедов.

В конце 1986 г. в Кабульском международном аэропорту при таможенном досмотре была обнаружена крупная партия гашиша — более 500 кг. По сообщениям советской печати, «брикеты шоколадного цвета имели три слоя упаковки — целлофан, бумагу и снова целлофан. На каждом таком кирпичике оттиснуто круглое клеймо золотистого цвета с надписью «Супер файн» по кромке и полумесяцем и звездой в середине. Точно так же были упакованы наркотики, обнаруженные в ноябре 1986 г. московской таможней в контейнере американской фирмы «Спесифик интерпэшнл»²⁰.

В ходе следствия выяснилось, что наркотики поступали в Кабул из контролируемых афганской оппозицией зон в районе Хайбера на пакистанской территории. Их транспортировка осуществлялась большегрузными автомобилями, перевозящими транзитные грузы. Выяснилось, что подобные контейнеры ранее уже переправлялись в Амстердам и Гватемалу. Стало известно, что к транспортировке наркотиков причастны бывшие американские служащие старой афганской авиакомпании «Ариана». Арестованные сообщили, что годовой доход только одной фабрики по производству героина, принадлежащей Г. Хекматъяру, достигает 15—20 млн. долларов²¹.

Особенно тревожная обстановка в связи с наркобизнесом сложилась в зоне размещения сотен лагерей афганских беженцев и центров военной подготовки оппозиции на территории Пакистана. Здесь произошло фактическое слияние афганской и пакистанской ветвей с международной наркомафией. Наркотики стали обычным рационом для многих афганских «борцов за свободу».

И хотя, как указывала печать, с начала войны в Афганистане американское ЦРУ финансировало несколько групп моджахедов с целью налаживания ими производства героина для оплаты закупок оружия как в контролируемых вооруженной оппозицией зонах внутри Афганистана, так и в приграничных районах Пакистана, главной целью лидеров афганской оппозиции было личное обогащение. Доходы только афгано-пакистанской наркомафии превышают 10 млрд. долларов, что не уступает по величине всей сумме внешней задолженности пакистанского государства, а

оборот «наркоденег» составляет до трети национального дохода²². Только мелких агентов по сбыту наркотиков насчитывается более 30 тыс. человек. По данным пакистанской печати, почти 70 процентов героина, потреблявшегося в США, и до 85 процентов — в странах Западной Европы, — афгано-пакистанского происхождения. По некоторым сведениям, из 50 млрд. долларов, вырученных от торговли героином в США, до 20 млрд. долларов приходится на пакистанских наркодельцов.

В докладе государственного департамента США в 1988 г. признается, что контролируемые моджахедами районы фактически превратились во второй в мире источник производства опиума. А значительная часть этого опиума в конечном итоге превращается в героин, продаваемый на улицах Лондона и Нью-Йорка. Это объясняется наличием идеальных условий, которые создал еще режим покойного Зия уль-Хака для развития наркобизнеса в зоне афгано-пакистанской границы и исключительной прибыльностью преступного промысла. К примеру прибыль от выращенного в СЗППа Пакистана наркотика, переработанного и проданного в США, дает доход 1:1000. Показательным является рост наркомании в самом Пакистане, где в 1979—1980 гг. насчитывалось около 450 тыс. наркоманов, а в 1990 г. их количество — около 2 млн. человек.

Появление баснословных доходов от наркобизнеса ведет к подрыву и без того крайне неустойчивой пакистанской экономики, инфляции и дороговизне. Все чаще социальная напряженность в отношениях между пакистанцами и афганцами выливается в кровавые столкновения с применением оружия.

Таким образом, все больше дает о себе знать второе важное негативное последствие вооруженного конфликта и тайных операций. И это немудрено, если через контролируемые афганской оппозицией зоны пакистанской территории, по сообщениям зарубежной печати, ежегодно проходит оружия и боеприпасов на сумму около 2 млрд. долларов. Почти неизбежно часть этого оружия не достигает намеченных пунктов назначения, оседая на промежуточных этапах. Более того, контроль за дальнейшей судьбой массы вооружений крайне затруднен. Характерно, что особый режим в СЗППа Пакистана притягивал многих. В афгано-пакистанскую приграничную зону переместились многие под-

польные лаборатории из Турции и Ирана. В условиях СЗПП Пакистана объекты по производству наркотиков опекают местные «влиятельные» люди и их личные вооруженные отряды, техническую помощь оказывают «химики» из западноевропейских стран.

Сочетание больших денег, получаемых от наркобизнеса и торговли оружием, с наличием огромных, неподконтрольных властям территорий и многолетним присутствием нескольких миллионов афганских беженцев и нескольких сотен тысяч различного рода «моджахедов» ведет не только к криминализации населения, но и всей структуры государственного управления.

В 1986—1987 гг. в СЗПП Пакистана зафиксировано 250-процентное увеличение количества различных взрывов, среди которых многие были осуществлены по «бейрутской» методике — подрыв взрывных устройств в машинах с использованием дистанционного управления. В этой связи примечательно, что из 21 человека (10 афганцев и 11 пакистанцев), арестованного по подозрению во взрывах в Пешаваре, никто не входил в известные группировки афганской оппозиции, но все они были люди с уголовным прошлым и связаны мафией в целях междоусобной войны.

Методы афганской войны уже давно не вписываются в региональные рамки, весь набор отвратительнейших явлений, взаимно питающих друг друга, объединенных емким термином «наркотерроризм», создает сегодня угрозу для мирового сообщества. Опасность представляет не только поистине глобальная география проблемы, но и ее финансовые параметры: по оценкам экспертов ООН, доходы от незаконного оборота наркотических средств в мире уже превышают прибыль от сбыта нефти на мировом рынке и составляют более 300 млрд. долларов, уступая лишь прибыли от международной торговли оружием и военной техникой²³.

В этой связи крайне актуальной является положительная резолюция третьего комитета ООН о всемирной программе по борьбе с наркоманией, в тексте которой содержится призыв «объявить десятилетие ООН по борьбе с наркоманией, которая в совокупности с незаконным оборотом наркотиков превратилась в политическую проблему глобального характера»²⁴. Однако если руководствоваться здравой логикой, то сле-

дует признать, что лечить следует не только тяжкий социальный недуг, но и прежде всего его истоки. Таким образом, признаваемая мировым сообществом проблема борьбы с наркоманией — «чумой XX века» может быть успешно разрешена лишь при обеспечении главного условия — быстрого прекращения региональных вооруженных конфликтов и их незамедлительного политического урегулирования независимо от их религиозной или идеологической окраски. И решающую роль тут призвана сыграть ООН как инструмент межгосударственного разума и воли человечества.

Усилия ООН, способной оказать всестороннюю помощь в преодолении негативных последствий афганской трагедии, важны еще и потому, что после прекращения братоубийственного конфликта встанет задача возврата афганского населения, и особенно 5 млн. беженцев, к нормальной, созидательной, мирной жизни.

В этом плане как и субъективное искушение поправить в условиях разрухи свои дела легким «путем» — выращиванием наркосодержащих культур, так и образовавшаяся устойчивая традиция наркобизнеса предполагают комплексное и длительное противодействие, которое по экономическим масштабам и спектру необходимых квалифицированных услуг под силу лишь ООН.

Глава четвертая «АФГАНСКАЯ КАРТА»

1. Хроника вмешательства

В стратегических замыслах Пентагона Афганистану отводилось не последнее место. В 1947 г. американцы обратились к афганскому правительству с предложением об оказании помощи в строительстве сети аэропортов в северных районах Афганистана. В 1948 г. в документах госдепартамента США отмечалось: «Афганистан настоятельно просит поставок американского оружия в целях поддержания внутренней безопасности... Во-вторых, он (Афганистан.— *Прим. ред.*) хочет получить американское оружие для позитивного вклада в случае войны с Советами. Хорошо вооруженный и уверенный в поддержке США, Афганистан сможет закрыть проходы в горах Гиндукуша, что явится вкладом в успешные действия вооруженных сил Запада...»¹ «Одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане — это возможное значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию. Рано или поздно западные страны предпримут вторжение в Советский Союз», — откровенничал в 1950 г. американский журнал «Каррент хистори».

Спустя несколько лет под эгидой Соединенных Штатов был создан Багдадский пакт, впоследствии ставший агрессивным военно-политическим блоком СЕНТО. Основными членами СЕНТО являлись Великобритания, Ирак, Пакистан и Турция. США на первых порах обладали совещательным голосом. А поскольку Турция являлась членом НАТО и СЕНТО, то по периметру южной границы СССР сформировалась военно-политическая коалиция антисоветской направленности, из которой вынадало лишь афганское звено.

Не исключая включения Афганистана в антисоветский альянс, в перспективе США вынуждены были

уделить первоочередное внимание поддержке прозападных сил в Пакистане и Иране. При этом в Вашингтоне учитывали нежелание Афганистана вступать в СЕНТО, а также наличие взаимных афгапо-пакистанских и афгапо-иранских пограничных претензий, которые нередко приводили к пограничным инцидентам. Свергнув в 1953 г. прогрессивный режим М. Мосаддыка в Иране и восстановив власть династии Пехлеви, США в 1954—1955 гг. достигли заключения договора о совместной обороне с Пакистаном. Располагая надежными региональными союзниками в лице Пакистана и Ирана, США достаточно спокойно отнеслись к развитию советско-афганского сотрудничества. В докладе американской разведки в 1954 г. говорилось, что возросшее советское внимание к Афганистану объясняется советским стремлением противостоять успехам Запада в регионе Ближнего Востока и Южной Азии.

В действительности же США в этот период вполне устраивали возможности их региональных союзников — Пакистана и Ирана по оказанию нажима на Афганистан. Специальное исследование министерства обороны США в конце 40 — начале 50-х гг. (рассекреченное в 1979 г.) рекомендовало правительству США воздерживаться от создания «открытой прозападной оппозиции коммунизму в Афганистане», так как это может спровоцировать СССР на установление своего контроля в этой стране². Таким образом, скрытое подогревание антикоммунистических настроений в определенных слоях афганского общества, по американским расчетам, обеспечивало интересы США в Афганистане.

Вмешательство Пакистана во внутренние дела Афганистана не явилось следствием победы в Афганистане Апрельской революции 1978 г. и ввода ОКСВ в ДРА, как об этом умышленно или по незнанию часто говорят. Своими корнями оно уходит глубже, чему есть свидетельства, хранящиеся в архивах МИД СССР³. Вот лишь некоторые из них.

1951 год. Газета «Анис» 18 апреля сообщила, что 10 апреля ночью пакистанский отряд численностью в 100 человек вторгся на территорию Афганистана в районе пограничного пункта Доки (Каандагарская провинция), однако он был отброшен и понес потери. Афганские пограничники захватили в плен восемь пакистанских солдат с оружием и снаряжением. Мини-

стерство иностранных дел Афганистана заявило по этому поводу решительный протест Пакистану.

Газета «Ислах» 8 мая сообщила, что с 1 по 4 мая пакистанские отряды численностью от 100 до 500 человек при поддержке артиллерийского и пулеметного огня несколько раз производили налеты на афганские пограничные пункты, однако каждый раз они были вынуждены отступить на свою территорию. 13 мая газета «Ислах» сообщила, что 9 мая пакистанский отряд численностью до 200 человек совершил налет на афганскую территорию в районе Спибулдака.

1961 год. Газета «Анис» 13 мая поместила статью депутата Народного совета Салахуддин-хана Сельджуки, в которой говорится, что «прошло уже три года, как Афганистан стал объектом различного рода агрессивных действий со стороны английского доминиона Пакистана, проводящего ту же лицемерную политику и совершающего такие же провокационные нападения на территорию Афганистана, как это делали англичане в отношении народов Востока в течение полутора веков».

Та же газета в начале года сообщила о нападении двух эскадрилий пакистанских ВВС на афганский населенный пункт Газнабад и об обстреле мирного населения. Об обострении обстановки на границе идет речь в статье «Напряженные отношения между Пакистаном и Афганистаном» корреспондента газеты «Вашингтон пост энд таймс геральд» Унна. В середине 1961 г. в западной печати появляется информация о провокационной деятельности афганских эмигрантов в Пешаваре. В частности, газета «Морнинг пьюс» поместила сообщение: «Главы ряда семей афганских беженцев, находящихся в районе Пешавара, обратились к правительству Пакистана за разрешением создать временное демократическое правительство Афганистана...»

1971 год. Тяжелое наследие колониального прошлого (произвольно установленная в 1893 г. англичанами граница между Афганистаном и Пакистаном по линии Дюранда), вовлеченность Пакистана в военные блоки СЕАТО и СЕНТО, проникновение Запада (США, ФРГ, Англии) в пакистанскую экономику и армию обостряют положение в регионе, что не может не сказаться на афгаино-пакистанских отношениях в целом. В апреле газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала

ла статью «Пакистанское оружие, сделанное в США», в которой сообщила о громадных масштабах поставок американской военной техники в Пакистан, которые лишь в период 1954—1965 гг. составили сумму в 1 млрд. долларов. Продолжены они были и в последующие годы. Автор статьи Боуле, бывший посол США в Индии, замечает, что безрассудно поставлять оружие дружественным правительствам без учета того, против кого оно будет использовано и в каких целях.

Приведем некоторые ответы на вопрос, для чего это делается. Газета «Нью-Йорк таймс» от 11 июля в публикации Э. Равепала «Глубокие вмятины в доктрине Никсона» делает такой вывод: «Основная черта доктрины Никсона — стремление сохранить политическую и военную причастность к делам Азии... ведение войны руками других, помощь оружием... Поэтому Вашингтон продолжает посылать оружие и оказывать помощь Пакистану».

Французская газета «Комба» от 28 августа подчеркивает, что «любая дополнительная помощь пакистанской армии лишь усиливает напряженность в этом районе».

При этом целесообразно вспомнить, что именно с пакистанских авиабаз, переданных в аренду ВВС США, взлетали американские самолеты-разведчики в направлении Советского Союза. Известно, что американский самолет-шпион U-2, который был сбит над советской территорией в 1960 г., взлетел с пакистанской базы Бадабер в Пешаваре. Взрыв возмущения мировой общественности заставил тогда Исламабад запретить ВВС США пользоваться этой базой. Но, как показали последующие события, ненадолго.

Несмотря на хронический характер вмешательства региональных союзников США во внутренние дела Афганистана, в Вашингтоне к началу 70-х гг. в целом адекватно оценивали развитие советско-афганского сотрудничества. В докладе, подготовленном американской миссией в 1971 г., указывалось: «В настоящий момент Афганистан представляет ограниченный прямой интерес для США: он не является важным торговым партнером... через Афганистан не проходят коммерческие связи США с другими странами, с Афганистаном нет взаимных договоров или оборонительных обязательств, Афганистан не обеспечивает США военными, разведывательными или научными объектами».

Госдепартамент США весной 1972 г. признавал, что «независимо от русской политики или мировой роли Афганистан имеет естественные политические, экономические, коммерческие и культурные взаимоотношения с Россией. Любая попытка со стороны других государств уменьшить советско-афганские взаимоотношения ниже этого естественного уровня противоречила бы интересам обеих стран, и возникшая в результате этого ситуация не могла бы долго сохраниться»⁴.

Свержение в июле 1973 г. короля Афганистана М. Захир Шаха его двоюродным братом и бывшим премьер-министром М. Даудом стало началом новой фазы афганской политики США. Стремление М. Дауда проводить независимый и самостоятельный курс во внешней и внутренней политике Афганистана было своеобразно истолковано американскими спецслужбами. В биографической справке ЦРУ о М. Дауде говорилось, что он «был наиболее счастлив, когда мог зажечь свою американскую сигарету советскими спичками», иными словами — новый руководитель Афганистана был склонен извлекать выгоды из соперничества сверхдержав⁵. Справедливости ради следует отметить, что переориентация правительства М. Дауда в середине 70-х гг. во многом была обусловлена не только усиливавшимся внутривнутриполитическим кризисом, но и активным вмешательством Пакистана во внутренние дела Афганистана. При этом, действуя через своих региональных союзников, США одновременно использовали как «пакистанский кнут», так и «иранский пряник». В 1975 г. шах Ирана предложил афганскому правительству двухмиллиардную экономическую помощь сроком на десять лет, сразу же предоставив на выгодных условиях 400 млн. долларов. Параллельно с оказанием экономической помощи иранская спецслужба САВАК вела активную инфильтрацию в общественно-политические и государственные структуры Афганистана, способствовала организации преследования демократических сил.

В 1976 г. в процесс втягивания Афганистана в сферу американских интересов подключились руководители правительства США. Государственный секретарь Г. Киссинджер во время своего визита в Кабул осенью 1976 г. выразил «твердую поддержку США недавним инициативам Дауда, которые улучшили отношения между государствами в регионе», имея в виду Пакистан

и Иран⁶. Последовательную заинтересованность в ослаблении советско-афганских отношений и в «движении Афганистана политически ближе к Западу» проявил шах Ирана во время своего визита в Вашингтон в 1977 г., в ходе которого он настойчиво разъяснял президенту Картеру суть «взаимных ирано-американских интересов» в Афганистане⁷. В результате М. Дауд в 1978 г. пригласил Пехлеви посетить Кабул и принял предложение о встрече с президентом США Дж. Картером в Вашингтоне в конце этого же года. При посредничестве шаха Ирана между М. Даудом и президентом Пакистана Зия уль-Хаком было достигнуто компромиссное соглашение по пограничным вопросам.

Суть этого соглашения заключалась в том, что Зия уль-Хак выпустит на свободу находящихся в заключении представителей оппозиции пуштунов и белуджей и предоставит им равные возможности участия в политической жизни Пакистана, а М. Дауд взял на себя обязательство прекратить поддержку их деятельности внутри Пакистана и в приграничной зоне.

Результаты политики «кнута и пряника» в отношении Афганистана со стороны региональных союзников США, выразившиеся в преследовании демократических сил в Афганистане и усилении прозападных акцентов во внешней политике правительства М. Дауда, в ежегодной политической оценке госдепартамента за 1977 год были определены как «значительный вклад в улучшение региональной стабильности, способствующей выполнению другой принципиальной задачи США»⁸. Однако, несмотря на доброжелательное отношение к политике М. Дауда, во второй половине 70-х гг. под предлогом сохранения «независимости» США рассматривали Афганистан в качестве «нейтрального в военном и политическом отношении государства, фактически зависящего от Советского Союза»⁹.

Таким образом, афганская политика США в период правления М. Дауда (1973—1978) заметно отличалась от их политики в предшествующий период. Американские усилия по оказанию косвенного и прямого воздействия на внутреннюю и внешнюю политику правительства М. Дауда представлялись вполне прибыльным предприятием, когда за счет незначительных вложений возникла реальная предпосылка постепенно ослабить позиции СССР в стране, имеющей с

ним общую сложную и протяженную границу. Более того, в этом случае Советский Союз с юга охватывался бы непрерывной цепью проамериканских государств.

Учитывая политическое лавирование М. Дауда, утрату его правительством поддержки среди населения в результате отхода от ранее провозглашенных социально-экономических и общественных преобразований и перехода к антидемократическому подавлению даже тех немногочисленных прогрессивных сил, которые помогли ему взять власть в 1973 г., США и их региональные союзники не обольщались долговечностью даудовского правления. Иранская охранка САВАК и спецслужбы Пакистана, располагая устойчивыми политическими структурами афганской оппозиции и эмиграции на территориях своих стран, которые, в свою очередь, сохраняли связи и контакты с широкоразветвленной сетью ячеек своих сторонников внутри Афганистана, готовили свой вариант действий для предотвращения прихода к власти левых сил в случае падения режима М. Дауда. Иранские советники начали перестраивать на манер своей охранки САВАК афганские органы безопасности. Под их негласным контролем оказалась республиканская гвардия, в отборные части которой входило около 10 тыс. солдат и офицеров.

В этот же период Соединенные Штаты значительно расширили идеологическое проникновение в страну. Агенты ЦРУ, действуя под маской дипломатов, работников культурного центра в Кабуле, значительно активизировали свою деятельность по сплочению сил внутренней реакции. Завладев достаточно сильными позициями в Кабуле, они стали оказывать нажим на режим М. Дауда, требовать расправы с демократическими силами страны. В качестве основных исполнителей этого кризисного варианта действий были избраны братья-мусульмане и взаимодействовавшие с ними религиозно-политические группировки антидемократической направленности.

Необходимо отметить, что курс неприсоединения, проводившийся Афганистаном, его нормальные, дружественные отношения с Советским Союзом, твердый отказ афганского правительства в 50—60-х гг. присоединиться к агрессивному пакту СЕНТО вызывали раздражение США задолго до Апрельской революции.

Как пишет американский публицист Ф. Боноски в книге «Секретная война Вашингтона против Афганистана», еще в 1973 г. ЦРУ «начало оказывать нажим» на афганское правительство с целью заставить его занять антисоветские позиции¹⁰.

В том же году в Кабуле произошел антимоархический переворот, и при поддержке США такие главари пынешних антиафганских контрреволюционных группировок, как Раббани, Хекматъяр, Моджаддиди, развернули свою подрывную деятельность. Однако уже через несколько лет недовольное тем, что «дело идет медленно», ЦРУ приняло решение открыть против Афганистана второй «тайный фронт».

В 1977 г. Р. Лессарт, в свое время помогавший иранскому шаху создавать его охранку САВАК, другие представители ЦРУ активизировали антиафганскую деятельность в Пакистане, стали широко вербовать агентуру среди находившихся там афганцев. Только за период 1973—1977 гг. в пакистанских секретных лагерях было подготовлено для засылки в Афганистан около 6 тыс. боевиков. Под крышей американского управления по борьбе с распространением наркотиков готовились антиафганские акции. В результате, делает вывод Ф. Боноски, к Апрельской революции 1978 г. США уже имели в Афганистане широкую агентурную сеть для осуществления подрывных операций против правительства страны. Об этом свидетельствовали сообщения советских загранпредставительств.

С п р а в к а

К началу Апрельской революции в Афганистане на пакистанской территории уже находились и действовали центры двух основных фундаменталистских оппозиционных организаций Исламской партии Афганистана (ИПА) под руководством Гульбеддина Хекматъяра и Исламского общества Афганистана (ИОА), возглавляемого Б. Раббани. Они были созданы после распада организации «Мусульманская молодежь» из уцелевших ее членов.

Из информации МГБ ДРА — советского посольства
в Афганистане

Другим важным свидетельством американского вмешательства во внутренние дела Афганистана является

принятая среди некоторых американских специалистов трехэтапная периодизация афганской политики администрации президента Картера.

Первый этап — с апреля 1978 г. по февраль 1979 г., когда в Кабуле был взят в заложники и убит американский посол в Афганистане А. Дабс. На этом этапе США оказались на непродолжительное время перед дилеммой.

30 апреля 1978 г. в секретном меморандуме на имя государственного секретаря США С. Вэнса помощник госсекретаря Г. Саундерс рекомендовал администрации Картера «принять во внимание смесь национализма и коммунизма в новом афганском руководстве и стремиться избегать подталкивания режима в более тесные объятия Советского Союза, чем он мог бы того желать. С другой стороны, антиправительственные элементы в Афганистане будут внимательно следить за нашей реакцией, с тем чтобы определить, даем ли мы молчаливое согласие на их деятельность или принимаем факт захвата коммунистами власти»¹¹. При этом Г. Саундерс указывал на то, что «Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и другие наши друзья в регионе воспринимают эту ситуацию как явный просоветский переворот»¹².

После Апрельской революции в Афганистане внутри картеровской администрации отчетливо обозначились две тенденции в оценке событий в Афганистане. Сторонники сдержанной, более осмотрительной позиции по Афганистану во главе с госсекретарем С. Вэнсом были склонны, не провоцируя Советский Союз, постепенно вытеснять его из Афганистана и поощрять националистические тенденции в новом афганском руководстве. По поручению госсекретаря посол США в Кабуле А. Дабс активизировал работу с афганским руководством, за непродолжительный период времени он встречался 14 раз с Х. Амном и вел с ним активный диалог¹³.

Сторонники жесткой линии во главе с З. Бжезинским рекомендовали президенту Дж. Картеру ни в коем случае не отступать в Афганистане, так как это в условиях нарастающей нестабильности в Иране будет расценено американскими региональными союзниками как предательство и бессилие Вашингтона перед советской экспансией¹⁴.

В сложившейся ситуации президент Картер принял

компромиссное решение: З. Бжезинскому было предложено заняться выработкой своего варианта региональной политики, а госдепартаменту — поддерживать нормальные дипломатические отношения с кабульскими властями.

Используя свое право контроля над ЦРУ, З. Бжезинский продолжал активно проталкивать через Специальный координационный комитет Совета национальной безопасности мероприятия по созданию системы поддержки афганской оппозиции, которую он считал единственно способной противостоять усилению влияния СССР в Афганистане.

Вскоре на территории Пакистана стали возникать центры боевой подготовки афганских оппозиционеров.

Сотрудники американского генерального консульства, встречаясь в Пешаваре с лидерами афганских мятежников, стремились убедить их в необходимости создания единого военного командования, состоящего из всех группировок. В результате в июне 1978 г. был создан так называемый Национальный освободительный фронт Афганистана, в который вошли настолько противоречивые фигуры афганской эмиграции, что уже через шесть недель фронт под грузом внутренних распрей раскололся. В этом плане небезынтересно признание самих лидеров в бесплодности создать какую-либо общую структуру. Они говорили своим американским покровителям, что временное правительство оппозиции из-за патологической разобщенности ее лидеров напоминает «помещение пяти разных животных в одну клетку»¹⁵.

Для установления прямых контактов с антиправительственными элементами внутри страны в Кабул прибыл представитель ЦРУ Л. Дюпри. В ноябре 1978 г. он был выдворен из Афганистана и выехал в Пакистан, где возглавил группу, в которую вошли Р. Лессарт, Л. Робинсон, В. Дэвид, Р. Брок и другие сотрудники ЦРУ. Эта группа стала своего рода штабом афганской оппозиции. Бежавшим из Афганистана оппозиционерам американцы обещали неограниченную помощь оружием, боеприпасами, деньгами при условии проведения ими активных диверсионно-террористических акций против правительства ДРА. Мятежники проходили подготовку и обучение в специальных лагерях на территории Пакистана, расположенных в на-

селенных пунктах Читрал, Чират, Кохат, Кветта, Наушери и в других местах.

До конца 1978 г. администрацией Картера по отношению к событиям в Афганистане проводилась двойственная политика: госдепартамент действовал по дипломатической линии, рассчитывая на неизбежную эволюцию новых властей в Афганистане вправо, а З. Бжезинский по линии Совета национальной безопасности действовал в стиле ЦРУ — расширял базу внешнего вмешательства и дестабилизации внутривнутриполитической обстановки в ДРА.

После провокационного убийства американского посла А. Дабса 14 февраля 1979 г. в Кабуле и изгнания шаха из Ирана начался новый, второй этап афганской политики США: антисоветская направленность ее по отношению к Афганистану еще больше усилилась. США по-прежнему осторожно поощряли поддержку антиправительственных сил в Афганистане со стороны Пакистана, Ирана, Китая и арабских стран Персидского залива, делали ставку на постепенный переход Х. Амина на прозападные позиции. Однако события в Иране и покушение на американского посла в начале 1979 г. способствовали усилению сторонников жесткой антисоветской линии в американской администрации во главе с З. Бжезинским.

В марте 1979 г. представитель госдепартамента США Х. Картер заявил, что американское правительство «со всей серьезностью отнеслось бы к вмешательству извне во внутренние дела Афганистана». Газета «Вашингтон пост», комментируя это заявление, писала, что оно свидетельствует о «повышенном внимании к действиям Советского Союза в этом районе»¹⁶.

Объявив тогда события в Афганистане «внутренним делом» этой страны, Х. Картер ни словом не обмолвился о прошлом долголетнем вмешательстве со стороны «друзей» США, особенно о действиях бывшего шаха Ирана.

С тех пор как США утратили свое экономическое, стратегическое и политическое влияние в Иране и после роспуска СЕНТО (военный блок между Великобританией, Турцией, Ираном и Пакистаном при поддержке США) правительство США особенно болезненно реагировало на события на Ближнем и Среднем Востоке и в Южной Азии. ЦРУ вело интенсивное наблюдение за всеми операциями афганских мятежников и из-

менением военной ситуации в стране. Другое американское ведомство, активно действовавшее в районе афгано-пакистанской границы, — управление по борьбе с наркотиками (среди его сотрудников много бывших агентов ЦРУ) занималось далеко не только борьбой против торговцев наркотиками.

Небезынтересно отметить, что двое из руководителей афганских мятежников, З. Назри и З. Насери, являются американскими гражданами и по крайней мере один из них поддерживает постоянную связь с госдепартаментом США. З. Назри, сторонник свергнутой монархии, посетил госдепартамент в начале марта 1979 г. Он вел беседы с референтом по Афганистану Р. Лортоном и другими чиновниками департамента, встречался также с доверенными лицами сенаторов Ф. Черча и Д. Джавитса. Известно, что у Д. Джавитса были дружественные отношения с бывшим шахом Ирана.

Другой американский гражданин, принимавший активное участие в вооруженной борьбе против Афганистана, З. Насери, входил в состав афганского исламского националистического революционного совета, резиденция которого находилась на территории Пакистана, в Пешаваре. В интервью газете «Нью-Йорк таймс» в апреле 1979 г. Насери утверждал, что его группа имеет в Афганистане 15 тыс. бойцов. А ведь именно 9 апреля 1979 г. З. Бжезинский сумел провести решение о нарачивании тайной помощи ЦРУ силам афганской вооруженной оппозиции через Специальный координационный комитет Совета национальной безопасности США¹⁷. В мае — июне 1979 г. представители администрации Картера начали проводить регулярные встречи с лидерами афганской оппозиции в Пешаваре. В течение лета 1979 г. США во взаимодействии с Саудовской Аравией, Объединенными Арабскими Эмиратами и Пакистаном пытались восстановить Национальный фронт спасения Афганистана.

И военная помощь оппозиции стала увеличиваться. В июне 1979 г. пакистанское судно «Аль-Касум» доставило в порт Карачи из США 2 тыс. т оружия и военного снаряжения. Еще одно судно («Рустам») имело на борту 8 тыс. т оружия китайского производства. Весь этот военный груз был доставлен затем в Пешавар и распределен среди отрядов афганских мятежников.

Газета «Вашингтон пост» писала: «В информированных кругах преобладает мнение, что США не ока-

зывают афганским повстанцам существенной (это слово было особо выделено в тексте оригинала. — *Прим. ред.*) помощи, однако размеры скрытой помощи, разумеется, не будут разглашены».

Лидер контрреволюционной афганской группировки Назри, как сообщили информационные агентства 15 февраля, прибыл в столицу Соединенных Штатов, где ему был оказан подчеркнуто теплый прием. Состоялась его беседа с советником президента Р. Мэддоксом. В свою очередь французская «Котидьен де Пари» 16 февраля рассказала о встрече другого представителя афганских мятежников, З. Насери, с советником Белого дома. Обсуждались вопросы о поставках Соединенными Штатами различных вооружений афганским мятежникам на сумму до 40 млн. долларов.

Пакистан стал идеальным плацдармом для агентов иностранных государств, пытавшихся вмешиваться во внутренние дела Афганистана. Правительство Пакистана охотно оказывало им всяческую поддержку. Корреспонденты американских газет и агентств, посетившие лагерь мятежников в Пакистане, не раз в своих сообщениях подчеркивали тот особый характер помощи, о которой просили мятежники. «Шлите нам не хлеб, а оружие и боеприпасы»¹⁸.

В Пакистане сосредоточивались оппозиционные элементы. Пользуясь разносторонней поддержкой правительства Зия уль-Хака, они получали различные денежные субсидии, имели право свободно пересекать афгано-пакистанскую границу, их обучали обращению с современным оружием.

Канадский журнал «Маклинс мэгэзин» в статье об иностранном вмешательстве в дела Афганистана сообщал, что агенты американской службы по борьбе с наркотиками встречались с представителями КНР в Пакистане, неподалеку от афганской границы. Сначала они полагали, что это торговцы наркотиками из Гонконга, скупающие у населения урожай мака. Но затем поняли, что случайно раскрыли одну из тайн, ревниво оберегавшихся правительством Пакистана, а именно факт присутствия в Пакистане китайских офицеров и инструкторов, которые помогали вооружать и обучать правоэкстремистских афганских мусульман, выступавших против режима Н. М. Тараки.

В марте — апреле 1979 г. командующий ВВС Китая посетил Пакистан, где он обсуждал с пакистанскими

военными лидерами вопросы координации подрывной деятельности против Афганистана и возможности оказания помощи в этом деле Пакистану. «Крисчен сайенс монитор», например, отмечала, что визит помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского в Пакистан имел целью «укрепить военный альянс» между КНР и Пакистаном. Об этом же писала «Нью-Йорк таймс». «Нью-Йорк дейли ньюс» указывала, что цель подобных визитов — увеличение военных поставок афганским мятежникам через Китай. Следует вспомнить, что некоторые афганские земли фигурировали в изданном еще в 1953 г. в КНР учебнике «Краткая история современного Китая» как «утраченные китайские территории».

Именно в восточной части Ваханского коридора, заканчивающегося на границе с КНР, начало свою деятельность формирование крупного феодала Рахманкула, в котором насчитывалось 500 человек. Они были одеты в форму китайских пограничников, вооружены китайским стрелковым оружием. Представители Пекина подговаривали Рахманкула провозгласить «независимость» контролировавшегося им обширного района. В 1978 г. еще одна крупная группа, вооруженная китайским оружием, действовала в провинции Бадахшан.

Китайские разведцентры в Синьцзяне готовили группы афганских «партизан», которые переправлялись из Китая сначала в Пакистан, а уже оттуда — в ДРА¹⁹.

«Маклинс мэгэзин» пишет далее, что афганские контрреволюционеры отчасти финансируются за счет нелегальной продажи опиума: «Феодалы-помещики, владения которых оказались под угрозой в результате аграрной реформы правительства Тараки, вывозят свой урожай мака в Пакистан и используют доходы от его продажи для приобретения взрывчатки, винтовок и другого оружия. Пакистанские торговцы оружием говорят, что клиенты приходят к ним ежедневно и их бизнес процветает».

Согласно другому сообщению — японского информационного агентства Киодо Цуси — «тысячи обученных китайцами специалистов по ведению партизанской войны и подрывных действий были откомандированы в район афганской границы для проведения молниеносных операций против войск, охраняющих грани-

цу между Пакистаном и Афганистаном, а также для оказания поддержки афганским мятежникам»²⁰.

«Поскольку Америка проявляет несомненный интерес к вопросам безопасности всего региона, представляется целесообразным, чтобы правительство США наладило более тесные контакты и сотрудничество с Пакистаном и Ираном. Спокойная, но недвусмысленная демонстрация нашего участия в решении их проблем вернула бы нам их доверие и послужила бы одновременно предостережением новому афганскому правительству»²¹. Эти слова принадлежат одному из видных сотрудников Джорджтаунского центра стратегических и международных исследований и были высказаны еще в июле 1978 г. В докладе госдепартамента от 16 августа 1979 г. прямо говорилось: «Свержение режима ДРА покажет остальному миру, особенно третьему миру, что советское представление о социалистическом пути истории как неизбежном неверно»²².

Исходя из анализа содержания телеграмм, поступивших в американское посольство в Кабуле в августе 1979 г., ЦРУ приступило к финансированию афганской оппозиции и пропагандистской кампании на международном уровне по дискредитации «советского марионеточного режима в Кабуле». В докладе посольства США в Кабуле от 16 августа 1979 г. прямо говорилось, что «более широким интересам Соединенных Штатов будет служить падение режима Тараки—Амина, несмотря на какие-либо отрицательные последствия, какие бы это могло означать для будущих социальных и экономических реформ в Афганистане»²³. При этом, как следует из американских официальных документов, США хорошо понимали, что советское руководство предпринимает активные усилия по политическому разрешению кризисной ситуации в стране. На это указывает даже само название секретного меморандума госдепартамента от 24 мая 1979 г. — «Советско-афганские отношения: истощается ли терпение Москвы?».

В октябре 1979 г., т. е. за два месяца до ввода ОКСВ в Афганистан, США в резкой форме отвергли советскую инициативу по разоружению. В дальнейшем общий курс США на ужесточение конфронтации с СССР был перенесен и на Афганистан. В связи с утратой позиций в Иране США были озабочены поиском замены ему и наращиванием своих военных возможностей в Юго-Западной Азии. США сделали ставку на

использование афганской вооруженной оппозиции, подкрепив непосредственно уже осуществлявшийся антиафганский курс проамериканскими режимами в регионе.

Американские официальные лица в это время не скупались на предсказания кардинальных перемен в Афганистане, на появление там для США «благоприятных возможностей». Уже наводились морские и воздушные мосты для переброски оружия в Пакистан, в частности оружия советского производства из Египта, выдававшегося затем за «трофейное». Только с июня по ноябрь 1979 г. американские инструкторы подготовили в лагерях и базах на территории Пакистана более 30 тыс. наемников. А всего к концу 1979 г. численность формирований оппозиции уже превышала 100 тыс. человек.

Антисоветский характер американской поддержки антиправительственных сил в Афганистане нашел отражение в докладе госдепартамента США от 1 января 1980 г.: «Движение сопротивления будет, вероятно, продолжать сковывать 85 000 и более советских войск, но мятежники раздроблены, не имеют эффективного национального руководства и, безусловно, не могут вынудить советские войска уйти...»²⁴

2. «Исламский фактор» в действии

Концепция использования «исламского фактора» была сформулирована в общих чертах еще в период правления президента Дж. Картера. В ее основу легли взгляды З. Бжезинского на мусульманский регион как фактор советско-американского противоборства.

Уже 19 января 1980 г. дамаская газета «Тишрин» опубликовала большую статью своего военного комментатора подполковника Аль-Хейсама Аль-Аюби под характерным заголовком «Возвращение в регион под знаменем ислама. Новые черты американской стратегии». В ней говорилось, что после событий в Иране и Афганистане администрация президента Картера внесла в свою стратегию существенные коррективы, направленные на прикрытие трещин, возникших в поясе окружения Советского Союза с юга в течение 1979 г. А поскольку южными соседями СССР являются мусульманские страны, то, следовательно, выход один — «противопоставить ислам Москве», а для этого США

должны добиться особого расположения у мусульманских государств, находящихся вдоль южных советских границ.

По сообщениям американской печати, в начале 1979 г. помощник президента по национальной безопасности З. Бжезинский поручил разведывательным службам подготовить исследование о положении в ряде мусульманских стран и в соответствующих религиозных движениях с упором на взрывоопасные районы, к которым отнесены Афганистан, Пакистан, Иран, Египет и ряд других стран.

Были определены два этапа восстановления позиций США в регионе: первый — оборонительный, в ходе которого США примут меры к усилению своих позиций в Пакистане и Турции и недопущению новых потерь, а второй — наступательный в ответ на события в Афганистане, чтобы «компенсировать потерю сегодня выигрышем в будущем».

После периода прохладных отношений с Исламабадом из-за пакистанской программы создания «атомной бомбы» и казни режимом генерала Зия уль-Хака бывшего президента А. Бхутто в Вашингтоне вспомнили, что США и Пакистан с 50-х гг. связывает договор о совместной обороне. Ввиду ввода советских войск в Афганистан Пакистан для оправдания перед мировой и американской общественностью был объявлен «прифронтовым государством», а его режим получил возможность получать огромную американскую военную помощь и передавать часть ее афганской вооруженной оппозиции.

Таким образом, «исламский фактор» был приведен в действие. Необъявленная война против Афганистана начала расширяться. Для спасения «ислама и мусульман» в Афганистане путем внешнего вмешательства сложился весьма странный, на первый взгляд, альянс: США, Китай, Пакистан, Саудовская Аравия и Египет. Свою «лепту» в «защиту ислама в Афганистане» внесли Иран, Израиль и некоторые другие «радетели» религии мусульман.

О том, как и почему этот парадоксальный альянс по «защите ислама и мусульман» в Афганистане действовал еще в 1980 г., поведал издающийся в Вашингтоне журнал «Нью рипаблик», который опубликовал статью «Оружие для Афганистана».

«Центральное разведывательное управление

США, — писал «Нью рипаблик», — занято координированием сложной, обширной программы (в которой участвует пять стран и стоимость которой оценивается более чем в 100 млн. долларов) обеспечения афганского движения сопротивления оружием для ведения современной партизанской войны»²⁵.

После победы в Афганистане Апрельской революции и особенно в первые месяцы после ввода в страну ОКСВ в прессе иногда появлялись сообщения о том, что США поставляют оружие афганским душманам. «Но с тех пор, — отмечает журнал, — об этом особых новостей не было. В действительности (же роль американцев в Афганистане, как ее характеризуют высокопоставленные сотрудники правительств Картера и Рейгана, намного более значительна, чем можно было судить по первым газетным сообщениям. Ибо для США ставка в данном случае особенно велика».

Под покровом секретности американская администрация развернула бурную деятельность. «Распоряжение о разработке операции, — свидетельствует «Нью рипаблик», — было отдано лично президентом Картером, ее планирование осуществлялось под непосредственным наблюдением помощника президента США по национальной безопасности З. Бжезинского и директора ЦРУ С. Тернера».

Как утверждал журнал, было принято решение, что «координация действий с мусульманскими странами осуществляется ЦРУ через разведслужбы этих стран, а не по обычным дипломатическим каналам... С союзниками США по НАТО вообще не консультировались».

«9 января 1980 г., — сообщает «Нью рипаблик», — ЦРУ доложило специальной сенатской комиссии по разведке планы операции, в частности, снабжения моджахедов оружием, которое было бы эффективно против вертолетов». При этом речь шла не только о зенитных установках и ракетах самых современных образцов, но и о противотанковых гранатометах, автоматах, пулеметах, других видах оружия.

Чтобы скрыть истинные источники поставок, в первую очередь к отправке предназначалось «вооружение советского производства или точные копии этого оружия». Главная ставка, утверждает «Нью рипаблик», делалась на Египет, который в свое время получил от Советского Союза много боевой техники, оружия и амуниции для борьбы с израильскими захватчиками.

Кроме того, пишет журнал, «тонны боевых средств изготавливаются на заводах в пригородах Каира».

Финансирование программы «экспорта контрреволюции» взяли на себя Соединенные Штаты и Саудовская Аравия. Вашингтон сделал почин, выделив для начала 20—30 млн. долларов для закупки оружия на международных рынках и сам же провернул кое-какие оружейные сделки. «Саудовская Аравия, — отмечает «Нью рицаблик», — другая страна, вносящая крупный вклад в финансирование операции, который равен или даже превышает финансовый вклад США».

Итак, деньги и оружие были найдены. Затем стал необходим «извозчик», который доставил бы военные грузы по назначению. Эту миссию подрядился выполнить Пекин. Еще за 19 месяцев до ввода ОКСВ в ДРА, т. е. в мае 1977 г., З. Бжезинский, встречаясь с премьером КНР Дэн Сяопином, достиг «взаимопонимания» по взаимной безопасности, в ряде подписанных тогда документов уже фигурировал Афганистан. А сразу же после отъезда шаха Ирана из Тегерана к согласованию вопросов «взаимной безопасности» подключился лично Картер. «Пока сенатскую комиссию знакомили с планами, — свидетельствует журнал, — министр обороны США Гарольд Браун находился в Пекине с визитом, который был намечен уже давно. Секретная часть программы его пребывания там была посвящена в основном Афганистану... Китай согласился разрешить самолетам с оружием пролетать над его территорией. Китайцы также изъявили готовность оказать помощь поставками ракет САМ-7 и ручных противотанковых гранатометов. В случае если граница между Пакистаном и Афганистаном будет закрыта, китайцы возьмут на себя переброску оружия. Они позволят самолетам разгружаться в Китае и будут выделять своих людей для доставки груза через труднопроходимую китайско-афганскую границу».

Известно, что особая роль в оружейном бизнесе и заброске вооруженных формирований на афганскую территорию отводилась Пакистану.

Было решено, что Пакистан — страна, имеющая наибольшее значение для успеха операции, позволяет переправлять оружие по своей 1400-мильной границе с Афганистаном. Долгие годы пакистанские дипломаты, которых умышленно не привлекли к планированию операции, продолжали утверждать, что Пакистан не

участвует официально ни в какой операции по вооружению афганского движения сопротивления. Однако, по словам американских должностных лиц, все главные аспекты операции были лично одобрены президентом Пакистана Зия уль-Хаком.

Были выработаны и «особые правила» тайной сделки во взаимодействии с картеровской администрацией, а именно:

во-первых, страны, поставляющие оружие афганским мятежникам, должны это делать тайно, избегая публичности;

во-вторых, Пакистан осуществляет контроль за распределением этого оружия среди афганцев;

в-третьих, поставляемое оружие как можно быстрее перебрасывается через афганскую границу;

в-четвертых, поставки оружия должны быть дозированными;

в-пятых, оружие, поставляемое афганским мятежникам, должно быть советского производства;

в-шестых, Пакистан на регулярной основе финансирует основные мятежные группировки.

Этот детально разработанный план не остался на бумаге. «Оружие прибывает в Пакистан под видом обычного груза на самолетах, опознавательные знаки которых постоянно меняются. Здесь под наблюдением представителей пакистанского разведывательного бюро оружие переправляется моджахедам, которые на себе и на мулах перебрасывают его через границу, а затем — в район горных перевалов, где оружие распределяется среди отрядов. Пакистан, на который произвело впечатление обещание правительства США предоставить ему долгосрочные кредиты на сумму 3 млрд. долларов, смягчил некоторые ограничения, касающиеся количества оружия, переправляемого за границу».

Три ближневосточных государства также проявили повышенный интерес к афганским событиям. По разным причинам Израиль, Египет и Саудовская Аравия стали участниками консорциума по оказанию тайной помощи силам афганской вооруженной оппозиции. Саудовской Аравии была отведена роль банкира, а Израилю и Египту — поставщиков оружия и военной техники советского производства. По условиям сделки у мировой общественности планировалось сформировать мнение о том, что афганские моджахеды воюют добы-

тым в боях с советскими и афганскими войсками оружием, т. е. ведут боевые действия и успешно, и самостоятельно. При этом указывалось, что успех партизанских действий, как правило, свидетельствует о широкой народной поддержке.

Логика участия израильского правительства в тайной помощи афганской оппозиции вполне понятна: чем больше мусульмане убивают друг друга, тем увереннее чувствует себя государство Израиль, расположенное в сердце арабского мира, тем более что продаваемое израильянами советское оружие, захваченное в 1982 г. в Ливане, давало прибыль в десятки миллионов долларов.

В свою очередь президенту Египта А. Садату после кэмп-дэвидского сговора важно было показать себя «защитником ислама» если не в палестинском вопросе, то хотя бы в афганском. Был тут и свой меркантильный расчет: угодить США и выгодно продать советское оружие в обмен на новые американские поставки и саудовские деньги. Однако секрет тайной операции трех государств просуществовал недолго. Новоиспеченный нобелевский лауреат, польщенный вниманием западной прессы, не удержался и сообщил в одном из интервью, что военные склады и центры военной подготовки вооруженных сил Египта в соответствии с просьбой американской стороны уже давно раскрыты перед афганскими моджахедами²⁶.

Другим важным, но менее афишируемым параллельным каналом помощи афганским повстанцам была так называемая «исламская линия». Главную роль здесь играли саудовские ваххабиты и арабские братья-мусульмане, с лидерами которых руководство афганской оппозиции имело давние родственные и устойчивые деловые связи. Большинство из них прошли через Аль-Азхар, где они познакомились с идеями и деятельностью братьев-мусульман еще в 50—60-е гг. К примеру, брат С. Моджаддиди — Харун по обвинению в участии в антиправительственной деятельности арестовывался египетскими властями после египетской революции 1952 г. Именно в этот период между афганскими студентами Аль-Азхара и их коллегами — выходцами из правящих кругов Саудовской Аравии и государств Персидского залива складывались близкие отношения. Секретное соглашение между правительством Саудовской Аравии и ЦРУ о пополнении на паритет-

ных началах фонда военной помощи афганским борцам за свободу имеет свои ограничительные условия: большая часть из полутора миллиардов долларов, которые саудовцы внесли для помощи мятежникам, достается тем группировкам, которые предпочитают саудовцы, хотя эти группировки являются не только наименее прозападными, но и наименее эффективными.

С того момента как США начали оказывать помощь афганским моджахедам, саудовцы вносили ровно такие же суммы, которые ассигновал конгресс США, с точностью до доллара. Деньги, предназначенные для мятежников, получал от саудовцев шеф резидентуры ЦРУ в Эр-Рияде. Помимо этого некоторые саудовцы жертвовали миллионы долларов тем лидерам мятежников, которые пользовались их личной благосклонностью²⁷. Так, например, одна из четырех излюбленных саудовцами групп моджахедов во главе с А. Сайяфом получила 20 процентов осуществляемых ЦРУ и саудовцами совместно поставок оружия, хотя она составляет лишь 2 процента от общей численности боевых сил мятежников²⁸. Известно также, что в мае 1984 г. саудовский посол в Пакистане передал А. Сайяфу 10 млн. долларов от имени принца Абдуллы, заместителя премьер-министра Саудовской Аравии²⁹.

Обнаружилась связь между помощью афганцам и скандалом «Иран-контрас». Секретный счет в одном из швейцарских банков, на который поступила сумма более чем в 10 млн. долларов, вырученная от продажи оружия Ирану, был счетом ЦРУ, на котором помимо этого находилось 500 млн. долларов, предназначенных для моджахедов³⁰.

Кроме того, известно, что бывший помощник президента США по национальной безопасности Р. Макфарлейн неоднократно обсуждал с саудовским принцем Бандером бен Султаном вопрос о взносах для помощи афганскому сопротивлению, а также о помощи никарагуанским контрам.

Самым бесспорным свидетельством сговора саудовцев с ЦРУ является следующий факт: американские зенитные ракеты «Стипгер», переданные мятежникам в 1986 г., были получены прежде всего теми группами моджахедов, которым покровительствовали саудовцы. Лидер саудовских ваххабитов Абдул бен Баз длительный период времени передавал крупные суммы денег своим афганским последователям через пакистанскую

«Джамаат-и-ислами». По мнению американских специалистов, уже с начала 70-х гг. Саудовская Аравия добросовестно делит с США миллиардное бремя расходов на «антикоммунистических партизан». При этом не важно, что уже многие годы вследствие этого гибнут главным образом мусульмане. Видимо, рассуждения посла Саудовской Аравии в США Бандера бен Султана о том, что арабы могут быть полезнее Вашингтону, чем израильтяне, вряд ли устроит мусульманских матерей, потерявших своих сыновей в «святых войнах» за американские стратегические интересы на саудовские деньги.

На особую благосклонность арабских монархов мог рассчитывать и генерал Зия уль-Хак. Пакистанская бригада под его командованием еще в 1970 г. во время событий «черного сентября» в Иордании сыграла не последнюю роль в подавлении восстания палестинцев.

Уже в начале 1980 г. «исламские» усилия США и их партнеров по необъявленной войне против Афганистана стали давать свои результаты. 21 февраля в Кабуле была предпринята попытка мятежа. Вооруженные отряды мятежников при поддержке некоторых кругов духовенства сумели привлечь на свою сторону часть обманутого, сбитого с толку населения: ими широко использовались также деклассированные элементы и уголовники. Отряды бандитов врываются в лавки, магазины, рестораны и жилые дома, уничтожали имущество, занимались грабежом. Они попытались захватить хлебокомбинат, закидывали камнями и поджигали автомашины, распространяли листовки, угрожали мирным жителям физической расправой. Контрреволюционные мятежники намеревались продолжить свои бесчинства 22 и 23 февраля. Они подожгли здание одного из столичных отелей, а когда прибыли пожарники, открыли по ним огонь из автоматов. В результате имевших место событий были жертвы среди мирного населения.

Однако заговор провалился. Арестовали группу руководителей мятежа, среди которых американский гражданин Роберт Ли, агент ЦРУ и 16 пакистанских диверсантов. Большинство задержанных и арестованных — люди, тайно проникшие в город из других мест, многие из них прибыли в страну из Пакистана. У них было изъято большое количество оружия в основном китайского и американского производства, взрывные устройства, бутылки с зажигательной смесью, значи-

тельные суммы в американской, английской, западногерманской и пакистанской валюте.

Лица, арестованные в отелях «Джамиль», «Метрополь», «Пак» и «Ништаль», оказались агентами ЦРУ и пакистанскими шпионами. Они снабжались различным оружием, фиктивными документами, портативными приемопередающими устройствами, магнитофонными пленками с записями антиправительственных подстрекательских выступлений. В столице обнаружены также тайные склады оружия, которыми преступники не успели воспользоваться. Все арестованные предстали перед революционным судом.

«Афганскому народу и всему миру хорошо известно, — говорилось в комментарии агентства Бахтар, — что с самого начала Апрельской революции империалистические силы во главе с Соединенными Штатами вмешиваются во внутренние дела Афганистана. Прошедшие события красноречиво свидетельствуют о том, что сейчас на практике осуществляются новые планы ЦРУ. Так продолжается необъявленная война против революционного Афганистана».

По оценке автора американского бестселлера о тайных войнах ЦРУ в 1981—1987 гг. Боба Вудворда, уже к 1981 г. помощь мусульманских государств афганской оппозиции под предлогом «защиты» ислама превышала 100 млн. долларов в год. По словам бывшего заместителя директора ЦРУ США, «отца тайной операции в Афганистане», Макмагона, в дальнейшем вклад Саудовской Аравии в афганскую войну существенно превышал затраты ЦРУ на эти цели.

Летом и осенью 1985 г. в конгрессе США состоялись большие слушания под названием «Исламский фундаментализм и исламский радикализм», в которых активное участие принимали ведущие ученые, журналисты и представители различных ведомств администрации Р. Рейгана. Основной задачей слушаний стала выработка дифференцированного подхода США к оценке и использованию с наибольшей пользой «исламского фактора».

В докладе «Мусульманский фундаментализм и политика США» представителя «Херитидж фаундейшн» («Фонд наследия») Д. Пайпса предлагались некоторые пути использования «исламского фактора» в целях подрыва позиций СССР на Ближнем и Среднем Востоке. В частности, в отношении исламских фунда-

менталистов, действовавших против «просоветских мусульманских правительств», к которым были отнесены Ливия, Сирия и Афганистан, было рекомендовано проявлять умеренный подход к оказанию помощи исламским фундаменталистским группировкам при наличии серьезных антиправительственных сил иного характера. Иными словами, американцы хорошо знали, что представляли собой афганские моджахеды из фундаменталистских группировок. Но, несмотря на это, желание нанести максимальный ущерб СССР через поддержку антиправительственных фундаменталистских группировок в Афганистане явно пересилило все остальное.

3. Стратегия «конфликта низкой интенсивности»

В изданной в США книге «Пелена: секретные войны ЦРУ в 1981—1987 гг.» говорится: «Столкнувшись с вступлением советских войск в Афганистан, администрация Картера вступила в третью фазу своей тайной операции в этой стране, развязав наиболее серьезную и крупномасштабную операцию поддержки повстанческих сил». Военно-политический смысл слов «третья фаза» по-военному недвусмысленно раскрыт в разделе «Развитие и организация повстанческого движения» устава FM 100—20 сухопутных войск США «Конфликты низкой интенсивности», где под третьей фазой повстанческого движения понимается широкомасштабная маневренная война. А наличие третьей фазы говорит о том, что согласно упомянутому уставу афганское повстанческое движение уже прошло в своем развитии «скрытую» первую фазу и вторую фазу «партизанских действий» мелкими подразделениями. В свою очередь столь четкое деление этапов развития афганской оппозиции лишний раз свидетельствует об американском сценарии ее «развития и организации».

Средний Восток стал одним из первых регионов мира, где США стали применять свою концепцию «конфликтов низкой интенсивности». В соответствии с определением, выработанным в Пентагоне, «конфликты низкой интенсивности» (КНИ) — это «ограниченная политико-военная борьба для достижения политических, социальных, экономических или психологических целей. Она часто носит длительный характер и включает в себя все — от дипломатического, экономическо-

го и психологическо-социального давления до терроризма и повстанческого движения. КНИ обычно ограничены географическим районом и часто характеризуются ограничениями в оружии, тактике и уровне насилия»³¹. Фактически за внешне нейтральным термином КНИ скрываются тщательно спланированные и скрупулезно отработанные действия США по реагированию на изменения политической ситуации в развивающихся странах, своего рода метод политико-военного вмешательства.

Рассматривая КНИ как одну из наиболее вероятных и универсальных форм конфронтации с СССР на региональном и глобальном уровнях, президент Р. Рейган в одном из обращений к конгрессу недвусмысленно заявлял, что КНИ «являются важной частью всей структуры американско-советских отношений»³².

В американских наставлениях и уставах выделяются четыре основные формы применения военной силы в КНИ:

- боевые операции мирного времени;
- проповстанческие и контрповстанческие действия;
- действия по поддержанию мира;
- действия по борьбе с терроризмом.

В ситуации с Афганистаном особое развитие получили проповстанческие действия, направленные на свержение неугодного США афганского правительства. Учитывая несомненно щекотливый характер подобного рода действий против суверенных государств и законных правительств, американские военные суть именно проповстанческих действий, и особенно после ирангейтского скандала, не афишируют. Однако в некоторых сравнительно недавно введенных в действие военных наставлениях США говорится об использовании специальных сил для «обеспечения поддержки и в качестве советников для местных сил сопротивления». При этом в целях по-военному недвусмысленных, а именно для использования военных, политических, экономических или психологических уязвимых мест врага³³.

Далее поясняется, что в ходе вышеназванных политико-военных операций «элементы сопротивления используют военную силу, насилие или проникновение на территорию в целях осуществления спланированных политических действий для подрыва, свержения или оказания воздействия на принимаемые реше-

ния или действия действующего правительства или оккупационных властей». Если вышесказанное применить к афганской ситуации, так как уставы и наставления и поныне действующие, то за универсальными фразами военных документов вполне определенно проглядываются конкретные участники афганской войны: «Элементы сопротивления» — афганская вооруженная оппозиция, «действующее правительство» — кабульский режим, «оккупационные власти» — ОКСВ, а также «воины в сумерках» — американские специалисты в виде советников и инструкторов.

Развивая тему о КНИ, и о проповстанческих действиях в частности, нельзя не упомянуть об особом вкладе в дело развития науки об интервенциях в современных условиях со стороны респектабельной американской научной внеправительственной фирмы «Рэнд корпорейшн».

14—15 марта 1985 г. в «Рэнд корпорейшн» состоялась конференция на тему «Развитие кооперационных сил в третьем мире», которая финансировалась Пентагоном. Под кооперационными силами подразумевались проамериканские режимы и политические движения, которые совместно с вооруженными силами США, но желательно без их прямого участия будут действовать ввиду экспансии империи Советского Союза в третьем мире»³⁴. В целях разделения «труда» так называемые кооперационные силы подразделялись на кооперационные мобильные силы и кооперационные местные силы. Под первыми подразумевались боевые и обеспечивающие элементы из взаимодействующей страны (к примеру, Пакистан) с тыловой и иной поддержкой США, а под вторыми — так называемые антикоммунистические повстанцы (т. е. афганская или, к примеру, никарагуанская вооруженная оппозиция), или, по рейгановской терминологии, «борцы за свободу». В духе американской предприимчивости был обсчитан и преискураит подобной «кооперации» — стоимость трехлетней программы по поддержке мобильных и локальных кооперационных сил должна была составить около 4 млрд. долларов. Как известно, американская администрация к рекомендациям ученых даже из неправительственных организаций всегда относилась серьезно.

Политической базой реализации военно-стратегической концепции КНИ стала «доктрина неоглобализ-

ма», иногда именуемая по американской традиции «доктриной Рейгана». Хотя, как отмечал в своем ежегодном докладе конгрессу министр обороны США К. Уайнбергер в 1985 г., «с 1940 г. основные цели политики США на Ближнем Востоке и в Юго-Западной Азии в основном неизменны»³⁵. Следовательно, особенность тут в подходе Р. Рейгана к «борцам за свободу». В своем послании президента конгрессу «О положении страны» в том же феврале 1985 г. Р. Рейган расставил все точки над «i», взяв обязательство открыто поддерживать мятежников «на любом континенте — от Афганистана до Никарагуа»³⁶.

По взглядам американских специалистов, суть «доктрины Рейгана» заключалась в том, чтобы, оказывая помощь антикоммунистическим повстанцам во всем мире, добиться опровержения советского тезиса о неизбежности и необратимости завоеваний социализма. Причем американская администрация должна была сделать это без особых финансовых и моральных издержек, избегая угрозы прямого военного столкновения с СССР и серьезных военных потерь со стороны США.

Поскольку идея поддержки движений сопротивления в других странах не нова и неоднократно всемирно осуждалась как форма вмешательства во внутренние дела суверенных государств, «доктрина Рейгана» была преподнесена американцам в «демократической» упаковке. Линия рассуждений строилась следующим образом: движения сопротивления возникают преимущественно в недемократических, тоталитарных странах, а это, как правило, просоветские страны, то борьба за демократию в этих странах есть не что иное, как «демократическая революция», а антикоммунистические силы, которые ее совершают, — борцы за свободу, а поскольку США — оплот свободы и демократии для всего мира, то помощь борцам за свободу во имя победы демократических революций, по американским сценариям, является политическим долгом и моральным императивом для правительства США. Главный критерий демократичности действий «борцов за свободу» — это степень совпадения их целей с интересами США. К примеру, применительно к ближневосточному контексту это звучит так: ООН — террористическая организация, так как создание независимого палестинского государства не сов-

падает с интересами американского стратегического союзника Израиля. А вот в случае с афганскими моджахедами все иначе — антикоммунистические афганские повстанцы не только защищают западную демократию в Афганистане, но и при прямой поддержке США ведут боевые действия непосредственно против советских войск. А это вполне соответствует американским стратегическим замыслам нейтрализации советского влияния в третьем мире, следовательно, моджахеда и есть борцы за свободу.

Такая, с позволения сказать, идеологическая подпорка была подведена задним числом под американскую военную помощь «борцам за свободу». Эта помощь, как известно, особенно возросла с октября 1984 г., когда в палате представителей в конгрессе прошла резолюция следующего содержания: «Политика США будет... обеспечивать народ Афганистана, если он этого потребует, материальной помощью, достаточной, по оценке США, для эффективной борьбы за свободу»³⁷.

А с апреля 1985 г. после подписания президентом Р. Рейганом директивы по вопросам национальной безопасности № 166, в которой предлагалось отбросить советские войска из Афганистана «любыми имеющимися средствами», был взят официальный курс на войну «до последнего афганца».

Более того, под десятилетнее взаимное убийство мусульман на их же собственные деньги приспособлена незатейливая историческая аналогия. В 60—70-е гг. национально-освободительные движения при помощи Советского Союза разрушили колониальные империи Запада. А поскольку в природе все имеет свои циклы, то в 80-е гг. под натиском антикоммунистических национально-освободительных движений распадается и империя Советов. Однако у истории есть и другие, не менее апробированные, аргументы, связанные с повторением сходных событий, которые в первом случае могут предстать в виде трагедии, а в последующем — в форме злого фарса.

Другой уязвимой точкой «доктрины Рейгана» стал ее теоретический стержень в виде так называемого прагматического идеализма. Произошло неоднократно имевшее место в истории событие, когда неправые средства достижения высокоморальной цели от ее высоких идеалов оставляют лишь пустые слова. Для

США афганская война вылилась в крупнейшую тайную операцию ЦРУ со времени вьетнамской войны.

Только через конгресс США помощь афганской оппозиции составила 750 млн. долларов в период с 1980 по 1986 г., т. е. в 5 раз больше, чем широко разрекламированная сумма помощи никарагуанским контрастам. И достигла 630 млн. долларов в 1987 финансовом году.

Скандал «Ирангейт», разразившийся в США в середине 80-х гг., показал всему миру реальную цену демократии, выстроенной на тайных операциях. Благополучно преодолев «вьетнамский синдром», американская администрация перестала делать тайну из самой крупномасштабной и дорогостоящей войны «малой интенсивности», которую она вела в Афганистане.

4. Урегулирование или эскалация?

Одним из наиболее важных направлений внешнеполитической стратегии США со второй половины 80-х гг. стало наращивание американского вмешательства в региональные конфликты. Все чаще в «третьем мире» стали использоваться различные способы управления кризисными ситуациями. Под термином «управления» конфликтными ситуациями подразумевались действия США и их союзников, которые, не доводя конфликты до глобального столкновения, способствовали бы подрыву советского влияния в том или ином районе мира и соответственно усилению там американских позиций.

Несмотря на то что предсказания Картера о «рывке советских войск к нефти Персидского залива» так и не сбылись, правительство Рейгана форсировало наращивание американского военного присутствия в Юго-Западной Азии. В январе 1983 г. было объявлено о создании объединенного центрального командования вооруженных сил США (ОЦК ВС США), располагающего 250-тысячной группировкой войск.

В сферу «ответственности» нового командования вошел обширный регион, включающий территории 19 государств, — Афганистан, Пакистан, Иран, Ирак, Кувейт, Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Саудовская Аравия, Оман, ЮАР, НДРЙ, Египет, Иордания, Судан, Эфиопия, Джибути, Сомали, Кения, а также значительную часть Индийского океа-

на, в том числе Персидский залив и Красное море. Израиль, Ливан и Сирия были отнесены к зоне действия объединенного командования вооруженных сил США в Европе.

Очевидным примером «конфликтной политики» США является афганская ситуация, в которой США, последовательно вооружая афганскую оппозицию, стремятся превратить Афганистан в хронический фактор беспокойства СССР на его южных границах. Всякий раз, когда возникала реальная перспектива политического урегулирования афганского конфликта, администрация Р. Рейгана предпринимала различные усилия по ее срыву. Провозгласив пребывание советских войск в Афганистане главным препятствием на пути к политическому урегулированию конфликта, США на деле были заинтересованы в удержании советских войск в ДРА как можно дольше.

Помощь афганской оппозиции постепенно превратилась в ключевое направление американской внешней политики в Юго-Западной Азии.

Администрации США рекомендовалось усилить стягивание Пакистана в войну в Афганистане посредством «подтверждения поддержки Пакистану со стороны США для сдерживания угрозы советских военных акций».

В специальном документе — «Обновление американской стратегии оказания помощи афганским борцам за свободу», выпущенном «Херитидж фондейшн» в 1986 г., отмечалось, что «Афганистан превратился в ключевой компонент доктрины Рейгана по оказанию помощи борцам за свободу», который неизменно встречает энтузиазм и всестороннюю, зачастую превосходящую запросы администрации, поддержку американского конгресса. В этом документе были сформулированы девять ключевых позиций американской политики в отношении Афганистана на период, охватывающий завершение срока действия администрации Рейгана. Доклад подготовлен неправительственной организацией, но, как показал опыт последних лет, именно эти взгляды и предложения легли в основу политического курса США в отношении Афганистана. Это тем более очевидно, что многие положения доклада уже на практике осуществляются администрацией США. Именно поэтому положения доклада

«Херитидж фаундейшн» заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Во-первых, предлагалось расширить поставку современного оружия, руководствуясь тем, что «качество американской помощи сейчас важнее ее количества». Иными словами, провоцировались дальнейшая эскалация боевых действий, расширение их масштабов и размаха.

Во-вторых, в целях повышения эффективности боевых действий группировок афганских антиправительственных сил предполагалось значительно улучшить их военную подготовку за счет широкого привлечения «военных инструкторов из многих мусульманских стран, поддерживающих афганское сопротивление».

В-третьих, понимая реальное положение соперничества, вражды и коррумпированности лидеров пешаварского альянса, рекомендовалось активизировать прямые дополнительные военные поставки непосредственно внутренним полевым командирам в Афганистане, которые в перспективе могли бы объединить моджахедов.

В-четвертых, в целях завоевания поддержки населения в зонах, контролируемых оппозицией, осуществлять поставку средств, позволяющих воссоздать самостоятельные социально-экономические и сельскохозяйственные структуры.

В-пятых, в целях подготовки долгосрочной альтернативы кабульскому режиму по примеру деятельности Ахмад Шаха Масуда в Панджшере активизировать деятельность оппозиции по формированию на постоянно действующей основе своих организационных структур, способных осуществлять социально-политические функции в течение длительной борьбы и в конечном итоге заменить нынешнее правительство.

В-шестых, в случае если боевые действия моджахедов не смогут проводиться с территории Пакистана и прекратится помощь со стороны Ирана, США окажут необходимую помощь Пакистану в соответствии с шестилетней программой военной и экономической помощи в размере 4 млрд. долларов. Экономическая часть этой программы будет вложена в развитие приграничных с Афганистаном пакистанских провинций, что не только снизит напряженность в отношениях между афганскими беженцами и пакистанцами, но и

уменьшит вероятность активизации просоветских пуштунов и белуджских сепаратистов в будущем.

В соответствии с двусторонним соглашением об обороне между США и Пакистаном США окажут помощь Исламабаду в случае агрессии против него. Более того, «Вашингтон предупредит Москву, что ответ США на нападение на Пакистан не ограничится еще большей поддержкой Исламабада, но и приведет к прямому воздушному обеспечению моджахедов наряду с другими действиями».

Исходя из выше перечисленных положений доклада очевидно, что США планировали не только спровоцировать более активное участие Пакистана в афганском конфликте, но и заранее обещали ему всестороннюю поддержку и гарантии безопасности в этом вопросе, абсолютно не считаясь с интересами народов региона, и пакистанского в том числе.

В-седьмых, США должны резко повысить дипломатическую и политическую цену этой войны для СССР. Американские дипломаты должны ставить афганский вопрос на всех международных конференциях, форумах и встречах. США должны работать с другими государствами по подготовке решения о лишении кабульского режима места в ООН и передаче его представителям оппозиции. По аналогии с группировкой Савимби в Анголе предпочтительно, чтобы афганские моджахеды сформировали свое правительство на территории Афганистана, тогда США разорвут дипломатические отношения с правительством в Кабуле и признают новое правительство моджахедов.

Упомянутое положение доклада не так уж ново, оно в несколько иной форме повторяет высказанные Рейганом во время встречи с представителями афганской контрреволюции в июне 1986 г. мысли о необходимости интернационализации конфликта.

В-восьмых, Вашингтон должен усилить освещение этой войны через радиостанции «Голос Америки» и «Голос свободы», вещающие на Советский Союз. Родители советских призывников, направляемых в Афганистан, будут устраивать демонстрации против призыва (к примеру, репортаж Юлии Вишневской «Война в Афганистане в самиздате», переданный 22 июля 1985 г.). Подобные действия не будут иметь немедленного воздействия на советскую политику, однако постепенно в сознании советских граждан образуется

связь между экономическими издержками этой войны и застоём их жизненного уровня.

Официальные представители американского правительства, ученые и политики будут распространять сведения о нарушениях прав человека в Афганистане. Вашингтону следует прилагать усилия в демонстрации раненых афганцев и советских дезертиров в качестве доказательства советских военных преступлений перед аудиториями на Западе и в странах «третьего мира».

В-девятых, США должны периодически испытывать готовность Советского Союза договориться о политическом урегулировании в Афганистане. Однако США не могут позволить Москве получить за столом переговоров то, чего она не сумела добиться за семь лет вооруженной борьбы. Нельзя соглашаться ни на что, кроме полного вывода советских войск в установленные и короткие сроки при безоговорочном публичном обязательстве об отказе от будущего вмешательства и с запретом на присутствие советских баз. Необходимо также поставить вопрос о значительных военных репарациях. И уж совсем вызывающе: «Любая коалиция сил сопротивления, достаточно сильная и единая, чтобы вынудить Советы согласиться мирным путем на полный вывод своих сил, должна быть достаточно могущественной, чтобы расправиться с афганскими коммунистами после того, как Советы уйдут».

В последней фразе есть определенное сходство с оценками политической обстановки, которые были даны посольством США в Афганистане еще в августе 1978 г., т. е. задолго до ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. Тогда еще не стоял вопрос о выводе советских войск, поскольку в Афганистане их просто не было, но уже тогда посольство США, предсказывая возможное поражение ДРА в борьбе против фундаменталистской оппозиции, докладывало в Вашингтон: «Возможно, начнется сведение личных счетов на основе кровной мести с тысячами уцелевших официальных лиц из числа халькистов, что запятнало бы репутацию нового режима в сфере прав человека независимо от того, насколько были бы оправданы эти карательные акции... Все же в наших высших интересах был бы уход режима Тараки и Амина, несмотря на то что это создало бы

препятствия для будущих социальных и экономических реформ в Афганистане».

И там и здесь главная идея одна — афганских коммунистов следует физически уничтожить. Содержание телеграммы посольства США в Кабуле было секретным и специальным указанием госдепартамента США, эта оценка посольства не подлежала передаче союзникам по НАТО, а доклад «Херитидж фаундейшн» и его рекомендации физической расправы над афганскими патриотами были изложены в 1986 г. и никого, в том числе союзников США по НАТО, не смутили. Все это позволяет определенно утверждать, что рекомендации «Херитидж фаундейшн» — это и есть программа-максимум Соединенных Штатов по отношению к Афганистану.

Фактически отбросив все ограничения, связанные с действиями по уставам и наставлениям о «конфликтах низкой интенсивности», администрация Рейгана взяла курс на эскалацию афганской войны. Стремление досадить Советам пересилило здравый смысл и опыт профессионалов. В марте 1986 г. в знак протеста против открытого оказания помощи афганским повстанцам и предоставления им современного американского оружия во всевозрастающих масштабах уходит в отставку «отец тайных операций в Афганистане» заместитель директора ЦРУ Джон Макмагон, который выступал, в частности, против поставок афганской оппозиции переносных зенитных ракетных комплексов «Стингер». В 1988 г. моджахеды уже получили оружия на сумму около 100 млн. долларов в месяц.

Решение о дальнейших поставках было зафиксировано в специальной директиве по национальной безопасности от 13 февраля 1989 г. и явилось одним из первых внешнеполитических шагов правительства Буша.

И наконец, отказ США от соблюдения женевских соглашений выразился в назначении в лагерь афганской оппозиции специального американского представителя в ранге посла и в прямом привлечении офицеров американских вооруженных сил во главе с генералом Н. Шварцкопфом к «непосредственному планированию и организации» захвата крупного административно-политического центра на территории Афганистана силами афганской оппозиции в целях перевода

оппозиционного «переходного правительства» в Афганистан и признания его в качестве «законного» после разрыва дипломатических отношений с правительством в Кабуле.

Таким образом, в результате политических маневров США затянувшийся конфликт в Афганистане вместо урегулирования, по существу, вступил в новую фазу своего развития, характеризующуюся стремлением Вашингтона и после вывода из страны ОКСВ продолжать разыгрывать «афганскую карту» в интересах укрепления своих позиций в Юго-Западной Азии.

Глава пятая

ВВОД СОВЕТСКИХ ВОЙСК В АФГАНИСТАН

1. Советская военная помощь

Советско-афганское военное сотрудничество имеет глубокие исторические корни.

На Азиатском континенте Афганистан был первой страной, которой удалось сбросить колониальное господство, нанести военно-политическое поражение английскому империализму и восстановить в 1919 г. свою независимость.

Страна Советов оказала большую морально-политическую поддержку Афганистану в деле укрепления его позиций на международной арене. Даже в очень трудное для Советской России время, когда она была вынуждена подписать в 1918 г. неравноправный, грабительский для себя мирный договор с Германией и ее союзниками, Советское правительство добилось, чтобы в этом договоре Афганистан признавался Германией и ее союзниками в качестве независимого государства.

В ходе третьей англо-афганской войны борьбе афганского народа благоприятствовала обстановка, сложившаяся вокруг Афганистана, моральная и политическая поддержка, которую ему оказала молодая Советская республика, официально признавшая афганский суверенитет 27 марта 1919 г. и выразившая готовность оказать всяческую, в том числе и военную, помощь. Неоценимое значение для успеха освободительной борьбы афганского народа имел и разгром Красной Армией английских интервентов в Средней Азии, начало которому было положено в мае 1919 г.

Перед правительством эмира Амануллы в числе самых важных и первостепенных задач государственной политики встала задача создания надежных, ос-

нацеленных современной техникой вооруженных сил, способных защитить национальный суверенитет.

Решение этой неотложной задачи было далеко не из легких. Военная организация Афганистана, как и страна в целом, в результате длительной полуколониальной зависимости оставалась слабой и отсталой. Это со всей отчетливостью показала война за независимость 1919 г., хотя она и носила кратковременный характер. Страна в то время не располагала ни необходимыми материальными и финансовыми средствами, ни военной промышленностью, ни подготовленными военными кадрами.

В этих трудных условиях руку дружбы и помощи независимому Афганистану протянула молодая Советская Республика. Еще в апреле 1919 г. наряду с признанием суверенного афганского государства она выразила готовность оказать ему вооруженную помощь. Еще раз подтверждая эту готовность, В. И. Ленин писал 27 мая 1919 г. эмиру Афганистана в ответ на его первое послание главе Советского правительства: «Установлением постоянных дипломатических сношений между двумя великими народами откроется широкая возможность взаимной помощи против всякого посягательства со стороны иностранных хищников на чужую свободу и чужое достояние»¹.

На основе этого предложения афганское правительство обратилось 8 мая 1920 г. к правительству РСФСР с просьбой об оказании Афганистану всесторонней, в том числе и военной, помощи, а также с предложением заключить торговый договор и военный союз между Афганистаном и РСФСР. Молодая Советская Республика незамедлительно откликнулась на эту просьбу, дав согласие предоставить Афганистану безвозмездно 1 млн. рублей золотом, передать несколько самолетов и 5 тыс. винтовок с необходимым запасом патронов, создать в Кабуле авиационную школу, построить завод по изготовлению бездымного пороха, поставить оборудование для телеграфной линии Кушка — Герат — Кандагар — Кабул, направить в Афганистан технических и других специалистов. Эта помощь была тем более примечательной, что она оказывалась в то время, когда Советская Республика в условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции сама остро нуждалась в финансовых и подобных технических средствах.

14 августа 1920 г. в Кабул был доставлен дар Советского правительства — радиостанция, вместе с которой прибыл специальный технический отряд. 24 августа Махмуд Тарзи, афганский министр иностранных дел, в письме советскому послу Л. З. Сурицу передал благодарность эмира В. И. Ленину за этот дар. Вскоре афганское правительство направило восемь человек в Ташкент на специальные курсы связи и для последующего прохождения практики в Ашхабаде и Самарканде. Это была первая группа афганских военнослужащих, обучавшихся в Советской России. По возвращении на родину они составили штаб радиостанции, подаренной Афганистану правительством РСФСР.

В 1924—1925 гг. при технической помощи Советского Союза была построена существующая и поныне телеграфная линия на железных опорах, соединившая Кушку, Герат, Кандагар, Кабул, которая имела большое значение для установления связи между районами страны. В первые месяцы 1927 г. началось строительство телеграфной линии от Кабула до Мазари-Шарифа. В период строительства этих линий функционировала школа, в которой советские специалисты готовили национально-технические кадры связистов. При участии СССР в Афганистане построены первые промышленные предприятия, в частности хлопкоочистительный завод и электростанция в Герате.

Со своей стороны в трудное для Советского государства время Афганистан также оказывал ему помощь. Так, в 1921 г. Афганистан помог Советскому государству, продав ему 8 тыс. т пшеницы и 100 тыс. овец. Кроме того, афганское правительство безвозмездно передало советскому народу 3200 т зерна.

В середине 20-х гг., когда над афганским народом нависла реальная угроза английской военной интервенции, Советское государство немедленно завершило Афганистан во всесторонней поддержке и передало ему значительное количество вооружений, включая боевые самолеты, подготовило пилотов и наземно-технический персонал для их обслуживания.

После восстановления политической независимости Афганистана эмир Аманулла-хап начал создавать современную армию, прежде всего уделяя особое внимание военно-воздушным силам. Он начал переговоры с теми государствами, где уже имелись военно-воздуш-

ные силы. В 1921 г. три офицера сухопутных войск — Мухаммад Хасан, Мухаммад Хашем и Гулям Дастагир были направлены в Италию на учебу в летную школу. Вслед за этим в Афганистане создается школа летчиков, первым инструктором которой стал Иван Григорьевич Чучин, прибывший с группой советских летчиков и техников в Кабул из Термеза.

В 1924 г. ВВС Афганистана были выведены из состава армии и стали самостоятельным видом вооруженных сил страны, а уже в 1926 г. в их составе насчитывалось 400 офицеров и солдат. В середине 1927 г. первая группа афганских военнослужащих в количестве 25 человек прибыла в СССР на учебу.

В 1926—1928 гг. были подписаны соглашения между СССР и Афганистаном об открытии воздушного сообщения между Кабулом и Ташкентом, согласно которым два раза в неделю стали совершаться регулярные полеты пассажирских самолетов.

В мае 1930 г. по просьбе советской стороны афганское правительство приступило к постепенной ликвидации басмаческих банд на своей территории. Эту операцию возглавил военный министр Шах Махмуд. Она проводилась в связи с тем, что север Афганистана активно использовался басмачами в качестве убежища и базы для бандитских набегов на пограничные районы советских среднеазиатских республик, что в корне противоречило обязательствам, взятым на себя афганской стороной по договору о нейтралитете и взаимному ненападению между СССР и Афганистаном от 31 августа 1926 г.²

Дружественные отношения между советским и афганским правительствами и народами продолжали развиваться и в последующие годы. Советский Союз помог афганской стороне укрепить военно-воздушные силы, создать ПВО страны и радиотехнические войска, качественно изменить бронетанковые части и подразделения.

Использование Афганистаном для укрепления своей независимости и обороноспособности бескорыстной советской военно-технической помощи открыло качественно новый этап в развитии его вооруженных сил и позволило в короткие сроки реорганизовать и модернизировать афганскую армию. В 60 — начале 70-х гг. произошло значительное техническое перевооружение артиллерийских частей и подразделений, активно осу-

цествлялась подготовка офицеров-артиллеристов, в том числе и в советских военно-учебных заведениях.

В разработке и реализации планов повышения боеготовности афганских войск значительную помощь оказали советские военные советники, специалисты и переводчики, работавшие в стране на основе долгосрочных советско-афганских соглашений в 60-х и 70-х гг. Большинство из них добросовестно, с высоким чувством ответственности выполняли свой воинский и интернациональный долг. Все они — саперы, артиллеристы, военные медики и другие — специальной востоковедческой подготовки не проходили. Но годы, проведенные на афганской земле, научили их, что «Восток — дело тонкое». Они полюбили эту страну и ее народ. Однако об их пележкой службе не было принято сообщать в советской печати и тогда, когда вообще не писали о боевых действиях советских войск в Афганистане, и даже тогда, когда о боях в этой стране появилась возможность рассказать. Афганская сторона высоко оценивала работу советских военных советников и специалистов. После победы Апрельской революции новое руководство страны обратилось с просьбой к Советскому правительству помочь в создании армии, которая была бы способна защитить революционные завоевания.

Эта задача была чрезвычайно сложной из-за целого ряда факторов, о многих из которых уже упоминалось. Однако советническому аппарату удалось не только оказать помощь в укреплении уже существовавших в вооруженных силах Афганистана видов и родов войск, различных служб, но и содействовать в создании принципиально новых. При помощи советских советников были сформированы десантно-штурмовые части, подразделения боевых вертолетов, части реактивной артиллерии и ракетные войска. Сегодня весь мир убеждается в том, как они довольно успешно выполняют задачи по защите республики. Важная роль принадлежит советским советникам и в создании в частях и подразделениях учебной базы, так необходимой для освоения новой техники и подготовки национальных военных кадров.

Советскими советниками оказывалась всесторонняя помощь и осуществлялся контроль за разработкой и реализацией мероприятий по повышению боеготовности армии, подготовке и ведению боевых действий,

решению других задач по нормализации обстановки в стране.

Только в 1986 г. за достигнутые успехи, проявленные мужества и героизма 272 советских советника-специалиста и переводчика были награждены орденами и медалями СССР, а 288 — государственными наградами ДРА³.

«Многие, — как отмечал бывший главный военный советник генерал-полковник М. М. Соцков, — сложили головы на афганской земле. И в лучшем случае о них, как и о других, писали: «...погиб при исполнении...»⁴ Так было с генералами П. И. Шкидченко, Н. А. Власовым, полковниками А. И. Мельниченко, А. В. Еременко. Так было с подполковниками Н. В. Бобриком, В. Ф. Крючковым, А. М. Сериковым, майором Н. Я. Бизюковым, лейтенантами Г. А. Кашлаковым, А. А. Бесоловым, А. П. Лепехиным, Г. И. Ивановым, В. С. Лосевым, С. В. Дорошенко, А. С. Стебуновым, Г. В. Кирюшкиным, Д. Л. Ващенко, Р. А. Тимуршиным, А. Д. Кудриным, Б. С. Сенивым, К. Н. Колщиковым, А. П. Матасовым, рядовыми С. Н. Кравцовым, В. В. Смертенюком, погибшими на поле боя. (В Афганистане погибли 180 военных советников, специалистов и переводчиков, 664 были ранены.)

Военные советники, специалисты и переводчики без показного пафоса выполняли долг, не отвлеченный, а конкретный — перед страной, перед всей армией, перед афганским народом. Но они были ограничены жесткими рамками существовавшей тогда командно-административной системы, которая сковывала инициативу, не позволяла объективно докладывать о реальном положении дел, запрещала устанавливать товарищеские контакты во внеслужебное время с афганскими офицерами и генералами, с кем многим советским людям приходилось бывать в одном окопе, находиться под обстрелом в воздухе или на земле, спасать друг друга, закрывая грудью, как это сделал переводчик лейтенант А. Алексин, прикрывший собой афганского офицера.

Было бы несправедливо не отметить, что в Афганистане рядом с военными добросовестно, отдавая себя работе до конца, трудились гражданские специалисты. Нельзя не назвать киевлянина И. З. Скакуна, калининца Н. А. Луковнича, ленинградца Е. Г. Парфенова. Ю. В. Ермакова из Набережных Челнов, москов-

ского метростроевца В. А. Зайца, их руководителя В. А. Ерухимова, обеспечивавших эксплуатацию дороги через перевал Саланг, в том числе и в декабре 1979 г.

Надолго запомнились афганцам доброжелательность и чуткость медицинских работников Е. Минтусовой, Л. Степановой, В. Кукариной, Л. Антошак, Е. Чубаровой, В. Ериковой, Л. Лушниковой, А. Дроздовской, Н. Диденко и многих других. Их работа, особенно в кишлаках, была сопряжена с риском и помимо профессионального мастерства требовала еще и мужества.

Реальными плодами совместного самоотверженного труда советских и афганских специалистов и рабочих являются Джангалакский авторемонтный завод и ГЭС в Наглу, первое в истории Афганистана предприятие химической промышленности — завод азотных удобрений близ Мазари-Шарифа и газопромыслы Шибергана, домостроительный комбинат в Кабуле, автомобильные магистрали, элеватор в Пули-Хумри, железнодорожно-автомобильный мост через пограничную реку Амударья и десятки других объектов, жизненно необходимых для экономики страны.

Во многом благодаря советским людям — Г. Масленникову, А. Румянцеву, Н. Воробьеву, Ю. Кибасову, О. Ауглей, Б. Миланову, Г. Зарипову, А. Ушакову, А. Криушкину, В. Лисютенко, А. Гаврилину, В. Заварихину, А. Уткину, В. Строканю, И. Грибановскому и сотням их коллег — на протяжении всех трудных и напряженных лет войны народнохозяйственные объекты страны не прекращали функционировать.

Однако было бы неправильным не сказать о том, что военными советниками и специалистами в послеволюционный период в своей работе было допущено немало просчетов.

Прежде всего следует отметить, что значительная доля ответственности за недостатки в решении военных вопросов в деятельности партийно-государственного и военного руководства Афганистана лежит на советских военных советниках, которые не смогли должным образом учесть в своей работе специфику страны и выработать реалистические и конструктивные рекомендации для афганской стороны. Не без участия и рекомендаций советских военных советников в деятельности НДПА по военным вопросам происходило забегание вперед, а тем самым пренебрежение перво-

очередными общедемократическими задачами. В целом происходила подмена военной программы национально-демократической революции военной программой, рассчитанной на социалистический этап революции. При этом в деле защиты Апрельской революции проявилось слабое знание закономерностей ее военной сферы, особенностей военного строительства в Афганистане, ее отличия от пролетарской революции; отсутствие методологической базы изучения и прогнозирования некоторых тенденций как военной, так и общей политики революционно-демократических сил, а также развития их военного сотрудничества с Советским Союзом и другими дружественными странами.

Просчеты в решении вопросов отбора и подготовки военнослужащих для последующего выполнения ими интернационального долга в Афганистане привели к тому, что значительная часть советников, специалистов да и переводчиков проявила некомпетентность и неспособность работать с афганской стороной. Довольно часто происходила подмена советниками своих афганских коллег, осуществлялся механический перенос форм и методов работы, используемых в Советском Союзе, в условия Афганистана. Имели место отдельные случаи недостойного поведения советников. Все это дискредитировало и подрывало авторитет Советского Союза, иногда сводило на нет работу, проводимую среди населения, вызывало антисоветские настроения, оказывало негативное воздействие даже на членов ИДПА и офицеров вооруженных сил Республики Афганистан.

Опыт работы советников в Афганистане показал, что деформация нравственных, политических ценностей, развивавшаяся в «застойные» времена, не минула и военную сферу. В действиях некоторых руководителей советнических коллективов проявились показательный интернационализм, страсть к бумаготворчеству, дешевой парадности, показухе.

Довольно значительная часть советников, воспитанная в доперестроечный период, привыкшая к словесной трескотне, бумаготворчеству, парадной шумихе и показухе, оказалась не подготовленной для работы в новых, совершенно незнакомых условиях. В их работе проявлялись излишняя осторожность, нерешительность, неспособность оказать должное влияние на

своих подсоветных, подмена их, механический перенос устаревших форм и методов работы, нежелание да и неспособность вникнуть в суть момента, переживаемого страной.

Отсутствие должной согласованности и взаимодействия в работе советников армии, войск МВД и органов безопасности привело к разобщенности в деятельности и афганской стороны. Не было научного подхода к выработке форм и методов советнической деятельности, анализа совместной работы афганской и советской сторон и прогнозирования развития военно-политической обстановки. У военных и партийных советников и дипломатов, за довольно редким исключением, ярко проявилось стремление доложить вышестоящему руководству именно то, что оно желало услышать, но отнюдь не объективную реальность. Часто игнорировались обычаи, традиции афганцев. Подобное положение вызывало разочарование и недоумение афганской стороны.

Вот, в частности, мнение о нас выходца из семьи влиятельного хана (ныне — член партии «Отечество», сотрудник Кабульского провинциального комитета партии): «Вы, советские, подходите к афганскому обществу с классической точки зрения: или рабовладельческое, или феодальное, или буржуазное. На самом же деле в Афганистане нет ни одного класса, они еще в стадии становления. У нас существуют скрытое рабовладение, полуфеодализм, зачатки национальной буржуазии. Рабочего класса, как «класса для себя», т. е. зрелого, политически сознательного, нет. Есть рабочие, но не рабочий класс!

Поэтому наша партия — НДПА, пытаясь руководствоваться идеологией рабочего класса, одновременно является ординарной мелкобуржуазной партией... Мы не овладели в необходимом объеме революционной теорией, не имеем достаточного опыта работы в массах. Мы — коммунисты-любители, самодеятельные коммунисты, а не зрелые, убежденные и закаленные в классовой борьбе революционеры. Мы — пока еще коммунисты на словах, а вы прикладываете к нам мерку советского общества, мерку КПСС. Ваши советники работали с нами в период «застойных явлений», проявившихся в вашей стране, и переносили на афганскую почву такие методы и формы работы, которые сейчас у вас подвергаются критике...

Мы — не партия в смысле авангардной политической организации, а аморфное объединение враждующих между собой группировок... В НДПА, несомненно, есть искренние, преданные делу революции люди, такие, как халькисты и парчамисты. Их мало. Тем не менее они пытаются найти между собой общий язык, освобождаясь от внутривнутрипартийных склоков».

Как не хватало нам подобного понимания специфики афганского общества и, главное, механизма восприятия им нашего опыта. Не общества как чего-то однородного, спаянного, а как социального образования, раздираемого в первую очередь социальными, национальными, племенными и другими противоречиями. Но еще не классовыми.

Цитируем дальше: «Необходимо знать, понимать и использовать в своей выгоде особенные черты характера афганца. Англичане и американцы их использовали, и достаточно эффективно. Они понимали, что афганское общество неразвитое, почти примитивное. Они, находясь в Афганистане, общаясь с населением, дарили людям сигареты, конфеты, брелоки, сувениры и т. п. Но — это важно — делали вид, что дарят «от души», «по-братски», относясь как к равным. И афганцы это помнят до сих пор (например, в Кандагаре и Гильменде)».

Действительно, в конце 50 — начале 60-х гг. американская колония в Кандагаре, соблюдая крайнюю осторожность, применяла различные формы и методы пропагандистской работы с местным населением, пытаясь нащупать верный путь. По выходным дням за счет своих фондов устраивала праздничные гуляния в парке губернаторской резиденции с национальной музыкой, бесплатными прохладительными напитками, беспроигрышной лотереей и т. п. В конце концов им удалось договориться о ежегодной отправки ста детей из провинции в США, в семьи американцев. По возвращении дети долго помнили своих американских «пап» и «мам» и переписывались с ними.

Послушаем далее объяснения афганца: «Рабство и угнетение способствовали проявлению таких черт, как ложь, лесть, приспособленчество. Это остается в нас до сих пор, и благодаря нынешним условиям, созданным здесь не без вашего участия, благодаря бюрократизации партийного и государственного аппарата,

эти черты еще более развиваются, совершенствуются, оттачиваются».

Нельзя не принять упреки, высказанные афганцами. У подавляющего большинства наших представителей отсутствовали чувства пытливости, наблюдательности, осмысления и анализа специфических черт характера афганца, без чего в этой стране пропагандистская работа, как и другие направления деятельности, не давала желаемых результатов, но привела к совершенно неожиданному для нас повороту событий.

Негативно отразилась на развитии событий в стране и деятельность ряда партийных советников, работавших в аппарате НДПА. По всей видимости, это были люди, которые справлялись с порученной им работой в то время, когда они находились в СССР. Воспитанные в «эпоху бурных аплодисментов», оказавшись в совершенно незнакомых условиях, они ощутили свое бессилие в попытках наладить такой же «порядок» в партийных организациях НДПА, какой их учили наводить в родном городе, районе, области, республике. В своей работе они шли проторенным путем голого администрирования, так и не появив специфику партийной работы в этой стране.

Были и такие, кто послушно шел на поводу у своего подсоветного, решив, что тот лучше знает местные условия. При этом такой партийный советник, отгораживаясь глухой стеной от народа и полагаясь на мнение подсоветного, как правило, отсылал в ЦК КПСС вполне приемлемые благополучные отчеты. Таких нередко подкупали лестью, подарками, взамен получая блистательные характеристики и рекомендации на очередные выдвижения.

Главный редактор журнала «Международная жизнь» Б. Пядышев отмечал, что помимо нескольких сотен военных советников в Афганистан было направлено множество специалистов и по другим линиям. В Кабульском политехническом институте, например, был даже советник-водопроводчик. Ходили они толпами по министерским кабинетам, «оттаптывая друг другу пятки», «собачились», как, не удержавшись от крепкого слова, выразился один из наших бывших послов в Кабуле⁵. Были в Афганистане и советники по пастбищам при министерстве сельского хозяйства. Кто их направлял и чем они там занимались, трудно сказать.

Позже президент Афганистана Наджибулла вспоми-

нал об этом с горьковатым юмором: «Начинается заседание Совета Министров. Садимся за стол. Каждый министр пришел со своим советником. Заседание идет, дискуссия разгорается, постепенно советники подвигаются все ближе к столу, соответственно от стола отдаляются наши, а потом и вовсе за столом остаются одни советники, схлестнувшись между собой.

Ущерб от этого делу революции был большой. Многие афганские деятели, в том числе из руководства, передоверив дела советским представителям, сосредоточились на фракционной деятельности, борьбе за власть»⁶.

Ради объективности следует подчеркнуть, что военные советники в 1979 г. достаточно хорошо представляли как военно-политическую, так и оперативную обстановку в стране. Не случайно главный военный советник генерал-лейтенант Л. Н. Горелов и советник начальника политуправления афганской армии генерал-майор В. П. Заплатин не высказывались за ввод войск.

Решение о вводе принималось по докладам тех, кто «изучал» обстановку во время кратковременных наездов, как, например, бывший секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, бывший командующий сухопутными войсками генерал армии И. Г. Павловский и многие другие. Действовали они тогда по принятой в то время формуле «Москва считает...». Сегодня, к сожалению, мы не можем ознакомиться с содержанием всех их донесений из Кабула.

Какой была реакция на доклады советников накануне ввода войск, можно представить по воспоминаниям бывшего советника разведывательного управления афганской армии полковника запаса А. Катинаса: «Меня пригласили в вертолет маршала (С. Л. Соколова. — *Прим. ред.*). Я начал со слов, что в северных провинциях возросла активность бандформирований, и тут же был прерван. Доклад не состоялся. Выходя из вертолета, маршал бросил мне: «Тебе здесь делать нечего, ты паникер, отправляйся в Союз». Впечатление от встречи усилил главный военный советник (вновь назначенный генерал-полковник С. Магомедов. — *Прим. авт.*). Он показал в небо, где завис боевой вертолет со звездами, и сказал: «Что могут сделать эти мужики в широких штанах против такой силы?»⁷

О подобных эпизодах могли бы рассказать многие бывшие советники командиров афганских соединений и частей. Но к их мнению, к сожалению, не прислушивались. Слушали тех, кто знал, о чем желает услышать вышестоящее руководство. Они «не хотели знать» специфику афганского общества, нравы, быт и обычаи афганцев, не прилагали усилий, чтобы объективно оценить последствия ввода войск в эту страну... Очевидно, что ответственность за просчеты в советнической деятельности, о которых было сказано выше, должны нести прежде всего они.

2. Решение принято

Ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. явился поворотным моментом не только в самом конфликте, но и в отношениях между СССР и США, а следовательно, и во всем мировом сообществе. Многие в мире рассматривали это событие как крах разрядки, как начало нового этапа «холодной войны».

Сегодня еще трудно судить о том, какие мотивы двигали советскими руководителями в 1979 г. при принятии решения о вводе войск. Как именно принималось решение? Л. И. Брежнев и его окружение (А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, Ю. В. Андропов и некоторые другие) решали эти вопросы в узком кругу, протоколы бесед не велись.

Бывший министр иностранных дел СССР А. А. Громыко в своих воспоминаниях в сентябре 1989 г., в частности, писал, что просьбы афганской стороны о военной помощи взвешивались долго и тщательно. «В конце концов Политбюро ЦК КПСС единогласно приняло решение об оказании такой помощи. При этом руководство Советского Союза действовало в соответствии с Уставом ООН, которым предусматривается право любого государства обратиться к любому другому государству с просьбой о помощи против агрессии. Число обращений, направленных из Афганистана в адрес Советского Союза, тогда превышало десяток.

Дополнительную остроту обстановке придало убийство Генерального секретаря ЦК НДПА Н. М. Таракки, от правительства которого исходили просьбы о помощи. Этот кровавый акт произвел потрясающее впе-

чатление на все советское руководство. Л. И. Брежнев особенно тяжело переживал его гибель.

В конце концов в такой обстановке и было принято решение о введении ограниченного контингента советских войск в Афганистан.

После того как это решение было принято на Политбюро, я зашел в кабинет Брежнева и сказал:

— Не стоит ли решение о вводе наших войск оформить как-то по государственной линии?

Брежнев не стал отвечать сразу. Он взял телефонную трубку:

— Михаил Андреевич, не зайдешь ли ко мне? Есть потребность посоветоваться.

Появился Сулов. Брежнев информировал его о нашем разговоре. От себя он добавил:

— В сложившейся обстановке, видимо, нужно принимать решение срочно — либо игнорировать обращение Афганистана с просьбой о помощи, либо спасти народную власть и действовать в соответствии с советско-афганским договором.

Сулов сказал:

— У нас с Афганистаном имеется договор, и надо обязательства по нему выполнять быстро, раз мы уж так решили. А на ЦК обсудить позднее.

Состоявшийся затем в июне 1980 г. Пленум ЦК КПСС полностью и единодушно одобрил решение Политбюро»⁸.

Отсутствие достоверной информации понуждало советских и иностранных наблюдателей искать свое объяснение событиям тех лет. В этом отношении характерными являются точки зрения Джорджа Кеннана, который придавал особое значение факту озабоченности в СССР возвышением исламского фундаментализма, Селига Харрисона, считающего, что в СССР сложилось мнение об афганском коммунистическом лидере Х. Амине как о национал-оппортунисте, который вполне способен заключить сделку с Вашингтоном, Раймонда Гартхоффа, который ссылаясь на беспокойство Советского Союза в связи с американской интервенцией в Иране, и, наконец, английского публициста Марка Урбана. Последний сумел сформулировать ряд причин, по которым советские войска вошли в Афганистан:

а) сохранение дружественного правительства в Кабуле;

б) смещение Х. Амина и его приближенных из числа халькистов;

в) желание упрочить свое стратегическое положение (военные базы и т. д.);

г) стремление изменить в свою пользу соотношение сил в регионе;

д) распространение советской идеологии;

е) вмешательство в политику Запада по отношению к странам третьего мира.

Возможно, эти факторы также взвешивались советским руководством. Конечно же, было в интересах СССР, чтобы НДПА и афганское правительство, с одной стороны, продолжали проводить революционные преобразования в стране и, с другой стороны, осуществляли политику, созвучную интересам Советского Союза на международной арене.

Кроме того, можно согласиться с М. Урбаном в том, что Х. Амин был малопредсказуемым и потому не внушал доверия Л. И. Брежневу и его окружению. Его политика вела к развалу армии и отрыву от народных масс, хотя и не только по его вине. Эти тенденции еще более усилились после коварного убийства Н. М. Тараки по указанию Х. Амина. Вероятно, это была одна из главных причин согласия СССР на предложения Кабула о вводе советских войск в Афганистан.

Что же касается создания «дружественного», или «просоветского», режима в Кабуле, то не нужно забывать о том, что Советский Союз всегда поддерживал дружественные отношения со своим южным соседом, какой бы режим там ни был у власти. Ни о каком экспорте «советской революции» не могло быть и речи. К такому выводу приходит Марк Урбан в своей книге «Война в Афганистане». Он также утверждает, что после гератского мятежа в марте 1979 г. произошла заметная перемена в позиции СССР. 6 апреля в Кабул прибыл начальник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота генерал армии А. А. Епишев с делегацией, куда входили высокопоставленные военачальники. А. А. Епишев пользовался большим доверием и влиянием как в Министерстве обороны, так и в Центральном Комитете КПСС. Поэтому считали, что именно ему наилучшим образом удастся оценить военно-политические последствия более активного участия СССР в афганских

делах. Интересно отметить, говорит далее М. Урбан, что А. А. Елишев совершил такую же поездку в Чехословакию в 1968 г., незадолго до вмешательства в ее дела стран Варшавского Договора. (М. Урбан преувеличивает значение поездки А. А. Елишева, так как перед ним была поставлена узкая и конкретная задача по оказанию помощи в формировании политических органов афганской армии, да и не в состоянии он уже был самостоятельно что-либо решать — таково мнение генерала армии М. А. Гареева.)

Здесь следует отметить, что прибывший несколько месяцев спустя в Афганистан генерал армии И. Г. Павловский, выступавший, по его словам, против ввода войск, также принимал активное участие в чехословацких событиях. В Москве же одними из тех, кто принимал решение о вводе войск, были Ю. В. Андропов, бывший посол СССР в Венгрии во время венгерских событий, а также некоторые его помощники того периода. Л. И. Брежнев тоже имел самое непосредственное отношение к событиям в этих странах. Можно предположить, что решение о вводе войск не было таким уж случайным. Эта мина замедленного действия была заложена в самой системе командно-административного аппарата, который не мог действовать иначе. Решение принималось по сложившемуся за десятилетия шаблону. После визита А. А. Елишева произошло заметное увеличение всех видов советской помощи Афганистану. Через несколько недель после его возвращения в Москву СССР поставил Афганистану большое количество оружия, для эксплуатации которого были нужны специалисты. Поэтому быстро росло и число советников и специалистов из СССР.

Расширение военного присутствия отражало решимость советского политического руководства прийти на помощь задыхающемуся режиму ИДПА. Объективности ради следует отметить, что кризис терпел он в то время по вине не только своего, но и советского руководства того времени, а затем уже из-за внешнего вмешательства, хотя оно и было значительным. Не случайно тема революционного государства, пытающегося сопротивляться силам внешней агрессии, стала доминирующей в советской прессе, все чаще сообщавшей о положении в Афганистане. «Известия» писали о трагических мартовских событиях 1979 г.: «...в последние несколько дней иностранные агенты и наем-

шки, заброшенные на афганскую территорию, вместе с бандами контрреволюционеров, активно действующих в пограничных с Пакистаном и Ираном областях, подняли антиправительственное восстание в Герате»⁹. Через некоторое время «Радио Москвы» целиком возложило вину на соседей Афганистана: «Афганистан стал объектом подрывных действий, развернутых Пакистаном, Ираном и Китаем... Китайские инструкторы участвуют в подготовке банд для подрывных и террористических действий».

Марк Урбан пишет, что рост числа сообщений из Афганистана и изменение их тона говорили о новых обязательствах советского политического руководства перед режимом Кабула. В речи по случаю ратификации афгано-советского Договора о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве 20 апреля 1979 г. Л. И. Брежнев провел параллели с революционным опытом СССР: «Цели афганской революции... ясны и понятны нам. Выполнение этих задач — дело нелегкое. Мы из собственного опыта знаем, что это требует преодоления сопротивления оппозиции внутренних и внешних сил. Тут необходимы настойчивость, выдержка, солидарность. Но мы твердо убеждены, что новый демократический Афганистан успешно справится с этой задачей»¹⁰.

Это заявление было сделано тогда, когда уже разрабатывались планы по осуществлению ввода советских войск в Афганистан. К середине августа американское посольство в Кабуле распространило «новость» о том, что Советский Союз намерен сместить Х. Амина. Халькисты — сторонники Н. М. Тараки — распространяли листовки с нападкамии на Х. Амина. Можно представить, как активно действовал против него и Б. Кармаль, его непримиримый противник с самого начала создания НДПА, находившийся в то время за рубежом. Немаловажно и то, что среди высокопоставленных советских дипломатов и специалистов по Афганистану было немало тех, кто всячески поддерживал Б. Кармалю еще с дореволюционного периода. Это также не могло не повлиять на развитие событий.

Тем временем в стране продолжались внутренние беспорядки и волнения. Росла напряженность. Возникли серьезные разногласия между Н. М. Тараки и Х. Амином, к сожалению, не без ведома некоторых представителей советского командно-административно-

го аппарата, которые хотели видеть в лице Н. М. Тараки и Х. Амина послушных и безропотных исполнителей. По свидетельствам афганцев, Х. Амин был якобы крайне возмущен тем, что Л. И. Брежнев и Н. М. Тараки решали его судьбу в Москве в сентябре 1979 г.

Сегодня можно сделать вывод, что внутренняя напряженность в Афганистане, недостаточно продуманные действия Л. И. Брежнева и его окружения, отсутствие гибкости, возобладание эмоций над разумом не могли не способствовать обострению обстановки и, возможно, подтолкнули Х. Амина к преступным шагам против основателя НДПА и руководителя Апрельской революции, многих афганских революционеров.

Попытки советского посла А. М. Пузанова, члена ЦК КПСС генерала армии И. Г. Павловского, главного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова и генерал-лейтенанта Л. П. Богданова примирить Н. М. Тараки и Х. Амина закончились неудачей.

События тех дней были представлены в закрытом письме ЦК НДПА членам партии от 16 сентября 1979 г. следующим образом: «Попытка Н. М. Тараки осуществить террористический заговор против Х. Амина провалилась.

...Х. Амин проявлял свою принципиальность, разоблачал культ личности Н. М. Тараки. Активные сторонники Тараки — Асадулла Сарвари, Саид Мухаммад Гулябзой, Шир Джан Маздурьяр, Аслам Ватанджар всячески способствовали утверждению культа личности Тараки. Он и его группа желали, чтобы значки с его изображением носились на груди халькистов. Х. Амин решительно выступал против этого и заявлял, что даже В. И. Ленин, Хо Ши Мин и Ф. Кастро не допускали подобного.

Н. М. Тараки при согласии и с одобрения своей банды хотел, чтобы города, учреждения, улицы были названы его именем. Кроме того, предпринимались усилия в целях сооружения большого памятника Тараки, что вызвало резкий протест со стороны Х. Амина...

...Банда Н. М. Тараки постепенно самоизолировалась, перестала подчиняться председателю Совета Министров страны и действовала как независимая группа во главе с Н. М. Тараки»¹¹.

Далее в письме последовательно и поминутно рассказывалось о развитии событий с момента возвращения Н. М. Тараки из Москвы и до заседания Полит-

бюро и Пленума ЦК НДПА, на которых Тараки был исключен из партии по обвинению в организации террора против секретаря и члена Политбюро ЦК НДПА, председателя Совета Министров Х. Амина и гибели члена ЦК НДПА С. Д. Таруна. Одновременно были исключены из рядов партии С. М. Гулябзой, А. Сарварри, Ш. Маздурьяр и А. Ватанджар как члены террористической группы, возглавляемой Тараки.

Описывался и случай перестрелки в резиденции Н. М. Тараки, в ходе которой был убит С. Д. Тарун и тяжело ранен В. Зирак.

В ноябре и декабре Кабул переполняли слухи о том, что СССР якобы пытается создать новую умеренную партию на основе фракции «Хальк» в целях заговора и свержения Х. Амина.

Слухи о советских попытках создать новую, «умеренную» партию и сведения о том, что у них уже находится «кабинет в изгнании», состоящий из членов НДПА, все это, по-видимому, встревожило Х. Амина. В своем выступлении 15 декабря он признал наличие угрозы: «Те, кто пытается создать отдельную партию вне НДПА, хотят свергнуть правительство, так как цель партии — добиться политической власти»¹². 25 декабря Амин обратился к Совету Министров и призвал его «объединиться вокруг партии и правительства, состоящего из членов «Хальк»¹³. Выступление Х. Амина передавалось по Кабульскому телевидению, а в то время транспортные самолеты Ан-12, Ан-22. Ил-76 уже доставляли на аэродром в Баграме подразделения советской 103-й гвардейской дивизии ВДВ.

Многих людей, как в СССР, так и за рубежом, сегодня интересует вопрос о целесообразности ввода ограниченного контингента советских войск в Афганистан. (Название «ограниченный контингент» было предложено Д. Ф. Устиновым. Пропагандистский смысл этого сочетания постепенно исчез, и оно стало условным).

Для того чтобы дать ответ на вопрос «Надо ли было вводить советские войска в Афганистан?», необходимо знать конкретные исторические факты, а не руководствоваться только хотя и понятными, но общими эмоциями, как это делают в последнее время многие авторы. Проведенное изучение военной стороны развития событий в Афганистане позволяет сделать вывод, что объективно афганское руководство в

1979 г. своими собственными силами, не располагая боеспособной армией и не пользуясь всеобщей поддержкой народных масс, остановить натиск поддерживаемых извне крупных вооруженных сил контрреволюции не смогло бы. Хотя некоторые афганцы утверждают в настоящее время обратное.

Необходимо сразу оговориться, что решение такого чрезвычайного, ответственного политического шага, как ввод регулярных армейских соединений в соседнюю страну, не должно быть итогом «секретных раздумий» небольшой группы политиков и военных, как это было на практике волюнтаристского разрешения афганского вопроса в 1979 г. Сам способ принятия решения, полное игнорирование в этом вопросе советского законодательства не могут вызвать ничего, кроме осуждения.

Что же касается мотивов и причин, приведших к решению о вводе советских войск, то, чтобы взять на себя смелость сделать определенные выводы, требуется провести тщательный, беспристрастный анализ всех тех составляющих той сложной обстановки внутри и вне Афганистана, которая была накануне и во время принятия решения.

Одно со всей определенностью нужно осознать и представлять, что ошибки бывших советских руководителей, а они, безусловно, были, ни в коем случае не умаляют чести и достоинства советских воинов-интернационалистов — советских офицеров и солдат, героически выполнявших свой воинский долг в Афганистане в полной уверенности в справедливости и необходимости выполнения поставленных задач. Армия закономерно выполняла приказ, отданный в соответствии с решением политического руководства страны. Сомнений в этом нет даже у наших оппонентов на Западе.

Как утверждает американский аналитик Литони Арнольд, работавший в Кабуле перед вводом ограниченного контингента советских войск в Афганистан, Н. М. Тараки под сильным давлением СССР согласился пойти на примирение с группировкой Б. Кармая и сформировал коалиционное правительство с участием «Парчам»¹⁴. Было решено, что Х. Амин будет устранен с политической сцены. Однако, считает Арнольд, ни примирение между различными течениями в НДПА, ни ликвидация Х. Амина не могли радикально изменить положение. Советский Союз, по его словам,

видел выход только в военном вмешательстве. Об этом якобы свидетельствует двухмесячное пребывание в Афганистане с августа 1979 г. генерала армии И. Г. Павловского и пятидесяти других офицеров и усиление активности Советских Вооруженных Сил в приграничном районе начиная с середины сентября этого же года. Согласно на ввод советских войск, пишет Арнольд, было дано Н. М. Тараки во время его пребывания в Москве в сентябре 1979 г.

В соответствии с договоренностью с СССР, сообщается в книге, глава афганского государства готовился принять меры против Х. Амни, чтобы «создать условия для ввода советских войск»¹⁵. Однако первый удар был нанесен премьер-министром: 12 сентября из кабинета министров были выведены три «просоветских» министра. Они нашли убежище в советском посольстве. В столкновении Н. М. Тараки с Х. Амниом победил последний¹⁶.

В следующем издании своей книги он пишет: «...вскоре положение стало таким неустойчивым, что Н. М. Тараки вынужден был обратиться за военной помощью к СССР. Помощь была оказана немедленно. В конце периода правления Н. М. Тараки, отмечает Арнольд, вновь появился на политической арене Б. Кармаль. Н. М. Тараки и Б. Кармаль встретились в Москве и заключили перемирие. Однако нужен был еще «козел отпущения», на которого можно было бы возложить ответственность за кризис в стране. В качестве такого был избран премьер-министр Х. Амни. Однако Москве к тому времени стало уже совершенно ясно, что... «спасти положение могло только военное вторжение»¹⁷.

Были ли просьбы афганской стороны о вводе войск? Да, были. Просьбы, как правило, мотивировались необходимостью отражения военного вмешательства извне. Есть данные, что Х. Амни, выступавший вначале против ввода советских войск, сам затем выразил просьбу о вводе одной воздушно-десантной дивизии и просил предоставить боевые вертолеты с советскими экипажами.

Но обратимся к беспристрастным документам и свидетельствам очевидцев.

В 1979 г. из Кабула в Генеральный штаб в Москву ежедневно направлялись короткие и лаконичные донесения. Вот некоторые из них:

Справка

о положении в Афганистане на 8.00 1.6.79 г.

Обстановка в стране, особенно в провинциях Пактика, Газни и Пактия, остается сложной и напряженной.

В Пактии продолжаются боевые действия с отрядами мятежных племен. Дорога Гардез — Хост контролируется мятежниками.

В провинциях Пактика и Газни, в горах и отдельных населенных пунктах продолжают вести боевые действия с мятежниками четыре отряда 14 пд.

31 мая с. г. на полевом КП Пактийского корпуса (20 км юго-вост. Гардез) прорвавшейся группой мятежников из пулемета с большого расстояния были убиты советник при начальнике политотдела корпуса полковник Игнашев Василий Васильевич и подполковник Рыков Виктор Иванович — советник при командире корпусного артиллерийского полка.

В других провинциях обстановка внешне спокойная.

Справка

о положении в Афганистане на 8.00 15.9.79 г.

Обстановка в Афганистане продолжает оставаться сложной.

В связи с возникшими в руководстве ДРА разногласиями по приказу Х. Амина в 9.30 14 сентября с. г. в частях кабульского гарнизона была введена боевая готовность № 1. В 16.20 14 сентября по сигналу начальника Генерального штаба войска вошли во внутреннюю зону города и к 18.00 заняли свои районы обороны.

В 17.50 по Кабульскому радио было объявлено об изменениях в правительстве ДРА. В это же время в частях гарнизона отстранены от занимаемых постов командир 8 пд, командиры артиллерийского полка и отдельного танкового батальона 8 пд, начальники штабов 4 и 15 тбр.

В течение ночи в Кабуле сохранялась относительно спокойная обстановка. Все объекты города охранялись войсками, улицы патрулировались усиленными нарядами армейских подразделений. Резиденция Н. М. Таракки блокирована войсками, все линии связи с ней отключены.

На территории страны продолжались боевые действия с отдельными группами мятежников. В провинции Кунар мятежники пытались овладеть городом Асадабад, однако их атаки были отбиты. Отряд 25 пд в провинции Пактия провел успешную операцию по разгрому банд севернее Хост. Отряд захватил два миномета и два ДШК.

В связи с событиями в Кабуле отложено на 1—2 суток проведение операции по очистке от мятежников района южнее и юго-западнее Гардез. Вылеты всех видов авиации запрещены.

Справка
о положении в Афганистане
на 8.00 10.10.79 г.

Обстановка в стране не изменилась. По сообщению Афганского информационного агентства, переданного по радио и телевидению, Н. М. Тараки умер 9 октября «после непродолжительной, но тяжелой болезни». Тело покойного захоронено в фамильном склепе.

Активных действий мятежников не отмечалось. В провинциях Балх и Джаузджан имели место действия отдельных банд феодалов. По имеющимся данным, в провинции Кунар в течение 2—3 дней происходят вооруженные столкновения личного состава бывшего 30 гпд и отрядов мятежных племен между собой. Причины столкновений выясняются.

Подразделения 14 пд продолжают очистку от мятежников района в 15—20 км юго-западнее Газни.

Авиация произвела 4 боевых вылета (на разведку).

Справка
о положении в Афганистане
на 8.00 13.10.79 г.

Обстановка в стране в течение 12 сентября с. г. в основном оставалась спокойной. В частях НВС ДРА и в местных организациях НДПА завершается читка письма ЦК НДПА «Н. М. Тараки организовал террористический заговор против Х. Амина и потерпел поражение». В стране проводятся собрания, митинги и демонстрации в поддержку Х. Амина.

Активизация боевых действий со стороны мятежников не отмечалось.

Активные боевые действия вел отряд 17 пд в районе 50 км северо-западнее Фарах. Уничтожено до 150 мятежников, ранено 4, взято в плен 25. Потери отряда — убито 5, ранено 11 человек.

Авиация произвела 16 боевых вылетов.

Очевидец событий бывший корреспондент «Правды» в Афганистане Павел Демченко сообщал: «Обстановка в Афганистане стремительно ухудшалась. Словно хватаясь за соломинку, Амин, как и его предшественник, взывал к Москве, моля о военной помощи, просил прислать хотя бы бригаду, чтобы разгромить мятежников.

Международный отдел ЦК, который, казалось бы, ведал всеми межпартийными и иными внешними связями, аккумулировал немало знающих специалистов, в критический момент остался в стороне. Утром 28 декабря один из заместителей заведующего отделом спросил своего шефа:

«Борис Николаевич, как это могло произойти?»

«Я не знал о решении, со мной не советовались», — ответил тот и приказал подобрать все телеграммы и письма, полученные из Кабула, с просьбой о военной поддержке. Их оказалось 14 — от Тараки и Амина.

...Кстати, прилетавшие в Кабул из Москвы люди доносили до нас слухи, будто некоторые его (Политбюро) члены возражали против посылки войск вообще или по крайней мере в осуществленных масштабах. Называли и конкретные фамилии. В первую очередь А. Н. Косыгина, который занимал ключевой пост Председателя Совета Министров. Видимо, поэтому никогда я не слышал, чтобы кто-нибудь упомянул его имя в составе «узкого круга», который принял окончательное решение.

Судя по всему, на вводе войск особенно настаивал Устинов, считавший, что это во многих отношениях будет полезным и для самой армии, и для давления на противника. Брежнев, находившийся под сильным влиянием М. А. Суслова, в одной из бесед с иностранной делегацией бросил: нельзя допустить, чтобы американцы через Пакистан подобрались к нашим границам. Именно это обстоятельство ставилось потом во главу угла...

...Многое наводит на мысль о том, что вершители наших судеб действовали в спешке. Они даже не проинформировали сразу о принятом решении всех своих коллег по Политбюро, не позаботились о вразумитель-

ном сообщении для печати. Может быть, это и мелкий штрих, но наша пропагандистская группа тоже была направлена в Кабул с явным опозданием, и советская версия событий отстала от западной...»¹⁸

Сообщения о настойчивых просьбах афганского руководства о вводе на территорию ДРА советских войск хранятся в историко-архивном отделе Генерального штаба ВС СССР.

Такие просьбы передавались через советских представителей в Кабуле, о чем говорится и в справке Генерального штаба Вооруженных Сил СССР «Об обстоятельствах ввода советских войск в Афганистан». Высказывались они также советским государственным и военным деятелям, посещавшим Афганистан или находившимся в нем.

Документ

...Был приглашен к тов. Амину, который по поручению Н. М. Тараки высказал просьбу о направлении в Кабул 15—20 боевых вертолетов с боеприпасами и советскими экипажами для использования их в случае обострения обстановки в приграничных и центральных районах страны против банд мятежников и террористов, засылаемых из Пакистана.

При этом было заверено, что прибытие в Кабул и использование советских экипажей будет сохранено в тайне...

14 апреля 1979 г.
(резолюция)

Л. Горелов¹⁹.

Этого делать не следует

Н. В. Огарков.

Документ

Было бы целесообразно изучить возможности создания в районе Кабула единого учебного центра для НВС ДРА...

А. Пузанов,
Б. Иванов,
Л. Горелов²⁰.

6.5.1979 г.

Такое же предложение направлено в Центр за подписью Пузанова, Горелова, Нешумова (НШ ПГВ), Богданова (новый представитель КГБ) 7 июня 1979 г.

Документ

14 июня в Доме народа состоялась встреча с Х. Амином.

В ходе беседы Х. Амин подчеркнул, что «враги стремятся подкупить охрану Дома народа и уничтожить руководителей государства. Мы полностью не уверены в людях, охраняющих Дом народа. Я обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы Вы доложили своему руководству об оказании нам помощи, направив в ДРА для охраны правительства в Доме народа и аэродромов Баграм и Шинданд советские экипажи на танках и БМП».

Ранее, как известно, Х. Амин выдвигал неоднократно предложения об участии наших экипажей на танках и самолетах в выполнении некоторых задач непосредственно в районах боевых действий с мятежниками.

Л. Горелов²¹.

16.6.1979 г.

Документ

11 июля... Тараки также высказал мысль о том, что было бы хорошо, если бы советской стороной было принято решение о скрытном размещении в Кабуле нескольких советских воинских спецгрупп численностью до батальона каждая на случай резкого обострения обстановки в столице.

Представитель КГБ²².

11.7.1979 г.

Документ

Представляется целесообразным:

7. Рассмотреть вопрос о направлении звена (отряда) советских вертолетов на базу ВВС ДРА Шинданд с тем, чтобы наладить срочную подготовку афганских вертолетных экипажей. Это вертолетное подразделение смогло бы также вести воздушную разведку вдоль границы с Ирапом.

А. Пузанов,
Б. Иванов,
Л. Горелов²³.

12.7.1979 г.

Документ

...Руководство ДРА серьезно готовится к новым столкновениям с контрреволюцией, однако в значительной мере рассчитывает в случае возникновения кризисной ситуации на прямую помощь СССР.

А. Пузанов,
Б. Иванов,
Л. Горелов²⁴.

12.7.1979 г.

Документ

Тараки, а также Амин неоднократно возвращались к вопросу о расширении советского военного присутствия в стране. Ставился вопрос о вводе примерно двух дивизий в ДРА в случае чрезвычайных обстоятельств «по просьбе законного правительства Афганистана». В связи с этим заявлением афганского руководства было заявлено, что Советский Союз на это пойти не может...

Б. Пономарев²⁵.

19.7.1979 г.

Документ

19 июля состоялась вторая встреча с Н. М. Тараки.

...Тараки вновь вернулся к вопросу об усилении военной поддержки со стороны Советского Союза, сказав при этом, что в случае возникновения чрезвычайной обстановки высадка воздушно-десантной дивизии в Кабуле сыграла бы решающую роль в деле разгрома выступлений контрреволюционных сил.

В ответ была вновь изложена наша позиция, подчеркнуто, что Советский Союз не может пойти на такие меры...

Б. Пономарев²⁶.

20.7.1979 г.

Документ

21 июля совпосла пригласил Х. Амин и, сославшись на поручение Н. М. Тараки, попросил передать советскому руководству следующее обращение.

...Выражается просьба в срочном порядке поставить для ВВС Афганистана 8—10 вертолетов с советскими экипажами, которые будут совершать вылеты.

Сказал Х. Амину, что, как неоднократно указывали советские руководители и подчеркивал во время по-

следних бесед в Кабуле Б. Н. Пономарев, советская сторона не может пойти на участие советского военного персонала в боевых действиях.

А. Шузанов²⁷.

21.7.1979 г.

Тараки и Амин усиливали давление на советскую сторону.

Документ

Амин вновь поднял вопрос о размещении трех советских армейских подразделений в Кабуле на случай возникновения в столице чрезвычайных обстоятельств. Местами их скрытой дислокации могли быть, по его мнению, военный клуб, совпосольство и территория Тадж-Бек, куда будет перемещена в конце года резиденция главы государства и где имеются казармы. Амин сказал, что тов. Тараки ожидает скорого прибытия советского батальона на территорию военного клуба.

Представитель КГБ²⁸.

24.7.1979 г.

Документ

11 августа состоялась беседа с Х. Амином по его просьбе. Особое внимание в ходе беседы было уделено просьбе о прибытии советских подразделений в ДРА.

Х. Амин убедительно просил проинформировать советское руководство о необходимости скорейшего направления советских подразделений в Кабул. Он несколько раз повторил, что «прибытие советских войск значительно поднимет наш моральный дух, вселит еще большую уверенность и спокойствие».

«Возможно, советские руководители беспокоятся о том, что недруги в мире расценят это как вмешательство во внутренние дела ДРА. Но я заверяю вас, что мы являемся суверенным и независимым государством и решаем все вопросы самостоятельно... Ваши войска не будут участвовать в боевых действиях. Они будут использованы только в критический для нас момент. Думаю, что советские подразделения потребуются нам до весны».

Л. Горелов²⁹.

12 августа 1979 г.

Документ

...В беседах с нами 10 и 11 августа Х. Амин ответил, что использование войск, дислоцированных в Кабуле, против мятежников станет возможным после положительного решения советским руководством просьбы правительства ДРА и лично Н. М. Тараки о размещении в афганской столице трех советских спецбатальонов. 12 августа председатель службы безопасности Сарвари по поручению Х. Амина просил нас об ускорении выполнения просьбы руководства ДРА о направлении советских спецбатальонов и транспортных вертолетов с советскими экипажами.

А. Пузанов,
Б. Иванов,
Л. Горелов³⁰.

12 августа 1979 г.

20 августа Амин в беседе с генералом армии И. Г. Павловским просил выделить соединение наших десантников в район Кабула. Кроме того, Амин поставил вопрос о замене расчетов зенитных батарей, прикрывающих Кабул и располагающихся на господствующих высотах вокруг города, в благонадежности которых он не уверен, советскими расчетами.

Документ

...В ходе беседы тов. Амин поставил вопрос о том, что в районе Кабула сосредоточено большое количество войск, в том числе с тяжелым вооружением (танковые, артиллерийские и другие части), которые можно было бы использовать в других районах для борьбы с контрреволюцией, если бы СССР согласился выделить соединение (1,5—2 тысячи) командос (десантников), которых можно было бы разместить в крепости Бала-Хисар...

Для борьбы с контрреволюцией они привлекаться не будут.

Далее тов. Амин поставил вопрос о замене расчетов зенитных батарей 77 зенап, прикрывающего Кабул и располагающегося на господствующих высотах вокруг города, в благонадежности которых он не уверен, советскими расчетами...

И. Павловский³¹.

21.8.1979 г.

«25 августа совместно с главным военным советником встретился с Амином.

Амин вновь поднял вопрос о вводе наших войск в Кабул, что, по его мнению, высвободит одну из двух дивизий кабульского гарнизона для борьбы с мятежниками.

Ответил Амину, что ввод наших войск может привести к осложнению военно-политической обстановки в регионе и усилению американской помощи мятежникам.

И. Павловский».

25 августа 1979 г. (резолуция)

Доложить ЦК КПСС. Д. Ф. Устинов³².

Документ

Советским представителям в Кабуле.

1. Признано целесообразным, считаясь с реальным положением дел, как оно сейчас складывается в Афганистане, не отказываться иметь дело с Амином и возглавляемым им руководством. При этом необходимо всячески удерживать Амина от репрессий против сторонников Тараки и других неугодных ему лиц, не являющихся врагами революции. Одновременно необходимо использовать контакты с Амином для дальнейшего выявления его политического лица и намерений.

2. Признано также целесообразным, чтобы наши военные советники, находящиеся в афганских войсках, а также советники органов безопасности и внутренних дел оставались на своих местах. Они должны исполнять свои прямые функции, связанные с подготовкой и проведением боевых действий против мятежных формирований и других контрреволюционных сил. Они, разумеется, не должны принимать никакого участия в репрессивных мерах против неугодных Амину лиц в случае привлечения к этим действиям частей и подразделений, в которых находятся наши советники.

А. Громыко³³.

15.9.1979 г.

Документ

В ходе беседы Х. Амин повторил свою просьбу о направлении в Кабул батальона советских военнослужащих

жащих для его личной охраны в новой резиденции, куда он намерен переехать после 15 октября с. г.

Представитель КГБ ³⁴.

2.10.1979 г.

Примечание: Эту просьбу Амин повторил 17 и 20 ноября. Доклады об этом поступили 18 и 21 ноября 1979 г.

Документ

2 декабря 1979 г. Х. Амин пригласил главного военного советника и заявил, что в условиях, когда мятежникам в Бадахшане оказывается активная помощь со стороны Китая и Пакистана, а у нас нет возможности снять войска с других районов боевых действий, я просил бы Советское правительство направить в эту провинцию на короткое время один усиленный полк для оказания помощи в нормализации обстановки.

В заключение беседы тов. Амин просил довести его просьбу до министра обороны СССР и сказал, что он готов лично обратиться по этому вопросу к Л. И. Брежневу.

С. Магоматов ³⁵.

2.12.1979 г.

(Генерал-полковник С. Магоматов с середины ноября 1979 г. заменил генерала Горелова на посту главного военного советника в ДРА.)

Документ

3 декабря состоялась встреча с Х. Амином.

Во время беседы Х. Амин сказал: «Мы намерены передать часть личного состава и вооружения 18-й и 20-й дивизий (из Мазари-Шарифа и Баглана) для формирования подразделений народной милиции. В этом случае вместо ввода в ДРА советских регулярных войск лучше прислать подразделения советской милиции, которые совместно с нашей народной милицией смогли бы обеспечить безопасность и восстановить порядок в северных районах ДРА».

С. Магоматов ³⁶.

4.12.1979 г.

Документ

12 и 17 декабря представитель КГБ встречался с Х. Амином. Из высказываний Амина заслуживают внимания следующие.

Амин настойчиво проводил мысль о необходимости непосредственного участия Советского Союза в сдерживании боевых действий бандформирований в северных районах ДРА. Его рассуждения сводились к следующему:

нынешнее афганское руководство будет приветствовать присутствие Советских Вооруженных Сил в ряде стратегически важных пунктов в северных провинциях ДРА...

Амин сказал, что формы и методы оказания военной помощи должны определяться советской стороной; СССР может иметь воинские гарнизоны в тех местах, в которых сам пожелает;

СССР может взять под охрану все объекты афгано-советского сотрудничества;

советские войска могли бы взять на себя охрану коммуникаций ДРА...

Представитель КГБ³⁷.

17.12.1979 г.

ОСОБО ВАЖНЫЙ ДОКУМЕНТ³⁸

Приложение № 2

Перечень

просьб афганского руководства по поводу ввода в ДРА различных контингентов советских войск в 1979 году (числа указаны по дням передачи секретных шифрограмм в Москву)

- 14 апреля — Направить в ДРА 15—20 советских боевых вертолетов с экипажами.
- 16 июня — Направить в ДРА советские экипажи на танках и БМП для охраны правительства, аэродромов Баграм и Шинданд.
- 11 июля — Ввести в Кабул несколько советских спецгрупп численностью до батальона каждая.
- 19 июля — Ввести в Афганистан до двух дивизий.
- 20 июля — Ввести в Кабул воздушно-десантную дивизию.
- 21 июля — Направить в ДРА 8—10 вертолетов Ми-24 с советскими экипажами.
- 24 июля — Ввести в Кабул три армейских подразделения.

- 2 августа — Необходимо скорейшее введение в Кабул советских подразделений.
- 12 августа — Направить в Кабул три советских спецподразделения и транспортные вертолеты с советскими экипажами.
- 21 августа — Направить в Кабул 1,5—2 тыс. советских десантников.
Заменить афганские расчеты зенитных средств советскими расчетами.
- 25 августа — Ввести в Кабул советские войска.
- 2 октября,
17 ноября, — Направить спецбатальон для личной охраны Амина.
20 ноября
- 2 декабря — Ввести в провинцию Бадахшан усиленный полк.
- 4 декабря — Ввести в северные районы Афганистана подразделения советской милиции.
- 12 декабря, — Разместить на севере Афганистана советские гарнизоны, взять под охрану
17 декабря дороги ДРА.

Всего таких просьб, направленных через советских представителей, было около двадцати. Семь из них высказывались Х. Амином уже после устранения им Н. М. Тараки.

Вышеприведенные сообщения свидетельствуют о том, что афганское руководство неоднократно обращалось с просьбой направить в Афганистан советский воинский контингент.

Как было сказано выше, окончательное политическое решение на ввод советских войск было принято 12 декабря 1979 г. в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева. Оно было принято втайне не только от народа, но и от Президиума Верховного Совета СССР, членов ЦК партии и даже Политбюро.

Перед свершившимся фактом были поставлены и те военачальники, кто по роду своей деятельности был непосредственно связан с афганскими событиями и, глубоко разбираясь во всей совокупности обстоятельств афганской действительности, высказывал сомнение относительно ввода советских войск в ДРА.

Руководство Генерального штаба ВС СССР выступило против ввода, так как считало, что наше военное присутствие приведет к усилению мятежного движения

В стране, которое в первую очередь будет направлено против советских войск. Что затем и произошло. Но мнение ГШ не было взято в расчет.

Восстанавливая события десятилетней давности, генерал армии И. Г. Павловский писал: «В ноябре 1979 года я возвратился в Москву. Возвратился с трудом, так как лично маршал Устинов все оттягивал срок моего возвращения, потом я понял, почему... В день прибытия я сразу направился в Министерство обороны для доклада маршалу Устинову.

Он встретил меня холодно, мимоходом заинтересовался, знал ли я о внутрипартийной борьбе в НДПА, о крыльях «Хальк» и «Парчам». Закончив доклад об обстановке в стране, я высказал свое мнение о том, что нет необходимости вводить наши войска в Афганистан, привел в поддержку своего мнения ряд соображений. Предложив, в частности, принять в Москве внушавшего многим недоверие Амина кем-нибудь из членов Политбюро ЦК КПСС, сказал о его личном послании Леониду Ильичу Брежневу, которое он передал через главного военного советника в ДРА. Но меня министр не стал слушать...»³⁹

Поздней осенью 1979 г. не был услышан не только член ЦК КПСС, главнокомандующий Сухопутными войсками, заместитель министра обороны генерал армии И. Г. Павловский. Не принимались во внимание тогдашним политическим руководством, министром обороны СССР довольно веские доводы и аргументы Генерального штаба, который выступал против ввода войск в Афганистан. По словам генерала армии В. Варенникова, тогдашний начальник Генерального штаба маршал Н. В. Огарков, его первый заместитель генерал армии С. Ф. Ахромеев и он, втроем, специально прибыли на доклад к министру обороны СССР по афганскому вопросу. Мнение Генерального штаба высказал маршал Н. В. Огарков, что называется, с расчетами и вкладками в руках. Оно сводилось к тому, что вводить войска, как предполагалось, в количестве 75 тыс. человек для стабилизации обстановки в Афганистане было нецелесообразно, поскольку такими силами задачу решить нельзя. По прогнозам Генерального штаба, советское военное присутствие должно немедленно привести к усилению мятежного движения в стране⁴⁰.

Следует признать, что высшее советское руководство одновременно с подготовкой решения о вводе совет-

ских войск в Афганистан предпринимало попытки мирно урегулировать вопросы, связанные с нормализацией отношений в афганском руководстве. Длительное время оно воздерживалось от ввода воинского контингента в Афганистан, полагая, что вооруженные силы этой страны сами смогут справиться с внешней и внутренней контрреволюцией.

Но в результате отсутствия гибкости и глубокого понимания происходящих в Афганистане процессов было допущено физическое уничтожение Н. М. Тараки, тяжелое ранение Асадуллы Амина, и наступило 27 декабря 1979 г.

Сегодня кажется парадоксальным, но это факт: в архивах Министерства обороны СССР нет никаких государственных документов, в которых бы ставилась задача на подготовку войск к вводу их в Афганистан. Все указания политического руководства страны по этому вопросу министр обороны Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов отдавал в Генеральный штаб только устно.

10 декабря 1979 г. министр обороны отдал приказ Генштабу подготовить к десантированию посадочным способом воздушно-десантную дивизию и необходимое количество частей военно-транспортной авиации, повысить готовность двух мотострелковых дивизий в ТуркВО и доукомплектовать до полного штата инженерный полк. Этим было положено начало созданию группировки войск будущей 40-й армии.

В течение последующих трех недель (до 31 декабря) по вопросам создания группировки войск по устным указаниям министра обороны СССР Генеральным штабом (начальником которого в то время был Маршал Советского Союза Н. В. Огарков) было отдано 30 различных директив, в соответствии с которыми в ТуркВО и САВО было развернуто и доукомплектовано до полного штата около 100 соединений, частей и учреждений. Были развернуты: управления 40-й армии, смешанного авиационного корпуса, четыре мотострелковые дивизии, десантно-штурмовая бригада, отдельный мотострелковый полк, артиллерийская бригада, зенитная ракетная бригада, части связи, инженерных войск, тыловые части и учреждения. Для доукомплектования развертываемых войск было призвано из запаса более 50 тыс. офицеров, сержантов и солдат и подано из народного хозяйства около 8 тыс. автомобилей

и другой техники. Для ТуркВО и САВО это самое крупное мобилизационное развертывание в послевоенный период.

24 декабря министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов провел совещание с руководящим составом министерства, на котором присутствовали заместители министра, главнокомандующие Сухопутными войсками, ВВС, Войсками ПВО страны, командующий пограничными войсками, некоторые начальники главных и центральных управлений. На совещании министр обороны СССР объявил о принятом советским руководством решении ввести войска в Афганистан.

В тот же день министр обороны СССР подписал общую директиву на ввод войск, в которой говорилось: «Принято решение о вводе некоторых контингентов советских войск, дислоцированных в южных районах страны, на территорию Демократической Республики Афганистан в целях оказания интернациональной помощи дружественному афганскому народу, а также создания благоприятных условий для воспреещения возможных антиафганских акций со стороны сопредельных государств».

(В архиве сохранились тезисы выступления Д. Ф. Устинова на том совещании с его пометкой красным карандашом: «Особая важность и секретность!»)

В директиве участие советских частей в боевых действиях на территории Афганистана не предусматривалось, так как боевые задачи политическим руководством перед Министерством обороны СССР поставлены не были. Имелось в виду, что войска станут гарнизоны и возьмут под охрану важные объекты.

Отдельным распоряжением командующему 40-й армией генерал-лейтенанту Ю. В. Тухаринову поручалось встретиться с начальником оперативного управления Генерального штаба ДРА генерал-майором Бабаджаном и обсудить с ним вопросы по вводу и дислокации советских войск на территории Афганистана.

Время пересечения государственной границы устанавливалось 15.00 25 декабря 1979 года (время московское). Таким образом, у командующего и командиров оставалась всего одна ночь для принятия решения на марш и постановку задач подчиненным частям и подразделениям.

По сути дела, боевая задача на ввод войск в Афганистан была поставлена лишь командирам частей и соединений, поэтому личный состав подразделений оставался практически в неведении о происходящем до самого последнего момента.

Оценивая все «за» и «против» оказания непосредственной военной помощи афганскому народу, нельзя не обратиться к воспоминаниям об афганских событиях бывшего командующего 40-й армией генерал-полковника Б. В. Громова: «Я не берусь подробно разбираться во всех деталях ввода войск в Афганистан. Скажу лишь то, что для меня очевидно: защита афганского народа была нужна. С учетом всей сложности обстановки в том регионе нельзя было оставлять Афганистан без защиты. Ведь неизвестно, чем все события, назревающие там, могли обернуться. Я не говорю сейчас о боевых действиях сороковой армии. нас вынудили к ним перейти. Первоначальная тактика была: стоять гарнизонами. Она нами неуклонно выполнялась. Но события сложились так, что мы вынуждены были вступать в навязанные нам боевые действия. Для того чтобы понять суть труднейшего «афганского» вопроса, надо знать законы и специфику Востока. Когда наши войска вошли на территорию Афганистана, враги афганской революции, силы оппозиции сработали значительно лучше, чем силы, возглавляемые правительством. Они подняли народ быстрее, начались нападения на наши гарнизоны, на коммуникации, охраняемые нашими солдатами, по которым в Афганистан доставлялись горючее, продовольствие, боеприпасы. Мы, замечу, ничего в Афганистане за эти годы, кроме воздуха, не брали. Наоборот, все везли туда. И вот когда начались острые выпады со стороны сил оппозиции, мы вынуждены были отвечать»⁴¹.

Касаясь вопроса о достоверности информации, поступавшей из Афганистана накануне ввода войск, Б. В. Громов отмечал: «Информация из Афганистана шла по дипломатическим, экономическим, военным каналам. В частности, там был в тот период генерал армии Павловский. Он считал, что по всем данным не надо было вводить в Афганистан войска. Такова была и позиция Генерального штаба. Но к мнению военных не прислушивались, и я думаю, что была информация по другим каналам. Скажем так: не совсем достоверная. Несколько искаженная информация, на основе которой

рождались и соответствующие представления о политической ситуации в этой стране...»

Многие советские люди, знакомые с афганской проблемой, еще тогда, в 1979 г., начинали понимать, что Афганистан подведен к критической черте совместными усилиями. Инерция старого мышления, путы застоя, синдром силового подхода к решению международных вопросов настолько прочно укоренились в практике деятельности брежневской администрации, что в то время остановиться было невозможно. Советское руководство (а не народ, который тогда не имел всей информации о происходящих событиях в Афганистане) стояло перед выбором: бросить Афганистан в таком состоянии или расширять свою помощь этой стране. Выбрали второй путь. Следует признать, что не помогать, учитывая специфические условия того времени в мире, в регионе и в самом Афганистане, Советский Союз не мог. Это сегодня некоторые авторы, опьянев от всплеска гласности и плюрализма мнений, перецеголяли в своих оценках событий даже своих западных коллег только лишь в негативном отношении к афганским событиям. В тот же, 1979 год все было гораздо сложнее.

Хотя, как уже отмечалось, нельзя не признать, что при принятии решения, а затем при его реализации допускалось слишком много ошибок и просчетов, которые привели к непредсказуемым последствиям.

Известный американский политолог Селиг Харрисон, рассматривая события декабря 1979 г., отмечал: «Какие бы соотношения факторов ни фигурировали при принятии этого решения, огромное сомнение вызывает точка зрения, гласящая, что СССР видел в Афганистане ступеньку на пути к установлению своего военного влияния в зоне Персидского залива»⁴².

Далее он пишет: «По словам специалиста по Афганистану из Института востоковедения Юрия Ганковского, который предостерегал от возможного вторжения, Брежневу и его идеологическому серому кардиналу Михаилу Суслову удалось протащить это решение относительным большинством голосов через Политбюро, несмотря на сомнения главы КГБ Андропова. Оптимистическое предположение сводилось к тому, что Кармаль, проводя более умеренную политику, может без особых трудностей завоевать широкую поддержку, утраченную Амином, при осуществлении весьма ради-

кальных реформ. Между тем уже в мае 1980 года, оказавшись перед лицом растущего движения сопротивления, пользующегося американской военной поддержкой, Москва и Кабул сделали первые официальные попытки призвать к проведению переговоров по Афганистану. Пакистан отклонил требования проведения прямого межправительственного диалога, ибо это обернулось бы признанием кабульского режима»⁴³.

Журнал «Тайм» от 14 января 1980 г. отмечал, что Х. Амин проявил излишнюю независимость и несговорчивость, поэтому был свергнут. Подчеркивается также, что советское вторжение готовилось несколько месяцев. Москва невзлюбила Х. Амина еще с того времени, когда он устранил 15 сентября 1979 г. Н. М. Тарафи, любимца русских. Поскольку в стране набирало силу мусульманское сопротивление, Москва предложила Х. Амину ввести свои войска, на что он, по мнению журнала, ответил отказом. Имеются неоспоримые факты, которые подтверждают не только согласие, но и направление Х. Амином просьб советскому руководству о вводе советских войск.

По данным некоторых иностранных источников, 24 декабря была предпринята последняя попытка склонить Х. Амина к сотрудничеству. Х. Амину ответил отказом и то ли по чьему-то совету, то ли в стремлении защититься переехал из Дома народа во дворец Таж-Бек.

С. Харрисон явно умаляет роль Ю. В. Андропова в принятии решения о вводе войск в Афганистан. Подтверждением тому служат некоторые факты, о которых рассказали участники и очевидцы событий.

Когда главному военному советнику генерал-полковнику С. Магометову позвонил министр обороны СССР Маршал Советского Союза Д. Ф. Устинов и спросил о готовности к операции «Шторм-333», то С. Магометов удивился, так как ничего не знал об этом. Министр обороны сказал, чтобы он получил информацию от представителя КГБ СССР в Кабуле Б. С. Иванова, который полностью информирован о предстоящей операции.

В ночь на 28 декабря 1979 г. Б. Кармаль находился в Баграме в расположении парашютно-десантного полка, которым командовал подполковник П. И. Сердюков. Рядом с Кармалем постоянно находились представители КГБ. В 0 часов 30 минут 28 декабря на связь

вышел Ю. В. Андропов. Он обратился к Б. Кармалю с поздравлением по случаю победы второго этапа революции и назначения его на пост председателя Революционного совета ДРА.

Кроме того, известны факты переписки между Б. Кармалем и Ю. В. Андроповым еще до Апрельской революции. Ю. В. Андропов был настроен против вооруженного восстания, о возможности которого ему сообщил Кармаль, который был очень недоволен развитием событий 27 апреля 1978 г.

3. Ввод советских войск в Афганистан

По сообщениям зарубежных информационных агентств, пристально следивших за развитием событий в Афганистане, с 24 по 27 декабря 1979 г. в Кабульском международном аэропорту совершили посадку по крайней мере 350 самолетов, прибывших из различных районов СССР. Сообщалось, что на них были переброшены части воздушно-десантных дивизий из центральных районов СССР и подразделения обеспечения из Туркестана. 27 декабря штурмом был взят дворец Дар-уль-Аман, Х. Амин и несколько его родственников были расстреляны. Другая серьезная вооруженная схватка произошла в районе Кабульского радио, неподалеку от посольства США. 28 декабря положение в городе полностью контролировалось советскими войсками. Х. Амин в афганской и советской печати был назван «агентом ЦРУ», «узурпатором» и т. д.⁴⁴

По оценке западных средств массовой информации, вторым этапом ввода войск была переброска наземных сил, которая происходила с 29 по 31 декабря 1979 г. Одна мотострелковая дивизия численностью 12 тыс. человек выдвигалась в направлении Кушка, Кандагар. Другие силы двигались через Гермес, перевал Салапг на Баграм и Кабул. Часть советских войск выдвинулась из Кабула в центр провинции Пактия — Гарdez. До 1 января 1980 г. было введено около 50 тыс. военнослужащих (2 воздушно-десантные и 2 мотострелковые дивизии, а также подразделения обеспечения).

В январе 1980 г. в Афганистан вошли части еще двух мотострелковых дивизий. Вместе с отдельными частями технических средств и тылами общая числен-

ность введенного контингента составляла около 80 тыс. человек ⁴⁵.

Более полное представление о том, как осуществлялся ввод советских войск в Афганистан, дают беседы корреспондентов «Советской России» и «Красной звезды» с первым командующим 40-й армией генерал-полковником Ю. В. Тухариновым.

12 или 13 декабря 1979 г. его вызвал командующий войсками Туркестанского военного округа Ю. П. Максимов и сказал в предположительном тоне, что в целях оказания интернациональной помощи намечается ввод советских войск в Афганистан. Тогда же Ю. В. Тухаринов ознакомился с планом ввода. С этого дня началась активная подготовка войск к вводу.

Костяк управления и штаба 40-й армии сложился из офицеров и генералов штаба и служб Туркестанского военного округа. Членом военного совета — начальником политического отдела армии был назначен генерал-майор А. В. Таскаев, начальником штаба — генерал-майор Л. Н. Лобанов, начальником разведки — генерал-майор А. А. Корчагин.

Бытует мнение, что развертывание контингента велось в условиях строжайшей секретности, под видом обычного учения, хотя на самом деле подготовка к вводу войск в Афганистан велась почти открыто. На полигонах шла активная подготовка приписного состава. Осуществлялось сколачивание подразделений. Особый упор делался на совершенствование маршевой выучки с учетом горной специфики региона. (Политуправлением ТуркВО еще в начале декабря были подготовлены памятки по действию личного состава в ходе ввода войск.)

«Отмобилизование личного состава и техники, — вспоминает далее Ю. В. Тухаринов, — прошло в целом нормально. Были, правда, единичные случаи неприбытия специалистов и машин из народного хозяйства, по эти недоразумения оперативно поправлялись» ⁴⁶.

Подготовка к вводу советских войск в Афганистан осуществлялась в полной согласованности с руководством этой страны. В Кундузе командующий 40-й армией встретился с бывшим начальником оперативного управления Генерального штаба вооруженных сил ДРА генерал-майором Бабаджаном, специально прибывшим по этому случаю по указанию Х. Амина из

Кабула. Командующий встречался и со старшим братом Х. Амина, осуществлявшим общее руководство северными провинциями Афганистана. Эти встречи носили официальный, рабочий характер. Речь на них шла о размещении советских частей. Эти встречи также подтверждают согласованность действий афганской и советской сторон в ходе ввода ограниченного контингента советских войск (ОКСВ).

В районе Термеза между тем заканчивалась подготовка войск к переправе через Амударью.

Общий замысел сводился к тому, чтобы двумя маршрутами: Термез — Хайратоп — Пулл-Хумри — Кабул — Газни и Кушка — Герат — Шипданд — Кандагар войти на территорию ДРА и таким образом опоясать кольцом жизненно важные центры республики. Части предполагалось разместить в них гарнизоны и тем самым создать условия для обеспечения жизнедеятельности Афганистана.

При переходе границы не было никаких намерений ввязываться в боевые действия с отрядами противников режима, считалось, что само присутствие советских войск будет действовать отрезвляюще на мятежников. Советская военная помощь расценивалась тогда как моральный фактор поддержки народной власти.

С переправой через Амударью, по фарватеру которой проходит граница, первоначально было немало мороки. Река показала свою капризность и своеобразие. Ее песчаные берега легко размываются течением, река непрерывно меняет свое русло. Навести через нее понтонный мост было делом довольно сложным. Готовый к переправе военной техники мост через какое-то время оказывался совершенно непригодным к этому — понтоны либо отходили от берега, либо садились на береговую мель.

Выход подсказывали местные жители, показав свои приемы укрепления берегов с помощью камыша. Мост возводился совершенно открыто. Это видели все.

К назначенному времени было все готово. На командный пункт армии прибыли первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и командующий войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Ю. П. Максимов.

Вечерело. К урезу воды подошел авангардный ба-

тальпог мотострелкового полка на боевых машинах пехоты. Пограбичникам вручены списки убывающего личного состава. Открыта граница. Колонна вступила на поntonный мост, пошла... А вернее, пошли на афганскую территорию главные силы армии, так как там уже находились несколько подразделений.

Конечно же, никто тогда не представлял, что начинаются долгие девять лет, один месяц и восемнадцать дней афганской войны для наших солдат, сержантов и офицеров, для всего советского народа. «Мы думали, — вспоминает Ю. В. Тухаринов, — что наше пребывание в Афганистане будет временным, весьма недолгим, что оно принесет облегчение дружественному нам народу».

Далее генерал-полковник рассказал:

«...В ту ночь я не сомкнул глаз. Вслед за мотострелковым полком по мосту прошли танковые подразделения, переправился командный пункт дивизии, в готовности были другие части.

Со многими людьми, отправляющимися той ночью на афганский берег, я имел лишь беглое знакомство. Но офицеров дивизионного и полкового звена знал основательно. Для более глубокого изучения других своих подчиненных слишком велик был срок моей службы в округе, тем более — в должности командарма. Узнал я их несколько позже, уже там, в Афганистане, узнал, как говорится, в деле.

Утром поднялся на вертолете в воздух. Колонны были в движении. Техника шла, оставших машин не было. Командный пункт дивизии застал в Ташкургане. Командир доложил обстановку на маршруте, после чего я уточнил решаемую дивизией задачу. Особых беспокойств первый этап марша не вызывал.

Через несколько часов мы сделали еще один облет войск, переправившихся через границу. На этот раз — с маршалом Соколовым. Первое приземление в Пули-Хумри, где расположилась одна из колонн дивизии. Хорошо помню эту картину. У колонны щебетали с нашими солдатами вездесущие афганские бачата — мальчишки. Возле командирской машины собрались люди постарше — бородатые старики, мужчины. В стороне стояли женщины. На лицах были доброжелательные улыбки, живой интерес к прибывшим шурави.

Так было. Наши военные колонны с радушием встречал афганский народ. Я хочу однозначно сказать

об этом. Кое-кто сегодня с недоверием, с усмешкой говорит о первых совместных субботниках, вечерах дружбы, взаимном посещении делегаций. Но так было. Другое дело, что в дальнейшем ситуация изменилась. О причинах этого — разговор особый.

Световой день предназначался для отдыха, но мало кто успел тогда отдохнуть. Тут и общение с местным населением, и обслуживание техники, и масса других забот. Как я уже говорил, частям нашей передовой дивизии следовало продвигаться в направлении Кундуза. Но вечером, в 19.00, я получаю новую задачу — повернуть дивизию на Кабул. Пытаюсь связаться с командиром соединения — связи нет. Командный пункт, как оказалось, втянулся в горы, и связь временно была потеряна — горы экранируют радиоволны. Что делать? Когда КП выйдет на доступное для связи пространство?

Минут через тридцать зовет маршал Соколов, интересуется, поставлена ли новая задача дивизии.

— Пока не поставлена, — отвечаю, — ввиду отсутствия связи.

— Дорогой товарищ! — слышу голос маршала. — Вы понимаете личную ответственность за срыв задачи?

— Так точно.

Маршал положил трубку.

Я, конечно, понимаю всю меру ответственности, понимал и вытекающие из нее последствия... К 17 часам следующего (27.12) дня дивизия должна быть в Кабуле. Связался с подполковником Касымовым, командиром авангардного полка. Тот имел связь с командиром. Через него поставил новую задачу дивизии. В 20 часов ее колонны двинулись на Кабул.

Наиболее трудным оказался этот, второй, переход. Здесь предстояло преодолеть высокогорный Саланг. За все послевоенное время наши войска впервые осуществляли такой переход. Участок протяженностью в 94 километра был отмечен как особо опасный. Ночью дорога обледенела. На подъеме буксовала колесная техника, на спуске — гусеничная шла юзом...

Тоннель — 2700 метров. Его вентиляция рассчитана на прохождение машин с карбюраторными двигателями. А тут пошла дизельная — БМП, танки. Вести технику водителям пришлось в противогазах.

К назначенному времени первое соединение армии было в Кабуле. 29 декабря двумя полками пошла в Афганистан еще одна мотострелковая дивизия — через Кушку. Ее части расположились в Герате и Шипданде. В последующем зона ее расширилась до Кандагара».

Из справки Генерального штаба Вооруженных Сил СССР «К вопросу об обстоятельствах ввода советских войск в ДРА».

«...В 15.00 25 декабря 1979 года на кабульском направлении начала переправу по понтонному мосту через реку Амударью и марш на Кабул мотострелковая дивизия ТуркВО, развернутая в Термезе. В это же время границу пересекли самолеты ВТА с личным составом и боевой техникой воздушно-десантной дивизии, которая посадочным способом десантировалась на аэродром Кабул.

К середине 27 декабря в Кабул и Баграм были переброшены основные силы воздушно-десантной дивизии и отдельного парашютно-десантного полка. К этому же времени в столицу ДРА вошли передовые части мотострелковой дивизии, совершавшие марш своим ходом. Прибывшие в Кабул советские части усилили охрану важных административных объектов (ЦК КПСР, Совета Министров, министерств обороны, внутренних дел, безопасности и др.), а также аэродромов, радио и телевидения.

В ночь на 28 декабря в Афганистан вошла еще одна мотострелковая дивизия на гератском направлении, ранее развернутая в Кушке и Тахта-Базаре. К середине января 1980 года ввод главных сил 40-й армии в основном был завершен. На территории Афганистана были полностью сосредоточены три дивизии (мотострелковых — 2, воздушно-десантных — 1), десантно-штурмовая бригада, два отдельных полка. В течение первой половины 1980 года эта группировка была усилена еще одной мотострелковой дивизией и двумя отдельными полками.

В последующем боевой состав советских войск в Афганистане уточнялся, проводилось реформирование некоторых частей с целью их усиления. В результате окончательный состав ограниченного контингента советских войск стал следующим:

управление 40-й армии с частями обеспечения и обслуживания;

дивизий — 4 (мотострелковых — 3, воздушно-десантных — 1);

отдельных бригад — 5 (мотострелковых — 2, десантно-штурмовых — 1, спецназначения — 2);

отдельных полков — 4 (мотострелковых — 2, парашютно-десантных — 1, артиллерийских — 1);

полков боевой авиации — 4;

вертолетных полков — 3;

трубопроводных бригад — 1;

бригад материального обеспечения — 1.

Советские войска в Афганистане выполняли следующие задачи:

охраняли автомобильные дороги Кушка — Герат — Шиндад — Гиришк — Кандагар; Термез — Кабул; Кабул — Джелалабад; Кундуз — Файзабад;

охраняли многие объекты советско-афганского экономического сотрудничества (газопромысел Шиберган—Джаркудук; электростанции Суруби, Наглу, Пули-Хумри, Кабул; завод азотных удобрений в Мазари-Шарифе и др.);

охраняли и обеспечивали функционирование аэродромов Кундуз, Файзабад, Баграм, Кабул, Джелалабад, Кандагар, Шинданд, Герат;

содействовали укреплению органов власти в 21 провинциальном центре;

проводили колонны с военными и народнохозяйственными грузами для своих нужд и в интересах ДРА;

совместно с афганскими частями и подразделениями вели боевые действия различного масштаба по разгрому наиболее агрессивных отрядов и групп оппозиции;

вели борьбу с караванами, доставляющими оружие и боеприпасы в ДРА из Пакистана и Ирана;

выполняли другие задачи по просьбе руководства ДРА».

С самого начала подготовки и проведения операции по введению войск был допущен ряд недостатков, во многом из-за неясности для исполнителей обстановки или неопределенности поставленных задач.

По словам заместителя начальника одного из управлений Генштаба генерала В. А. Богданова, на местах, где разворачивались боевые части и соединения, все думали, что это хотя и крупномасштабная, но обычная проверка боеготовности войск, поэтому многое делалось формы ради, наспех. Многие в Генштабе до

последнего дня не верили, что войска войдут в Афганистан, досконально не знали, какова будет их задача.

Времени на организацию беспрецедентного для мирных условий броска через границу было чрезвычайно мало. В августе, за четыре месяца до ввода войск в Афганистан, даже министр обороны СССР Д. Ф. Устинов, один из авторов решения о вводе, твердо считал, что в этом нет необходимости.

Между тем есть данные о том, что некоторые советские подразделения были введены в Афганистан еще осенью 1979 г. По сообщению корреспондента газеты «Красная звезда» А. Олейника:

«7 июля 1979 г. парашютно-десантный батальон под командованием подполковника А. Ломакина (без техники) был переброшен на аэродром в Баграм под видом технических специалистов. Таким образом была усилена охрана аэродрома. Десантники подчинялись главному военному советнику и не вмешивались в дела афганской стороны».

Советские люди, находившиеся в то время в Афганистане, ждали сообщений советских средств массовой информации с официальными оценками того, что происходит в Афганистане, но, как свидетельствует журналист Давид Гай, эти сообщения становились более скупыми. Поэтому там, в Афганистане, слушали «голоса из-за бугра», а для подготовки информации о передачах «Голоса Америки», Би-би-си, «Немецкой волны» для генерала армии И. Г. Павловского и главного военного советника генерал-лейтенанта Л. Н. Горелова была создана специальная группа переводчиков, которые каждую ночь слушали «голоса», а к утру готовили информацию.

Из сообщений этих «голосов» советники, специалисты и переводчики узнали о том, что советские войска вошли в Афганистан.

28 декабря в «Правде» было опубликовано «Обращение к народу» Б. Кармая. Начиналось оно так: «Наконец, после жестоких страданий и мучений наступил день свободы и возрождения всех братских народов Афганистана. Сегодня разбита машина пыток Амина и его приспешников — диких палачей, узурпаторов и убийц десятков тысяч наших соотечественников — отцов, матерей, братьев, сестер, сыновей и дочерей, детей и стариков. Эта кровавая машина полностью разваливается до последнего кровавого винти-

ка... Разрушены бастионы деспотизма кровавой династии Амина и его сторожников — этих сторожевых псов сардаров Надир-шаха, Захир-шаха, Дауд-шаха, наемников мирового империализма во главе с американским империализмом. От этих бастионов не останется камня на камне. Рушатся последние остатки цитадели национального и общественного гнета на нашей любимой родине».

Обращение заканчивалось словами: «Смерть Амину и его подручным кровожадным угнетателям и убийцам».

В тот же день средства массовой информации в Кабуле передали заявление правительства ДРА. В нем говорилось: «Правительство ДРА, принимая во внимание продолжающееся и расширяющееся вмешательство и провокации внешних врагов Афганистана и с целью защиты завоеваний Апрельской революции, территориальной целостности, национальной независимости и поддержания мира и безопасности, основываясь на Договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., обратилось к СССР с настоятельной просьбой об оказании срочной политической, моральной, экономической помощи, включая военную помощь, с которой правительство Демократической Республики Афганистан ранее неоднократно обращалось к правительству Советского Союза.

Правительство Советского Союза удовлетворило просьбу афганской стороны».

Военные действия в Кабуле начались с захвата воздушно-десантной дивизией под командованием И. Ф. Рябченко ключевых политических и военных объектов в Кабуле. Генерал-майор И. Ф. Рябченко вспоминает: «10 декабря в 23.30 был получен приказ привести части в боевую готовность, вывести к аэродромам взлета в готовности к выполнению боевой задачи... 14 декабря части переместились по воздуху на другие аэродромы, где и находились до 25 декабря.

25 декабря в 18.00 была получена задача по переброске по воздуху десанта с посадкой на аэродромах городов Кабул и Баграм.

26 декабря задача была уточнена, и в течение 27 декабря продолжалась подготовка к ее выполнению».

Как пишет английский публицист Марк Урбан, «26 декабря вечером начальник Генерального штаба

афганской армии подполковник Якуб позвонил командиру 4-й танковой бригады подполковнику Алауддину. По словам Алауддина, он потребовал, чтобы мы немедленно на танках двинулись на Кабул для защиты режима Амина. В самой бригаде создалась довольно беспокойная обстановка. Мы немедленно созвали партийных активистов и всех патриотически настроенных офицеров. Было решено изучить обстановку и не предпринимать каких-либо шагов, которые могли бы нанести вред целям Апрельской революции».

«27 декабря начался последний этап операции, — продолжает М. Урбап. — К вечеру десантники двинулись к центру Кабула. В 19.15 местного времени они вошли в министерство внутренних дел и разоружили его сотрудников. Другая группа, якобы составленная из специально обученных командос КГБ (Урбап так и пишет: «якобы», категорически не утверждая, что было именно так), достигла дворца Дар-уль-Аман на южной окраине Кабула. Несколько дней назад Амин со своим штабом переехал сюда, очевидно по предложению Советов, «для безопасности». Несомненно, это было частью их плана, так как любое вооруженное столкновение удалялось от центра города, а сам Дар-уль-Аман находился в непосредственной близости от советского посольства. Возможно, что Советы хотели взять Амина живым и затем подвергнуть его общественному суду. Произошел бой между командос (а вернее, исламским батальоном, состоящим из советского личного состава) и гвардией Амина. Сам Амин был убит в ходе боя»⁴⁷.

Воспоминания очевидцев тех декабрьских событий 1979 г. в Кабуле подтверждают возможность этой версии. Тем более каких-либо официальных заявлений и документов об этом нет. Да и почти взаимопключающие друг друга «факты» — ввод ограниченного контингента и штурм резиденции Х. Амина во дворце Тадж-Бек на окраине Кабула, «приведение в исполнение» приговора о расстреле Амина как агента ЦРУ, незадолго до этого попросившего ввести в свою страну одну советскую воздушно-десантную дивизию, «неожиданное» блокирование районов дислокации афганских частей и соединений советскими войсками в ночь на 28 декабря, появление Б. Кармаля в афганской столице после его исчезновения из афганского посольства в Праге, трансляция его обращения о свержении

Х. Амина с территории Советского Союза — вызывают ряд вопросов. Кроме того, известно, что охрана резиденции Х. Амина состояла из трех поясов: внутреннего — из отборных гвардейцев; среднего — из советских военнослужащих, переодетых в афганскую униформу, и внешнего — в составе усиленного батальона афганских гвардейцев. Как известно, подразделения советских десантников вечером 27 декабря блокировали дворец, в котором находился Х. Амин. Операция проходила в кромешной темноте. 12 советских военнослужащих были убиты, десятки получили ранения. Вокруг штурма дворца имеется много неясного и непонятного. Трудно дать ответы на многие вопросы.

Вероятно, непосредственные участники этих событий не могут пока что-либо сказать, если даже, как рассказывает бывший начальник штаба батальона специального назначения подполковник А. А. Петушин, «от несчастного лейтенанта с полным параличом рук и ног, после того как ему на пятый день еще не известной никому войны осколком перебило позвоночник у самой шеи, особист требовал клятвенное заверение, что он никогда никому ни о чем не расскажет. Пытался даже взять расписку. Только вот нечем было лейтенанту расписаться...»⁴⁸.

Подполковник Водуд (в декабре 1979 г. он проходил службу в Главном политическом управлении афганской армии) вспоминает:

«27 декабря 1979 г. Х. Амин должен был выступить по телевидению. На съемки его выступления во дворец Тадж-Бек были приглашены и начальники политорганов, в том числе и я. После длительного ожидания в зал вошел начальник ГлавПУ афганской армии Эқбаль Вазири и сообщил, что выступления Амина не будет. Он был очень взволнован и расстроен. Когда мы начали расходиться, увидели начальника госпиталя Велаята с медиками. Он тоже был встревожен. Я спросил Хашема (заместителя начальника ГлавПУ): «С Амином что-то случилось, не умер он?» Хашем отмахнулся и ничего не ответил. Мы поехали в ГлавПУ.

На другой день мне рассказывали, что Х. Амин был отравлен. Для оказания помощи вызвали советских и афганских врачей. Когда угроза смерти миновала, вокруг дворца началась стрельба. Х. Амин приказал своему адъютанту предупредить об этом советников. При этом сказал: «Советские помогут». Адъютант, пос-

ле того как позвонил по телефону, доложил, что «стреляют советские». Амин попытался сам позвонить начальнику Генерального штаба, командиру 4-й танковой бригады, но телефонной связи с ними не было. Затем тихо проговорил: «Я об этом догадывался, все верно». Перестрелка началась в самом дворце, в ходе которой Х. Амин был убит».

А вот что рассказывали очевидцы о событиях во дворце.

Х. Амин пригласил во дворец к 12.00 27 декабря членов Политбюро и секретарей ЦК НДПА на очередное заседание Политбюро (хотя некоторые считают, что устраивался прием по случаю возвращения из Москвы секретаря ЦК НДПА Г. Д. Панджшери). Затем для приглашенных был дан обед.

Выступая перед присутствующими, Х. Амин сообщил о начале ввода в страну советских дивизий. Он подчеркнул, что постоянно связывается по телефону с А. Громыко и обсуждает с ним вопрос: как лучше сформулировать для мира информацию об оказании Советским Союзом военной помощи Афганистану.

Во время обеда Х. Амин и еще несколько человек отравились. (Продукты и гранатовый сок были отправлены на экспертизу в военный госпиталь. В соке обнаружена большая доза снотворного.) После вторых блюд гости перешли в соседний зал, где был накрыт чайный стол. Неожиданно Х. Амин и часть гостей потеряли сознание. Его супруга немедленно вызвала командира президентской гвардии, который начал звонить в Центральный военный госпиталь и поликлинику советского посольства, чтобы вызвать помощь.

Факт отравления для советских представителей был неожиданным. Афганцы, находившиеся во дворце, встретили врачей настороженно.

...В 19.25 начался штурм дворца. Руководил штурмом полковник Г. И. Бояринов.

Охрана Тадж-Бека, где находился Х. Амин, накануне была усилена. Ее возглавлял армейский офицер — Джандад.

На ближних подступах ко дворцу был убит афганский часовой, а второй, оставшийся незамеченным, открыл стрельбу. Из-за этого подразделение полковника Г. И. Бояринова столкнулось с ожесточенным сопротивлением, особенно на втором этаже. Полковник в ходе штурма погиб. Указом Президиума Верховного

Совета СССР от 28 апреля 1980 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

По рассказам советского медицинского персонала из Центрального военного госпиталя афганской армии стало известно следующее.

По четвергам в Кабуле подавали в дома горячую воду — на два-три часа, чтобы успеть помыться и организовать стирку. Главное, не прозевать это время, поймать, когда заработают трубы. И полковник Анатолий Владимирович Алексеев, старший коллектива советских военных врачей в афганском госпитале, решил всем задержаться, если воду дадут во время обеда.

Воду действительно дали. Алексеев помылся. Затем, набросив бушлат, вышел на балкон покурить. И тут же увидел, как из стремительно подъехавшей «Волги» выскочил Тутахель — главный врач госпиталя, замахал руками. Было 16 часов 30 минут.

— Что случилось? — спросил Анатолий Владимирович, но ответа дожидаться не стал: то, что произошло какое-то несчастье, было ясно, и здесь главное — быстрее все увидеть собственными глазами.

— Что? — тем не менее спросил он у Тутахеля, выскочив из подъезда.

— Надо ехать во дворец, там большое несчастье, — распахивая дверцы машины, ответил главврач.

В «Волге» уже сидели терапевт Виктор Кузнеченков и один из гражданских врачей-инфекционистов.

— Во дворце большое несчастье, — не отводя взгляда от дороги, забитой рикшами, водопосами, осликами, «тойотами», повторил афганец. — Очень много отравленных. Сильно отравленных.

Алексеев повернул голову к Кузнеченкову, но Виктор, как мог в тесноте, пожал своими широченными плечами: сам ничего не знаю.

— А... Амин? — осторожно спросил Алексеев.

Афганец скосил взгляд на водителя и ничего не ответил. «Значит, и Амин», — понял полковник. С Амином ему приходилось встречаться несколько раз. Сначала мельком — еще при Тараки. В сентябре, когда произошла та злополучная перестрелка между охраной Тараки и Амина, в госпиталь привезли изрешеченного пулями аминовского адъютанта Вазира. Оперировали его тогда советские хирурги. А когда дело пошло на поправку, Амин, уже глава правительства,

выделил для своего адъютанта личный «боинг», и Алексеев с Тутахелем сопровождали единственного пассажира в Москву, в санаторий.

У входа во дворец их уже поджидали, но первым делом потребовали сдать оружие. Обычно, входя в здание, они сами сдавали пистолеты дежурному, здесь же быстрые и сильные руки обыскали их, подтолкнули к двери.

Врачи вошли в вестибюль и тут же замерли. На полу, ступеньках сидели, лежали в самых неестественных позах люди.

Переглянулись с Кузнеченковым: отравление. Первым делом — сортировка: кому помогать в первую очередь, кто потерпит. Склонились над лежащей на полу женщиной, но по лестнице буквально скатился Велаят — начальник афганского госпиталя.

— Наконец-то, — со вздохом облегчения проговорил он и схватил врачей за руки. — Оставьте этих, не до них. Там Амин в тяжелом состоянии.

До второго этажа — два лестничных пролета. Именно здесь примерно месяц назад стреляли в Амина, теперь эти ступени вновь отделяют его жизнь от смерти. Главное — удалить яд из организма, успеть промыть желудок, заставить заработать почки, не дать остановиться сердцу.

Амин лежал на кровати. По отвисшей челюсти, закатившимся глазам и заострившемуся носу было видно, что они опоздали, но, словно они всю жизнь работали в паре, Алексеев и Кузнеченков подхватили без слов Амина, бегом потащили в распахнутую дверь ванной. Она была не настолько большой, чтобы спасти в ней отравленного хозяина, но выбирать не приходилось. Мешая и помогая друг другу, вызвали рвоту, промыли кишечник. Быстрее, успеть...

— Есть пульс, — сумел поймать запястье и уловить слабое биение Кузнеченков.

Из ванной — вновь на постель: уколы, давление, пульс, снова уколы. Появились две капельницы, и Алексеев ввел иглы в вены обеих рук. И дрогнули веки умиравшего, и подтянулась, сомкнулась в stone челюсть — все, успели.

Впервые после приезда во дворец офицеры перевели дыхание, осмотрелись.

— Вроде стрельба какая-то, — кивнул на окно Кузнеченков.

Выстрелы, то одиночные, то длинными очередями, звучали совсем рядом с дворцом, но Алексеев не придал им значения: в Кабуле стреляют практически каждую ночь. А время, время — седьмой час, для декабря это уж ночь.

— Ну что, идем к другим? — Кузнеченков, еще раз проверив пульс и давление у Амина и удовлетворенно кивнув, посмотрел на командира. — Велаят что-то про дочь Амина говорил, вроде тоже отравлена.

— Идем, — согласно кивнул Алексеев.

Дошли они только до выхода из кабинета Амина: мощный залп сотряс здание, посыпались стекла, погас свет. Внизу закричали, где-то что-то вспыхнуло, и врачи перебежали к полукруглому бару — хоть какой-то защитой казалась стойка.

— Неужели «духи»? — вслух подумал Алексеев, еле различая в темноте напарника.

— Ну и переплет, — отозвался Кузнеченков. — Эй, что там творится? — увидев кого-то в коридоре, окликнул он.

Подбежал афганский офицер, некоторое время тяжело переводил дыхание, потом сунул им свой автомат и побежал дальше. Оружие показалось легким, и Алексеев, сняв магазин, увидел черную пластину — патронов не было. Отложил автомат в сторону. И тут же замер: по коридору, весь в отблесках огня, шел... Амин. Был он в белых трусах, флаконы с физраствором, словно гранаты, держал в высоко поднятых руках. Можно было представить, как кололи вдетые в вены иглы, и Алексеев, выбежав из укрытия, довел Амина до стойки. Тут же раздался детский плач — откуда-то из боковой комнаты выбежал пятилетний сынишка Амина. Увидев отца, бросился к нему, обхватил за ноги. Амин прижал его голову к себе, и они вдвоем присели у стены.

— Я не могу, пойдем отсюда, — отвернувшись от отца с сыном, сделал шаг из бара Кузнеченков. Знать бы им, что они — последние, кто видел Амина живым.

Врачи перешли в соседнее помещение — конференц-зал с высокими широкими окнами, уже полностью прошитыми пулями. Со двора сквозь стрельбу послышалась русская речь и полковники вздохнули с некоторым облегчением: значит, не «духи». Они стали между окон, чтобы не задело случайной пулей.

Однако опасность подстерегала их с другой сторо-

ны. С грохотом распахнулась от удара погой дверь. В темноте запульсировала автоматная очередь. Кто стрелял, зачем — люди разберись в темноте. Рухнул на пол со стоном полковник Виктор Кузнечепков. Пока Алексеев донес его большое, тяжелое тело до лестницы, врач был уже мертв.

— Мертвых не берем, потом, — отмахнулись от него у входа во дворец, где грузили на БТР раненых.

— Он еще жив, просто тяжело ранен.

Полковника все же погрузили на бронетранспортер, и Алексеев довез его тело до посольской больницы. Сам он встал к операционному столу, на котором один за другим менялись раненые: советские, афганские, гражданские, военные.

А первые погибшие в афганской войне — военврач полковник Кузнечепков, спасавший Амина, и полковник Бояринов, возглавлявший штурм дворца, лежали рядом.

Не избежал сей участи и Х. Амин, обстоятельства смерти которого пока до конца не выяснены. Его тело погребли в районе дворца Тадж-Бек. Погибли два сына Амина и супруга заместителя премьер-министра ДРА Шах Вали. Остальные члены семьи Амина были брошены в тюрьму.

В январе 1980 г. в кабульской тюрьме Пули-Чархи оказался и пакистанский публицист Раджа Анвар. Он встречался там с близкими Х. Амина и даже давал уроки английского языка его детям. В 1988 г. Р. Анвар издал книгу «Трагедия Афганистана», в которой описал и декабрьские события во дворце Тадж-Бек. По словам Р. Анвара, советский заговор стоил Амину жизни, а для Советского Союза стал началом длинного и кровавого марша по скалистым, враждебным горам Афганистана, который мог бы закончиться поражением уже смертельно больной афганской революции.

Свидетельствует полковник В. Г. Салкин (в декабре 1979 г. он был старшим переводчиком 4-й танковой бригады):

«25 декабря старший коллектива советников 4-й танковой бригады подполковник Виктор Николаевич Пясецкий был вызван на аэродром Хаджи Равап на совещание руководителей советнических коллективов. В ходе инструктажа он получил указания о действиях бригады. Ему была поставлена задача не допус-

тить выхода бригады в Кабул. Я, как старший переводчик бригады, поехал вместе с Пясецким, но на совещание не был допущен. 27 декабря Виктор Николаевич сообщил мне кратко о намечаемых мероприятиях. В этот день он приказал всем советникам не задерживаться в бригаде, и они раньше, чем обычно, уехали домой. Остались я, советник по пропаганде и Пясецкий. Вечером мне было сказано Виктором Николаевичем о том, что в случае поступления команды о выходе бригады в город я с ним сажусь в третий танк с головы колонны, так как согласно договоренности по нему не будет вестись огонь с боевых машин десанта, следующих в район бригады с аэродрома. То есть в случае отказа бригады вернуться в свое расположение не исключалась возможность завязки боя.

Вечером, приблизительно в 18.30, командиру бригады капитану Ахмад Джану поступила команда ввести один батальон в город. Я и Пясецкий в это время постоянно находились рядом с командиром. Посоветовавшись с советником, он отдал приказ командиру первого танкового батальона привести батальон в состояние полной боевой готовности, заявив, что приказ о выходе батальона будет отдан позже. Личный состав, получив приказ, буквально ринулся к танкам. Моментально взревели танковые двигатели. Первый батальон был готов к действиям. Пясецкий время от времени смотрел на часы, ожидая новых команд бригаде. В 19.10 Виктор Николаевич сам попросил Ахмад Джана связаться со своим командованием и уточнить указания по выходу батальона в город. Однако командир не смог позвонить из-за отсутствия связи.

Убедившись в отсутствии связи, В. Н. Пясецкий посоветовал командиру проконтролировать состояние телефонного провода на территории бригады. Срочно был вызван взвод связи, и солдаты начали тщательно проверять состояние кабеля. На это ушло примерно около часа. Приблизительно в 20.00 в комнату советников, где кроме нас с Пясецким находились командир и начальник политотдела бригады старший лейтенант Рузи, забежал дежурный по бригаде в возбужденном состоянии и доложил, что по радио передается сообщение о свержении фашистского режима Амина, но добавил, что передача идет не с Кабульского радио. Он сказал, что, по сообщению, власть перешла к Бабраку Кармалю и сейчас выступает сам Б. Кармаль. Мы бросились в

комнату дежурного. Действительно, передавалось это сообщение.

Через несколько минут мы поднялись в кабинет командира для обсуждения сложившейся ситуации и обмена мнениями. Во время разговора мы с командиром и начальником политотдела бригады вышли на балкон. Неожиданно четыре БМД на полном ходу сбили ворота военного городка и, не снижая скорости, окружили здание штаба бригады. Из первой машины вышел советский капитан. Он вошел в здание, представился, отозвав в сторону Пясецкого, переговорил с ним, затем достал фляжку со спиртом и предложил выпить. Капитан, обращаясь к командиру, заявил, что в городе неспокойно и выход бригады в город нежелателен. Командир, посоветовавшись, дал команду «отбой» первому батальону. В это время начальник политотдела заметно забеспокоился, надел шинель, взял автомат и несколько раз попытался дозвониться до Кабула, нервно перебегая с этажа на этаж. Пясецкий дал мне указание усилить контроль за ним. На вопрос начальника политотдела «Почему вы постоянно находитесь возле меня?» я ответил, что старший советник приказал охранять его, что я и делаю. Это его успокоило, даже польстило ему. В 21.00 сообщение о смене власти было передано по Кабульскому радио. После этого поступила телеграмма от главного военного советника с распоряжением доложить о согласии или несогласии командования бригады признать новое руководство страны. В. И. Пясецкий через меня сообщил об этом командиру и начальнику политотдела и попросил командира собрать партийную комиссию, пригласив на ее заседание командиров и замполитов батальонов, секретарей парткомов батальонов. После обсуждения ситуации командиру сообщили о том, что к 3.00 28 декабря нужно доложить решение. Ровно в 3.00 командир и начальник политотдела спустились со второго этажа на первый в комнату советников. Командир протянул мне лист бумаги с решением парткомиссии о признании нового режима. Под текстом были подписи всех, кроме командира и начальника политотдела. Я перевел В. И. Пясецкому текст. На вопрос Пясецкого «А вы что думаете?» прозвучал ответ: «Как посоветуете вы». Виктор Николаевич сказал, что если все расписались «за», то, видимо, нужно сделать, как все остальные. После этого они расписались. В

3.15 главному военному советнику по средствам связи советского подразделения было доложено о признании нового руководства.

Утром 28 декабря началась активная агитационная работа командиров и замполитов в подразделениях за признание нового руководства, хотя в основном вели эту работу члены партийной комиссии.

Приблизительно в 10.00—11.00 начальник политотдела старший лейтенант Рузи попросил командира отпустить его к семье, чтобы купить лекарство для больного шестимесячного ребенка. Командир, посоветовавшись с советником, отпустил его с двумя офицерами. Рузи вернулся часа через три-четыре. На следующий день Рузи снова отпросился в город. Командир бригады отпустил его вместе с заместителем начальника политотдела. В этот день они не вернулись. Сопровождавший Рузи заместитель вернулся через две недели. Он рассказал о том, что они были оба в Иране и встречались там с представителем советского посольства, который посоветовал им вернуться на Родину. Вернувшись в Кабул, они договорились выйти с утра на службу. Однако Рузи не прибыл в бригаду. Как позже выяснилось, он оказался одним из убийц Н. М. Тараки».

Из справки Генерального штаба
Вооруженных Сил СССР «К вопросу
об обстоятельствах ввода
советских войск в ДРА»

«Ввод советских войск на территорию Афганистана был воспринят населением, особенно бедняками, доброжелательно. Люди охотно шли на контакты с военнослужащими, проявляли интерес к советскому образу жизни.

Член военного совета — начальник политуправления ТуркВО генерал-лейтенант В. С. Родин так доложил об отношении к нам афганцев в период ввода: «В населенном пункте Ташкурган воинов дивизии тепло встретили его жители, в том числе женщины и дети. Они охотно вступали с ними в разговоры, задавали вопросы, принимали от советских военнослужащих сувениры. В процессе выяснилось, что местное население знало о прибытии советских войск и в целом к нашей братской интернациональной помощи относится положительно. Всего в беседах принимало участие около 300 человек.

Особенно дружелюбно к Советской Армии настроены все члены армии ДРА, члены комитетов защиты революции.

26 декабря в городе Пули-Хумри проведен митинг боевого содружества, на котором присутствовали советские воины и воины 10-го пехотного полка 20-й пехотной дивизии ДРА... В своих выступлениях афганские военнослужащие благодарили советских воинов за интернациональную помощь и выразили готовность к сотрудничеству... Афганские воины скадировали лозунги советско-афганской боевой дружбы».

4. Последствия ввода ОКСВ

Таким образом, в соответствии с ранее заключенным договором и новым заявлением Советский Союз взял на себя обязательство ограждать страну от внешней агрессии, а не защищать Апрельскую революцию от внутренних сил оппозиции. Однако именно такой перекося произошел вскоре после вступления советских войск в ДРА.

Закрытие границы любого государства — мероприятие сложное, требующее огромных материальных средств, много людских ресурсов. Эта истина применительна ко всем государствам. Но еще сложнее провести такое мероприятие в государстве, находящемся во враждебном окружении. И еще сложнее провести подобное мероприятие в таком государстве, как Афганистан, с особо сложным горным рельефом и где внутриполитический фактор развивался не в пользу центрального правительства. Закрытие границы Афганистана с Ираном и Пакистаном — вопрос, безусловно, сложный. Военные специалисты наверняка смогут привести доводы и конкретные цифры, показывающие, что советские войска не были в состоянии этого сделать чисто технически в 1980—1981 гг. Кое в чем они будут правы. Но неправильна была общая линия, ориентирующая на ведение войны внутри страны, а не на закрытие границы.

В силу серьезной дезорганизации и слабой боеиспособности афганской армии основную тяжесть вооруженной борьбы с контрреволюционными отрядами уже в начале 80-х гг. несли на себе в основном советские войска. Их действиями были подавлены очаги мятежей вокруг городов, разгромлены крупные контр-

революционные группировки в районах Файзабада, Талукана, Тахара, Баглана, Джелалабада и других городов, ликвидированы крупные формирования сепаратистов в Нуристане и Хазараджате. Необходимо отметить, что первые боевые операции как правило проводились успешно. Жизнь в городах и провинциях нормализовалась. В этих условиях имелся шанс, передав зоны ответственности афганским правительственным вооруженным формированиям и органам МВД, вывести советские войска из Афганистана. Однако период относительного затишья в первой половине 1980 г. был использован афганским руководством для продолжения чистки в армии, борьбы за власть...

Советнический аппарат не сумел увидеть всей опасности последствий и не допустить их. Все надежды на стабилизацию обстановки связывались с пребыванием советских войск. Однако вооруженная борьба постепенно приобрела иной характер. Причиной тому послужила смена тактики афганской контрреволюции — переход к диверсионным действиям.

Советские регулярные войска, по существу, оказались не подготовленными к партизанской войне с мелкими, чрезвычайно мобильными группами и к самой партизанской тактике наступательных и оборонительных действий душманов. Попытки командования организовать наступление и преследование отрядов мятежников крупными войсковыми соединениями, по правилам классической войны, должного эффекта не принесли.

Переход примерно с 1981—1982 гг. в основном к рейдовым маневренным операциям в составе отдельных усиленных батальонов с широким применением охватов и обходов и выброской вертолетами десантно-штурмовых групп был свидетельством уже накопленного опыта контрпартизанской войны. Но и рейдовые операции регулярных войск не давали необходимого результата, так как мобильные отряды душманов, прекрасно знающие местность и умело использующие рельеф, как правило, находили пути и возможности увести свои основные силы от преследования и разгрома. И главное, что во всех этих действиях, не достигавших желаемых целей, советские войска несли ощутимые и, по существу, неоправданные потери в людях.

Для советского командования становилось все бо-

лее очевидным, что полностью разгромить партизанские отряды душманов военными средствами, действиями регулярных войск не удастся.

Однако главные причины военных неудач, сохранения и даже определенного расширения масштабов партизанской войны душманов лежали не в военной сфере, а в политической, так как стали складываться явные идеологические издержки ввода в страну регулярных войск соседнего государства, что придавало новый импульс контрреволюции для укрепления социально-политической базы партизанского движения.

Советское правительство и командование не смогли выбрать благоприятного момента (а он был после первых успешно проведенных боевых действий) для своевременного вывода, как это и предполагалось при вводе ОКСВ, тем самым позволило втянуть его в гражданскую по сути войну.

Оказывая интернациональную помощь афганской революции и введя свои войска на территорию Афганистана, Советское правительство и советское военное командование не учли национально-исторические факторы Афганистана — его многовековую историю борьбы с различными завоевателями, совершавшими походы на страну и с Востока, и с Запада и так и не добившимися ее окончательного покорения. В сознании афганца прочно укрепилось представление, что любой иностранец, вошедший в страну с оружием в руках, пускай даже с самыми благими намерениями, — это иноземный оккупант. Причем исторически главными носителями идей национальной независимости являются наиболее отсталые в экономическом отношении, но самые развитые с военной точки зрения воинственные пуштунские племена.

Именно эти племена стали ядром партизанской контрреволюции в борьбе с регулярными частями советских войск.

Была допущена и еще одна существенная ошибка советским командованием. Первоначально в составе регулярных советских частей, введенных в Афганистан, большой процент составляли представители среднеазиатских народов (узбеки, таджики, туркмены). Очевидно, командование исходило из соображений, что войны этих национальностей найдут большее понимание у родственных народов, проживающих в Афганистане. Однако на деле это дало обратный эффект. Пуштун-

ские племена, ставшие основой партизанского движения, исторически враждовали с национальными меньшинствами севера в своей собственной стране. Появление же узбеков, таджиков и туркмен из чужой страны явилось дополнительным фактором роста национального самосознания, что умело использовали агитаторы и пропагандисты контрреволюции.

С вводом советских войск в Афганистан главным объединяющим идеологическим и политическим лозунгом контрреволюционных сил стал призыв к священной вооруженной борьбе с иностранными оккупантами — «империалистическими колонизаторами», неверными...

Этот призыв нашел понимание достаточно многочисленной части афганского населения, чему способствовала умелая пропаганда, направленная на придание лозунгу патриотического, религиозного и в известном смысле социально-классового звучания. Население Афганистана не шло на контакты и сотрудничество с советскими и афганскими войсками, с народной властью в целом. Причина заключалась в том, что народная власть способна была продемонстрировать свою силу перед населением в том или ином районе страны проведением боевых действий против непримиримой оппозиции, и то лишь в течение 15—20 дней, тогда как мятежники находились там постоянно. В подобной ситуации население, несмотря на свое негативное отношение к ним, было вынуждено сотрудничать с вооруженными отрядами оппозиции.

Оценивая негативные стороны ввода советских войск в Афганистан, естественно, возникает вопрос — существовала ли альтернатива решению о вводе войск?

По всей видимости, такая альтернатива существовала. Она основывается на той непреложной истине, что почти все действия кабульского руководства совершались за счет советской экономической, военной и прочей помощи, следовательно, в руках советского руководства был огромный рычаг воздействия на лидеров ПДПА и афганское правительство. Однако эти огромные возможности, как уже отмечалось, не были использованы в силу господствовавшей в стране командно-административной системы. Ведь для их использования потребовалось бы отказаться от самой системы: потребовались бы признание ранее допущенных ошибок, демократическая процедура принятия решений,

открытая, гибкая дипломатия, приоритет политическим факторам, а не военным, гласность, отказ от постулата, что все революции в третьем мире должны непременно развиваться по социалистическому пути, и т. д. Естественно, что командно-административная система не приемлет все эти элементы, поэтому они не были использованы.

Альтернатива, по нашему глубокому убеждению, существовала хотя бы в силу того, что дееспособность афганского руководства зависела от размеров советской помощи. При снижении размеров этой помощи и при задействовании политических факторов (открытое осуждение Х. Амина, разоблачение его преступных действий, теоретической несостоятельности выдвигаемых им лозунгов, моральная и материальная поддержка здоровых сил в НДПА, освещение возможностей потенциального развития афганской революции и т. д.) события в Афганистане пошли бы по другому руслу.

Представим себе на минуту другой вариант развития событий. Если бы Амину, ЦК НДПА было бы открыто заявлено, что в случае прекращения массовых репрессий против мирного населения Советский Союз прекратит поставки вооружений и всякую помощь Афганистану, то Х. Амин задумался бы, это заставило бы задуматься и ЦК НДПА. В конце концов не все решалось Х. Амином, не все члены ЦК и даже Политбюро поддерживали его безоговорочно. О ведущих с Х. Амином беседах другие члены ЦК не знали. Более того, они считали, что советское руководство полностью поддерживает Х. Амина...

В условиях сложившейся системы высшее руководство Советского Союза, видимо, не могло рассматривать другой, кроме ввода войск (ибо во внешней политике приоритет отдавался военным, а не политическим факторам), альтернативы в отношении Афганистана.

Ввод советских войск в Афганистан имел целью не только сохранение его территориальной целостности как государства, а и устранение созданной Х. Амином структуры власти и изменение, выправление курса прежнего руководства, с тем чтобы вывести эту революцию из кризисного состояния и двигать ее дальше. Этот момент — самое больное место рассматриваемого периода.

До сих пор официальная пресса отмахивается от

такой версии с невероятной пастойчивостью, уходя от предмета разговора и потчуж читателей наспех подготовленной в те дни версией вроде того, что смена руководства в Кабуле и ввод наших войск в эту страну — совершенно случайное совпадение, что 27 декабря в Кабуле состоялось очередное восстание (теперь уже против Х. Амина), какой-то взрыв народного гнева и прочее... И да простит нас писатель Александр Проханов, который в своем романе-репортаже «Дерево в центре Кабула» описывает встречу с участниками этого восстания... Все эти годы авторы, задавшись специальной целью, опросили сотни кабульцев, начиная от низших и кончая высшими слоями, и ни один из них не освидетельствовал этот взрыв народного гнева... Наоборот, многие афганцы, многие советские военнослужащие, работавшие в этот период военными советниками в Кабуле, а также непосредственные участники событий 27 декабря 1979 г. рисовали совсем другую картину...

Предпринимая такой шаг, советское руководство исходило из того, что была опасность вмешательства империалистических стран в дела Афганистана, которое могло создать угрозу безопасности наших южных границ. Сыграло свою роль и стремление предотвратить становление террористического режима Амина и защитить афганский народ от геноцида. Учитывалось также то, что использование советских войск в других странах (Венгрии, Чехословакии) раньше обходилось без тяжелых внутренних и международных последствий и, казалось, позволяло выполнять поставленные задачи успешно. В «застойный период» осуществление таких акций было возможным в силу сложившейся тогда практики принятия важных политических решений, когда они в основном лишь «одобрялись» государственными органами и пародом. Поэтому есть все основания полагать, что, будь это решение в то время поставлено на утверждение Верховного Совета СССР, оно было бы принято.

Ввод войск явился логическим завершением нашей помощи прогрессивному в своей основе (после апреля 1978 г.) афганскому правительству, которая осуществлялась, к сожалению, без учета исторических, национально-этнических и родоплеменных особенностей этой страны, средствами и методами, не соответство-

вавшими уровнем общественного сознания населения Афганистана.

Решение о вводе советских войск в Афганистан принималось бывшими высшими руководителями. Но любой здравомыслящий человек понимает, что они принимали решение на основе каких-то докладов, какой-то информации... Кто давал эту информацию? Кто анализировал характер ситуации в стране перед вводом наших войск? Кто оценивал возможные действия Соединенных Штатов и их союзников? Кто нагнетал обстановку вокруг событий в Афганистане, вплоть до предположения о возможности нанесения Пакистаном ядерных ударов по афганской территории? Почему принималась во внимание информация лишь от представителей Комитета государственной безопасности и Министерства иностранных дел СССР? Хотя в гущу событий находились и непосредственно работали среди афганцев в Кабуле и провинциях советские советники афганской армии и войск МВД. До настоящего времени с их мнением не только не считаются, но и игнорируют. Естественно, возникает вопрос, кто кого поддерживал и какие цели преследовал?

Эти вопросы пока остаются без ответов. Но ответить на них придется. В том числе и тем, кто не только молчал на июньском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС, на XXVI съезде КПСС в 1981 г., но и одобрял выполнение приказа Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР, Председателя Совета Обороны страны при молчаливом согласии всего народа. Это подтвердил в своем выступлении на втором Съезде народных депутатов СССР воин-интернационалист Павел Шетько: «Наверное, все члены Политбюро ЦК КПСС старого состава сегодня волнуются не меньше нас с вами. Может быть, даже больше. Комитет их не назвал, можно сказать, прикрыл...

...Товарищи коммунисты, назовите имена тех, кто протестовал против той войны, добивался правды, тех, кто в знак протеста сдал свой партбилет или застрелился. Времени у вас хватало — десять лет, завтра будет юбилей»⁴⁹.

Глава шестая
**ДЕВЯТЬ ЛЕТ, ОДИН МЕСЯЦ
И ВОСЕМНАДЦАТЬ ДНЕЙ...**

1. Боевые будни ограниченного контингента

Какими только эпитетами не награждают журналисты и писатели афганскую войну! Ее называют и «неизвестной», и «спрятанной», и даже «проигранной». При этом безапелляционно утверждается, что советские войска не умели и в течение девяти лет так и не научились воевать, что они терпели одно поражение за другим и в конечном счете вынуждены были уйти из Афганистана. Вместе с тем за исследование собственно боевых действий пока что всерьез еще никто не брался. Конечно, вопрос этот большой и сложный, требующий серьезного, многопланового исследования. И все же попытаемся хотя бы в общих чертах обрисовать картину боевых действий ОКСВ.

На боевую деятельность советских войск оказал влияние целый ряд свойственных только Афганистану социально-политических, физико-географических и этнографических факторов, о которых было уже сказано в предыдущих главах.

Присутствие советских войск в Афганистане можно условно разделить на несколько этапов.

Первый этап — декабрь 1979 г. — февраль 1980 г.

Ввод советских войск в Афганистан, размещение их по гарнизонам, организация охраны пунктов дислокации и различных объектов.

Второй этап — март 1980 г. — апрель 1985 г.

Ведение активных боевых действий, в том числе широкомасштабных, совместно с афганскими соединениями и частями. Работа по реорганизации и укреплению вооруженных сил Афганистана.

Третий этап — апрель 1985 г. — январь 1987 г.

Переход от активных боевых действий преимущественно к поддержке действий афганских войск советской авиацией, артиллерией и саперными подразделениями. Применение мотострелковых, воздушно-десантных и танковых подразделений ОКСВ главным образом в качестве резерва и для повышения морально-боевой устойчивости афганских войск. Подразделения специального назначения продолжали вести борьбу по пресечению доставки оружия и боеприпасов из-за рубежа. В рамках этого этапа был осуществлен вывод шести советских полков на Родину.

Четвертый этап — январь 1987 г. — февраль 1989 г.

Участие советских войск в проведении афганским руководством политики национального примирения. Активная деятельность по укреплению режима. Завершение становления вооруженных сил Афганистана. Продолжение поддержки боевой деятельности афганских войск. Подготовка советских войск к выводу и полное его осуществление.

На первом этапе мятежные формирования действовали против советских войск сравнительно крупными силами, не уходили от прямого столкновения с ними. Подразделения и части ОКСВ вели бои, как правило, совместно с афганской армией, беря при этом на себя выполнение наиболее трудных боевых задач. Афганские войска в это время были в значительной мере деморализованы и плохо подготовлены к самостоятельным действиям.

На втором этапе боевые действия приобрели больший масштаб и интенсивность. Мятежники, потерпев ряд поражений, перешли к тактике партизанской войны. Основные их группировки переместились в горные районы, куда не могла подойти боевая техника, а также стали умело укрываться среди местного населения. При этом вооруженная оппозиция стала руководствоваться следующими тактическими принципами: уклонение от вступления в бой с превосходящими силами советских войск; ведение внезапных действий мелкими группами; отказ от позиционной борьбы и осуществление широкого маневра; автономность действий групп и отрядов. Вместе с тем отряды вооруженной оппозиции были вынуждены вступать и в «классические» бои с советскими и правительственными войсками, которые, как правило, возникали при обороне баз и базовых районов, а также в тех случа-

их, когда отряд оказывался блокированным в населенном пункте и не мог уклониться от боя. При этом мятежники стремились вести ближний бой, что затрудняло или полностью исключало применение авиации, а также ведение артиллерийского огня с закрытых огневых позиций.

В этих условиях от советских войск потребовалось применение «нестандартных» форм и способов разгрома противника. В частности, для снижения активности мятежников необходимо было их уничтожать в основных базовых районах, что привело к привлечению значительных сил и средств. Такая форма военных действий получила название «боевая операция», или, в более широком смысле слова, просто «операция».

Людей, которые незнакомы со спецификой боевых действий в Афганистане, но достаточно хорошо владеют военной терминологией, обычно вводит в заблуждение термин «операция» применительно к действиям ОКСВ.

Научное толкование этого термина означает совокупность согласованных и взаимосвязанных по цели, месту и времени сражений, боев и ударов, проводимых на театре военных действий или стратегическом (операционном) направлении по единому замыслу и плану для решения стратегических, оперативно-стратегических или оперативных задач. Операции могут проводиться объединениями одного или нескольких видов вооруженных сил. По опыту Великой Отечественной войны, в армейской операции принимало участие 70—100 тыс. человек. В результате их осуществления были разгромлены группировки, включавшие не одну тысячу солдат противника, освобождались значительные по площади территории.

Если переложить эти теоретические положения и исторические факты на афганскую действительность, то естественно возникает вопрос: «Почему же за девять лет войны, ежегодно проводя по нескольку армейских операций, ОКСВ и афганская армия не разбили моджахедов, не подавили контрреволюционное движение?»

Прежде всего следует пояснить, что подразумевалось под термином «операция» в Афганистане. Это понятие прочно вошло в лексикон «афганцев», а через них распространилось и среди других советских лю-

дей. В обиходе этим словом объединяли различные способы и формы действий войск. В зависимости от того сколько и каких подразделений и частей привлекалось на боевые действия, кто планировал и руководил ими, их называли армейскими, дивизионными и даже полковыми операциями.

На армейскую операцию привлекались части и подразделения одной-двух мотострелковых дивизий, десантников, артиллерии, инженерно-саперных войск, а также авиация, планировалась она штабом армии. Руководство боевыми действиями осуществлялось в этом случае армейским командованием.

Дивизионная операция проводилась силами и средствами дивизии, полковая — силами и средствами полка. Во всех случаях в боевых действиях совместно с советскими войсками принимали участие части и подразделения армии Афганистана, министерств государственной безопасности и внутренних дел, партийные активисты, а также отряды защиты революции, которые создавались из числа местных жителей, поддерживавших кабульское правительство, и вооруженные формирования некоторых племен.

В условиях Афганистана, в связи с тем что войска выполняли большой объем различных задач, непосредственно в боевых действиях одновременно могла участвовать лишь часть боевых сил подразделений, частей и соединений. Поэтому даже в армейских операциях было задействовано, как правило, 10—15 тыс. человек, включая подразделения обеспечения и обслуживания. При этом численность боевых сил полка, участвовавших в такой операции, составляла лишь около одной пятой части его штатного состава. Аналогичное положение наблюдалось и при проведении дивизионных и полковых операций. Иначе войска действовать не могли.

В ходе второго этапа интенсивность боевых действий постоянно возрастала, достигнув своего пика в 1984—1985 гг. ОКСВ оказался втянутым в гражданскую войну. Боевые действия развернулись практически на территории всей страны. В ходе их перед советскими войсками ставились две основные задачи: совместно с афганской армией разгромить крупные вооруженные формирования мятежников в базовых районах и оказать содействие правительству Афганистана

в расширении и укреплении органов государственной власти на местах.

Боевые задачи по захвату баз и базовых районов советские и афганские войска, как правило, выполняли, нанося при этом противнику большие потери. Однако полного уничтожения вооруженных формирований достичь в большинстве случаев не удавалось. Мятежники, уклоняясь от затяжных боев, мелкими группами выходили из-под удара и передислоцировались в другие районы. В ходе проведения операции в занятых войсками уездах и волостях создавались органы государственной власти, так называемые оргядра. В состав оргядра входили представители НДПА, министерств государственной безопасности, внутренних дел, некоторых других ведомств, а также лица из числа руководящих работников общественных организаций, представители духовенства, поддерживающие правительство Афганистана. Для обеспечения безопасности работы оргядра в его составе имелось армейское подразделение (как правило, до взвода).

Беда этого оргядра состояла в том, что оно было малочисленным и не обладало реальной властью. Руководители, которые в него входили, зачастую не хотели или не умели вести политическую работу с местным населением, не пользовались авторитетом. Его влияние ограничивалось, как правило, тем кишлаком, в котором оно находилось.

После завершения операции войска оставляли занятый район и возвращались в места постоянной дислокации или переходили в другие районы боевых действий. На их место возвращались уцелевшие мятежники, восстанавливали свои базы и изгоняли или уничтожали оргядра. Через некоторое время в этом же районе приходилось вновь проводить боевую операцию. Так повторялось несколько раз. Например, в долине реки Папджшер за девять лет было проведено 12 боевых операций, однако правительственная власть в этом районе так и не закрепилась.

Тем не менее одним из главных результатов боевых действий в этот период явилось повышение боеспособности вооруженных сил Афганистана. К 1985 г. афганская армия окрепла настолько, что постепенно стала переходить к ведению самостоятельных боевых действий, в ходе которых подразделениям и частям ОКСВ отводилась вспомогательная роль. Это позво-

ляет выделить третий этап в боевых действиях советских войск в Афганистане.

На этом этапе основная тяжесть боевых действий переносится на части и соединения армии Афганистана. Советские войска от крупномасштабных операций перешли в основном к реализации разведывательных данных, засадным действиям небольшими силами, хотя и не отказались полностью от проведения операций. Главные задачи ОКСВ выполнял в этот период по охране маршрутов, важных военных и народнохозяйственных объектов и сопровождению колонн. Изменение боевых задач ОКСВ, рост боеспособности афганской армии позволили во второй половине 1986 г. вывести из Афганистана шесть советских полков (два мотострелковых, один танковый и два зенитных).

Четвертый этап берет свое начало от состоявшегося в декабре 1986 г. Чрезвычайного Пленума ЦК НДПА, провозгласившего курс на национальное примирение. К этому времени всем здравомыслящим людям стало ясно, что военного решения афганской проблемы не существует. Развязать «афганский узел» можно было только путем переговоров.

Новое политическое мышление, предусматривающее отказ от военных методов решения спорных международных вопросов, с которыми выступил Советский Союз, привело в Женеву за стол переговоров правительства Афганистана и Пакистана при участии СССР и США. Результатом этих переговоров стало подписание Женевских соглашений по вопросам политического урегулирования положения вокруг Афганистана. Начиная с января 1987 г. советские войска практически прекратили наступательные боевые действия и вели бои только в случае нападения на них мятежников.

Специфика решаемых ОКСВ задач, особенности действий мятежников, а также сложные физико-географические и природно-климатические условия Афганистана обусловили применение различных способов, форм и методов борьбы, как уже известных, так и не предусмотренных боевыми уставами и наставлениями.

Рейдовые действия (рейд — как его пазывали советские воины) усиленных мотострелковых (воздушно-десантных) батальонов (рот) заключались в последовательном уничтожении в узлах сопротивления

отрядов мятежников, как правило насчитывавших до 100—150 человек. При этом подразделения получали направление и конечный пункт рейда. Наступая в указанном направлении, подразделения уничтожали встречающегося противника, выходили в конечный пункт и возвращались обратно.

Рейдовые действия проводились в условиях ограниченного маневра, когда не было условий для нанесения одновременных ударов во фланг и тыл группировке противника (в узких горных долинах, дефиле и ущельях).

Роте, которой командовал капитан В. М. Сидякин, в 1980 г. предстояло совершить рейд в горах и захватить объект противника в ущелье. Надо сказать, что местность была очень сложной. Высокие горы с куполообразными вершинами и крутыми скатами, каньоны усложняли движение. К тому же на каждой высоте за многочисленными валунами мог находиться противник, готовый в любую минуту открыть огонь.

Действовавшее впереди дозорное отделение обеспечивало роте успешное продвижение. Ставя ему задачу, командир роты обратил особое внимание на выявление в ходе рейда опорных пунктов и засад противника, его огневых средств, а также на разведку местности. Для быстрого устранения неисправностей в ходе движения было создано техническое замыкание. Тыльный дозор следовал за колонной главных сил с целью воспрепятствовать противнику нанесению удара с тыла. По всей колонне было организовано круговое наблюдение, подготовлено оружие для немедленного открытия огня в установленных секторах. С подходом к указанному району командир роты дал команду на спешивание личного состава, чтобы при достижении рубежа перехода в атаку подразделение успело принять боевой порядок.

«Я понимал, — вспоминает В. Сидякин, — что противник считает себя неуязвимым с флангов, так как они прикрыты труднодоступными горами. Поэтому одному взводу дал команду выдвигаться по гребням высот справа от дороги. С двумя другими взводами и средствами усиления двигался по дороге на удалении, исключая поражение личного состава из засад с гребней гор. Когда рота, наступая вдоль дороги, встретила сопротивление душманов, я дал целеуказание поддерживающим огневым средствам. После

огневого палета противник попытался отойти, но тут же попал под огонь взвода, находящегося на гребне высоты. Рота стремительной атакой овладела опорным пунктом».

В рассмотренном случае действия обороняющихся носили очаговый характер, и поэтому имелись условия для нанесения по ним удара во фланг и тыл.

Но маневр не достигает цели, если он не подготовлен и не учтены все условия местности и обстановки. В этом же рейде соседняя рота действовала на другом направлении, вдоль ущелья. Она вступила в бой и успешно продвигалась вперед. Однако в глубине обороны противника встретила упорное сопротивление. Убедившись в том, что атакой с фронта противника не выбить, командир роты, доложив об обстановке на командный пункт батальона, решил двумя взводами совершить обход, чтобы ударить по опорному пункту с тыла. Однако маневр не удался. Мятажники разгадали его замысел и, поняв, что перед ними с фронта находится лишь один взвод, перешли в контратаку. Потребовались большие усилия, чтобы отразить ее.

Советские войска, постигая науку ведения боя в горах, учили афганских товарищей и сами перенимали у них все то, что заслуживало внимания. Начиная со второй половины 1980 г. боевые действия велись только совместно с подразделениями афганской армии. Тесное взаимодействие советских и афганских войск в ходе решения боевых задач значительно повышало эффективность и результативность боев.

Командир горного батальона майор К. М. Атангенздшев, который проходил службу в городе Пули-Хумри, приобрел богатый опыт ведения рейдовых действий совместно с подразделениями афганской армии.

В декабре 1981 г. по данным разведки ХАД (МГБ) установили о сборе вооруженных групп в кишлаке Валихейль. Батальону майора К. М. Атангензшева было приказано совершить рейд в район сбора мятежников, блокировать кишлак и провести прочесывание. Подразделение получило на усиление разведывательную роту полка, боевые машины ЗСУ-23-4, саперное отделение. Для поддержки ему выделялось звено вертолетов Ми-24. В рейде, назначенном на 24 декабря, участвовали два батальона афганской армии. В целях обеспечения скрытности и достижения вне-

запности действий боевую технику решили не применять, а использовать для передвижения автомобили местного населения. Всего было задействовано пять машин, при этом водителей-афганцев временно заменили советские солдаты. Личный состав 1-й и 2-й мотострелковых рот, разведывательной роты и саперы были размещены в автомобилях. Совершив двухчасовой марш совместно с афганскими подразделениями, батальон остановился в 10 км от района предстоящих боевых действий. Далее он продолжил движение в пешем порядке по горам к месту предполагаемого сбора мятежников. К рассвету 24 декабря кишлак Валихейль был отрезан от гор засадами из состава мотострелковых рот и разведчиков. При выдвижении личным составом соблюдалась строгая маскировка, исключалось курение, использовались только приборы ночного видения, применять приборы с фосфорным покрытием запрещалось. Для движения в темноте пригодилось умение ориентироваться по звездам.

С утра 24 декабря по ранее утвержденному плану 3-я рота во взаимодействии с двумя афганскими батальонами приступила к прочесыванию кишлаков в районе города Баглан с целью ввести в заблуждение мятежников в кишлаке Валихейль и вынудить их уйти в горы в направлении выставленных засад. Прочесывание кишлаков осуществляли батальоны афганской армии, рота действовала на их флангах, не допуская отхода мятежников в направлениях, где отсутствовали засады. С началом действий мятежники, находившиеся в кишлаке, используя овраги, пытались скрыться в направлении гор. Часть из них была на лошадях. Приблизившись к засаде на расстояние 200—300 м, они попали под кинжальный огонь советских подразделений, прорваться сквозь который не смогли. В ходе боя был взят в плен 21 мятежник и захвачены боевые трофеи, а также мастерская по изготовлению мин и 60 кг взрывчатки.

Блокирование и прочесывание зеленых зон и населенных пунктов применялись в тех случаях, когда мятежные отряды находились в ограниченном районе и имелась возможность их изоляции от других группировок. Такой способ применения войск требовал привлечения значительных сил и осуществлялся в два этапа. На первом этапе район расположения отрядов блокировался мотострелковыми подразделениями на

БТР (БМП), чтобы не допустить выхода из него мятежников и оказания им помощи со стороны других групп. На наиболее удаленные и труднодоступные для техники участки высаживались воздушные десанты. На втором этапе блокированные мятежники уничтожались или брались в плен подразделениями афганской армии совместно с милицией и партийными активистами при поддержке подразделений советских войск, которые, наступая единым фронтом, прочесывали местность или населенные пункты в блокированном районе. Успех таких боевых действий определялся быстротой и внезапностью блокирования избранного района и активностью подразделений, проводивших прочесывание.

Прочесывание районов на горных плато, в поймах рек и широких долинах осуществлялось методом окружения данного района с последующим сжатием подразделений от внешнего кольца окружения к центру района или наступлением подразделений с двух сторон навстречу друг другу с выделением на фланги резервов для воспрепятствования выходу противника и обеспечения своих подразделений от внезапных действий мятежников с прилегающих высот во фланг и тыл наступающим подразделениям. Применялись и другие методы прочесывания. Во всех случаях подразделения, осуществлявшие прочесывание, действовали в пешем порядке.

Результативность ведения боевых действий таким способом значительно возрастала, если командир прибегал к военной хитрости и вводил противника в заблуждение. В таком случае удавалось успешно выполнить боевую задачу даже небольшими силами. Один из таких эпизодов произошел осенью 1981 г.

Из разведисточников было известно о расположении двух крупных формирований в кишлаках, находившихся в различных ущельях. В одном из кишлаков расположился отряд Каюма численностью 64 человека, в другом — группа Наджмеддина. После детального изучения местности было принято решение уничтожить отряд Каюма. Через представителей МВД, активистов в кишлаках была распространена дезинформация о выходе с утра следующего дня подразделений советских войск и роты царандой для уничтожения Наджмеддина.

В 23.00 две мотострелковые роты начали выдви-

гаться из городка. Совершив 12-километровый марш, они к утру совместно со взводом царандой и партактивистами блокировали кишлак, в котором находился Каюм. На господствующих высотах были выставлены посты, организована система огня и установлены миные поля на вероятных путях отхода банды.

В 6.00 был открыт артиллерийский огонь по местам расположения засад, которые успел выставить Наджмеддин. Максимально демаскируя себя, в сторону кишлака, где располагались Наджмеддин и его люди, выдвинулась бронегруппа батальона. Одновременно возле кишлака, в котором находились подчиненные Каюма, был высажен десант в составе двух мотострелковых взводов и взвода царандой. Десант с ходу начал прочесывание местности. Мятежники сдались в плен, даже не успев оказать сопротивление. Несколько групп пытались скрыться в горах, но вскоре были уничтожены подразделениями, осуществлявшими блокирование. В батальоне потерь не было.

Ведение боевых действий в зеленой и кишлачной зонах всегда было сопряжено с большими трудностями, риском для жизни, необходимостью смелых и инициативных действий, особенно товарищеской взаимоподдержки и взаимовыручки. Продвигаться в ночное время по бездорожью среди деревьев и кустарника очень сложно. Здесь нельзя допустить ошибку и заблудиться, от этого зависел успех боя, а главное — жизнь военнослужащих.

«В конце августа 1982 года, — рассказывает командир батальона майор В. В. Русяев, — мне с двумя ротами, гранатометным и минометным взводами пришлось совершить 10-километровый бросок через зеленую зону ночью, по бездорожью. Надо было срочно помочь одному из наших подразделений, попавшему в окружение мятежников. Самое главное, чего я опасался, как бы противник не обнаружил нашего выдвижения и не организовал на пути следования батальона засады. Мы усилили разведку, использовали приборы ночного видения. На особо опасных участках маршрута выдвижения создавали «коридор безопасности» — с флангов и тыла действовали группы боевого охранения, по всей колонне установили световую связь, и каждый знал пароль, назначенный перед выходом батальона. С группой, попавшей в окружение, поддерживали связь по радио. Во время выдвижения

мятежники пытались пристроиться к одному из замыкающих колонны и скрытно нанести удар, но были обнаружены и обезврежены.

Усиление к окруженной группе прибыло незамеченным и благодаря внезапности и одновременным ударам с нескольких направлений мятежники были разгромлены».

Особой сложностью отличались бои по захвату баз и базовых районов в горах. Условия горной местности позволяли мятежникам удерживать рубежи обороны малыми силами благодаря организации системы опорных пунктов, создаваемых на господствующих высотах, хребтах и перевалах. При этом широко использовались естественные и искусственные укрытия в скальном грунте, создавалась многоярусная система огня и заграждений. Обязательным элементом при построении обороны являлось создание системы ПВО, основу которой составляли крупнокалиберные пулеметы ДШК, зенитные горные установки, расположенные на господствующих высотах на заранее подготовленных в инженерном отношении огневых позициях, обеспечивающих ведение огня по воздушным и наземным целям.

В то же время действия войск возможны были, как правило, лишь в пешем порядке, из-за чего советские и афганские подразделения теряли свое преимущество в количестве и качестве вооружения и техники.

Для уничтожения мятежников в горах советские войска использовали различные тактические приемы. Блокирование опорных пунктов противника обычно сочеталось с действиями обходящих отрядов и высадкой тактических воздушных десантов. Десантные и мотострелковые подразделения высаживались вертолетами на путях вероятного отхода противника. Обходящие отряды, совершая скрытный маневр, наносили внезапные удары по противнику с фланга и тыла, обеспечивая успех главных сил.

Обходящие отряды в большинстве случаев выслались с наступлением темноты с таким расчетом, чтобы на рубеж атаки (к указанному рубежу) они выходили скрытно и вне огневого воздействия мятежников. При этом следует учитывать, что максимальный темп их движения в горах составлял обычно не более 0,4—0,6 км/ч. При организации маневра обхо-

данных отрядов и согласовании их действий с подразделениями и бронегруппами, действующими с фронта, время рассчитывалось таким образом, чтобы после огневой подготовки атака всех сил проводилась внезапно, стремительно и по возможности одновременно.

18 мая 1982 г. батальон, которым командовал майор К. Д. Аликберов, в ходе боев в ущелье Панджшер получил задачу в течение ночи подняться двумя ротами по крутому скату господствующей над местностью высоты и с рассветом уничтожить большую группу мятежников, которая вела интенсивный и прицельный огонь по попавшему в тяжелое положение соседнему батальону.

«В 23 часа 18 мая, — рассказывает К. Д. Аликберов, — мы начали подъем на эту очень высокую и коварную (она могла быть заминирована) гору. Подъем давался очень тяжело, я это чувствовал по себе, слишком много в этот день пришлось наступать по горам, а один километр в горах равен трем в долине. Но бойцы понимали, что их сосед находится в тяжелых условиях, и шли, забыв об усталости, чтобы успеть к рассвету. Была еще одна трудность — если мы до рассвета не атакуем мятежников, а будем где-то на подходе, то нас могли просто перестрелять. Это хорошо понимали все.

Более активно действовали воины мотострелковой роты старшего лейтенанта Зайцева. Командир роты отобрал самых лучших, физически крепких бойцов, приказал им оставить внизу все лишнее и прокладывать дорогу всей роте. Этот прием мы затем не раз применяли и в последующих боях.

Мятежники, по-видимому, и не предполагали, что целый батальон сможет подняться по такому крутому склону, и не выставили на нем даже охранение.

Старший лейтенант Зайцев доложил, что группа захвата без выстрелов уничтожила единственную огневую точку, которая все же оказалась поблизости.

К 5.00 19 мая рота уже находилась в тылу мятежников. Я быстро договорился с командиром второго батальона, чтобы его подразделение активными действиями вынудило противника открыть огонь и тем самым демаскировать свои огневые точки. И действительно, не прошло и 15 минут, как началась стрельба. Распределив огневые точки между ротами, я дал команду на их уничтожение. В каменные укрытия, ту-

да, где мятежников не могли достать пули и даже вертолеты, полетели гранаты. Весь бой длился не более получаса, после чего стало очень тихо. Приняв доклады командиров подразделений, я убедился, что за эту операцию мы не потеряли ни одного человека, ранено было трое. Противник был полностью разгромлен».

Обходящие отряды как форму маневра советские командиры начали использовать в Афганистане практически с первых дней перехода мятежников к боевым действиям против ОКСВ. Майор В. В. Вишневский проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск с декабря 1979 г. по декабрь 1981 г. Вот что он рассказал:

«В марте 1980 г. мотострелковая рота, которой я командовал, принимала участие в боевой операции по захвату ущелья Луркох в районе Фараха. Ущелье было глубиной до 1,5 км, Г-образной формы. В нем, как впоследствии выяснилось, находились склады с оружием и продовольствием. Ущелье было надежно подготовлено к обороне. Окопы, укрепленные бетоном, располагались в несколько ярусов. На входе был сделан завал. Разведывательная рота, действовавшая в авангарде, попыталась преодолеть его, не спешиваясь с боевыми машинами, в результате чего две из них подорвались на минах. Услышав радостные крики мятежников, командир роты спешил подразделение и повел его по ущелью, не проведя разведки (первая ошибка). Продвигались по дну ущелья, не занимая господствующих высот (вторая ошибка). Мятежники, пропустив роту в ущелье, открыли по ней кинжальный огонь с противоположных склонов.

Попавшее в беду подразделение прикрывали боевые вертолеты и разведывательная рота соединения. Мне было приказано совершить 20-километровый марш и выйти к ущелью для оказания помощи. Мы прибыли в назначенный район в сумерки, и поэтому подниматься в горы начальник штаба дивизии мне запретил, поставив задачу начать атаку с утра. Разведывательная рота с наступлением темноты вышла из ущелья, потеряв 12 человек убитыми. Из беседы с командиром разведроты я установил, что оборона подготовлена в инженерном отношении и имеет хорошо организованную систему огня. Решил двумя взводами занять боковые хребты ущелья, а одним взводом идти боевыми группами по его дну. Всего было созда-

по пять групп по 4—5 человек. Ночью с частью сил роты я поднялся на хребты ущелья и занял их. Окопы оказались пусты, так как мятежники спустились вниз за водой и для приема пищи. Оставшиеся два сторожевых поста противника были сбиты вниз. К утру два взвода роты заняли подготовленные окопы душманов и своим огнем обеспечили действия пяти боевых групп внизу.

Успех этого маневра, я считаю, в том, что раньше наши подразделения в ночных условиях в горы не поднимались, для мятежников это оказалось неожиданным. В первый день моя и две разведывательные роты, которые действовали по склонам хребтов, продвинулись на 100 м вглубь и, неся незначительные потери, сумели захватить много оружия и продовольствия. На ночь рота осталась на достигнутом рубеже. Я приказал собрать ночные прицелы разведчиков. Используя их, мы одиночными выстрелами уничтожили 15 мятежников. Рота, как потом выяснилось, захватила участок местности с единственным источником воды и не давала возможности противнику пополнить ее запасы. Через день прибыл мотострелковый батальон в составе двух рот, что позволило блокировать ущелье полностью. За трое суток батальон захватил ущелье и расположенные в нем склады».

Боевые действия в Афганистане, как правило, носили динамичный и высокоманевренный характер.

При невозможности применения обходящих отрядов, когда условия местности исключали любой маневр, кроме фронтальной атаки, создавались штурмовые группы. Состав такой группы мог быть 10—15 человек (6—7 автоматчиков, 1—2 пулеметчика, снайперы, огнеметчики и саперы). Группа в свою очередь делилась на подгруппы. Задачами штурмовой группы обычно являлись скрытное выдвижение к объекту атаки, наблюдение и выявление точного местонахождения огневых средств в опорном пункте, целеуказание артиллерии, авиации, огневое подавление мятежников в укрытиях своими средствами, во взаимодействии с атакующими с фронта подразделениями уничтожение противника в его спорном пункте и овладение им.

Применение штурмовых групп для решения внезапно возникающих задач в ходе ведения боевых действий было реальной необходимостью, считает майор

В. И. Орлов, проходивший службу в Афганистане командиром парашютно-десантного батальона.

В мае 1982 г. для захвата ущелья Куид в Панджшере необходимо было овладеть господствующей горой Джауман.

Противник хорошо оборудовал ее в инженерном отношении, а также использовал естественные укрытия, особенно пещеры. Продуманная система огня не позволяла с ходу овладеть ущельем и тем более захватить гору Джауман. Местность в этом районе была благоприятной для противника: с запада — река Панджшер с высокими обрывистыми берегами, с севера — глубокое ущелье, с востока — ледник. На высоте находилась огневая позиция крупнокалиберного пулемета. Расчет пулемета охраняли восемь автоматчиков.

Захват позиции осуществлялся ночью. Была создана штурмовая группа во главе со старшим лейтенантом Чурбановым. В связи с тем что шли уже двенадцатые сутки боевых действий, при подборе солдат обратили особое внимание и на такую деталь, как состояние ног и обуви бойцов. Каждый из состава группы имел радиоприемник, позволяющий прослушивать радиосеть командира батальона и принимать команды командира группы. С собой взяли только самое необходимое.

Группе предстояло подняться незаметно по труднопроходимой стороне высоты и уничтожить огневую точку мятежников. Для отвлечения внимания противника главные силы батальона получили задачу периодически имитировать атаки высоты с фронта и вести беспокоящий огонь из стрелкового оружия.

С наступлением темноты группа начала выдвижение. Выдерживать направление движения в горах, да еще ночью, очень трудно. Поэтому когда командир группы терял ориентацию, то немедленно докладывал об этом командиру батальона. По команде комбата главные силы батальона открывали интенсивный огонь, криками «ура» имитировали атаку, трассирующими пулями указывали направление на огневую точку противника. Мятежники открывали ответный огонь и тем самым демаскировали себя. Штурмовой группе удалось незаметно подняться на высоту. Атака явилась полной неожиданностью для противника.

К утру батальон выполнил задачу, овладев всем ущельем.

Одним из самых распространенных способов боевых действий в течение всего периода пребывания советских войск в Афганистане были засады. Они проводились в целях воспрепятствования пополнения формирований оппозиции подготовленными и прошедшими обучение мятежниками из-за границы, снабжения их оружием, боеприпасами и другими материальными средствами, а также в целях уничтожения мелких групп противника, захвата пленных, документов и образцов оружия. Для проведения засады применялись взвод или рота, в отдельных случаях батальон, усиленный саперами. Не раскрывая всех тонкостей действий подразделений в засаде, отметим только, что они требовали от командиров и всего личного состава тщательной подготовки, хорошего знания местности и тактики действий противника, военной хитрости и разумного риска.

Об одной из таких засад, проведенных в августе 1980 г., рассказывает майор Н. А. Литош.

«Группа, выделенная в засаду, состояла из 25 человек. Солдаты имели приборы ночного видения и приспособления для стрельбы ночью. Еще до наступления темноты, используя овраг, они незаметно вышли к предгорью. Когда стало совсем темно, подразделение, предварительно разбитое на две подгруппы, находилось в районе проведения засады. Не успели мы еще занять свои места, как внизу, на удалении 80—100 м, появились мятежники, вооруженные стрелковым оружием. При свете луны, освещавшей местность, мы насчитали 18 вооруженных людей. Внезапным кинжальным огнем «духи» были уничтожены, не успев оказать организованного сопротивления».

По-прежнему проводились засады в пустынях, в приграничных с Пакистаном и Ираном районах. Вот как, например, это происходило в парашютно-десантном батальоне, которым командовал подполковник В. И. Гладышев.

В подразделении для проведения засад был сформирован специальный взвод из числа наиболее физически подготовленных солдат и сержантов в количестве 22 человек. Как правило, группа высаживалась на вертолетах в 5—10 км от места засады за 20—30 минут до захода солнца. С наступлением темноты она

выходила в назначенный район. Места засад выбирались вблизи мостов, переправ, колодцев, на перекрестках или развилках дорог.

В августе 1982 г. в 2 км восточнее населенного пункта Марджа было решено выставить засаду. При выходе в назначенный район у моста обнаружили секрет мятежников из двух человек. Выждав, когда секрет переместился от моста в сторону на 300 м, десантники скрытно выдвинулись к тропе. Около трех часов ночи к мосту подъехал трактор с тележкой, в которой находилось свыше 20 мятежников. Внезапным сосредоточенным огнем противника уничтожили. В бою захвачены миномет, один крупнокалиберный и пять ручных пулеметов, более десяти винтовок и автоматов, большое количество боеприпасов. Группа без потерь вернулась в расположение части.

Засады как способ действий подразделений часто применялись не только советскими войсками, но и отрядами афганской оппозиции. Мятежники устраивали их на маршрутах движения войск в узких местах, где затруднен или невозможен объезд остановившейся машины. При этом минировались дороги, устраивались завалы и разрушалось дорожное полотно. Причем мятежники имели определенное преимущество перед советскими войсками при проведении засад. Так, если советские подразделения выходили к месту засады, как правило, ночью и не успевали оборудовать окопы, то мятежники имели возможность заблаговременно подготовить огневые позиции, провести тщательную рекогносцировку местности, путей отхода и мест последующего сбора. Все это вынуждало советское командование отвлекать значительные силы и средства на охрану маршрутов движения колонн, прежде всего дороги Хайратон — Кабул — афганской Дороги жизни.

Помимо непосредственного охранения колонн с военными и народнохозяйственными грузами на всем протяжении трассы в особо опасных местах располагались опорные пункты, в которых находились подразделения в составе от отделения до роты. Но и они не в состоянии были обеспечить полную безопасность автоколонн, так как находились друг от друга на расстоянии 2—5 км. В связи с этим советское командование вынуждено было для сопровождения транспортных колонн привлекать боевые подразделения.

До начала сентября 1983 г. колонны на участке Кабул — Вулусвали сопровождалась одной ротой парашютно-десантного батальона майора В. А. Дёгтева на 6—7 бронетранспортерах с саперным отделением. Наиболее опасным здесь был 12-километровый участок, где сады и виноградники подходили на 50—100 м к дороге. Вблизи протекала река Логар, на берегу которой были вырыты окопы на 10—12 человек, имевшие скрытые подходы. На этом участке колонны двигались со скоростью 2—3 км/ч вслед за проверяющими дорогу саперами. Все это создавало хорошие возможности мятежникам устраивать засады в любом месте этого участка. 5 сентября 1983 г. колонна топливозаправщиков, сопровождаемая парашютно-десантной ротой, дважды попала в засаду. Командир батальона вынужден был направить на усиление еще одну роту. Около трех с половиной часов колонна прорывалась сквозь огонь врага, потеряв при этом 12 автомобилей и 2 бронетранспортера. Подобные действия мятежников вынуждали советское командование усиливать состав охранения колонны. На этом же участке в последующем при проводке колонны пришлось использовать парашютно-десантный батальон в полном составе. Но, несмотря ни на какие трудности, колонны продолжали идти, доставляя все необходимое не только советским войскам, но и мирным жителям Афганистана. Какой ценой это достигалось, говорятobeliski, появившиеся на обочинах афганских дорог в память о погибших советских воинах.

При проведении крупномасштабных боевых действий, как правило, применялись тактические воздушные десанты. Боевые действия в Афганистане полностью подтвердили их возросшую роль как основного способа доставки подразделений в труднодоступные горные районы и переброски их с одного участка на другой. Десанты применялись как одиночно (взвод, рота при высадке на одну площадку), так и массированно. Перед десантированием подразделениям ставились различные задачи: локализовать в короткие сроки несколько отдельных районов, разобщить группировки мятежников, нарушить их централизованное управление, лишить возможности организованного сопротивления, совершения маневра, отхода в труднодоступные горные районы и в целом в короткие сроки ликвидировать группировку мятежников по ча-

стям. Только благодаря стремительным, дерзким действиям подразделений, высаженных вертолетами в центр душманского лагеря Мармоль, что на севере Афганистана, удалось вызволить из плена советских гражданских специалистов зимой 1983 г.

Состав десанта мог быть различным в зависимости от решаемой задачи и условий обстановки — от взвода до батальона со средствами усиления. Десантирование осуществлялось вертолетами Ми-8. Перед высадкой десанта по намеченным площадкам десантирования наносился авиационный удар или, если позволяла обстановка, проводился артиллерийский налет.

Высадка десанта — очень сложное и рискованное дело, особенно в горах. Вертолеты в высокогорных районах могли брать на борт строго ограниченное количество десантников, в отдельных случаях — не более четырех человек. При этом повторная высадка из-за резкой смены погоды или по иным причинам могла и не состояться. Поэтому во всех случаях группы создавались таким образом, чтобы они могли действовать определенное время в отрыве от главных сил десанта.

Особенно трудно приходилось подразделениям первой волны, которые захватывали площадки и обеспечивали высадку главных сил десанта. Для этого подбирались наиболее подготовленные, опытные, физически крепкие и смелые люди. Не всегда вертолет имел возможность приземлиться, иногда приходилось выпрыгивать из него с высоты 2—3 м и сразу же вступать в бой. Эффективность применения десантов зависела от внезапности его высадки, стремительного выхода к назначенному объекту захвата и решительных действий всего личного состава.

«В мае 1985 г. парашютно-десантный батальон, которым я в то время командовал, — рассказывает майор В. Г. Чебаненко, — в ходе совместных с подразделениями афганской армии боевых действий в провинции Купар получил задачу на действия в качестве воздушного десанта. Батальон десантировался на одну площадку, с которой он во взаимодействии с другими подразделениями должен был блокировать ущелье и обеспечить его прочесывание афганскими войсками. Одновременно нам ставилась задача заминировать возможные пути отхода мятежников.

В шесть часов утра подразделение, используя удары авиации и артиллерии, передовым отрядом в составе парашютно-десантной роты высадилось на площадку. Обнаружив десант, противник открыл по нему огонь из стрелкового оружия. Командир роты старший лейтенант Кукуниц, умело управляя подразделением, организовал эффективное поражение огневых средств противника и обеспечил посадку транспортных вертолетов со второй волной десанта. Приданные батальону авианаводчик и артиллерийский корректировщик в это время корректировали огонь боевых вертолетов и артиллерии. Согласованные действия десантников, авиации и артиллерии позволили роте сбить противника с господствующих высот, обеспечить не только посадку вертолетов на свою площадку, но и десантирование соседнего батальона и без потерь выполнить боевую задачу.

Такие примеры могут привести многие «афганцы», ведь в десант шли не только десантно-штурмовые и парашютно-десантные подразделения, но и мотострелки. В их состав включались также минометчики, саперы, медки, связисты. Несмотря на всю сложность и опасность этого дела, авторы книги не помнят случая, чтобы кто-нибудь из бойцов струсил и отказался в нем участвовать. Скорее наоборот, каждый стремился попасть именно в первую, наиболее опасную, волну десанта. Вот если бы некоторые наши журналисты хоть раз высадились под огнем «духов» на горный хребет, тогда бы не надо им было описывать афганскую войну «с мистической стороны», как это довольно красочно делали иные журналисты.

Таковы лишь некоторые эпизоды из боевых будней ограниченного контингента советских войск. Приведенное выше, конечно, не в полной мере раскрывает все способы и тактические приемы боевых действий, которые применяли наши подразделения в Афганистане. Над этим еще предстоит поработать военным специалистам. Важно, чтобы тот опыт, который был оплачен столь дорогой ценой, не был забыт, чтобы он стал достоянием каждого советского воина. Нет, не только сады сажали наши парни в Афганистане. Жестокие, кровопролитные бои с хорошо вооруженным и умелым врагом — это тоже реальность афганской войны. Были на этой войне и блестяще выигранные бои, были и поражения. На то она и война.

В последнее время появилось достаточно большое количество книг, публикаций, фильмов, рассказывающих об «афганцах». К сожалению, в основном они показывают наших военнопослужащих жестокими, с какой-то извращенной психикой. Это — клевета! Да, они видели смерть, прошли закалку огнем. «Но, видя смерть, горе, разрушения, — пишет генерал-майор запаса К. М. Цаголов, — они не очерствели душой. Более того, они сохранили доброту души, любовь к людям, сопричастность к человеку в его горе. Они готовы прийти на помощь любому, оказавшемуся в тяжелом положении, защитить незаслуженно обиженного. Война не сделала из них тупых исполнителей, уповающих только на авторитет силы».

Поэтому раздающиеся в настоящее время из уст некоторых «правдолюбов» призывы коллективного единодушного покаяния преследуют цель дискредитировать добрые и светлые дела нашего солдата в Афганистане. Ограниченный контингент никогда не ставил перед собой только чисто военные задачи, наоборот, очень много, особенно в 1986—1988 гг., помогал афганскому народу в решении экономических задач. Только за 1988 год, например, совместными действиями подразделений афганских вооруженных сил и советских войск населению были розданы предметы первой необходимости (81 наименование) на сумму 260 млн. рублей.

Советский солдат входил в Афганистан и выполнял там задачи с полным сознанием своей международной миссии, с искренним желанием помочь нашему южному соседу — афганскому народу.

2. Опаленные войной

Многие корреспонденты назвали 15 февраля 1989 г. днем историческим. Все советские газеты, радио и телевидение широко освещали последний день вывода войск. Писали о героях, отдавали дань памяти павшим, крайне осторожно высказывались о перспективах развития обстановки в Афганистане.

Просматривая старые подшивки газет и журналов, анализируя печатавшиеся об Афганистане и советских войсках материалы, можно, пожалуй, выделить несколько этапов в освещении афганских событий.

С декабря 1979 г. до конца 1980 г. советские га-

зеты, помещая на своих страницах довольно трезвые отчеты о численности мятежников, об их силе, сводили тем не менее роль советских войск в Афганистане исключительно к участию в мирном строительстве. В типичной для того времени статье говорилось: «Когда бандиты разрушили школу в кишлаке Чауганш, старший лейтенант А. Зайцев с группой советских солдат предложили свою помощь. Советские умельцы сделали 100 столов и 130 скамеек». Если верить средствам массовой информации того времени, советские солдаты в Афганистане занимались в основном посадкой деревьев, строительством школ, больниц и мечетей для афганцев, проводили совместно с местным населением митинги, после которых неграмотные, забытые дехкане прозревали и проводили массовую запись в госкооперативы. Банды мятежников, как их тогда называли, одна за другой переходили на сторону новой власти. Многие советские люди верили этому. Хотели верить! Соответственно стали формироваться и представления об «афганцах» как о людях, получавших за рубежом большие деньги. Не раз приходилось слышать семьям офицеров и гражданских специалистов, находившихся в Афганистане, завистливые слова обывателей: «Хорошо им там. Деньги лопатой загребают».

К сожалению, и это надо откровенно признать, повод для таких представлений подавали и те, кто побывал в Афганистане. Начиная с 1980 г. в комиссионных магазинах в большом количестве появились товары, привезенные из этой страны. Отсутствие строгого таможенного контроля на советско-афганской границе, обстановка начальственной вседозволенности способствовали росту контрабанды. Дух стяжательства и накопительства, распространившийся в обществе, не мог не затронуть и армию. Процик он и в солдатскую среду, и в среду командного состава, распространился и среди гражданских специалистов. Однако в советской прессе об этом не писалось. Те судебные процессы, которые проходили над солдатами и офицерами, прапорщиками и генералами, остались неизвестными для общественности. И хотя их было не так уж и много, отсутствие гласности рождало слухи, которые, передаваясь из уст в уста, формировали общественное мнение.

Шло время. Все больше стало появляться на кладбищах могил воинов, доставленных из Афганистана в

цинковых гробах. Все тяжелее стало замалчивать реальное положение дел. «Афганцы», возвратившиеся домой, разносили во все уголки Советского Союза правду об этой войне. Страшной была эта правда, не все хотели в нее верить.

Советские средства массовой информации продолжали хранить молчание о реальном положении в Афганистане. Материалы, которые стали появляться в газетах и журналах со второй половины 1981 г., рассказывали о том, как подразделения советских войск в ходе «тактических занятий» умело выгрызают «бой», громят «противника» (это последнее слово всегда бралось в кавычки), за что командиры и солдаты награждаются высокими государственными наградами. Характерна в этом отношении рубрика «На земле Афганистана», появившаяся в газете «Красная звезда». Например, пояснение к фотографии, помещенной в газете 10 июля 1982 г., гласило: «Мотострелки эффективно используют каждую минуту учебного времени, здесь хорошо организовано соревнование, повысилось число отличников боевой и политической подготовки, классовых специалистов. В ходе тактических учений, полевых занятий гвардейцы, мотострелки на новую ступень подняли боевую готовность подразделений». На снимке был запечатлен старший лейтенант Н. Акрамов. О том, какие в то время проходили «тактические учения» и «полевые занятия», читателю уже известно из рассказа самого Наби Махмаджановича, Героя Советского Союза.

Или другая фотография. Над картой склонились капитан Р. Аушев, подполковник Е. Высоцкий, майоры Г. Крамаренко и А. Сушицкий. Газета сообщает: «Недавно в провинции Каниса душманцы взорвали мост через горную реку Панджшер. Банду разгромили. И сразу встал вопрос о восстановлении моста... На помощь горцам пришли советские воины, выполняющие интернациональный долг в Демократической Республике Афганистан. Плечом к плечу с рабочими, крестьянами, служащими, воинами Народных вооруженных сил ДРА они в сжатые сроки восстановили мост»¹. Из текста не ясно, кто разбил банду. Солдаты лишь помогали строить мост. Сейчас многим известно, что звание Героя Советского Союза Р. Аушев и Е. Высоцкий получили не за строительство мостов, хотя и этим делом им тоже приходилось заниматься.

Да что там говорить о репортажах, если даже в передовой статье «Красной звезды» от 4 июля 1982 г. под названием «Мужество» о действиях в Афганистане было сказано всего одним предложением: «Многими примерами мужества отмечена служба советских воинов, достойно выполняющих интернациональный долг в дружественном Афганистане!»

В других газетах и журналах информации об Афганистане было еще меньше. Роль частей ОКСВ в Афганистане продолжала освещаться как чисто подерживающая. Создавалось впечатление, что реальные боевые действия вела лишь афганская армия. Такое освещение событий глубоко оскорбляло советских воинов, вернувшихся из Афганистана. Как справедливо замечает писатель А. Проханов, «армии очень досадно было, что наши средства массовой информации не освещали ее действия, она страдала комплексом неполноценности, потому что ее успехи, ее достижения, большие и малые, все время приписывались афганской армии, а это несправедливо. Основной принцип социальной справедливости заключается в том, что человек или коллектив хочет, чтобы о его деятельности знали все, и он имеет на это право». Такое право у армии было отнято. В этом вряд ли следует обвинять корреспондентов и редакции газет и журналов. Не так уж много зависело от них во время всеобщих запретов и строгой цензуры.

В 1984 г. число материалов об Афганистане стало возрастать. Они отличались большей открытостью. В печати поднимались вопросы, вызывающие беспокойство в любом обществе. Это были проблемы, связанные с молодыми людьми, ставшими на всю жизнь инвалидами, и родителями, потерявшими своих сыновей.

Демократизация общества, начавшаяся в стране с 1985 г., позволила по-другому взглянуть на афганскую войну. Многие официально «узнали» о том, что это действительно трудная, кровопролитная война, что там гибнут советские парни и ордена они получают за бои отнюдь не с условным противником. Прорвав плотину запретов, на страницы газет и журналов хлынул поток материалов об Афганистане и «афганцах». Как и всегда в подобных случаях, многие из публикаций были поверхностными, не отличались глубиной проникновения в проблемы, поставленные этой войной.

Был создан такой образ бесстрашного, все знающего и все умеющего героя. При этом многое негативное оставалось за кадром, о плохом просто не писали.

После вывода советских войск из Афганистана тон публикаций в значительной степени изменился. Волна всеобщей критики нашего прошлого не обошла стороной и афганские события. Поток критических материалов захлестнул страницы газет и журналов. Стало чуть ли не правилом под видом объективности преподнести набор каких-либо фактов, выставляющих в неприглядном свете как сам ввод войск в Афганистан, так и отдельные события их пребывания там. Все это отразилось непосредственно и на самих «афганцах». Об этом с болью говорил на втором Съезде народных депутатов СССР воин-интернационалист С. В. Червонопиский: «До слез обидно, что тем, кто вне всякой очереди шел под душманские пули, на итальянские мины, под американские «Стингеры», приходится порой слышать из уст бюрократов от партии, советских, комсомольских и других органов уже ставшую почти крылатой фразу: «Я вас в Афганистан не посылал». Многие из тех, кто так заявлял, конечно, не посылали войска в другую страну. Они всегда могут, прикрыв глаза и показывая пальцем куда-то вверх, таинственным голосом сказать: «Это решение принималось там...» Однако, не снимая ни в коей мере ответственности с высшего руководства страны, следует откровенно признать, что во всех ошибках и провалах есть доля вины каждого.

Даже если свалить всю вину за неправильно принятое решение о вводе войск на четырех членов Политбюро, то ведь был еще июньский (1980 г.) Пленум ЦК КПСС и XXVI съезд партии. Почему же промолчали все те, кто сейчас в один голос заявляют, что были категорически против ввода войск? Меньше всего заслуживают упрека те восемнадцатилетние ребята, которые шагнули в огонь войны. Только ох как тяжело взять эту вину на себя! Куда проще выставить самих «афганцев» виновниками всего, чем отозвалось в мировом общественном мнении наше присутствие на земле южного соседа. Советские воины выполняли приказы, которые им отдавались от имени Родины. И не вина, а беда их в том, что они участвовали в этой войне. Беда, которая была оплачена их жизнями и здоровьем. Полуправда рождает слухи и спекуляции на

этих слухах. Следует сказать полную правду не только о причинах и мотивах ввода советских войск в Афганистан, но и о тех, кто побывал там. О тех, кто честно и самоотверженно выполнял свой воинский и гражданский долг, и о тех, кто прятался за спины товарищей, о тех, кто отдавал последний глоток воды, и о тех, кто воровал его у других.

Картина любых событий истории, в том числе и афганских, не может быть написана только одной краской — черной или белой. Война, какая бы она ни была, всегда дает множество примеров мужества, героизма, самопожертвования воинов и одновременно фактов трусости, малодушия и подлости. Не была исключением и эта. Были за долгие девять лет и убийства мирных жителей, и мародерство, и спекуляция, и еще многое другое, что вызывает у любого честного человека чувство презрения и негодования.

Рассказывая о бывших военнослужащих, отбывающих наказание в колонии за совершенные на земле Афганистана преступления, специальный корреспондент «Комсомольской жизни» Ю. Рогов приводит выдержку из письма Б. Джабборова, бывшего офицера, осужденного за умышленное убийство: «Нас, «афганцев», здесь много, от рядового до подполковника. Большинство осуждены, как и я, за убийство. Кого убили? Мы в тот момент были уверены — душманов, а оказалось после разбирательства, что это не так. Трагическая ошибка? Но тогда некогда было разбираться, потому что на войне как на войне — или ты, или тебя. Обстоятельства вынуждали действовать быстро и подчас жестоко, не раздумывая. Почему так говорю? Потому что повидал много смертей, потому что наши ребята часто гибли из-за своей доверчивости. Я не стал бы писать это письмо, если бы не заявление Генерального прокурора СССР об амнистии для всех, кто по тем или иным причинам попал в плен в Афганистане. Простили даже тех, кто изменил Родине — сначала продал оружие врагу, а затем и сдался ему, испугавшись трибунала. Их освободили от уголовной ответственности, они возвращаются домой, устраиваются на работу, женятся, обзаводятся друзьями. Жизнь у них налаживается. А мы? Мы в Афганистане потеряли все: воинские звания, награды, друзей, у многих распались семьи — не каждая жена станет ждать столько лет какого-то уголовника. Да-да, уголовника,

пначе не скажешь. Страшно думать о будущем, но еще страшнее о том, что с нами произошло. Неужели к нам так и не будет спихождения?»

Много вопросов поставлено в этом письме. Вопросы, которые режут по живому мозгу и сердцу. Впрочем, на последний вопрос ответ уже есть. Верховный Совет СССР принял постановление «Об амнистии совершивших преступления бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане».

«Руководствуясь принципами гуманизма, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Освободить бывших военнослужащих от уголовной ответственности за преступления, совершенные ими во время прохождения воинской службы в Афганистане (декабрь 1979 года — февраль 1989 года).

2. Освободить от отбывания наказания лиц, осужденных судами Союза ССР и союзных республик за преступления, совершенные во время прохождения воинской службы в Афганистане.

3. Снять судимость с лиц, освобожденных от наказания на основании настоящей амнистии, а также с лиц, отбывающих наказания за преступления, совершенные во время прохождения воинской службы в Афганистане»².

Итак, прощены все. Справедливость восторжествовала? Однако вряд ли такое мнение разделяют родители, вдовы и родственники тех, кто пал от рук убийц, или те, чьи жизни искалечили наркотики, контрабандно доставленные из Афганистана. Мы не собираемся сейчас обсуждать, а тем более осуждать, принятое постановление. Это закон, а законы, раз они утверждены высшим органом власти страны, надо выполнять, правятся они нам или нет.

Ответив на один вопрос, нельзя оставить без ответа другие, которые продолжают будоражить умы людей.

А. Седов, бывший майор: «Да, мы совершили преступления. Я убивал. Но почему же не посчитались с нашим прошлым, наградами, поощрениями за безупречную службу? Сейчас много говорят в печати о правовом государстве. Скажите, какое право имело государство посылать нас в Афганистан, на основании какого закона? Нет такого закона. И только сейчас признали, что это был опрометчивый и ошибочный шаг. Выходит, что мы — жертвы политической ошибки? Где же справедливость?»³

С. Филиппович, бывший капитан: «На преступления толкали сами обстоятельства. Если не сам совершишь, то запросто можешь оказаться его соучастником».

Сложные, противоречивые чувства вызывают слова осужденных. Да, они преступники. Они нарушили закон, поправ честь, достоинство людей, даже отняв у них жизнь. Но, может быть, они правы, «потому что на войне как на войне — или ты, или тебя»? Однако не укладываются в эту схему 14-летний Ака Ширин и 12-летний Калейб Голь, расстрелянные по приказу В. Г. Кузьмина с целью скрыть совершенный им грабеж. Обращаясь к делегатам XXVII съезда КПСС, В. Г. Кузьмин, приговоренный к высшей мере наказания — расстрелу, писал: «Находясь сейчас перед смертным приговором, анализируя свои поступки, я очень прошу вас понять и учесть, что мои преступления совершались на фоне той обстановки, которая была в то время в Афганистане. Две контузии, ранение, гибель моих товарищей, моих подчиненных на поле боя приводили меня и моих товарищей, многих наших бойцов и командиров, в неопределимое состояние — жалость к своим близким погибшим товарищам, какой-то мести за них».

«На войне как на войне — или ты, или тебя», «война все спишет», а если списать не удалось, то «на преступления толкали сами обстоятельства» и «мы — жертвы политической ошибки» — таков путь понимания осужденными «афганцами» своего предназначения и поведения в этой войне. Следовательно, если бы ввод войск в Афганистан не был признан политической ошибкой, то тогда они отбывали бы наказание справедливо, а раз это ошибка, то они вроде бы и не преступники, а «жертвы политической ошибки»? Странная логика. А ведь они большей частью не были трусами, не были жестокими людьми. Тот же В. Г. Кузьмин за мужество и отвагу был награжден медалью «За боевые заслуги», представлен к ордену Красной Звезды. До службы в Афганистане они имели отличные характеристики, были коммунистами и комсомольцами. Что же случилось? Потеря товарищей, рождающая безадресную жажду мести, психологическая усталость тому виной? Нельзя сбрасывать со счетов и такое обстоятельство. К большому стыду нашей науки, этими вопросами серьезно никто не занимался. Нельзя

же назвать исследованием те эпизодические набеги в Кабул, которые совершали военные психологи в целях сбора информации, почерпнутой, как правило, из отчетов и донесений.

Заманчиво и удобно списать все преступления на войну, высшее руководство страны и еще на что-нибудь такое, в чем лично не виноват, прикрывшись ими, апеллировать к общественному мнению: «Где же справедливость?» Только не верится такому пафосу бывшего майора А. Седова, не дают поверить материалы судебного дела.

«...Пьяный майор Седов приказал водителю отвезти его в другую часть, для того чтобы погулять... Взял с собой 3 бутылки водки, пистолет, пулемет...

Однако водитель, рядовой Артиков, понимая, что поездка на одиночной машине по этому участку дороги опасна для жизни, отказался выполнять приказание майора, в связи с чем Седов угрожал Артикову пистолетом.

После того как они выехали, Артиков, не желая беспричинно рисковать собой и жизнью своего начальника, заявил, что дальше не поедет. Седов вновь... направил на него пистолет... Воспользовавшись появлением возле машины солдата царандоя, Артиков выскочил из машины и встал рядом с афганцем, надеясь на его защиту.

Из машины грянул выстрел, афганский солдат упал, Артиков начал убежать. После второго выстрела он почувствовал сильную боль в ноге, упал и притворился убитым. Со стороны машины прозвучал третий выстрел (майор Седов добил упавшего афганского бойца.— *Прим. авт.*). После этого Седов подошел к лежавшему Артикову, перевернул его на спину... забрал из рук ключ зажигания и уехал»⁴.

Так кто же это — «жертва политической ошибки» или все-таки обыкновенный убийца?

А. Дубровский, бывший капитан: «Солдаты, да и кое-кто из офицеров, принимали наркотики не для удовольствия. Не каждый мог привыкнуть к изуродованным трупам своих товарищей. Вот и находили средство, чтобы забыться на время и успокоиться как-то»⁵. Красиво. Так и хочется воскликнуть: «Простите его! Дайте ему свободу!» Приговор трибунала рисует ясную картину.

Купив в Кабуле около 600 г опиума, Дубровский во

время командировки привез его в СССР и выгодно продал. Еще раз кушил в Кабуле опиум, героин, опять продал в СССР за 5600 рублей⁶.

При чем здесь «изуродованные трупы своих товарищей»? Требовать для Дубровского прощения и свободы что-то не хочется.

О каких «изуродованных трупах» думали младший сержант Бычек и рядовой Крутов, которые похитили и продали афганским гражданам пулемет ПКТ и 9400 боевых патронов к нему? Или рядовой Абдуллаев, когда продавал афганцам в обмен на спиртные напитки и электронные наручные часы 31 гранату? О тех своих товарищах, которые будут убиты проданным оружием? А может быть, об этом думали рядовые К. А. Дехтяренко и А. В. Денисов, продавая похищенные из части 4 пулемета ПКТ, 4 автомата и около 10 тыс. патронов, приобретя затем на вырученные от реализации деньги героин?

Подобных фактов можно привести немало, чем сейчас и занимаются многие журналисты. Но раскрывают ли они полную картину афганской войны, ими ли характеризуется облик советского воина в Афганистане? По данным военной прокуратуры, в 1983 г., например, за различные преступления, совершенные в Афганистане, всего было осуждено 559 военнослужащих, в том числе 67 офицеров, 59 прапорщиков и 433 солдата и сержанта. Численность ОКСВ составляла в это время немногим более 100 тыс. человек. Произведя несложный подсчет, можно определить, что число преступников составляло 0,56 процента от всех советских военнослужащих, находившихся в этой стране. Неужели эти 0,56 процента должны формировать общественное мнение о всех «афганцах»?

Война не делает одного человека героем, а другого — подлецом. Она только усиливает те моральные качества, которые заложены в каждом человеке с детства. Советская Армия является неотъемлемой составной частью советского общества. Естественно, что все то негативное, что было характерно для страны в целом, неизбежно проявлялось и в армии. Лакировка действительности, самодурство, унижение слабого, мздоимство и еще многое из того, чем больно было обществу, распространилось и на армейскую среду. «Афган» лишь давал повод считать, что «война все спишет».

Сможет ли война списать все? Сможет ли она все оправдать? Оправдать убийство группой Кузьмина пятерых афганцев? Или смерть младшего сержанта Кузенова от рук пьяного командира капитана Козлова? Сможет ли она оправдать сержанта А. С. Мамахалидова, который, находясь в нетрезвом состоянии, на почве личных неприязненных отношений застрелил сержанта Чернышова, или рядовых Миллера, Кондратьева и Гаммера, глумившихся над сослуживцами? Таким образом можно оправдать все что угодно. Однако почему не искал никаких оправданий майор Олег Александрович Юрасов?

Из представления гвардии майора О. А. Юрасова к званию Героя Советского Союза (посмертно):

«23 января 1989 г. при ведении боевых действий по разгрому бандформирований на Южном Саланге мятежники численностью более 100 человек, вооруженные минометами, ДШК, гранатометами, оказались окруженными в кишлаке Калатак. Во избежание кровопролития им было предложено сдаться. Главарь банды отверг ультиматум. Собрав мирных жителей, в основном женщин и детей, мятежники попытались под их прикрытием выйти из окружения.

Гвардии майору Юрасову была поставлена задача — с выделенным взводом скрытно осуществить обходный маневр и отсечь мятежников от мирных жителей. Выйдя в указанный район и оказавшись между мятежниками и мирными жителями, гвардии майор Юрасов вновь предложил бандитам сложить оружие. Мятежники ответили огнем по мирным жителям и десантникам».

Рассказывает кавалер ордена Красной Звезды гвардии капитан С. Крамской: «Никто сейчас не скажет, о чем думал в свой смертный час Олег Александрович. Но уверен в одном — думал не о себе. Беспокоился и о своих ребятах, и о мирных жителях. Взвод залег, когда душманы открыли огонь в нашу сторону. А Юрасов продолжал стоя отчаянно жестикулировать афганцам, растерянно метавшимся по руслу реки, чтобы они ложились»⁷.

У Юрасова было несравненно больше возможностей прикрыться обстоятельствами. Но вместо этого он пытался спасти мирных жителей. Сейчас в советской прессе преобладают материалы, показывающие изнанку афганской войны. Рассказывать о героях и

благородных поступках советских воинов на афганской земле стало не модно.

Правда нужна. Правда, а не сенсация. Говоря о преступлениях Кузьмина и Козлова, нельзя замалчивать подвиги О. Юрасова и Н. Шорникова. Рассказывая о заместителе начальника политического отдела главного военного советника полковнике А. А. Аракеляне, исключенном коммунистами из рядов КПСС (Главное политуправление СА и ВМФ ограничилось строгим выговором) за аморальное поведение, злоупотребление служебным положением и финансовые махинации, нельзя не сказать о командире полка, честном и порядочном человеке подполковнике И. В. Зубко.

Смелость и трусость, честь и подлость соседствуют друг с другом на войне так же, как и в мирной жизни. И их нельзя смешивать. Иначе можно поставить на одни уровень героя и труса, честного, порядочного человека и подлеца. А ведь многие уже готовы к этому.

Из прошения о помиловании В. Кузьмина: «Честным трудом, образцовым поведением поставлю себя на одну ступень с честными советскими людьми, сделаю все, чтобы можно было прямо смотреть людям в глаза».

Это не просто слова. За этим стоит вполне осязаемая вещь — удостоверение на льготы. А почему бы и нет? Ведь он тоже воевал. Следовательно, мы все одинаковы? Нет, не хочется такого «равенства».

Все «афганцы» разные. По-разному вели они себя на войне, неодинаково сложились их судьбы после возвращения из Афганистана. Это и понятно — сколько людей, столько и характеров, судеб.

Невозможно рассказать правду о всех «афганцах». Для этого надо написать не одну книгу. Авторы попытались поведать лишь о некоторых из тех почти шестистах тысячах советских военнослужащих, прошедших через огонь афганской войны. Говоря о них, авторы не были беспристрастными. Сами прошедшие через афганские испытания, мы не можем быть беспристрастными. Восхищаясь мужеством героев, склоняя головы перед памятью павших, невозможно в то же время заниматься лакировкой действительности. И если все же в большей мере речь шла о мужестве и благородстве советского воина, то только потому, что эти качества были присущи подавляющему большинству

ству «афганцев». Они не изменили ни присяге, ни дружбе, ни долгу. А верность неразрывна с честью, живущей в сердце каждого настоящего мужчины.

3. О мужестве, героизме и благородстве

Тысячи советских воинов показали в Афганистане образцы мужества и отваги. Однако слишком робко еще советская публицистика освещает этот вопрос. Зачастую люди, имеющие весьма смутное представление об этой войне, рассуждают о политических аспектах афганских событий, игнорируя мнение самих «афганцев». Упоенные собственной смелостью, ряд советских публицистов и писателей выступают с более радикальных позиций, чем журналисты Запада. Поднявшаяся на волне гласности всеобщая критика вольно или невольно затушевывает, а порой и очерняет героические дела советских солдат в Афганистане.

За мужество и отвагу, проявленные на земле Афганистана, 86 человек удостоились звания Героя Советского Союза, 103 военнослужащих Советской Армии награждены орденом Ленина, 1972 — орденом Красного Знамени. Всего же орденами и медалями Советского Союза отмечено около 200 тыс. советских воинов. Подавляющее большинство из них — 18—20-летние юноши. Это те ребята, которые еще за год-два до призыва в армию доводили до белого каления родителей, педагогов, людей старшего возраста. Ведь это та самая «испорченная» молодежь, которая, «кроме своего бешеного аморального рока, знать ничего не желает». Значит, все же не такой уж «никчемной» была эта молодежь, если 19-летний юноша А. Корявин прикрыл грудью своего командира от автоматной очереди душманов, если младший сержант Ю. Исламов, лейтенанты Н. Кузнецов и А. Демаков подорвали себя последней гранатой, предпочтя смерть плену. Подвиг, подобный подвигу Корявина, совершили в Афганистане младший сержант Х. Латыпов, сержанты Н. Кремениш и З. Члачидзе, старший сержант В. Коваленко. «Сам погибай, а товарища выручай!» — этот девиз русских чудо-богатырей подхватили воины 80-х гг. Своими делами они доказали, что достойны славы отцовых предков.

В ходе одного из боев подразделению под командованием старшего лейтенанта В. А. Кравченко была

поставлена задача: в составе вертолетного десанта высадиться в указанном районе и блокировать вход в ущелье, занятое мятежниками. Первыми десантировались командир и рядовой В. Арсенов. Противник тут же открыл по ним огонь. Раненный в ногу, Арсенов продолжал вести огонь по душманам, одновременно наблюдая за полем боя. Увидев, что один из мятежников целится в командира взвода, молодой солдат, преодолевая боль, бросился вперед и заслонил командира от вражеских пуль. Три автоматные очереди принял на себя солдат.

Демонстрируя образцы мужества и героизма, советские парни не думали о почестях и наградах. Они просто выполняли свой воинский долг, «просто делали дело» — как говорят многие из них. Но что стоит за этими словами? «Просто» — это жара за 50° С, пыль, от которой нет никакого спасения. «Просто» — это бесконечный подъем в гору с грузом, который, кажется, не в состоянии нести даже лошадь. И при этом постоянное напряжение нервов. Вот что стоит за этим.

Есть подвиг-всплеск, порыв души, когда человек идет на него почти автоматически. Но это не значит, что на такой поступок способен каждый. Он является закономерным итогом всей предшествующей жизни человека. Трус в повседневной жизни не способен на такой подвиг. Воины, закрывавшие своей грудью товарища в бою, не были трусами, поэтому они и стали героями.

Но есть подвиг, до совершения которого человек может взвесить ситуацию и выбрать тот или иной путь. В таком случае всегда есть выбор: верность долгу или предательство, храбрость или трусость, и уже только конкретно от каждого зависит, какой из них выбрать. Советские воины в абсолютном большинстве случаев выбирали первое. Попадая в критическую ситуацию, когда стоял вопрос — плен или смерть, советские воины сознательно жертвовали своей жизнью. Так погибли лейтенанты Н. Кузнецов и А. Демаков, старшие лейтенанты Н. Шорников и О. Онищук, младший сержант Ю. Исламов.

Старший лейтенант Олег Петрович Онищук и младший сержант Юрий Верикович Исламов погибли в одном бою. 31 октября 1987 г. разведывательная группа, которой командовал О. Онищук, обнаружила и уничтожила караван с оружием. На рассвете группа

была окружена мятежниками общей численностью до 200 человек. Завязался неравный бой. Когда подошли к концу боеприпасы, появились раненые, Ю. Исламов добровольно вызвался прикрыть отход группы на выгодный рубеж обороны. К нему присоединился рядовой И. Москаленко. Когда не стало патронов, в ход пошли гранаты. Оба они были уже ранены, но продолжали бой. Получив множество ранений, пал смертью храбрых И. Москаленко. Юрия окружили душманы. Не желая сдаваться в плен, собрав последние силы, младший сержант Ю. Исламов подорвал себя и бросившихся к нему озверевших от ярости душманов последней гранатой. Также подорвал себя гранатой и старший лейтенант О. Онищук, уничтожив при этом 7 мятежников.

Они были разной национальности: Олег Онищук — украинец, Юрий Исламов — узбек, Игорь Москаленко — русский. Но в критической ситуации они на деле продемонстрировали свои высокие моральные и волевые качества. Не было у них даже мысли делить своих товарищей по национальной принадлежности. Оскорблением памяти павших героев звучат сейчас призывы некоторых недалёковидных политиканов развести нашу армию по своим национальным территориям, нарушить интернациональное единство наших Вооружённых Сил. Никогда не понять это воинам, прошедшим суровую школу Афганистана. Вряд ли думал азербайджанец Икрам Алиев о национальности тяжело раненого товарища, когда, рискуя жизнью, выносил его, лежащего на открытой местности, из-под огня. Или украинец Иван Глебена, вынесший с поля боя раненого командира. Или армянин Хачатур Арсеян, спасший жизнь командиру роты. Наши воины в Афганистане, не щадя собственной жизни, выполняли свой долг.

В провинции Напгархар при возвращении с боевых действий боевая машина нехоты, которую вел рядовой М. П. Цхадиянвили, подорвалась на mine. Под огнём мятежников Мимука исправил повреждённую гусеницу и вывел машину из-под огня, оказал первую медицинскую помощь раненому товарищу.

Колонна, в составе которой вел свой автомобиль сержант М. Б. Эров, подверглась обстрелу мятежников в 10 км от населённого пункта Джабаль-ус-Сарадж. От разрыва гранаты машина загорелась. Несмотря на

полученные ожоги лица, кистей рук, ног, Мухиддин сумел вывести ее из-под обстрела, потушить огонь и вернулся на помощь товарищам. Он вел бой до тех пор, пока не потерял сознание.

При блокировании зоны, занятой мятежниками, разведывательная рота встретила яростное сопротивление. Огонь из «зеленой зоны» обрушился на разведывательный дозор и группу саперов, которые обеспечивали выдвижение основных сил. Тяжелое пулевое ранение получил командир саперного подразделения старший лейтенант Ю. В. Харитончик. На помощь ему бросился сержант В. Д. Штрак. Оказав командирю первую помощь, сержант попытался вывести его с поля боя, но был ранен в живот. Истекая кровью, В. Штрак огнем из своего автомата уничтожил огневую точку душманов, а затем вынес старшего лейтенанта в безопасное место и продолжал вести огонь по противнику. Когда кончились патроны, уничтожил душманов из оружия командира. Автомат замолчал лишь тогда, когда сержант потерял сознание.

Всеобщей любовью и уважением пользовались в Афганистане авиаторы. О их мужестве и отваге хорошо сказал, выступая на первом Съезде народных депутатов СССР, Герой Советского Союза полковник В. И. Очиров: «В тяжелейших условиях, какие бы обстоятельства ни были... когда ситуация складывалась так, что ни одного шанса при сильнейшем обстреле не было у экипажа для производства посадки или взлета, мы все равно шли на этот шаг, выручали наших товарищей независимо от национальности».

Во время боевых действий в ущелье Кагай (юго-западнее Пули-Хумри) потребовалась срочная его эвакуация. Местность была такой, что ни о какой посадке вертолета не могло быть и речи. И тем не менее авиаторы пришли на помощь. Уму непостижимо, каким образом вертолетчик сумел, зацепившись одним колесом за выступающий камень, удерживать неподвижно вертолет до тех пор, пока солдат не был внесен в машину.

В ходе боевых действий в ущелье Кагай (юго-западнее Пули-Хумри) потребовалось эвакуировать раненого советского воина. Шел бой. В этих условиях пара вертолетов буквально прокралась по узкому ущелью и под огнем мятежников смогла забрать раненого.

Фамилии этих пилотов неизвестны. Сами они не любят распространяться о своих подвигах, да и не считает свои дела подвигами. Они «просто делали дело».

А сколько выдержки, мужества требовалось летчику, чтобы спасти израненную в бою машину! Заместитель командира эскадрильи штурмовиков майор А. Обрезков 28 июля 1987 г. в районе населенного пункта Суруби обнаружил караван с оружием. После выполнения атаки самолет Обрезкова был подбит ракетой «Стингер». Вспыхнул пожар в правом двигателе, отказали все пилотажно-навигационное оборудование, система электронного питания, связь. По всем требованиям инструкции пилот обязан покинуть самолет, он имел на это полное право. Но Анатолий Иванович решил иначе. Хладнокровно оценив ситуацию, он бортовыми средствами потушил пожар, на одном двигателе продолжил полет и успешно посадил самолет на запасном аэродроме Кабула.

Не меньшим уважением, чем авиаторы, пользовались в Афганистане и саперы. Всегда впереди, «опережая первых», как говорили они, и нельзя даже на минуту отвлечься, посмотреть по сторонам — таков был их удел. От их выдержки, внимания и профессионального мастерства зависела жизнь тех, кто шел за ними.

Рядовой Н. Ф. Осипов при проводке колонны находился в отряде обеспечения движения. Двигаясь по маршруту первым, он внимательно проверял дорогу на наличие мин. На узком участке им был обнаружен тщательно замаскированный фугас. Когда Николай приступил к обезвреживанию смертоносной находки, душманы открыли огонь. Завязался бой. Поддержанные огнем бронегруппы, саперы продолжали свою работу. Рядовой Н. Осипов снял 4 противотанковые мины и обезвредил 6 мин-ловушек. Благодаря смелым и решительным действиям саперов колонна была без потерь выведена из опасной зоны.

А какими словами благодарности можно выразить признательность военным медикам за тот титанический труд во имя спасения советских воинов? Только тот, кто был на войне, может в полной мере оценить их подвиги. Они нередко делали то, что и в хорошо оснащенных клиниках сделать казалось невозможным. Тысячи советских бойцов обязаны им своей жизнью.

Ударившись о камни, мина разметала вокруг себя

множество осколков. Упал раненый комбат майор А. Аушев. Не мог подняться и боевой комиссар капитан И. Туаев. Тяжело опустился на землю старший лейтенант медицинской службы В. Козлов. Как врач, Козлов понимал: надо немедленно оказать помощь раненым. Но как? Рана отдаёт во всем теле режущей болью, омертвевшая нога — осколком перебит нерв — словно чужая. Преодолевая боль, движимый сознанием своего долга врача, он все же сделал свое дело, оказал медицинскую помощь раненым.

Потом был путь вниз. Долгий, мучительный. Двое солдат несли комбата. Козлов, истекая кровью и теряя последние силы, волоча за собой, словно плеть, безжизненную ногу, ползком тянул на себя замполита. А когда ползти стало невмочь, лег на спину, сверху, как на волокушу, положил на себя капитана, обнял его и, превратив себя в салазки, заскользил по склону.

Афганистан раскрыл еще одну черту советского воина, воина-интернационалиста. Воспитанные в духе социалистического интернационализма, на героических примерах советских людей, сражавшихся в Испании и на Халхин-Голе, освободивших народы Европы от фашизма, советский солдат пришел в Афганистан не как завоеватель. Это признают даже некоторые западные авторы. Так, М. Урбан в книге «Война в Афганистане» приводит высказывание одного из западных кинорежиссеров, посетившего в 1981 г. Кандагар: «Советы и не пытаются воевать, тем более одержать победу в этой войне». И хотя воевать нашим войскам все же пришлось, но воевали они против вооруженных отрядов оппозиции, а отнюдь не против мирных жителей. Тем более нелепо выглядят заявления некоторых советских писателей и публицистов, прямо или косвенно пытающихся очернить героизм воинов-«афганцев». Нет, не завоевателем пришел в Афганистан советский солдат. И не его вина в том, что он оказался в этой южной стране в результате неверно принятого политического решения.

О мужестве и благородстве советского солдата могут поведать многие афганцы, которые неоднократно говорили: «Танакор, шурави» («Спасибо, русский»). Советские воины всегда были готовы прийти на помощь афганским гражданам, бойцам вооруженных сил Республики Афганистан.

Была полночь, когда дежурный разбудил команди-

ра вертолетной эскадрильи В. Посова и доложил: «В горах душманы атаковали подразделение афганских войск. Нападение отбито. В бою ранено несколько офицеров и солдат. Просят помочь». Спустя несколько минут Ми-8 поднялся в воздух. Внизу — крошечная тьма, томительно тянутся минуты. Наконец экипаж заметил внизу костры. Носов направил машину туда. Но тут из ближайшего распадка потянулись к вертолету огненные светлячки — огрызались пулеметы отступивших душманов. Командир маневрирует по курсу и высоте — проскочили опасное место. Сложно приземлять вертолет на крохотную высокогорную площадку, но еще труднее сделать это ночью, когда нельзя даже включить посадочную фару. Так и селились при свете костров и луны...

В советский военный госпиталь раненых доставили своевременно. Позже один из спасенных, младший лейтенант Саид, назвал только что родившегося сына именем командира экипажа — Виктором.

Лейтенант медицинской службы А. Липев был в составе подразделения, сопровождавшего транспортную колонну с продовольствием для афганского населения. На одном из самых трудных участков дороги мятежники устроили засаду и напали на колонну. Завязался неравный бой. На помощь советским воинам пришло подразделение афганских пограничников. В ходе боя было ранено несколько афганских солдат, которых сразу доставили в пункт сбора раненых, наскоро оборудованный в углублении под большой скалой.

А. Липев со своими помощниками санитарструкторами сержантом С. Шариповым и рядовым Г. Файзулиным уже находились там и сразу же начали оказывать помощь афганским товарищам. Противник засек это место и открыл по нему пулеметный и минометный огонь. Осколком ранило рядового Г. Файзулина. Лейтенант А. Липев уничтожил огнем своего автомата четырех мятежников, а затем прикрыл эвакуацию раненых в безопасное место. Сам военврач был ранен в живот, однако продолжал вести бой, пока душманы не были отбиты полностью. Рана Андрея оказалась смертельной. Цепой собственной жизни лейтенант А. Липев спас жизнь афганским пограничникам.

Связист рядовой К. Коков доложил командиру роты старшему лейтенанту С. Булычеву, что на их частоте

работает афганская армейская радиостанция. Командир подозвал рядового А. Шадиева, владевшего языком дари, и тот моментально перевел тревожное сообщение, звучавшее в эфире. Оказалось, что афганское подразделение вело тяжелый бой с душманами в нескольких километрах от того места, где действовало советское подразделение. Старший лейтенант С. Булычев принял решение — идти на помощь афганским воинам.

Прибыв на место боя, советский офицер понял всю сложность положения, в котором оказались афганские воины. Все огневые точки противник хорошо замаскировал и укрепил. И тогда С. Булычев принял решение. Он направил десять своих подчиненных в обход, чтобы они атаковали мятежников с тыла. Это было сделать непросто. Путь пролегал большей частью под огнем душманских снайперов. В этой группе смельчаков был и рядовой А. Шарнаев, самый лучший стрелок из гранатомета. Ему предстояло поразить основные огневые точки мятежников.

Пока обходящий отряд карабкался по скалам, остальные воины вместе с афганскими товарищами вели огонь по пулеметным точкам. Здесь же, прямо на поле боя, советский военный медик прапорщик В. Ложкин оказал первую медицинскую помощь афганцам Юнусу Ахмаду и Асадулле.

Но вот в тылу мятежников начали рваться гранаты... Это советские воины достигли своей цели. Увидев, что их положение становится опасным, душманы поспешно бежали в глубь ущелья, бросив оружие, боеприпасы и убитых.

После боя командир афганского подразделения старший лейтенант Г. Гулам поблагодарил советского офицера С. Булычева за оказанную боевую поддержку.

«Благодарности заслуживаю не я, — ответил советский офицер, — а солдаты моего подразделения. Они действовали так, как им велел долг, поступили так, как положено людям, связанным узами боевого братства».

Взвод под командованием гвардии лейтенанта С. Камбарова двигался по гребню. Впереди и чуть ниже, среди камней, вел бой взвод афганских воинов. Еще темно, и они, казалось, сбросят бандитов в ущелье. Но этого не случилось. Зенитная горная установка душманов заставила атаковую цепь прижаться к скалам. Камбаров видел, как споткнулся перебегающий от ук-

рытия к укрытию сарбаз — афганский солдат. Выпустил из рук оружие второй...

Санструктор гвардии младший сержант Н. Курбанов бросился на помощь раненым афганским воинам. Прикидывая на глаз дистанцию, он успевал добежать до очередного укрытия, прежде чем враги ловили его на мушку.

Перевязав двух солдат, он вытащил их в безопасное место. Теперь — к третьему. Афганский боец лежал на открытом участке местности. Вокруг него взлетали фонтанчики пыли. До раненого было метров пятнадцать, не больше. Выждав, когда стрельба на мгновение стихла, Надир бросился вперед. Наши десантники прикрывали его как могли. Назад к укрытию путь был еще труднее.

Наложив жгуты, Курбанов достал шприц-тюбик с обезболивающим средством. Раненый сжал стиснутые зубы, открыл глаза.

— Будешь жить! — улыбнулся Надир. — Не шевелись. Ты потерял много крови...

Неоднократно советские воины приходили на помощь мирным жителям. Нередко это было связано с реальной угрозой для жизни. Но они шли на риск, чтобы отвести беду.

Кто был в Афганистане, знает, что такое для крестьянина вода. Тенистые оазисы и зеленые долины существуют лишь там, где есть вода. Человеческую беду, которую приносит засуха, и решили использовать душманы как оружие против не покорившихся им дехкан.

Темной ночью прогрехотали взрывы. Огромная масса воды, до того питающая поля, мощным валом устремилась из разрушенной диверсантами плотины в низовья. Водохранилище стало стремительно мелеть. Попытавшиеся проехать к месту диверсии афганские специалисты вынуждены были вернуться: их машина подорвалась на mine. Группа советских саперов во главе с офицером М. Свистом получила приказ выехать на разминирование проходов к плотине и самой плотины. Путь к ней был один — через ущелье. Шесть километров тянется оно, и уже на первых метрах сержант Ф. Лесив обнаружил мину. 17 мин снял воин на подходе к плотине. Еще 11 — на счету ефрейтора А. Олматова, 8 — младшего сержанта Д. Бегжапова. Несколько дней длилась напряженная работа саперов. И вот наконец долгожданный доклад: «Проверено. (Мин

нет!» Путь строителям, ремонтникам и ирригаторам был открыт. Вскоре вода вновь пошла на поля, неся людям жизнь.

Советский летчик капитан И. Бухтыревич завершал свой полет. Самолет находился над населенным пунктом Суруби. Но когда уже следовало идти на посадку, самолет был обстрелян мятежниками, загорелся один из баков с горючим. Инструкция предписывала немедленно воспользоваться аварийным вариантом и избавиться от горящего бака, сбросив его на землю. Но как мог это сделать И. Бухтыревич, если знал, что внизу — там, куда упадет сброшенный бак, город, люди...

Советский летчик принимает решение — не сбрасывать горящий бак, удержать самолет на высоте и увести его как можно дальше, за черту города. И. Бухтыревич знал, что, поступая так, рискует жизнью: в любую минуту пламя могло охватить машину. Но советский летчик знал и другое — только ценой своей жизни можно спасти многих людей. Капитану Бухтыревичу удалось увести свой самолет за черту города и покинуть горящую машину, когда уже вот-вот должен был раздаться взрыв.

Заместитель командира авиационного полка подполковник И. Ф. Пьянзин вылетел на воздушную разведку окраины Кабула, откуда душманы пытались вести обстрел города. Полет проходил ночью, пилотирование — по приборам, внизу светился огнями большой город. Вертолет совершил два круга, пошел на третий, и в этот момент зенитная ракета врезалась в тело вертолета. Машина клюнула носом и огненным шаром устремилась к земле. «Прыгай!» — приказал И. Ф. Пьянзин оператору старшему лейтенанту А. Васильеву. Вертолет падал на жилой квартал, где спокойно спали ничего не подозревавшие мирные люди. Казалось, что объятая пламенем машина неминуемо врежется в пятиэтажный дом, а это значило смерть для десятков людей. Но в последний момент Пьянзин сумел увести вертолет в сторону. Машина упала на небольшой пустырь между домами. С болью говорил Александр о Иване Федоровиче, ценой собственной жизни спасшем десятки афганцев, об его интернациональном подвиге: «В последнем огненном полете Иван Федорович рассчитал все удивительно точно, рассчитал сердцем, не оставив в этих расчетах только места собственному спасению».

Такие расчеты были характерны для советских вои-

нов. Во главу угла при этом ставилось спасение жизни мирных жителей.

...Автоматная очередь прошла тонкую стенку трубы, по которой перекачивалось топливо. Через отверстие ударил фонтан керосина, который тотчас вспыхнул. От него загорелся расположенный возле дороги дуكان. Из огня неслись детские крики: перед самым обстрелом в дуكان вошла группа афганских школьников. Первым бросился на помощь ребятишкам прапорщик И. Поляняко, оказавшийся поблизости. А через пару минут возле горящего дома остановился бронетранспортер. Из него быстро выбрался старший лейтенант С. Пикуль. Он последовал за прапорщиком. Вдвоем они вынесли из пламени всех попавших в беду детей.

На одном из участков дороги Кабул — Хайратон, на перевале Саланг, из-за обильного таяния снегов прорвалось Мертвое озеро, и маленькая речка Вуланг, протекающая через перевал, сразу же превратилась в бурный, сокрушающий все на своем пути поток. Многотонные глыбы камней, глину, песок вынесло на дорогу...

Селевой поток нанес серьезный ущерб, и местное руководство было вынуждено обратиться за помощью к советским войскам из гарнизона, находящегося неподалеку. В части сразу же была создана оперативная группа по ликвидации последствий селя. Через 20 минут после получения сигнала о бедствии группа была уже на месте. А через два часа инженерная техника двинулась к перевалу. Расчистить дорогу не представлялось возможным, и было принято решение — пробить объездную дорогу длиной в 400 м. Работы велись без минуты простоя. Самоотверженно трудились механик М. Комаров, С. Воробьев, В. Вашкин, элетросварщики Н. Арзуев, С. Рубан, бульдозеристы А. Рожков, О. Истимира, водители самосвалов А. Дубровцев и А. Карпенко.

На третий день движение на перевале было полностью восстановлено. Но расчистка основной дороги продолжалась.

В дело вступили советские саперы-подрывники под руководством офицеров С. Говорова и В. Илларионова. На девятый день и по основной дороге пошли колонны машин. По оценкам специалистов, при ликвидации

последствий схода селя было перемещено более 35 тыс. кубометров грунта и камней.

В Афганистане всегда остро ощущалась нехватка врачей, медикаментов и больниц. И здесь на помощь мирным жителям неоднократно приходили советские медики.

Большое, свыше двух тысяч человек, племя с безропотным послушанием следовало за вождем Абдул Рахимом. Все обращались к нему, непререкаемому авторитету, единственному, кто жил в городе и получил образование, не иначе, как «инженер Абдул Рахим». Когда племя стало перед выбором, чью сторону принять, выбрали мятежников. Так сказал Абдул Рахим.

Однако, как ни велика разобщенность между афганцами, живущими в горах, молва о земле, раздаваемой новой властью дехканам, об открывающихся школах, больницах дошла и сюда. Задумался и сам Абдул Рахим. Человек неглупый, он понимал, почему люди стали посматривать на него с недоверием. Борьба с государственной властью вела в никуда. Осиротели, остались без кормильцев многие семьи. Оскудел лавочник. Все чаще в дома стучалась смерть, болезни буквально косили людей. Больше всех страдали дети.

И Абдул Рахим пошел на переговоры... Одним из первых условий он выдвинул оказание медицинской помощи больным: не будет доктора — ни о каком переходе на сторону правительства не может быть и речи.

Вроде бы и пустячный ультиматум, но выполнить его властям оказалось не под силу. В этом горно-пустынном районе медицинской базы практически не существовало. У властей, ведущих переговоры с вождем племени, не оставалось иного выхода, как обратиться за помощью в советский госпиталь.

...Небольшая колонна из пяти боевых машин пехоты медленно углублялась в горы. В машинах — санитарные палатки, столы, кушетки, медикаменты.

Тот, кто принимал окончательное решение направить медиков в воинственное племя, только что выступавшее на стороне контрреволюции, отчетливо представлял, насколько опасен и рискован этот рейд милосердия.

Решили: в кишлак поедут добровольцы. Остановились на кандидатурах офицеров-медиков В. Пикитина,

М. Маткаримовой, медсестры Е. Камневой. Охрана — экипажи и десант пяти БМП.

Медпункт разбили на берегу горной речки в полу-сотне метров от крайнего дувала. Вокруг санитарных палаток, прикрывая их своей броней, встали боевые машины пехоты. Не исключалось, что главари сделают все, чтобы помешать большому племени перейти на сторону народной власти. Поэтому все мужское население кишлака, способное носить оружие, по распоряжению вождя также заняло позиции на внешнем кольце обороны.

За неделю медики приняли около пятисот больных, раздали необходимые лекарства. Провожали шурави более чем тепло. Преподнесли подарок — двух кур. Последнее, наверное, что имели.

Провинция Каписа. В начале весны на участке дороги между Ниджрабом на севере и Тагабом на юге в прилегающих к нему кишлаках было неспокойно. В эти дни мятежники совершили несколько поистине бандитских вылазок.

Серьезный отпор им дали отряды самообороны, затем дело довершили подросшие подразделения афганских вооруженных сил. Но все произошло потом, а вначале мятежники, напавшие по-волчьи, исподтишка, вымещали свою злобу на мирных жителях.

В последнее время именно они все чаще становились жертвами зверств мятежников. Бессильные что-либо сделать, чтобы вчерашние их сторонники, убедившись в бессмысленности борьбы с народной властью, не порывали с ними и не спускались с гор к родным очагам, бандиты сделали ставку на страх. Каждого, кто поддерживает государственную власть, они жестоко преследуют. Вот почему первыми жертвами этой чудовищной «стратегии устрашения» стали самые незащитные — старики, женщины, дети. Как всегда, на помощь им пришли советские воины.

Экипажам офицеров Н. Писканова и Е. Соловьева было приказано вывезти раненых из района Ниджраба и доставить в медицинский батальон. Советские летчики готовили себя к тому, что им придется увидеть результаты зверств, но действительность оказалась суровее. К вертолету шел афганец с мальчиком лет пяти на руках. Следом несли девушку: три пулевых ранения — в руку и живот.

Не раз садились краспозвездные вертолеты то в

Ниджрабе, то в Тагабе, куда на приспособленные для их посадки площадки крестьяне вместе с афганскими медиками доставляли тех, на кого поднялась бандитская рука.

Старенький грузовик с грохотом подъехал к советскому посту по охране дороги. Заместитель командира роты по политчасти офицер А. Шагимуратов и окружавшие его гвардии сержант К. Абдуалимов, А. Джемугла, гвардии рядовой В. Костюк увидели, как из кузова поднялись двое мужчин. Они держали в руках окровавленных детей.

К роднику за водой ездят здесь всегда одной дорогой. Ее и заминировали душманы. На мину натолкнулись местные жители. Мужчина погиб, а шедшие рядом мальчишки получили тяжелые ранения.

Санинструктор сержант Р. Зиганшин осмотрел раненых, сделал перевязки. Советские солдаты сразу же отправили пострадавших в медицинский батальон своего военного городка. Жизнь маленьких афганцев была спасена.

Рахмутдин Джума играл на улице. С ватагой таких же, как он, ребятишек носился возле дороги. Вдруг Рахмутдин увидел в придорожной канаве пластмассовый шар. Спрыгнув вниз, он зафутболил шар ногой... Раздался взрыв. Родители привезли мальчика к советскому доктору лейтенанту М. Муталибову. Среди афганцев шла о нем молва как о человеке, всегда готовом оказать помощь. Его уважали и называли не иначе, как «наш доктор Мусабек». В медицинском журнале появилась запись: «Рахмутдин Джума, 13 лет... Слепое ранение правой голени... Перелом малоберцовой кости правой голени... Шок второй степени».

Только через месяц выписался Рахмутдин. Поначалу состояние больного вселяло тревогу. Муталибов подумывал об ампутации, но делал все, чтобы ее избежать. И сохранил парню ногу. Долго благодарили советского доктора афганцы, жали руку, твердили слова признательности.

Глядя на обессиленную Джамилю, истерзанную родовыми муками, уже уставшую бороться за собственную жизнь и жизнь будущего ребенка, в женской половине дома поняли: это конец. Не суждено Джамиле, еще недавно полной сил, испытать счастье материнства. Существует устойчивое мнение, что афганцы легко расстаются с жизнью: Аллах дал — Аллах взял. Хотя

еще и веруя, что жизнь им дарована Аллахом, многие люди уже не склонны с прежней фатальной отрешенностью отдавать ее — и свою, и близких. «Надо везти Джамилю к шурави» — таково было заключение женского «консплума».

Когда советские врачи приняли из рук Кадыра его восемнадцатилетнюю жену, тоненький волосок, на котором висела ее жизнь, готов был вот-вот оборваться. Срочно приступили к операции. Надежда на спасение матери еще теплилась. В худшем положении был ребенок.

Ни офицерам-медикам О. Попову и В. Валдину, ни врачам Н. Никитиной и А. Каримову, ни медсестре Л. Тупицыной в те напряженные минуты не приходили на ум слова «долг», «дружба». Но, пожалуй, никакие слова не могли бы сравниться по своему воздействию на людей с вестью о той операции, которая закончилась благополучно. На десятый день после рождения маленького Мамеджана, нового гражданина Афганистана, его и Джамилю в полном здравии выписали. Но отделение, в котором лежала молодая мать, долго еще напоминало цветочную оранжерею: Кадыр, отец ребенка, буквально завалил палату розами.

4. Где же вы теперь, друзья-однополчане?

Каждый военный человек знает, как велика роль командира в бою. Не малая ответственность лежит на нем. От профессиональной подготовки командира, умения найти контакт с подчиненными, способности влиять на сознание людей и их действия в решающей степени зависят успех боя и жизнь воинов. Эта истина была хорошо усвоена многими офицерами и прапорщиками, прошедшими через огонь Афганистана. На вопрос анкеты: «Пользовался ли у вас уважением ваш непосредственный начальник и за что?» — подавляющее количество опрошенных «афганцев» однозначно ответили: «Да». Командиров уважали и любили за умение руководить людьми, за смелость, честность, простоту в общении с людьми.

Подполковник И. В. Зубко прибыл в Афганистан на должность командира мотострелкового полка летом 1983 г. Ноша досталась не из легких. Оппозиция активизировала боевые действия. Участились случаи нападения на гарнизоны советских войск, обстрелы авто-

колонн. Подразделения полка были расположены на значительном удалении друг от друга. На командире полка лежала ответственность за организацию и ведение боевых действий, охрану важнейших народнохозяйственных объектов Афганистана: завода азотных удобрений в городе Мазари-Шариф, порта Хайратон, газодобывающего комплекса Шиберган, 150-километрового участка трассы Хайратон — Кабул. При этом необходимо обустроить полк, укреплять отношения с населением, устанавливая связи с местными партийными и государственными органами и выполнять еще множество других задач. Ко всему прочему нужно было укреплять и воинскую дисциплину в части. Настойчивый в достижении цели, требовательный к себе и подчиненным, И. В. Зубко с первых же дней взялся за дело. Солдатам и офицерам, уже привыкшим к большим физическим и психологическим нагрузкам, в первое время казалось просто невозможным выполнить в установленные им сроки поставленные задачи. Через 3—4 месяца эти задачи никому уже не казались невыполнимыми. Спокойный, уравновешенный в любой обстановке, Иван Васильевич никогда не повышал голос на подчиненных, однако требовательность от этого не снижалась. Люди к нему шли с самыми разными вопросами, служебными и житейскими, зная, что будут внимательно выслушаны и поняты. Такая линия поведения нового командира в сочетании с высокой требовательностью и личным мужеством позволили ему завоевать уважение и любовь всего личного состава полка. Именно командиры, подобные И. В. Зубко, определяли лицо офицерского корпуса в Афганистане.

«Афганец» — одно это слово заставляет с уважением посмотреть на человека. В этом взгляде наряду с уважением, а порой и восхищением, проглядывается иногда и ирония: «Ну-ну, чему же ты там научился? Чему научишь своих подчиненных? Сможешь ли сделать это лучше меня?» Не все из «афганцев» дают исчерпывающий ответ на эти вопросы. Но что отличает подавляющее большинство командиров, прошедших Афганистан, так это нежелание идти по накатанной дороге, поиск новых форм и методов обучения подчиненных, стремление приблизить боевую учебу к реальным требованиям боя. Не всегда это удается сделать легко. Помеха тому — прокрустово ложе инструкций и наставлений, привязанность ряда командиров и на-

чальников устоявшимся привычкам и традициям, а то и сформировавшееся в коллективе общественное мнение, которое зачастую выражается одним вскользь брошенным вопросом: «Тебе что, больше всех надо?» Да, таким людям надо больше. Надо больше дисциплины и честности, больше ответственности за дело и творчества, требовательности и человечности. Этого они требуют и от себя, и от своих подчиненных, и от товарищей. Этого же они хотят и от начальников и командиров.

Трудный процесс привыкания к мирной жизни не проходит безболезненно. Смотревшие в глаза смерти, не дрогнувшие перед ней, в условиях мирной жизни они чувствуют порой беспомощность перед поставленным вопросом: «Тебе что, больше всех надо?» И тогда на стол вышестоящего командира ложится рапорт с просьбой об увольнении из рядов Советской Армии. Такой рапорт был однажды написан и старшим лейтенантом Н. Калековым. Мужество, воинское мастерство командира разведывательной роты Н. Калекова были отмечены двумя орденами Красной Звезды и двумя медалями «За отвагу». Хорошо, нашлись люди, понявшие и поддержавшие молодого офицера, удержавшие его от опрометчивого шага. Рапорт был отозван. При встрече с корреспондентом Н. Калеков признался: «Смалодушничал я. Там все же, наверное, было проще... Но почему надо каждый раз убеждать кого-то в целесообразности того, за что уже заплачено дорогой ценой?»⁸ Однако приходится убеждать, доказывать, бороться за правоту своего дела.

Старший лейтенант В. Вельбоев в Афганистане был замполитом роты. В каких жестоких переделках довелось побывать ему там! Сколько тяжелейших боев осталось позади! В роте Вельбоева все называли комиссаром. И это была отнюдь не фронтовая солдатская бравада. Это лишний раз подчеркивало любовь и уважение к нему подчиненных. В. Вельбоев шел всегда впереди. Случалось, и не раз, с горсткой солдат оставался прикрывать выходящих из боя товарищей.

Так было и в тот памятный день в самом начале 1984 г., когда он с отделением старшего сержанта А. Кечика остался прикрывать выход роты из окружения. Казалось, самое страшное уже позади. Грутна В. Вельбоева разместились в десантном отделении ЕМП. Виктор подал команду механику-водителю: «Впе-

ред!» Машина стала набирать скорость. В этот момент граната, вышущенная из гранатомета, пробила борт боевой машины. Взрывная волна выбросила Виктора через открытый люк на землю, он потерял сознание. Пришел в себя в госпитале. Удивительной силы духа этот офицер! После лечения в госпитале попросился в свою роту. Да что там попросился! Просто сбежал раньше времени и на попутном вертолете прибыл в батальон. Правда, в рейды его уже не брали, потому что из-за контузии он плохо слышал. По замене прибыл служить в Белорусский военный округ. А тут — беда в Чернобыле. Одним из первых выразил желание отправиться туда. Пробыл в Чернобыле несколько месяцев, и Афганистан снова напомнил о себе — сказались последствия контузии. Виктор оказался на операционном столе. Сложнейшая операция на позвоночнике. Конец службе? Для другого, может быть, и так. Но не таков комиссар Вельбоев — от нестроевой должности он отказался наотрез...⁹

Бой не признает ссылок на эти обстоятельства.

У «афганцев» (это отмечают многие командиры) есть очень ценное качество — обостренное чувство ответственности за порученное дело. В Афганистане они убедились: плохо обученный воин нередко погибает в первом же бою, не защитив ни себя, ни товарищей. В боевой учебе нельзя допускать брака. Ведь солдат расплачивается за него своей судьбой, а командир — десятками жизней подчиненных. И это не просто безправственно — преступно. Офицеры, прошедшие через афганскую войну, знают об этом не понаслышке. Опыт, оплаченный потом и кровью тысяч бойцов и командиров, не должен пропасть даром. Потому-то и не могут «афганцы» покинуть армейский строй, подчиниться силам обстоятельств, каковы бы они, эти обстоятельства, ни были.

Группа В. Гринчака преследовала отходившего противника. Шли вдоль реки. Впереди появились туманные силуэты утреннего кишлака. За бугром справа началось большое ущелье. В. Гринчак решил вбежать на пригорок — посмотреть, нет ли засады. Шаг, другой — и душная, раскаленная волна отбросила Валерия назад.

Журналист В. Рыжков, написавший об этом эпизоде, не удержался от соблазна, чтобы не сказать: «С нескольких сторон затрещали автоматы... Схватка

была короткой». «Нет, — говорит Валерий Иванович, — боя не было, по нападению душманов ожидали в любую минуту».

Не будем слишком строги к этой ошибке журналиста. У многих из нас укоренилось такое представление — если на войне совершается подвиг, то обязательно в жестоком бою. Но разве меньше мужества потребовалось от В. Гринчака в обстановке, когда кругом было вроде бы все спокойно, не замкнуться на своей боли, а думать прежде всего о подчиненных? Мужество командира в таком поведении и состоит. Во всем остальном В. Рыжков абсолютно прав. «Он так и не понял — терял сознание или нет. Увидел, как бежит к нему санинструктор сержант Таран. «Назад! — закричал ему Гринчак. — Тут рядом — мины. Зови саперов...» Он снял брючный ремень и перетянул ногу выше колена. Жесточая боль сковывала все тело, но Валерий продолжал командовать подразделением. Рядом с Гринчаком находился сапер младший сержант Исраилов. Через него Валерий подавал команды. Чувствовал, что садится голос, а главное — теряет силы.

Потом госпиталь, операция, ампутация ног. Много ему передумалось на больничной койке. Что дальше? Как жить?

Гринчак наметил для себя высоту, какую ему не приходилось брать ни на учениях, ни в афганских боях. В госпиталь к нему приходило много писем. Родные, товарищи, совершенно незнакомые люди приглашали в свои края, предлагали работу. Специальностей набралось больше десятка. Но все это было не то. Валерий не хотел работать вполсилы, не хотел щадить себя. И тогда он написал рапорт министру обороны СССР. Время ожидания тянулось долго. И вот долгожданный ответ: «Капитан Гринчак направляется в распоряжение командующего войсками Киевского военного округа...» Снова в армейском строю, снова в гуще жизни!¹⁰ Сейчас В. Гринчак, Герой Советского Союза, подполковник, преподает в Киевском высшем общевойсковом командном училище. Свой боевой опыт он щедро передает будущим офицерам.

Вот такие беспокойные люди, не покорившиеся судьбе, сумевшие победить обстоятельства, составляют золотой фонд Советских Вооруженных Сил, их

гордость и честь. На их примере воспитывается и будет воспитываться не одно поколение советских людей, воинов армии и флота.

5. Это надо живым

«Выполняя боевое задание, верный военной присяге, проявив стойкость и мужество, погиб Ваш сын...»

Похоронок 80-х гг. Черной бедой врывались они в дом. Вскрикнет и упадет без чувств мать, окаменеет отец. Горе железными тисками сожмет сердце и не отпустит уже никогда. А их сын останется навеки молодым.

С фотографии сын нежно смотрит на мать,
И не может он глаз от нее оторвать.
Как она постарела, а он молодой,
Ладно скроенный, статный, как будто живой.

13 833 советских воина погибли в Афганистане. Почти 14 тысяч похоронок и столько же молодых жизней, прерванных на взлете. Какими они были? О чем мечтали? Что вообще мы знаем о них?

Жизнь А. Шумова оборвалась в неполных 19 лет. До своего дня рождения он не дожил одного дня. Для одних 19 — это еще детство, для таких, как Анатолий, — время ответственных поступков.

К службе в армии он начал готовить себя еще в школе. Какой мальчишка не мечтает стать десантником? Была такая мечта и у Анатолия. Он не просто мечтал, а настойчиво добивался ее осуществления. Занимаясь в клубе «Юный десантник» при Солнечногорском Доме пионеров, выполнил второй спортивный разряд по парашютному спорту. «Как-то раз, — вспоминает соседка Анатолия О. Волошко, — увидев в коридоре шинель моего отца, спросил:

— У тебя отец десантное училище заканчивал?— И, погладив петлицы, погоны, мечтательно произнес: — Я тоже буду десантником. У меня и брат в десантных войсках служил».

Мечта сбылась, Анатолий был призван в воздушно-десантные войска. Начались армейские будни. Учебная часть под Ташкентом. Общительный, открытый, всегда готовый помочь товарищу, А. Шумов завоевал уважение в коллективе. Товарищи избрали его своим комсомольским секретарем. Подошел день присяги. К Анатолию приехала его мама Валентина Пет-

ровна. Командир роты не стал хитрить: «Лучшие из солдат будут направлены для прохождения службы в Афганистан».

Война. Это страшное слово заставляет холодеть сердце даже у крепких духом мужчин. Каково же тогда для матери услышать, что ее сына направляют туда, где свистят пули, рвутся снаряды и смерть выбирает для себя жертву?

— Сынок, может быть, что-то сделать, чтобы ты не поехал в Афганистан? У нас есть знакомый в Генеральном штабе. Может быть, он сможет что-нибудь сделать, чтобы ты остался здесь?

— Нет, мама! Я не хочу прятаться за чужие спины, не хочу прикидываться больным, как это делают некоторые. Я поеду туда, куда меня пошлет Родина. Иначе я не смогу смотреть в глаза людям.

Многие ли из нас способны на такой шаг? Увы, далеко не каждый. Даже более опытные и зрелые люди трусили в таком случае. Еще в период когда советские войска находились в Афганистане, не раз приходилось слышать от офицеров и прапорщиков: «Вот если бы надо было защищать свою страну от интервенции, я бы сам пошел на фронт, а ехать в другую страну я не желаю». Здравая в своей основе мысль скрывала зачастую обыкновенную трусость. Ведь эти же люди готовы были ехать куда угодно при условии обеспечения их безопасности и получения больших денег.

В армии юноша мужает быстро. В Афганистане это было заметно еще более. Читая письма, которые писали наши ребята домой, постоянно ловишь себя на мысли, что ведь они, по существу, еще дети. Стремление каким-то образом успокоить родителей, унять их тревогу веет от этих писем с войны.

«Служу я теперь в Чехословакии, в Афган меня не направили, все равно сейчас будет вывод и мы там не пужны. Служба идет нормально. Кормят хорошо, наша часть находится почти в городе, скоро буду ходить в увольнение». — написал в своем первом письме из Афганистана А. Шумов.

«Мамуля, как у тебя здоровье после операции? За меня не волнуйся, питание тут отличное, каждое утро кушаю молочные суны, готовят ежедневно салаты, да еще дополнительный паек» — так писал своим ро-

дителям лейтенант И. Хромов, погибший под Кандагаром в апреле 1987 г.

Домой напишет: «Все нормально.
Я жив, здоров, целую, твой...»
Про долг интернациональный
Не пишут в почте полевой.

Они не писали о долге. Нет в их письмах высоких слов. И лишь по отдельным фразам можно судить о высоком чувстве ответственности наших ребят. «Папа, очень благодарен за напутствие, — писал И. Хромов родителям, — постараюсь не посрамить нашу фамилию... Папа, ни в коем случае не занимайся моим переводом в Кабул, здесь себя чувствуешь человеком, который занимается нужным делом...».

Они верили, что занимаются нужным делом, что помогают простому народу Афганистана отстаивать свое право на лучшую жизнь. Проведенные опросы «афганцев» показывают, что и сейчас многие из них считают, что в то время была необходимость во вводе наших войск в Афганистан.

Все дальше уходят в историю афганские события, новые проблемы современной бурной жизни выдвигаются на первый план. Но не должна исчезнуть память о тех, кто честно и мужественно, до конца, выполнил свой воинский долг.

Память о павших — это мощный фактор воспитания подрастающего поколения. Мужество, готовность пожертвовать своей жизнью ради спасения товарища всегда ценились в народе. Сейчас, когда среди определенной части молодежи наблюдаются рост бездуховности, снижение ее социальной активности, всплески национализма, постоянная целенаправленная работа по патриотическому и интернациональному воспитанию на примере воинов-интернационалистов важна, как никогда. Подвиги наших ребят на земле Афганистана должны встать в один ряд с мужеством героев Шипки и Халхин-Гола, Испании и Великой Отечественной войны. Подвиг ради спасения жизни товарища — всегда подвиг. Только человек, обладающий действительным, а не показушным, если это вообще возможно, мужеством, способен на него.

Вспоминает командир группы «спецназ» майор А. Агзамов: «Рядового Себира Шарипова, таджика по национальности, нельзя было выделить среди других.

Группе в составе 8 человек, в которую входил и Себир, была поставлена задача захватить крупнокалиберный пулемет (ДШК), который вел прицельный огонь по вертолетной площадке. Обнаружив местонахождение ДШК, воины приступили к выполнению задачи. Когда до огневой точки противника оставалось совсем немного, группу обнаружили. Свинцовая струя потянулась в сторону десантников. Всего лишь миг был у Шарипова, чтобы сделать выбор между жизнью и бессмертием. Этого мига хватило Себиру. Бросившись вперед, он закрыл своей грудью командира. Меня каждый раз поражало то, что наш советский солдат, зная об огромном риске, сознательно шел на это, выручая своих товарищей».

Советские люди, до конца выполнившие свой воинский и гражданский долг, не должны быть преданы забвению. Лозунг «Никто не забыт, ничто не забыто» (как, впрочем, и любой другой) только тогда хорош, когда он наполнен реальным содержанием, воплощен в конкретные дела. И такие дела уже есть. Навечно зачислены в списки личного состава частей Герои Советского Союза майор А. Я. Опарин, лейтенант А. И. Демаков, рядовой А. Н. Мироненко, в одном из танковых полков Туркестанского военного округа идет соревнование за почетное право водить танк за Героя Советского Союза С. Игольченко. С. Прохоров, заслывший собой афганских товарищей, которых ждала душманская засада, включен в состав одной из бригад ленинградского объединения «Звезда»¹¹. В городе Грозный в сентябре 1989 г. состоялся межгородской турнир оборонно-патриотических клубов и объединений по рукопашному бою, посвященный памяти воина-интернационалиста С. Хачукаева. Все это тоже память о героях. Уйдя из жизни, они продолжают жить в названиях улиц и пароходов, их имена носят пионерские дружины и школы. Имя Героя Советского Союза Н. Анфиногенова присвоено восьмилетней школе села Обухова, где он учился. Всероссийские спортивные состязания по боксу разыгрываются на приз имени героя-солдата.

Г. Барсук предложил повесить в салоне своего троллейбуса портреты погибших в Афганистане земляков. Экипаж троллейбуса подобрали из «афганцев»: Г. Барсук, Н. Иващенко и Г. Игнатенко. Колесит по Чернигову троллейбус «Интернационалист» с «вечно

живыми» шестнадцатую «афганцами». И это — наш долг памяти.

Помнят А. Шумова в его родной школе и Солнечногорском ДOME пионеров. Провожая его в ряды Вооруженных Сил, товарищи по клубу «Юный десантник» дали такое напутствие: «Ты успел многое — получить профессию строителя, совершить более 80 парашютных прыжков с самолета, играть и петь в нашем вокально-инструментальном ансамбле, а это уже немало.

Теперь у тебя служба в армии. Думаем, что и в армии ты будешь таким же общительным, честным и трудолюбивым.

Желаем тебе попасть в воздушно-десантные войска и служить отлично. Будь достоин и приумножай славные боевые традиции наших Вооруженных Сил и воздушно-десантных войск!»

Гвардии рядовой А. Шумов выполнил наказ товарищей. Как и тысячи советских воинов, верный военной присяге, он честно служил и до конца выполнил свой воинский долг. Долг всех живущих — помнить о тех, кто не вернулся с этой войны, кто своей жизнью и смертью продемонстрировал лучшие черты советских людей, высоту их мыслей и поступков.

Говоря о том, что «никто не забыт», мы зачастую не вдумываемся в значение этих слов. Действительно ли это так? К сожалению, действительность не позволяет дать утвердительный ответ на этот вопрос. Мать, потерявшая в Афганистане единственного сына, не может решить проблему прохудившейся крыши или установить памятник на могиле. Да мало ли других житейских вопросов, с которыми она сталкивается! Она никогда бы не пошла в сельсовет или военкомат, будь ее сын жив. А теперь... Натолкнувшись на равнодушие официальных лиц, она уже никогда не поверит в красивый лозунг, сколько бы его ни повторяли, какие бы примеры в подтверждение ни приводили.

Советское правительство приняло закон, который определяет права родителей и вдов погибших в Афганистане воинов. Правильный, хороший закон. Но одно дело принять, а совсем другое — его выполнять. Своеобразие любой бюрократической системы таково, что даже мелкий чиновник может практически безнаказанно игнорировать такие законы, принятые верховным органом власти страны. Достаточно перелистать

страницы газет, чтобы найти этому массу подтверждений. Подобные примеры приводились на учредительной конференции Московского городского совета матерей погибших воинов-интернационалистов.

Л. В. Журавлева и ее муж обратились в Черемушкинский райвоенкомат по поводу пенсии. Их сын сложил голову в Афганистане. Супругов выпроводили из райвоенкомата. Хотели они затем получить медаль, которой был награжден их сын. Тот же исход¹². А ведь есть, и немало, примеров отношения к семьям погибших совсем иного рода.

Солнечногорский районный военный комиссариат возглавляет подполковник А. Н. Хорин. Сам командовавший мотострелковым батальоном в Афганистане, на себе испытывавший все тяготы и лишения войны, он всем сердцем воспринимает боль родителей погибших воинов. Из Афганистана не вернулось пять солнечногорцев. Каждому из них посвящены мемориальные доски, открытые на школах, в которых они учились. Мемориальная доска памяти старшему лейтенанту А. С. Яблокову установлена на Солнечногорском электро-механическом заводе, где он работал до поступления в военное училище. При помощи и непосредственном участии работников военкомата на могиле каждого воина установлен памятник. Ордена и медали погибших были вручены их родителям в торжественной обстановке. Не остались родители наедине со своим горем. Сотрудники военкомата посещают их, поздравляют с праздниками, интересуются их нуждами. Вот если бы так было везде! Но нередко еще родителям и вдовам подолгу приходится оббивать пороги различных инстанций ради получения того, что им положено по закону.

В один из октябрьских дней 1989 г. в Музее Вооруженных Сил в Москве собрались 326 матерей и вдов из всех районов Москвы и Подмосковья. Они провели конференцию, на которой избрали совет матерей воинов, погибших или ставших инвалидами в Афганистане. Почему же создан этот совет, что движет этими женщинами? Желание объединиться, укрепить уверенность в своих действиях, помогать друг другу в нелегкой борьбе за свои права. Да, те права, которые им предоставил закон. Как свидетельствовало из выступлений, учреждения здравоохранения, отделы социального обеспечения, военкоматы нередко остаются

глухи к пуждам людей, потерявших в Афганистане сына или мужа. Много примеров такого равнодушия приводилось на встрече. Особенно остро поставил этот вопрос председатель Московского городского совета военно-патриотического объединения Андрей Логунов: «Не нужны матерям деньги, льготы. Верните им сыновей. Не можете? Так будьте хотя бы человечны!»¹³

Это упрек не только равнодушному к чужой беде чиновнику, не какому-то неосязаемому бюрократу-фантому. Эти слова обращены к каждому из нас, к нашему состраданию, нашей совести, наконец. А ведь им надо совсем немного по сравнению с тем, кого и что они потеряли.

Постучитесь к нашим матерям,
Постучитесь, и они откроют.
Рады будут вам, как сыновьям,
О которых день и ночь тоскуют.

Эта песня-завещание всех наших ребят, сложивших свои головы на афганской земле, их последняя воля.

Сейчас во многих районах и областях страны стали создаваться общественные организации, поставившие целью назвать поименно всех своих земляков, погибших в Афганистане. В Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР идет работа над Книгой памяти. В ней будут помещены биографии советских воинов, погибших, умерших от ран и болезней, краткое описание их подвигов, героических поступков, названы полученные награды, обстоятельства гибели (смерти) и места захоронения. Говоря об Афганистане, отдавая дань памяти советским людям, погибшим там, мы ведем речь большей частью о бойцах и командирах 40-й армии. При этом остается в тени то обстоятельство, что всю тяжесть войны несли на своих плечах и военные советники, и гражданские специалисты. Не все они вернулись домой. Поэтому вполне справедливо, что редакционная комиссия приняла решение о включении в Книгу памяти наряду с военнослужащими и гражданских лиц других министерств и ведомств СССР, погибших при выполнении интернационального долга.

Еще в феврале 1989 г. бюро ЦК ВЛКСМ приняло постановление «Об увековечении памяти павших в

Афганистапе воинов-интернационалистов». Среди множества мероприятий, намеченных постановлением, предусматривается сооружение в городах Москве и Ташкенте мемориалов в честь погибших участников афганских событий. Открыт счет для сбора средств на их сооружение. Очень важно, чтобы эти мероприятия не остались на бумаге, чтобы они превратились в конкретные дела, как это сделано, например, в Днепропетровске.

По инициативе Днепропетровского горного института, где около 130 воинов-интернационалистов — студентов и преподавателей, и поддержавшего их горкома комсомола был начат добровольный сбор средств, объявлен творческий конкурс. Только вот итоги его подвели без учета мнения «афганцев». Но они и тут проявили характер. Настояли на своем выборе эскиза памятника. Открытый 29 октября 1989 г. обелиск сразу же получил неофициальное название «Взрыв памяти». Из мраморного пьедестала будто бы вырастает тюльпан взрыва, раскалывающий скалу. На ее израненных склонах пятеро воинов, отбивая атаки врага, выносят из боя раненого товарища. Обелиск дышит боем.

Воины-интернационалисты. Они шли в бой не ради наград, не ради славы. Они выполняли приказ Родины, свой патриотический и интернациональный долг и выполнили его с честью. Исполним же и мы свой долг перед ними.

6. Требуется помощь и милосердие

В настоящее время в различных слоях советского общества много говорят о милосердии. Это вошло в моду. Однако «афганцам», ставшим инвалидами, чаще всего нужны не слова, а конкретная помощь. Помощь не вообще всем, а каждому отдельному человеку. Слово «милосердие» в Советской стране пока что оторвано от жизни. Открыв его заново, многие упиваются им, переживают словесную эйфорию, не опускаясь на землю.

«В Афганистапе мы часто слышали и читали о том, что наше государство не оставит в беде тех, кто не струсил, не отступил, до конца выполнил свой воинский долг, — говорит народный депутат СССР П. Шетько. — Всем нашим ребятам было трудно там,

но не менее трудно оказалось многим из нас, когда мы вернулись домой. Особенно тем, кто стал инвалидом. Не все на деле оказались готовы прийти нам на помощь, когда пришлось решать вопросы с работой, с учебой, с жильем...»

Воины, прошедшие суровую школу Афганистана, получившие там ранения и перенесшие тяжелые заболевания, заслуживают со стороны общества большего милосердия, большего понимания своих непростых проблем. Преодолев невероятные трудности войны, не раз смотревшие в глаза смерти и победившие ее, они порой оказываются бессильными перед параграфом инструкции. Бюрократ стал сильнее, чем вооруженный враг! Парадоксально, но факт.

Много испытаний на дорогах Афганистана выпало на долю кавалера ордена Красной Звезды воина-интернационалиста А. Журавлева. О его подвиге писала местная и центральная пресса. Во время одного из боев трое его товарищей подорвались на mine. Рискую жизнью, рядовой А. Журавлев вынес однополчан из-под огня. Доставив их в медсанбат, тут же вернулся к ведущим бой товарищам. Тогда они победили. Хотя и дорогой ценой. Победы вообще легко не даются. Особенно в бою с сильным и беспощадным врагом.

Вернувшись домой инвалидом, Александр убедился в том, что немалых усилий требуется и для того, чтобы победить другого врага — бюрократизм. Долгие годы жил он с семьей в общежитии. Только рождение второго ребенка ускорило получение отдельной благоустроенной квартиры¹⁴. А сколько еще инвалидов такой квартиры не получили?!

Жилищная проблема, к сожалению, не единственная, с которой приходится сталкиваться советским воинам, вернувшимся из Афганистана. Острейшая из них — изготовление протезов. Для тысяч «афганцев», оставшихся без руки или ноги, — это вопрос жизни, активной, полнокровной деятельности. В связи с этим в адрес промышленности, занятой изготовлением протезов, раздается немало критических замечаний и обвинений в неповоротливости. Функционирующие в рамках пресловутого «остаточного принципа» здравоохранение и соцобеспечение долгие годы фактически не брались за ее решение. Создав уникальные по сложности средства уничтожения людей, добившись выдающихся достижений в освоении космоса и океа-

на, мы не можем сделать для инвалида протез, на котором он мог хотя бы спокойно ходить. А ведь этим ребятам всего лишь за двадцать, впереди — вся жизнь. «Афганцы» — гордые, самолюбивые парни. Они не любят много говорить о себе, не любят жаловаться на свою судьбу. Но молчаливая сдержанность молодых ветеранов войны, их гордость перед лицом испытаний, выпавших им уже в мирной жизни, не должны вводить нас в заблуждение. Им очень больно и горько от нашего равнодушия.

Капитану Сергею Харченко судьба отпустила испытаний полной мерой. Подорвавшись на mine, он потерял зрение, лишился левой ноги. Левая рука оказалась искалеченной. Осколки до сих пор сидят в его теле. К страданиям физическим добавилась душевная боль — распалась семья. Было от чего впасть в отчаяние. Но не сломался Сергей. Вступив в неравный поединок с судьбой, он победил. Чего это стоило, знает только он сам. Не любит Харченко (теперь уже майор в отставке, кавалер ордена Красной Звезды) рассказывать о своих муках. О них можно судить лишь по отдельным его фразам. «Я ведь никогда не умел петь, а после ранения научился, — говорит он. — Моим соседом по койке в Кабуле был капитан Анатолий Польшинцев. Сапер, тоже на mine подорвался. Когда нас допекала боль, мы в два голоса пели во всю мощь легких: «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!» И успокаивали плачущих сестер, которые кололи нас обезболивающими препаратами». Не один госпиталь пришлось сменить С. Харченко. Десятки операций. Его латали, сшивали, освобождали от мелких осколков, после ампутации нижней трети ноги спасали руку. Ему делали косметическую операцию на лице. Когда мог — терпел, когда не мог — пел.

Став членом ВОС (Всероссийское общество слепых), сразу же засобиравшись в школу восстановления слепых, что находится под Москвой. Школа дала ему уверенность в своих силах, помогла найти свое место в жизни.

Мы сейчас чаще пишем, и вполне справедливо, о равнодушии бюрократов, невнимании к нуждам инвалидов, упуская порой из виду тех людей, которые без лишних слов, не по принуждению, не ради красования перед другими, а по зову сердца, отдают всю свою душу благородной миссии нуждающимся в по-

мощи. Созданная в 1963 г., эта школа дала «путевку в жизнь» около 10 тыс. незрячим людям, в том числе 125 воидам-интернационалистам. В ней работают неравнодушные люди. С благодарностью вспоминают выпускники Г. Н. Кондрашову и В. Г. Комовкина, Т. С. Шалагину и В. В. Краханова, К. Ф. Ашкапину и многих других сотрудников. К ним в школу приходят такие письма: «В этой школе меня понимали, а главное — мне поверили. Теперь я знаю, что мне делать, как жить».

Добрыми словами вспоминает С. Харченко весь коллектив школы, директором которой являлся бывший фронтовик-танкист В. В. Польский, потерявший зрение на войне, человек большой души и редкостного оптимизма. Близко к сердцу воспринимает беды «афганцев» и нынешний руководитель школы В. И. Брезжунов. «Пора поднимать, — считает он, — социальную реабилитацию на новый уровень развития. Нужна новая тифлотехника — приборы, помогающие слепым выполнять все то, что делает зрячий». В этом поддерживает директора его заместитель В. А. Фомин. «Афганцы», потерявшие зрение, могут принимать значительно большее участие в жизни советского общества, чем сейчас, — уверен Вячеслав Александрович. — Не только работа на предприятиях системы ВОС, но и руководство военно-патриотическими клубами, преподавание военной подготовки в школах — вполне реальное дело».

Однако интересные идеи не находят пока своего воплощения в жизни. Руководство школы занято решением более прозаических, но не менее трудных задач: как обеспечить обучаемых бытовыми тифлоприборами, магнитофонными кассетами и обычными тростями.

Среди проблем, стоящих перед всей системой ВОС, — пропаганда работы общества. Молодые люди редко идут в него, потому что ничего не знают об этой организации, что, в свою очередь, приводит их к отчуждению от активной общественной жизни. Телевидение и радио фактически устранились от такой работы.

Не только воины, ставшие инвалидами, нуждаются в помощи и поддержке общества и государства. Афганская война в той или иной степени отразилась на каждом, кто через нее прошел. Тестирование, про-

веденное коллективом психологов МГУ под руководством кандидата психологических наук М. Ш. Магомед-Эминова, показало, что 35—40 процентов воинов-интернационалистов остро нуждаются в помощи психолога. Даже если допустить, что эта цифра несколько преувеличена, то только по Москве людей, которым необходима эта помощь, наберется несколько сот человек.

Всякое сравнение «афганцев» с американскими «вьетнамцами» вызывает, как правило, негодование. Советские люди ни в чем не позволяли себе проводить между ними какие-либо параллели. Поэтому даже не допускалась мысль о том, что и советским воинам, вернувшимся из Афганистана, будет присуще многое из того, что испытывают и американцы, воевавшие во Вьетнаме. Отдельные трагедии, о которых время от времени сообщается в печати, рассматриваются общественностью скорее как печальное исключение, чем признаки скрытого еще, но очень грозного явления, которому психологи дали название — посттравматический стресс.

Каково на этот счет мнение ученого? Слово М. Ш. Магомед-Эминову: «Является достаточно хорошо установленным научным фактом то, что нахождение в экстремальной стрессовой ситуации, коей является война, оставляет у человека различного рода психологические последствия. Они возникают в результате формирования у солдата определенных психических изменений личности (установок) для адаптации к экстремальной боевой обстановке. Подобные характерные изменения сохраняются и после выхода из стрессовой ситуации и могут создавать значительные препятствия на пути адаптации к мирной жизни. Психический стресс, полученный в экстремальной обстановке, становится одним из главных барьеров на пути перехода к мирной жизни после выхода из войны.

У психологов есть понятие — посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР). Они — естественная реакция здорового человека на стрессы, которые неизбежны на войне. ПТСР, а также стрессы, возникающие после возвращения домой, создают внутренние психологические препятствия при адаптации к мирной жизни, мешают решению жизненных задач, профессиональному самоопределению, налаживанию семейных отношений. В острой форме посттравмати-

ческие стрессовые реакции могут проявляться в постоянной раздражительности, хронической депрессии, трудности установления доверительных отношений с другими людьми, в навязчивых воспоминаниях о прошлом и чувстве отчужденности от других людей. Расстройства сна, ночные кошмары, злоупотребления алкоголем и наркотиками — это тоже последствия Афганистана.

Вот только несколько цифр и фактов:

1. Более 2/3 ветеранов не удовлетворены работой, часто ее меняют из-за возникающих конфликтов. Положение усугубляется тем, что нередко им отказывают под различными предлогами в приеме на работу. Из тех, кто учится в вузах, 90 процентов имеют задолженности или плохую успеваемость. Растет количество разводов и острых конфликтов в семьях ветеранов.

2. Среди ветеранов предпринимались попытки к самоубийству и имелись случаи самоубийств. 60 процентов воинов-интернационалистов страдают от алкоголизма и наркомании.

3. В тюрьмах находятся 3700 ветеранов Афганистана».

Приведенные сведения получены на основе статистических данных и анкетирования 700 «афганцев», проживающих в Москве. Им можно доверять или нет. Мы не склонны столь драматизировать ситуацию. Не имея достаточно полного статистического материала о жизни «афганцев» после возвращения домой, нельзя по результатам анкетирования 700 человек делать обобщающие выводы. То, что среди народных депутатов СССР 120 «афганцев», свидетельствует о высокой политической активности воинов-интернационалистов. Об этом же говорят и результаты социологического опроса, проведенного в ноябре 1989 г. социологической службой Гостелерадио СССР. Мнение всех опрошенных по вопросу «Кем склонны стать «афганцы»?» распределилось следующим образом:

активными участниками военно-патриотического воспитания молодежи — 52 процента;

помощниками правоохранительных органов при наведении общественного порядка в стране — 31 процент;

добросовестными и эффективными работниками — 27 процентов;

лидерами неформальных политических объединений — 11 процентов;

«аутсайдерами», «лишними людьми» — 11 процентов;

преступниками: рэкетирами, пасильниками, хулиганами — 10 процентов.

Как видно из результатов опроса, большая часть населения отнодь не считает «афганцев» «потерянным поколением». Следует прислушаться и к мнению генерального директора производственного объединения Ижсталь А. Журавлева, который так отзывается об «афганцах»: «Мне бы таких тысячи две, и все проблемы на заводе я считал бы решенными».

В комплексе мер помощи солдатам, опаленным афганской войной, психологическая реабилитация должна занять свое место.

Минздрав не берется за решение этой проблемы. В Советском Союзе нет ни одного специализированного психологического центра, занимающегося лечением посттравматического синдрома. В США таких центров — 179.

«Чтобы понять и сформулировать причины роста числа личных драм, — сказал на встрече в Вашингтоне с советскими «афганцами» член конгресса США бывший «вьетнамец» Лаип Эванс, — нам в Америке понадобилось два десятка лет»¹⁵. Видимо, в Советском Союзе нельзя допустить, чтобы и общественность пришла к пониманию необходимости решения этой проблемы лишь к началу XXI в. В настоящее время изучением посттравматического синдрома занимаются на кафедре психологии МГУ. Коллектив лаборатории под руководством М. Ш. Магомед-Эминова не только изучает саму болезнь, но и оказывает помощь ветеранам Афганистана в ее лечении.

На базе лаборатории и Союза ветеранов Афганистана, который возглавляет бывший воин-интернационалист А. А. Котенев, создана психологическая служба, оказавшая помощь уже десяткам ветеранов. Однако эта работа держится большей частью на бескорыстном энтузиазме врачей и психологов. Их немного — всего 25 человек, энтузиастов-подвижников, которые в свободное от основной работы время занимаются психологической реабилитацией «афганцев». По самым скромным подсчетам, только в Москве необходимо иметь десять центров психологической службы. По

оценке Магомед-Эминова, надо подготовить всего около 1500 специалистов-психологов. Это не так уж много, если учесть, что только силами этой лаборатории можно за три года переподготовить 80 процентов требуемого количества специалистов из числа работающих врачей-невропатологов. Настало время от энтузиазма отдельных людей переходить к серьезной планомерной работе. Для этого необходимо создание целостной государственной службы психологической и социально-психологической реабилитации. Необходимо создать сеть консультационно-психологических служб широкого профиля. Она должна состоять из психологов, ветеранов и иных специалистов, получивших специальные навыки по реадaptации и психологической реабилитации. Основа для создания подобной службы уже есть. Разработаны методики, готовятся специалисты, накоплен определенный опыт. Дело теперь за тем, чтобы развернуть эту работу по всей стране.

И еще об одном аспекте посттравматического синдрома надо сказать особо. Суть его заключается в том, что психические расстройства в значительной степени связаны не столько со стрессами, полученными на войне, сколько с тем отношением общества, которое воин испытал, возвратившись домой. Общественное мнение об афганской войне и о самом себе как ее участнике «афганцы» определяют прежде всего по публикациям прессы. Публикации же эти, особенно в последнее время, больше рисуют советского солдата в образе оккупанта, человека с извращенной психикой. Тысячу раз прав К. Цаголов: «Задумаемся: нет на земле сейчас ни одного народа, который бы сам свое прошлое так усердно и обильно оплевывал. Мы тут преуспели больше всех. Мы очень уж хотим быть Иванами, не помнящими родства. Мы стыдимся своего прошлого, почему-то видя в нем лишь плохое и начисто отвергая все то, что сделало из нас великую державу. Это больно, когда люди от лица народа уподобляются известной унтер-офицерской вдове. А результат — разрушение духовной основы, которой всегда силен был наш народ. Но без духовной опоры человек как без крыльев. Давайте стремиться не крылья подрезать у «афганцев». Им и так больно. Борясь против тех, кто сотворил боль нашему народу, не творите ее сами».

В психологической реабилитации пугаются не только «афганцы». Она остро необходима тем, кто про-

шел через Чернобыль, кто действует в составе подразделений внутренних войск в «горячих точках» по всей стране.

В настоящее время остро встала проблема психологической реабилитации членов семей «афганцев». У матерей, потерявших своих сыновей в Афганистане, с течением времени развивается так называемый стресс потери. Во многом он связан с тем, что мать не видела своего погибшего сына, похоронив его в закрытом цинковом гробу. Отсюда возникает надежда на то, что ее сын жив. Эта надежда со временем перерастает в уверенность, укреплению которой способствуют «вещие сны», услышанные где-то подобные истории со счастливым концом и т. д. Все это не так безобидно, как может показаться на первый взгляд. Надежда матери на возвращение погибшего сына может сопровождаться серьезными изменениями ее психики и приводить к психическим расстройствам. Стресс потери подобен лавине. Со временем он может втянуть в себя большое количество людей — родных, родственников, соседей, сослуживцев и т. д.

Не менее остро стоит проблема реабилитации и во многих семьях «афганцев», возвратившихся домой. Все те проявления, которые характерны для посттравматического синдрома, оказывают непосредственное влияние на семью, прежде всего на жену и детей, нередко приводят к ее распаду. Поэтому лечение этой болезни выходит далеко за рамки чисто медицинской и психологической помощи. Это — задача большого социального значения, решение которой имеет далеко идущие последствия.

Для Советской страны в целом афганская война закончилась. Но она продолжается для сотен тысяч советских людей, на которых она наложила свой неизгладимый отпечаток.

Глава седьмая

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРИМИРЕНИЕ

1. Революционные процессы становятся неуправляемыми

Пришедшее к власти 27 декабря 1979 г. новое руководство Афганистана во главе с Б. Кармалем выдвинуло достаточно целостную программу исправления ошибок и просчетов, допущенных на начальном этапе революции, и продолжения национально-демократической революции в целом. Однако претворение в жизнь этой программы показало, что она во многом оказалась невыполнимой, так как НДПА была лишена (из-за проводившейся ею же политики) поддержки реальных сил, способных выполнить эту программу. К такому выводу заставила прийти сама афганская действительность 1980—1985 гг., когда в развитии революции наступил серьезный кризис.

Огромный, непоправимый ущерб революции был нанесен борьбой группировок «Хальк» и «Парчам» внутри НДПА. Фракционная борьба в партии выражалась в том, что оба крыла хотели укрепить свои позиции предоставлением как можно большего количества постов представителям «своих» фракций во всех звеньях партийного, государственного, хозяйственного и военного аппарата. Это вело к тому, что на многие ответственные посты зачастую выдвигались недостаточно компетентные, а порой безответственные и даже корыстные элементы, которые были не в состоянии выполнять самоотверженно и эффективно, как того требовало военное время, свои прямые функциональные обязанности. Сложилось положение, когда в высшем звене руководства, вплоть до членов ЦК партии и провинциальных комитетов, в составе командования частей и соединений армии и органов госбезопасности преобладали парчамисты, в то время как в среде ря-

довых членов партии, в партийных организациях в целом, особенно в армии и войсках министерства внутренних дел, включая их командование, большинство оставалось на стороне халькистов.

Это вело к противопоставлению одного ведомства другому, противостоянию рядовых членов партии ее руководству. Отсутствовало взаимодействие между военными ведомствами (МВД (царандой) и МГБ, например). Пизовые партийные организации саботировали решения вышестоящих, если во главе последних оказывались приверженцы другой группировки.

В силу такого положения: падал авторитет НДПА в крестьянских массах (ибо НДПА была занята не работой по завоеванию этих масс, а распределением портфелей); успехи проводимых боевых действий не подкреплялись соответствующими организационными, политическими и экономическими мероприятиями (т. е. во вновь освобожденных районах не создавались органы народной власти, не проводилась земельно-водная реформа, и, следовательно, население не получило ничего от революции, не чувствовало заботу народной власти); затяжная война не прекращалась, на международной арене все больше и больше раздувались проблемы афганских беженцев, «оккупации» Советским Союзом Афганистана, мятежное движение получало растущую помощь от стран Запада и завоевывало симпатии большинства стран в мире.

За весь период существования НДПА не был написан ни один теоретический труд, который бы дал классовую оценку корней фракционизма в партии, объяснил бы предпосылки объединения двух различных социальных потоков в борьбе за преобразование общества (читатель здесь наверняка вспомнит «классовую сущность НДПА»), показал бы вред фракционизма не вообще, не абстрактно, а конкретно и в частности. Кроме того, не был проведен ни один съезд по преодолению фракционизма, по рассмотрению целесообразности разделения НДПА на две самостоятельные партии. Сам факт, что в двадцатипятилетней истории НДПА был проведен только один съезд (первый учредительный), является ненормальным.

Другая категория ошибок афганского руководства этого периода — неправильный расчет темпов урегулирования внутреннего положения. Провозгласив национально-демократическую революцию в Афгани-

стане долгим историческим процессом, парчамистское руководство НДПА уже в 1980 г. создало в партии, в руководстве страны настрой постепенности, эволюционности и поэтапности решения назревающих задач.

«Правительство ДРА еще раз заявляет, что нормализация положения вокруг Афганистана возможна лишь в случае прекращения оказания США и их союзников помощи контрреволюционным элементам, полного и гарантированного прекращения необъявленной войны и всех форм вмешательства во внутренние дела ДРА»¹ — так заявило правительство ДРА в ООН 12 ноября 1985 г. Разве империализм когда-либо переставал вмешиваться во внутренние дела отколовшихся от его системы стран? При таком подходе афганское руководство готово было затянуть войну внутри страны до бесконечности (так как все, что делалось для ее завершения, делалось чрезвычайно медленно, неуверенно, с оглядкой, с непростительной запоздалостью), а во внешних делах вся ответственность за продолжение войны перекладывалась на мировой империализм и региональную реакцию. При этом партия закрывала глаза на собственные просчеты и ошибки, на неспособность защитить себя от внешних посягательств.

Тем самым афганское руководство проявило непонимание опасности, таящейся в том, что если темпы накопления нерешенных проблем превышают темпы их разрешения, то может наступить критическая ситуация, когда партия под этим грузом окажется неспособной вообще на революционные действия. «Мы заявляем, — говорил Б. Кармаль на XV Пленуме ЦК НДПА, — что наша революция необратима. Это — правильно, ибо наша опора — великий друг Советский Союз»². Таким образом, во всей практической деятельности революции сверху донизу упор делается не на свой народ и свою партию, а на Советский Союз.

Здесь уместно вспомнить еще раз о социальном составе фракции «Парчам», с тем чтобы понять, почему личные симпатии тех или иных руководителей, круговая порука, кумовство, семейные, родственные, клановые связи взяли верх над партийной дисциплиной, над принципами демократического централизма, захлестнули партию целиком сверху донизу и вследствие этого проявления снисходительности и либерализма в от-

пошени партиейцев, паносящих своими действиями ущерб авторитету партии и народной власти, стали повсеместным и повседневым явлением. Своими действиями партия лишилась сочувствия большинства народа и поддерживала свой авторитет силой оружия, превратившись, по сути, в авторитарную силу, в военную диктатуру.

Из вышесказанного вытекает еще одна категория допущенных афганским руководством этого периода ошибок — ошибок в определении союзников в национально-демократической революции и путей их привлечения к защите революции.

Придя к власти, повое руководство Б. Кармалы уже в начале 1980 г. однозначно заявило, что оно не ставит непосредственной цели построения социализма в Афганистане. Новое руководство выдвинуло программу «постепенной ликвидации крупного феодального землевладения, раздачи земли безземельным крестьянам, развития образования, борьбы с неграмотностью, строительства национальной экономики посредством укрепления госсектора и планирования, повышения жизненного уровня народа и развития национальной культуры, преодоления феодальных остатков в жизни народа»³. Выполнение этой программы «отвечает интересам широких слоев народа»⁴ — так говорил Б. Кармаль в интервью журналу «Проблемы мира и социализма» в апреле 1980 г.

Казалось бы, спектр новых политических сил, потенциально способных играть роль союзников в революции, определен был правильно. Более того, НДПА объявила о создании в стране Национального отечественного фронта для объединения всех этих сил. Однако когда дело коснулось практической плоскости, началась пробуксовка. Логично было бы дать возможность другим политическим партиям и организациям принимать участие в революции, предоставить им посты в государстве и дать им ответственную работу в партийно-государственном аппарате. Например, после ввода ОКСВ группа «Труд» заявила о своей поддержке политики НДПА. В 1980 г. было принято специальное постановление Политбюро о принятии членов «Труда» в НДПА.

В 1981 г. процесс слияния «Труда» с НДПА прервался. Трудовики опасались, что со вступлением в НДПА они потеряют своих сторонников среди народа.

Такая же или подобная ситуация возникла во взаимоотношениях НДПА с другими революционными организациями Афганистана — АМРА («Авангард молодых рабочих Афганистана»), ОФТА («Организация феодалов — трудящихся Афганистана»), РОТА («Революционная организация трудящихся Афганистана»), РОБТА («Революционное общество трудящихся Афганистана»), ОТА («Организация трудящихся Афганистана») и др. Хотя эти организации были малочисленны и каждая из них в отдельности не играла существенной роли в жизни страны, было непозволительной роскошью со стороны НДПА пренебречь их совокупным революционным потенциалом. В условиях когда народная власть существовала только в провинциальных центрах, а кишлачная зона полностью или частично находилась под контролем контрреволюции, эти организации разворачивали работу в сельской местности, расширяли свои позиции в народе снизу и изнутри, а не сверху и извне. Методы деятельности НДПА, взятые ею на вооружение, мешали партии делиться с кем-либо властью. Они же мешали ей осознать, что в результате этого отказа власть не только не укреплялась, но, наоборот, ослабевала. И это упущение дорого обошлось афганской революции. Лишь в 1988 г., по прошествии десяти лет, НДПА перешла от слов к делу, поделившись с другими партиями и организациями многими постами как в центре, так и на местах. Но времени упущено много... С сожалением приходится констатировать, что НДПА не действовала, а только реагировала на изменения обстановки.

Понятно, что война в Афганистане нанесла экономике страны огромный ущерб. Объем производимой продукции по всем видам показателей снизился по сравнению с уровнем 1978 г. (т. е. до революции). К бедам войны добавились экономические бедствия. Однако они объяснялись не только войной, но и неспособностью новой власти наладить производство и надежное управление им. Негативное влияние на управление отраслями экономики оказывали разногласия между халькистамп и парчамистами, особенно в руководящих сферах. Росли иждивенческие настроения и стремление решать все экономические проблемы за счет помощи СССР.

В целом в экономике ДРА уже к 1985 г. сложилось такое положение, когда намечаемые правительст-

вом планы социального и экономического развития из года в год не выполнялись, что резко отрицательно сказывалось на авторитете власти и руководства страны. Особенно неблагоприятно обстояло дело в области осуществления запланированных мероприятий по земельно-водной реформе. За период 1980—1988 гг. землю получили практически лишь 1300 безземельных и малоземельных крестьянских семей. Факты распределения земель стали эпизодическими и зачастую преследовали лишь пропагандистские цели. Так, например, весной 1982 г. в уезд Чар-Асиаб провинции Кабул в сопровождении воинской части выехал министр сельского хозяйства и земельной реформы Лакапваль и поделил земель пятерых крестьян. Этот факт был широко разрекламирован по Кабульскому телевидению. Однако на следующий день крестьяне, опасаясь репрессий со стороны мятежников, отказались от прав на полученную землю.

Вместе с тем в распоряжении афганского руководства имелся и опыт другого характера, когда экономические реформы, подкрепленные определенными политическими мероприятиями, давали положительный результат. Например, в первом квартале 1983 г. было создано 23 новых сельскохозяйственных кооператива, а общее число их в стране на 1 апреля 1983 г. составляло 226. Они объединяли более 47 тыс. членов, из которых 9 тыс. были вовлечены в отряды самообороны. Так вот, самыми жизнеспособными кооперативами оказались те, члены которых образовали отряды самообороны. Видимо, прав был профессор К. М. Цаголов, когда писал, что «революция должна формировать лишь такие экономические планы, которые она может защитить политическими средствами», и наоборот, «революция должна выдвигать такие политические лозунги, которые могут быть наполнены экономическим содержанием»⁵.

Таким образом, экономические планы афганского руководства на новом этапе революции по всемерному повышению жизненного уровня крестьян остались только на бумаге, так как это руководство не смогло защитить эти планы политическими средствами, т. е. не только не обеспечило безопасность крестьян силами регулярных войск, но еще и медленно разворачивало работу по созданию отрядов самообороны крестьян — иными словами, не использовало возможности

населения защитить себя от мятежников. А так как в ряды мятежников было втянуто большинство населения страны, афганское руководство, следовательно, медленно разворачивало работу по привлечению мятежников (т. е. обманутых крестьян) на сторону революции. Например, в 1981 г. был издан закон о всеобщей амнистии членам вооруженных групп оппозиции, добровольно сложившим оружие и сдавшимися властям. Но этот закон остался, как говорится, нерабочим, так как он не предусматривал создания тех же отрядов самообороны крестьян на базе бывших отрядов мятежников, которые опирались бы на материально-техническое обеспечение со стороны власти. Народная власть существовала в Кабуле, в лучшем случае в провинциальном центре, а мятежник жил в своем кишлаке и никуда оттуда не выезжал, к боевым действиям его привлекали один-два раза в месяц. Сдаться властям — означало в таком случае, что мятежник бросал свою семью в кишлаке на произвол судьбы или на милость главаря. К сожалению, правительство так и не смогло разрешить это противоречие вплоть до 1985—1986 гг. И этому есть убедительные свидетельства.

Например, после крупномасштабной операции, проведенной совместно советскими и афганскими войсками весной 1983 г. в долине Панджшер, руководитель изрядно потрепанной в боях группировки мятежников Ахмад Шах Масуд, лишившись значительной части личного состава и запасов оружия и боеприпасов, вынужден был пойти на переговоры с советским командованием. В результате переговоров было заключено перемирие, в соответствии с которым афганские и советские войска воздерживались от боевых действий против отрядов Ахмад Шаха. В свою очередь Ахмад Шах воздерживался от нападений на советские и афганские войска, а также на коммуникации в районе Саланга. Шесть месяцев в районе Саланга, где советское командование вынуждено было держать три мотострелковых полка, а афганское — дивизию, царило спокойствие. Кроме того, за это время Ахмад Шах предоставил в распоряжение советского командования ценную информацию о группах вооруженной оппозиции другой контрреволюционной партии — ИПА.

Одновременно проводилась большая работа по дальнейшему склонению Ахмад Шаха на сторону прави-

тельства, по его изоляции от влияния политического руководителя в Пешаваре. Когда эта работа была завершена и потребовала дальнейших конкретных практических шагов (речь шла о предоставлении Ахмад Шаху высокого поста в министерстве племен и народностей Афганистана), Революционный совет ДРА под председательством Б. Кармая... приговорил Ахмад Шаха к смертной казни. Лишь в январе 1988 г. после объявления политики национального примирения приговор был отменен, Ахмад Шах паряду с другими командирами вооруженной оппозиции Джелалудином Хакани, Абдулом Сабуром, Мухаммедом Исмаилом, Тураном Исмаилом и Салехом Мухаммедом был амнистирован, однако время было упущено, доверие Ахмад Шаха к власти в Кабуле было в корне подорвано. После этого приговора Ахмад Шах, укрепив за время перемирия свои позиции, устранив соперников в зоне Панджшера, развернул ожесточеннейшую борьбу против правительства. Весной 1985 г. по его личному указанию в ущелье Дехмикини были уничтожены 120 афганских и советских военнопленных. Ныне Ахмад Шах остается самым грозным противником правительства.

Не менее значительными оказались упущения «народной власти» в организации нормального функционирования государственного сектора в экономике. В такой отсталой стране, как Афганистан, государственный сектор, естественно, не мог играть ведущей роли в экономике. Оставалась еще огромная область экономики, где возможности государства по ее активизации (т. е. по активизации частного сектора) не использовались вообще. Лишь 3 июля 1983 г. на XII Пленуме ЦК НДПА было принято решение «возобновить и спланировать постоянную работу консультативного экономического совета по частному сектору» и «разработать специальный законодательный акт, систему взаимоотношений государства с частным сектором и другие меры по активизации частного сектора и привлечению его к развитию промышленного производства, сферы услуг и торговли»⁶.

Таким образом, от программных заявлений нового афганского руководства, сделанных в начале 1980 г., о том, что национально-демократическая революция предполагает деятельное участие в жизни государства широких слоев населения, включая среднюю буржуа-

зию и средних землевладельцев, до практического включения их в экономическую жизнь страны лежит период длиною в три года. Для афганской революции это непростительно, ибо частные предприниматели в Афганистане не только в состоянии наладить производство, но и собственными силами защитить его. Это ли не резерв афганской революции? Перелом в этом вопросе, как, кстати, и в государственном секторе, произошёл лишь после провозглашения курса на национальное примирение. Теперь частники голосуют за национальное примирение не просто поднятием руки, а своими капиталами.

Кроме вышеназванных просчетов и упущений существует еще и особая категория ошибок, относящихся как к афганской, так и к советской стороне.

В период 1980—1985 гг. в Афганистане отсутствовал единый, постоянно действующий координационный центр, который выполнял бы задачу согласования деятельности аппарата главного военного советника, ОКСВ, МГБ, МВД и Совета Министров Афганистана. Ведомственность, несогласованность действий не обеспечивали продвижение вперед сплошным фронтом, приводили к срывам, попятному движению. Сложился расточительный аппарат параллельных функций и надзора, сковывающий инициативу на местах. Взаимодействие афганских и советских войск в этот период под предлогом сохранения в тайне замыслов боевых действий было сведено к минимуму, что не могло не сказываться на эффективности действий афганских войск. Программа оказания помощи афганскому населению по линии ОКСВ не согласовывалась с аналогичными программами Совета Министров Афганистана, часто имели место случаи разрывывания этой помощи на местах и ее дележка между представителями пародной власти.

Все эти ошибки и упущения привели к тому, что темпы расширения народной власти в Афганистане из года в год оставались низкими. Подсчитано, что в Афганистане имелось около 30 тыс. кишлаков. В ходе совместных боевых действий афганских и советских войск освобождались тысячи кишлаков, однако новые органы власти за один год создавались лишь примерно в 1 тыс. кишлаков. Следовательно, если бы закрепление народной власти шло вперед такими темпами, то

для установления полного контроля в стране потребовалось бы примерно 30 лет.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что маршруты передвижения мятежников, а также переброски оружия и боеприпасов из Пакистана и Ирана в Афганистан пролегают через более чем 90 проходов в районах со сложным рельефом местности. Только для жесткого перекрытия каждого из них потребовалось бы задействовать не менее одной мотопехотной роты. Все же, для того чтобы закрыть границу, в основном афгано-пакистанскую, потребовалось бы не менее шести мотопехотных дивизий.

Очевидно, что для Афганистана, который за весь период с 1978 по 1990 г. не смог обеспечить собственными экономическими усилиями вооруженную защиту революционных завоеваний, выполнение такой задачи было бы непосильным.

Народная власть только тогда имеет право называться народной, когда ее поддерживает большинство населения страны. Следует отметить, что мятежники, с которыми активно боролось кабульское правительство, а также ОКСВ намного опередили его в создании органов местного управления. Органы, создаваемые на местах Кабулом, были властью временной, «приезжей». Оппозиционеры, как правило, назначали карьядарами (староста́мп) местных жителей, пользующихся авторитетом у населения, что помогало им укреплять свое положение на местах.

Таким образом, разобщенность демократических сил, неразвитость рабочего движения в стране, слабость НДПА, фракционная борьба в ней и ряд других обстоятельств объективно накладывались на благоприятные условия развития контрреволюции в Афганистане. В силу этого свергнутым правящим кругам удалось вовлечь в контрреволюционное движение большинство населения страны (до 80 процентов территории страны контролировалось мятежниками). К середине 80-х гг. четко обозначились тенденции к кризису в развитии второго этапа революции, последовавшего после свержения Х. Амина. Мятежники выиграли — так или иначе — битву за народные массы. Центральное правительство в Кабуле сумело противопоставить им лишь авторитет оружия. Факторы иностранного вмешательства в дела Афганистана (присутствие советских войск в Афганистане и наличие плацдарма

войны в Пакистане) на внутренней арене все больше теряли свой первоначальный вес; из войны против разновидности иностранной агрессии, какой война была в 1978—1979 гг., она превратилась в войну гражданскую, в которую прямо или косвенно было практически втянуто все население страны. Возникла тупиковая ситуация, которую нужно было разблокировать.

Процесс военно-политического урегулирования обстановки в Афганистане припал затяжной и драматический характер, и представление о его скоротечности, имевшее место в первые послереволюционные годы, оказалось явно ошибочным. Невозможным оказалось и военное решение проблемы. В ходе осуществления важных прогрессивных преобразований, в том числе и в области военного строительства, проявились поспешность, отсутствие гибкости, неопытность партийного и государственного аппарата, что привело к ряду серьезных ошибок, недоработок и упущений, нанесших немалый ущерб развитию революционного процесса в стране.

Руководство партии и правительство не сумели избежать ряда неверных шагов и оценок в области военной политики, вызванных прежде всего рецидивами фракционности и ошибочным, по сути иждивенческим, пониманием роли ОКСВ и советских военных советников в Афганистане.

Не все до конца было продумано в области военного сотрудничества и советской стороной. Ошибки в оценке и анализе исламского фактора, вероятности втягивания советских войск в гражданскую войну, привели к непредвиденным последствиям. Незнание обстановки в стране, возможностей советских войск в условиях Афганистана, расстановки и соотношения сил обернулось тем, что непродолжительный срок нахождения ОКСВ, определенный министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Д. Ф. Устиновым, затянулся до долгих девяти лет, одного месяца и восемнадцати дней.

Среди военных и партийных деятелей Афганистана, тех, кто осуществлял апрельское вооруженное восстание, было много людей искренних, верящих и готовых жертвовать собой — первая волна революционеров. Это были люди, жаждавшие посвятить свою жизнь делу революции, не преследовавшие личных, корыстных целей. К сожалению, их надежды не оправдались.

2. В поисках выхода из тупика

В то время как стоящая у власти НДПА, а вернее ее руководство, занималась своими внутренними проблемами и все более компрометировала себя в глазах народных масс, партийно-государственный аппарат добросовестно озвучивал многие тезисы и материалы, которые готовились для него соответствующими советниками, но фактически ничего полезного не делал в организаторском плане. Оппозиция, занимаясь критикой несостоятельного по тем временам правительства, объединялась, укреплялась, получала всевозрастающую поддержку реакционных сил. Велась мощная антиправительственная, антисоветская пропаганда, для обеспечения эффективности которой существовали реальные возможности. Жизнь во многом подтверждала ее «правоту».

В частности, действительно не осуществлялись провозглашенные НДПА цели революции. Государство оказалось неспособным установить контроль над значительной частью территории страны, защитить от террора те населенные пункты, которые хотели бы присоединиться к народной власти. Многочисленные и часто бессмысленные бомбоштурмовые и ракетно-артиллерийские удары, приводящие к жертвам среди мирного населения, разрушению целых кишлаков, уничтожению ирригационных систем, садов, — все это также не способствовало укреплению позиций НДПА и государственной власти. Постоянно нарастали и антисоветские настроения среди населения страны, чему способствовало затянувшееся пребывание советских войск в Афганистане.

Одновременно формировалось мнение о том, что в военном отношении правительственные войска и ограниченный контингент советских войск не способны справиться с непримиримой вооруженной оппозицией. Боевые действия осуществлялись по методу насоса: ОКСВ нажимает — противник уходит, ОКСВ уходит — противник возвращается, и оставались малорезультативными. Это было хорошо известно населению и серьезно подрывало веру в то, что власть НДПА может быть установлена на всей территории Афганистана. Абсолютное большинство населения верило в то, что после вывода советских войск к власти придут противники НДПА. Отсюда выжидательное, а иногда

и паническое поведение населения и даже партийцев, да и части офицеров. К таким неутешительным результатам пришла НДПА к 1985—1986 гг. В Афганистане и Советском Союзе объективно сложилось мнение, что в создавшихся условиях только военными методами решить афганские проблемы невозможно.

На XVIII и особенно на XIX Пленумах ЦК НДПА были впервые названы основные недостатки, упущения, провалы в работе партии, причины их появления.

В середине 1986 г. началась разработка созидательной концепции достижения мира в стране, учитывающая специфические особенности Афганистана, создававшейся военно-политической обстановки. В основу концепции политики национального примирения легли ленинское учение о компромиссах, опыт его применения в различных странах. Вместе с тем политика национального примирения неразрывно связана с овладением философией нового политического мышления. Свою определяющую роль сыграл и апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, который способствовал выходу из тупиковой ситуации в Афганистане.

Политика национального примирения была официально провозглашена на чрезвычайном Пленуме ЦК НДПА, состоявшемся 30—31 декабря 1986 г. По существу, этот курс следовало провозгласить еще в 1980 г., самое позднее — в 1981 г., поскольку это был единственно возможный путь прекращения войны в Афганистане, сохранения территориальной целостности страны и постепенного развития революционного процесса.

В 1987 г. правительством Афганистана был сделан ряд смелых, нестандартных шагов во всех сферах жизни афганского общества.

В стране начала действовать, по существу, новая политическая система. Согласно новой Конституции Афганистан стал республиканским государством. Президентом был избран Наджибулла. Он осуществляет управление государством через коалиционный национальный Совет — основной законодательный и исполнительный орган власти.

В соответствии с законом о политических партиях и общественно-политических организациях в стране была введена многопартийная система. К НДПА присоединились несколько малочисленных леводемо-

кратических группировок. Хотя они именовали себя марксистско-ленинскими организациями, их практическая деятельность отрицательно сказывалась на стабилизации обстановки в стране, вносила раскол в НДПА, отвлекала партийцев от борьбы с контрреволюцией. Значительная часть членов этих организаций ушла в подполье.

Были созданы две новые партии — «Исламская народная партия Афганистана» (ИНПА) и «Крестьянская партия справедливости Афганистана» (КПСА).

В деле создания новой политической системы в стране НДПА выразила готовность сотрудничать и с оппозиционными партиями. Она выступила с инициативой о формировании коалиционного правительства и органов коалиционного управления на местах. Был объявлен список должностей на министерском уровне, которые НДПА готовилась отдать представителям противоположной стороны. Было принято решение пригласить в состав коалиционных органов власти командиров вооруженных групп внутри страны и лидеров вооруженных формирований второго эшелона, находящихся за рубежом. За теми, кто вошел бы в коалиционные органы управления, сохранялась определенная автономия в контролируемых ими районах. Население кишлаков, уездов, согласное с политикой национального примирения, могло сохранить свои органы и формы правления.

В ответ на обращение об одностороннем прекращении огня и призыв присоединиться к нему лидеры непримиримой оппозиции заявили, что будут продолжать джихад до полного вывода советских войск. Рассчитав курс на национальное примирение как показатель слабости правительства, «семерка» приняла решение усилить вооруженную борьбу и особенно террористическую деятельность на территории Афганистана.

Еще больше обострилось противоборство между НДПА и ее противниками. Происходило дальнейшее обострение военно-политической обстановки. Несмотря на активную деятельность в центре (правда, эта активность заключалась в количестве выступлений и документов, в целом-то глубоко продуманных и серьезных, но никак не подкрепляемых практическими шагами (мерами) в социально-экономической жизни населения), перелом в борьбе за массы на местах не на-

ступил. Усилия руководства страны давали больше внешний эффект. Все более укреплялось впечатление, что к политике национального примирения партия оказалась неготовой. Даже среди большинства советских советников бытовали сомнения в отношении правильности курса на национальное примирение. Объяснить это можно только тем, что как советники, так и подсоветные не имели четкого представления о том, что же они должны делать для осуществления политики национального примирения.

Однако очевидцы событий в Афганистане помнят, что еще ни одна политическая инициатива НДПА не вызывала столь большого резонанса в среде простого народа, в рядах контрреволюции, во всем мире, как призыв к установлению мира и спокойствия в стране.

Военный водитель Сардар, возивший советников одного из управлений ГлавПУ афганской армии, рассказывал: «Я был удивлен реакцией моего отца, владельца мясного дукана в Кабуле, на выступление Наджибуллы о политике национального примирения. Мой шестидесятипятилетний отец буквально плакал, слушая его выступление, заявляя, что ни один афганский руководитель не говорил таким понятным для афганцев языком о таких жизненно важных для афганского народа проблемах».

Примирение стало своего рода политическим катализатором, ускорившим проявление как позитивных, так и негативных тенденций, которые существовали в афганском обществе. В результате проведения нового курса стала более ясной расстановка политических сил в афганском обществе, в партии. Во многих случаях спали маски с некоторых лжеревolucionеров, стало ясно, кто есть кто.

Политику национального примирения восприняли далеко не все партийцы, так же как и не все советники. Довольно значительная часть тех из партийцев, кто, заняв руководящие посты в центре и на местах, обогатился на войне, увидели в примирении угрозу своему благополучию.

Среди тех, кто не воспринял примирения с контрреволюцией и еще больше — предстоящий вывод ограниченного контингента советских войск, оказалась и часть партийцев, искренне верящих в необходимость революционных преобразований, дружбы с СССР.

Осуществление политики национального примирения, особенно достижение политического решения о выводе ОКСВ в течение 12 месяцев, а затем, в уточненные сроки, — в течение 9 месяцев, обнажило истинное отношение различных слоев афганского общества к СССР. В ряде случаев наглядно проявился иждивенческий, потребительский характер отношения к СССР. Возрастающая экономическая помощь воспринималась как само собой разумеющееся, зато сокращение участия советских войск в боевых операциях — с недовольством. Более откровенно стали муссироваться факты ошибочных ударов ОКСВ по кишлакам или позициям афганских войск, что, к сожалению, иногда имело место, случаи мародерства и т. п. Стало открыто проявляться скептическое отношение к советникам. Важные кадровые вопросы все чаще решались без ведома или даже вопреки мнению советников. У некоторых высокопоставленных лиц афганского партгосаппарата в то время стало модным валить на СССР вину за все беды Афганистана.

Военные советники из гарнизона Мукур вспоминали о том, как их не желали отпускать подсоветные в Кабул под предлогом отсутствия транспорта, топлива и т. д. Только с транспортной колонной 40-й армии они смогли отбыть в Кандагар и тем самым выполнить приказ главного военного советника о сборе советников из ряда гарнизонов в Кабуле для последующего убытия в Советский Союз. Растерянность и неуверенность в себе толкали афганских офицеров на такие шаги.

Реакция различных категорий населения на политику национального примирения была далеко не однозначной. Причин тому было достаточно. Представляется, что при ее выработке не были учтены интересы не только тех, кто эту политику провозглашал, но и тех, к кому она была обращена, поскольку она предлагала для своей реализации высокий гуманистический и нравственный потенциал общественного сознания. Как и следовало ожидать, эта политика не встретила понимания со стороны непримиримой оппозиции и была расценена ею как признак слабости правительства. Это привело к дальнейшему повышению боевой активности и морального духа мятежников. Одностороннее прекращение огня афганской армией и ОКСВ способствовало девальвации стратегических и такти-

ческих целей процесса, начатого в апреле 1978 г., спижению морального и боевого духа армии.

В этой сложной и напряженной обстановке афганский народ с надеждой обращал свои взоры на Женеву...

3. Женевские соглашения

14 апреля 1988 г. в Женеве было подписано пять основополагающих документов по вопросам политического урегулирования положения вокруг Афганистана. Данные документы не касались внутренних проблем Афганистана, которые вправе был разрешить лишь сам афганский народ.

По общему признанию, эти пять документов получили наименование женевских соглашений и образовали пакет, состоящий из двустороннего соглашения между Афганистаном и Пакистаном о принципах взаимоотношений, включающих невмешательство и отказ от интервенции, а также соглашения между указанными странами о добровольном возвращении беженцев, Декларации о международных гарантиях, соглашения о взаимосвязи и меморандума понимания.

Важность женевских соглашений заключается в том, что они поставили преграду внешнему вмешательству в дела Афганистана, дали шанс самим афганцам установить мир и согласие на своей земле. Вступив в силу 15 мая 1988 г., женевские соглашения строго регламентировали процесс вывода ОКСВ из Афганистана и декларировали международные гарантии о невмешательстве, обязательства по которым приняли на себя СССР и США.

Подписание женевских соглашений открыло новую эру в решении столь жгучей международной проблемы, как разблокирование региональных конфликтов и их политическое урегулирование. Возник прецедент, в средствах массовой информации все чаще стал употребляться термин «афганская модель» урегулирования, что, в свою очередь, подтвердило универсальный и глобальный характер нового политического мышления.

Существует мнение, что женевские соглашения — это следствие реализации нового политического мышления. И это, безусловно, так. Но очень важна и другая, менее заметная, сторона нового видения мира и себя в пем на рубеже XXI в. И суть состоит в том, что

новое политическое мышление не только плод озарения, которое затем было декретировано сверху. Сила и плодотворность идей и действий с позиций нового политического мышления состоит в мучительном и осознанном восхождении по ступенькам истории войн и конфликтов к осознанию простой и величайшей истины, что выше человека нет ничего...

В этом смысле длительный процесс поиска путей прекращения войны в Афганистане стал своего рода опытом испытания и кристаллизации конструктивного ядра нового мышления. И это вполне естественно и диалектично, потому что новое обычно возникает благодаря преодолению.

Первый раунд женевских переговоров при посредничестве личного представителя генерального секретаря ООН начался еще 8 июня 1982 г. Между тем первые, видимо недостаточно последовательные, но все же попытки пригласить противоборствующие стороны за стол переговоров последовали из Москвы и Кабула еще в мае 1980 г. Стремление советского руководства занять более конструктивную позицию по афганскому вопросу было отмечено осенью 1981 г.⁷ Пересом де Куэльяром, в ту пору заместителем генерального секретаря ООН по особым политическим вопросам. С избранием Переса де Куэльяра генеральным секретарем ООН в начале 1982 г. посреднические усилия ООН в процессе поиска путей урегулирования афганской ситуации активизировались.

Миротворческие усилия ООН были конструктивно восприняты в Советском Союзе. В конце 1982 г., во время похорон Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропов встретился с президентом Пакистана Зия уль-Хаком. В ходе встречи была затронута афганская проблема. Конструктивная позиция нового советского руководителя позволила в начале января — конце февраля 1983 г. специальному представителю генерального секретаря ООН Д. Кордовесу подойти вплотную к составлению «первого реального плана и первого законченного текста задуманного соглашения»⁸.

В отличие от большинства американских руководителей того периода посредническая миссия Д. Кордовеса встретила понимание у посла США в Пакистане Р. Спирса, который также считал, что Советский Союз действительно заинтересован в скорейшем преодолении афганского конфликта. Однако, к сожалению, стремле-

ние ключевых фигур в американской администрации извлечь максимум политических выгод из афганского конфликта и втянутости ОКСВ в боевые действия существенно затруднило посредническую миссию ООН. Тем не менее весной 1983 г. Д. Кордовес заявил, что проект текста соглашения «готов на 95 процентов»⁹. Однако, как отмечает авторитетный американский специалист С. Харрисон, уже 8 мая 1983 г. Чарльз Коган, в ту пору руководитель тайных операций ЦРУ в Юго-Восточной Азии и программы США по оказанию помощи афганской оппозиции, уверенно заявил, что Пакистан не решит вопросы о запланированном урегулировании ни в июне, «ни когда-либо»¹⁰.

После смерти Ю. В. Андропова в феврале 1984 г. активность посреднической деятельности ООН по разблокированию афганского конфликта заметно снизилась. Параллельно с этим, начиная с 1984 г., военная помощь США афганской оппозиции начала резко возрастать: 1984 г. — 120 млн. долларов, 1985 г. — 250 млн. долларов, 1986 г. — 470 млн., 1987 г. — 600 млн. долларов, т. е. фактически только США, не считая помощи, оказанной антиправительственным силам Китая, Египтом, Саудовской Аравией и странами Западной Европы, в период с 1980 по 1987 г. предоставили 2,1 млрд. долларов силам афганской оппозиции¹¹.

Характерно, что в апреле 1985 г., как сообщает иностранная печать, когда новый Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев через месяц после своего избрания дал поручение проанализировать состояние афганской проблемы и выразил свою поддержку посреднической миссии ООН, в Вашингтоне конгресс США принял резолюцию, призывающую к количественному и качественному увеличению помощи афганской оппозиции. А президент Р. Рейган подписал директиву по национальной безопасности № 166, в которой при реализации целей США в отношении афганского конфликта и вокруг него предлагалось действовать «любыми доступными средствами»¹².

Тем не менее благодаря постепенному снижению порога конфронтации в советско-американских отношениях в 1985—1986 гг. в афганском тупике забрезжил свет, а весной 1988 г. пакет женевских соглашений вступил в действие. С 15 мая 1988 г. советская и афганская стороны приступили к реализации своих обязательств в соответствии с пакетом женевских согла-

шений. Строго и неукоснительно выполняя принятые на себя обязательства, СССР и Республика Афганистан столкнулись с исключительно трудной, провокационной ситуацией, когда партнеры по Женевским соглашениям грубо нарушили свою часть обязательств.

В изданной в 1988 г. МИД Афганистана «Белой книге» — «Выполнение Женевских соглашений в интересах всего человечества» были изложены многочисленные факты нарушений этих соглашений со стороны Пакистана и США. К примеру, в течение только первого месяца, прошедшего после подписания Женевских соглашений 14 апреля 1988 г., вооруженной афганской оппозиции, базирующейся на приграничных с Афганистаном районах пакистанской территории, было поставлено беспрецедентно большое количество различного вооружения. Так, 15 мая 1988 г. — в день вступления в силу Женевских договоренностей — в течение одного часа в приграничную деревню Тери-Мангал, расположенную в 137 км от Пешавара, прибыло около 100 грузовиков с оружием. В начале мая в лагерь афганской оппозиции из пакистанского города Парачинар ежедневно прибывало более 40 автомашин, груженых минометами, стрелковым оружием, ракетами с дальностью стрельбы более 20 км. В ряде случаев транспорты с оружием маскировались под торговые караваны¹³.

Как и прежде, на территории Пакистана функционировали тренировочные центры для обучения вооруженной афганской оппозиции. В лагере Андарак, отмечалось в «Белой книге», неподалеку от Пешавара, пакистанские военные инструкторы обучали более 800 экстремистов стрельбе из тяжелого оружия и установке мин. В лагере Яро, расположенном в пакистанской провинции Белуджистан, экстремистов готовили к проведению террористических и подрывных операций в Кабуле, Кандагаре, Желалабаде. В общей сложности на пакистанской территории располагалось около 200 тренировочных центров¹⁴.

По данным «Белой книги», за два месяца после начала вывода советских войск вооруженная оппозиция предприняла 2914 военных акций, 96 актов саботажа и террора, в результате которых было убито 448 и ранено 500 человек. Только с мая по август по Кабулу было выпущено 200 ракет и 30 артиллерийских снарядов. Были предотвращены 63 взрыва. Погибло 154 че-

ловека, 206 человек было ранено, среди них старики, женщины, дети¹⁵.

Пакистанские власти препятствовали работе наблюдателей ООН, практически отказывались сотрудничать с ними. Так, 4—6 июня 1988 г. наблюдатели ООН посетили города Пешавар и Парачинар в целях проверки жалоб Афганистана. Однако им были запрещены поездки в те пункты, где, согласно официальным представлениям афганского МИД, формировались караваны с оружием, которое поставлялось вооруженным антиправительственным группировкам, действующим на афганской территории¹⁶.

Еще одной формой нарушений являлось блокирование Пакистаном возвращения афганских беженцев. Для их приема афганское руководство определило маршруты, в приграничных районах было построено 23 гостиницы, 10 лагерей по приему и 27 центров по репатриации на 10 тыс. человек. К началу августа 1988 г. более 150 тыс. беженцев вернулось на родину. Однако большинство из них были лишены такой возможности. По требованию афганской оппозиции в Пешаваре лагеря беженцев окружались пакистанскими войсками, которые несли караульную службу вместе с боевиками вооруженных афганских формирований. Кроме того, пакистанские власти организовали патрулирование приграничных районов и минирование путей прохода¹⁷.

1 июля 1988 г. 65 беженцев пытались вернуться в Афганистан через матасангарский проход. Вооруженные экстремисты с ведома пакистанских властей открыли по ним огонь. 26 человек было убито, остальные отконвоированы обратно¹⁸.

В «Белой книге» приводились рассказы очевидцев о бедственном положении, сложившемся в лагерях. Большая часть гуманитарной помощи, поступающей от международных организаций, разворовывалась «альянсом семи» и пакистанскими чиновниками. В результате многие беженцы страдали от голода, умирали от инфекционных заболеваний. Так, в течение одного месяца в лагере Алипур умерли 18 человек¹⁹.

Несмотря на то что США являются гарантом выполнения женевских соглашений, отмечалось в «Белой книге», они не только продолжают поставки оружия афганским повстанцам, но и подстрекают Пакистан к нарушению женевских договоренностей.

В середине июля 8 иностранных инструкторов из США, Франции, Египта прибыли в провинцию Кандагар. Вместе с одним из главарей контрреволюции они подготовили нападение на административный центр провинции и Кандагарский аэропорт. 23 июля, накануне мусульманского праздника, Кандагар подвергся ракетному обстрелу²⁰. Да и по свидетельству самой «Нью-Йорк таймс», накануне подписания женевских соглашений государственный секретарь США Дж. Шульц на встрече с членами сената и палаты представителей заверил их в твердом намерении администрации США продолжать оказание помощи афганской оппозиции. Он подчеркнул, что Вашингтон увеличит количество и повысит качество поставляемого им оружия²¹.

В «Белой книге» приводился большой список преступлений, совершенных вооруженной оппозицией против гражданского населения в 1987—1988 гг., оценивался ущерб, нанесенный необъявленной войной афганской экономике.

Факты, изложенные в «Белой книге», свидетельствовали о грубых нарушениях женевских соглашений со стороны Пакистана при поддержке влиятельных кругов США.

В начале ноября 1988 г. советское руководство вынуждено было еще раз подтвердить свою позицию по Афганистану. На состоявшемся 4 ноября в пресс-центре МИД СССР брифинге для советских и иностранных журналистов представитель Министерства иностранных дел СССР заявил следующее:

«В последнее время в заявлениях некоторых западных деятелей, а также в прессе ряда стран раздаются измышления насчет якобы допущенных Советским Союзом нарушений если не буквы, то хотя бы духа женевских соглашений по Афганистану. При этом ссылки делаются на будто бы проводимое наращивание группировки советских войск в этой стране, а также на переброску в Афганистан дополнительного числа советских боевых самолетов.

У авторов подобного рода измышлений, видимо, имеются свои мотивы для попыток бросить тень на советскую политику. Мы не считаем нужным вдаваться в эти мотивы, тем более что они неблагородного порядка. Однако все они объединены общей целью: отвлечь внимание мировой общественности от вопиющих нару-

шений, допускаемых Пакистаном при поддержке США, имеющих договоренностей. В этой связи хочу сделать следующее разъяснение.

Первое. Советский Союз строго выполнял и выполняет все положения Женевских соглашений. В соответствии с договоренностями нами было выведено из Афганистана за 3 месяца 50 процентов советских войск. Вывод осуществлялся под наблюдением группы военных представителей при ООН, которыми была отмечена пунктуальность выполнения Советским Союзом всех требований Женевских соглашений.

Второе. Сразу же после начала вывода советских войск пешаварские лидеры афганской оппозиции вместо поиска путей предложенного Кабулом национального примирения пошли на взвинчивание ситуации в стране. В этих целях они по существу злоупотребили позитивной ситуацией, сложившейся после значительного сокращения советских войск и после отвода некоторых воинских частей афганской армии от границы с Пакистаном в интересах создания зон мира в районах возвращения беженцев. Пешаварская оппозиция стала наращивать свою военную активность в различных районах Афганистана с широким применением ракетного оружия.

Одновременно усилилась диверсионно-террористическая деятельность, рассчитанная на деморализацию населения, дестабилизацию обстановки.

Вся эта активность обеспечивалась непрерывающимся потоком вооружений американского и иного происхождения, поступающих к бандитским формированиям через пакистано-афганскую границу в нарушение Женевских соглашений.

Третье. От указанных действий оппозиционных бандформирований страдает прежде всего мирное население. Вот некоторые данные. Только за один месяц... в результате ракетных обстрелов вооруженной оппозицией афганских городов и кишлаков и различного рода диверсий погибло 230 мирных жителей... 580 человек получили серьезные ранения.

Если взять только столицу Афганистана и Кабульскую провинцию, то после 15 мая жертвами террора экстремистов стали свыше 750 афганских гражданских лиц. Разрушено более 550 жилых домов и около 50 административных зданий.

Жертвами обстрелов Кабула, которые, замечу, ведутся не по военным объектам, а по «площадям», становятся граждане и других стран. Получили ранения граждане ФРГ, ГДР, НРБ, других государств. В результате взрыва ракеты у здания аэропорта погибли две советские гражданки и ребенок одной из них. Нанесен ущерб зданиям и территориям ряда дипломатических представительств.

Четвертое. Формирования оппозиции сосредотачивают в последнее время удары на подразделениях советских войск. После вступления в силу женевских соглашений было совершено 555 обстрелов и нападений на советские воинские части, в том числе 88 раз — ракетно-минные обстрелы. 26 раз обстреливались аэродромы, на которых находилась советская военная техника, в результате чего пострадали принадлежащие СССР самолеты и вертолеты. Было совершено 400 нападений на сторожевые заставы. Имеются жертвы среди советского воинского персонала.

Пятое. С тем чтобы не допустить дальнейшего разгула террора и с учетом предупреждений, которые ранее делались в адрес бандформирований и их пешаварских руководителей, Советский Союз предпринял ряд ответных мер в порядке обороны и законной самозащиты.

Советский Союз осуществляет сейчас поставку вооруженным силам Республики Афганистан дополнительно более мощных средств поражения.

Осуществляется частичная замена советских частей, выслуживших установленный срок в Афганистане. Некоторые из прибывающих частей имеют на своем вооружении более современную технику. При этом хочу подчеркнуть, что количество техники и личный состав не увеличиваются.

В связи с разного рода кривотолками относительно советских ракет в Афганистане, которые, как некоторые утверждают, предназначены для нанесения ударов по Пакистану, хочу подчеркнуть, что такой задачи не ставится. Они применяются только по сосредоточению техники и вооружений, используемых против советских воинских подразделений и мирных городов Афганистана. Дальность советских ракет — менее 300 км, соответственно поставки их никакого отношения к уже заключенным соглашениям и договоренностям не имеют, в частности, они не имеют отношения к советско-американским

риканскому Договору по ракетам средней и меньшей дальности.

По складам оружия, по скоплениям техники наносятся бомбовые удары силами советских бомбардировщиков. Мирные поселки, кишлаки, населенные пункты в число объектов бомбардировок или ракетных ударов не входят.

Советский Союз по-прежнему исходит из того, что проблемы Афганистана могут быть решены именно мирным и только мирным путем. Соединенные Штаты, Пакистан должны употребить свое влияние на бандформирования с тем, чтобы прекратилось кровопролитие в этой многострадальной стране.

Афганистану нужен конструктивный мирный диалог с целью достижения политического решения внутриафганских проблем. Важным практическим шагом в этом направлении было бы прекращение огня и начало переговоров по созданию коалиционного правительства на широкой основе с участием всех противостоящих сейчас друг другу сил. Прекращение огня давно предлагает президент Афганистана Наджибулла. Более того, Кабул в одностороннем порядке пошел на такое прекращение огня.

Реалии сегодняшнего Афганистана таковы, что альтернативы национальному согласию нет, а попытки игнорировать подлинную расстановку политических сил приведут только к затяжной войне»²².

К моменту завершения процесса вывода ОКСВ из Афганистана, т. е. 15 февраля 1989 г., в результате непрекращавшихся нарушений женевских соглашений фактически с момента их вступления в силу от рук непримиримой оппозиции погибло 6954 человека и ранено 12 200 человек²³. В большинстве своем это было мирное население. В этой связи характерным является сообщение ТАСС о том, что генеральный секретарь ООН Хавиар Перес де Куэльяр, его представитель по урегулированию положения вокруг Афганистана и миссия добрых услуг ООН в Афганистане и Пакистане «хотят выразить признательность правительству СССР, его гражданским и военным представителям за содействие и сотрудничество, оказанное миссии добрых услуг в осуществлении ее мандата в ходе вывода иностранных войск из Афганистана»²⁴. Об этом заявил официальный представитель генерального секретаря ООН.

Миссия добрых услуг представила генеральному секретарю ООН доклад, в котором сообщила о завершении вывода советских войск из Афганистана в соответствии с Женевскими соглашениями. Она выразила «особое удовлетворение» в связи с тем, что вывод войск был осуществлен в точном соответствии с графиком.

Наряду с вышесказанным в отношении СССР США, как гарант Женевских соглашений, нередко от выполнения принятых обязательств уклонялись или стремились их трактовать искаженно.

В отношении США к процессу Женевских переговоров, начавшихся еще в 1982 г. по инициативе Ю. В. Андропова и завершившихся 14 апреля 1988 г. подписанием пакета соглашений полномочными представителями РА и ИРП, а также СССР и США в качестве гарантов реализации политики урегулирования Афганского конфликта, в течение семи последних лет просматривается ряд устойчивых тенденций.

Во-первых, двойственное, спекулятивное отношение к поиску политической формулы урегулирования конфликта, суть которого до завершения вывода ОКСВ из Афганистана в феврале 1989 г. заключалась в том, что США официально объявили советское военное присутствие главным препятствием прекращения войны, а на деле всякий раз, когда, заявляли представители ООН, складывалась 95-процентная возможность достижения соглашения, прямо или косвенно подрывали этот процесс. В основе американской позиции по урегулированию конфликта заключалось стремление посредством тактики «увязок» не только затруднить вывод советских войск из РА, но и нанести СССР максимальный моральный, политический и экономический ущерб. Иными словами, превратить Афганскую ситуацию во «Вьетнам Москвы».

Во-вторых, принятие в середине 80-х гг. «доктрины Рейгана», направленной на глобальную и региональную конфронтацию с СССР, привело к качественной и количественной эскалации конфликта в Афганистане. К примеру, свидетельством лицемерного подхода американской администрации к поиску политического урегулирования Афганского конфликта являются факты отстранения от должности ряда высокопоставленных сотрудников администрации, выступавших против дальнейшего наращивания американской помощи Афган-

ской оппозиции, в частности заместителя директора ЦРУ США Макмагона, так называемого «отца тайной операции в ДРА».

В-третьих, подписание женевских соглашений по Афганистану США восприняли лишь как создание условий к выводу ОКСВ, а не как формулу урегулирования афганского конфликта. Взяв на вооружение концепцию «положительной симметрии», согласно которой США обосновали свое право продолжать оказание военной помощи афганской оппозиции, поощрить расширение вмешательства в конфликт со стороны Пакистана. Решение о вышеуказанном было зафиксировано в специальной директиве по национальной безопасности от 13 февраля 1989 г., т. е. в канун полного вывода ОКСВ, и явилось одним из первых внешнеполитических шагов правительства Буша.

4. Возвращение домой

15 февраля, как и было predeterminedено женевскими соглашениями, из Афганистана вышли последние советские подразделения. Советский Союз пунктуально выполнил подписанные в Женеве договоренности.

Этот день надолго останется в памяти советских людей. Он уже вошел в историю...

...Женщины на высоком склоне близ Термеза, на южной границе страны, простоявшие здесь долгие часы в ожидании своих сыновей, мужей, любимых. Никто не знал, когда именно пойдет с афганской стороны очередная колонна. Приехали люди издалека. Приехали и ждали у моста. Ждали с отчаянием и верой даже те, кто получил похоронки.

14 февраля. Населенный пункт Наибабад на афганской территории. Здесь остановились перед завершающим марш-броском последние подразделения советских войск — два батальона разведчиков во главе с командующим 40-й армией Героем Советского Союза генерал-лейтенантом Б. В. Громовым.

Долгожданное утро 15 февраля. Колонна въезжает на мост, соединяющий советский и афганский берега, и приближается к границе Союза ССР. Над замыкающим бронетранспортером — Боевое Знамя. Не доезжая до советского берега, там, где пятый пролет моста, генерал-лейтенант Б. В. Громов спускается с брони, пересекает красную линию пешком.

Это было его право, привилегия солдата, пять с половиной лет провоевавшего в Афганистане, — пройти пешком последние метры.

Минутами позже с трибуны во время митинга командующий сказал: «Мы выполнили свою задачу, исполнили свой долг. Это — результат беззаветного труда солдат, сержантов, прапорщиков, офицеров, служащих Советской Армии. Никогда не утихнет боль утрат, глубокая скорбь о тех, кто не вернулся живым на Родину...»

Над рекой, над площадкой, где стояла броня последней колонны, над многотысячной толпой встречающих повисла долгая минута молчания.

Еще одна встреча в Кушке. Пурга. Морозно. Все ждут, когда поднимется пограничный шлагбаум. В 8.20 по местному времени начинается выход последних советских подразделений. В строгом порядке, с развернутыми знаменами, под звуки марша идут мотострелковый батальон, части прикрытия. На головном бронетранспортере — вымпел министра обороны СССР. Колонна воинов-интернационалистов направляется на просторную вертолетную площадку. Здесь состоялся торжественный митинг. На нем зачитывается Обращение ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР к советским воинам, вернувшимся из Афганистана.

В нем, в частности, говорилось:

«Родина гордится вами!»

Родина благодарит вас!

Родина рассчитывает на вас!»

Так завершилась большая и чрезвычайно сложная работа по подготовке и выводу советских войск из Афганистана.

Необходимо отметить, что вывод войск осуществлялся и до 1988 г.

Например, в октябре 1986 г. были выведены шесть полков. 19 октября 1986 г. сотни тысяч трудящихся Кабула провожали на Родину солдат и офицеров одного из полков ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

На торжественной церемонии проводов, которая состоялась в крепости Бала-Хисар, с речью выступил Наджибулла. Обращаясь к воинам возвращающегося полка, он сказал: «Сегодня мы провожаем еще один

полк советских воинов-интернационалистов; полк возвращается на миролюбивую Родину.

В последние дни мы увидели много волнующих, незабываемых проявлений уважения и признательности к нашим советским друзьям.

Мы увидели розовый дождь лепестков роз, сквозь который в Советский Союз из Шинданда уходили танки. Танки шли не с войны, танки шли не на войну. Это была мирная танковая атака на все старое — недоверие, подозрительность, враждебность, накопившиеся в годы «холодной войны».

Мы видели слезы благодарности и грусти на глазах тысяч и тысяч афганцев. Эти слезы нас объединяли.

В Шинданде я обратил внимание на плакатик из ученической тетради. На нем было написано: «Спасибо, Валя! Мы тебя не забудем!»

Примерно так же происходил вывод советских войск и в других местах, вплоть до 15 февраля 1989 г. Вывод ОКСВ был осуществлен точно в соответствии с женевскими договоренностями.

Однако, к сожалению, не обошлось и без потерь. Были и погибшие военнослужащие, были и жертвы среди афганского населения. До последнего мгновения отстреливался от нападавших на пост мятежников трубопроводчик рядовой В. Стариков... На южном склоне Саланга в упор были расстреляны КамАЗ и его водитель рядовой С. С. Шельтяев... Не дождалась жена и две дочки домой капитана О. Шишкина. Он и его товарищи по вертолетному экипажу, лейтенант П. Кроха и старший лейтенант А. Слушаев, сгорели в афганском небе за пять дней до окончательного вывода наших войск... Всего 39 человек погибли за последние полтора месяца до 15 февраля 1989 г.

По сообщениям прессы, радио и телевидения, вывод ОКСВ выглядел торжественно и празднично. Но проблем было предостаточно... Это и аэрофлотские препоны, отсутствие мест в гостиницах, моментально поднявшиеся цены на местных базарах и многое-многое другое в пунктах встреч «афганцев». Разве нельзя было предусмотреть наплыв людей и подготовиться к встрече? Да и долгожданное свидание вернувшихся с той стороны со своими родными и близкими, откровенно говоря, оказалось непродуманным и длилось считанные минуты...

Невольно возникает вопрос: а почему всего лишь

минуты? Почему бы колонне не остановиться на час где-нибудь в километре от моста через Амударью, в специально отведенном для этого месте? Чтобы мать могла хоть о чем-то спросить сына, передать приветы, чтобы могла прижаться к нему, погладить по пропыленной голове?.. Ведь проявил же такую инициативу полковник В. Востротин, остановил свой полк в чистом поле, построил людей, сказал:

— Вот мы и дома. Спасибо, войны, за все, что вы сделали. А вам, товарищи родители, спасибо, что встретили... Мы все радуемся встрече с вами... — И дал час для общения с родными.

Разве не нормой должно было быть проявление справедливости, человечности? За черствость души, равнодушие, отсутствие чувства сопереживания с окружающими воинов-интернационалистов людьми, чего так не хватало им и в Афганистане, не принято было не только наказывать, но и спрашивать. Примерно с подобного начиналось присутствие советских воинов на афганской земле в декабре 1979 г. В Кабуле, например, тыловки не смогли сразу обеспечить горячим питанием личный состав. И стояли на постах афганский и советский солдаты, деля между собой афганскую лепешку и советскую свиную тушенку. За годы пребывания в Афганистане тыловые службы не смогли расстаться со своей уже традиционной неразворотливостью и неоперативностью. Фактов в этом отношении «афганцы» могли бы привести больше чем достаточно.

Нельзя, если быть объективными до конца, не сказать и о том, что ситуацией незамедлительно воспользовались всякого рода проходимцы на советской территории. По ночам в районе расположения войск стихийно возникал «черный рынок». У ребят скупали по дешевке вещи, какие были, и тут же предлагали им водку, закуску и женщин.

Да, встречать «афганцев» прибыли и фарцовщики, и проститутки. Как им это удавалось, трудно представить. Ведь по официальным документам в те дни было трудно достать билеты в кассах Аэрофлота на южное направление.

Среди вышедших из Афганистана было немало таких, кто уже отслужил срочную, и даже сверх того. Им выдали на руки проездные документы — и до свидания! А мест в проходящих поездах не было. Вокзалы стали похожи на базары в часы пик... А почему бы не

выделить заранее для уволенных в запас несколько вагонов, не прицепить их к тому же поезду Душанбе — Москва? Организовать отправку самолетами? Увы, все это осталось благими пожеланиями.

Авторам этих строк вспоминается обстановка в те дни в аэропорту Ташкента. «Афганцы», группками расположившиеся в зале ожидания, обсуждали перипетии вывода войск... Авиаторы из Баграма, молодые лейтенанты, со слезами на глазах вспоминающие своего товарища, подбитого «стингером» недалеко от аэродрома, и ругающие своего командира за то, что запретил вылет вертолета за телом погибшего летчика...

...Холеный, самодовольный, высокомерный капитан — помощник коменданта аэропорта по перевозкам, не видевший не только настоящей военной службы, но, вероятно, и забывший о своей принадлежности к офицерскому корпусу. По его поведению было видно, что ему уже не авторитет не только рядовой с боевыми наградами, но и полковник... На вопросы о наличии билетов у него один ответ — ждите, нет информации из Тузеля, у него билетов нет и т. д. Учитывая нашу действительность, можно было бы понять и его, если бы не предприимчивые дельцы, предлагающие там же, в аэропорту, на первом этаже, билеты в любую точку Советского Союза. Только, разумеется, за двойную цену... Нет сомнения, сколько бы ни возмущались «афганцы», этот капитан — типичный представитель командно-административной системы военного образца — в генеральской форменной рубашке продолжает занимать свое теплое кресло, уверенный в своей непогрешимости, превосходстве над всеми смертными.

Увы, такова еще наша реальная жизнь, и от ее нынешних проявлений никуда не деться. Жизнь, которую надо ломать, переделывать, перестраивать. Многое пока не под силу, особенно в тех случаях, когда проблема упирается во что-то материальное. Но чтобы освободиться от равнодушия, черствости, особо больших затрат не требуется.

Пока же подобное существует, проявляется в нашем обществе и, естественно, в армии. Это — следствие очерствения души, нежелания доставить себе лишние хлопоты, понять психологию другого человека. И как правило, подобное проявляется в инстанциях административных, наделенных властью и обязанных по долгу службы организовать, предпринять, решить. От-

Сюда многочисленные конфликты «афганцев», закаивающиеся иногда и лишением их свободы.

Мало кто задумается, что души-то у «афганцев» обнажены не только на добро, но и на зло тоже. На чуткость и равнодушие, на правду и ложь. Поэтому легкой жизни в нашем насыщенном перестроечными конфликтами обществе им ждать не приходится: и тем, кто ушел в отставку или в запас, и тем, кто продолжает служить в армии. С этим им пришлось столкнуться в первые же дни после возвращения с войны. Реалии войны, боевой опыт, умение взять на себя ответственность нередко вступают в противоречие с опытом житейским, с системой сложившихся за последние десятилетия взаимоотношений в нашем обществе.

Воины-интернационалисты критично оценивают все, что пишут и говорят об Афганистане, считают, что правдивых, честных публикаций крайне мало. Встречающиеся в печати огульные, необъективные оценки вызывают у них неприятие, больно ранят.

Вывод советских войск стал событием действительно историческим, зримо воплотившим новое политическое мышление. Но афганское досье еще не закрыто: слишком глубокие раны нанесены целому поколению, советскому и афганскому народам, слишком много вопросов ждут ответа.

5. «Сезон боев», или «афганская модель»

После ухода советских войск вооруженная оппозиция, несмотря на неограниченную финансовую и военную помощь, участие тысяч иностранных военных советников и наемников и даже непосредственное военное вмешательство пакистанской армии, оказалась не в состоянии захватить сколь-нибудь значимый административно-политический центр на афганской территории. Широко разрекламированное на Западе и Востоке переходное правительство, которое вот уже почти десять лет «контролирует 90 процентов афганской территории», по-прежнему находится в Пешаваре²⁵.

Одной из причин провала военных планов «непримиримых» представляется тот факт, что народная власть Афганистана располагает боеспособными регулярными вооруженными силами, способными самостоятельно и успешно защищать республику. Вместе с тем следует признать, что и афганская оппозиция

располагает мощной военной силой, тысячами опытных и подготовленных боевиков.

Видимо, суть заключается в том, что народная власть, располагая необходимыми военными и политическими атрибутами государственной власти, является реальной силой, способной отстоять себя и свою страну. Следовательно, военное присутствие ОКСВ сыграло тут свою роль. Кровь и тяжелейший труд советских людей не пропали зря, как иногда скоропалительно об этом говорят. Более того, хотя и медленно, но последовательно народная власть укрепляет свои позиции, чего не скажешь об оппозиции. Конструктивная позиция и самостоятельность действий афганского правительства получают признание и со стороны тех, кто еще десять лет назад неоднократно списывал его на свалку истории. Однако война не прекращается. И этому есть причины.

После ухода советских войск из Афганистана исчез главный фактор консолидации неустойчивого альянса сил афганской оппозиции. А после того как стало ясно, что кабульский режим Наджибуллы не спешит падать гроздьями переспелого винограда в разставленные ладони моджахедов, старые противоречия и взаимные обиды среди лидеров афганской оппозиции вспыхнули с новой силой.

Наряду с непрекращающимися дрязгами в стане пешаварской семерки еще более отчетливо заявили о своей самостоятельности полевые командиры моджахедов, для большинства из которых сотрудничество с руководством афганской эмиграции носило и ранее в основном деловой характер. Преданность полевых командиров своим политическим вождям определялась прежде всего объемами и качеством поставок из Пешавара, а уж затем — идеологией.

А в пешаварских кругах тоже стали понимать, что отряды моджахедов из внутренней оппозиции не для того воевали, чтобы от их имени, но без их фактического участия в Пакистане возникло «новое» правительство Афганистана.

Именно в этот период, когда раздоры в рядах афганской оппозиции достигли угрожающего предела, стали вновь поступать сведения об участии советников и наемников из арабских стран в афганской войне. До вывода советских войск из Афганистана арабское участие в борьбе моджахедов преимущественно

сводилось к советнической, инструкторской, пропагандистской и контрольной функциям.

Еще весной 1987 г. в журнале пешаварского альянса «Аль-Буньян аль-Марсу» появились сообщения о 47 арабах из 13 стран, погибших в Афганистане. Это были молодые люди из Саудовской Аравии, Египта, Алжира и других арабских стран. Многие из них являлись активными членами исламских фундаменталистских группировок²⁶.

В Афганистане среди моджахедов и в лагерях афганских беженцев в Пакистане арабские наемники способствовали распространению ваххабитского влияния. Под эгидой саудийского протекже А. Сайяфа арабы начали подкупами и шантажом фактически переманивать на свою сторону наиболее боеспособные группы моджахедов из других партий. Однако вместо активизации боевых действий антиправительственных сил между арабскими наемниками и местным населением, а также некоторыми отрядами афганских повстанцев все чаще стали возникать стычки и конфликты. В дальнейшем попытки насадить ваххабитские нормы пуританского ислама среди населения афганских кишлаков (к примеру, чрезвычайно ранние браки девочек), высокомерное и пренебрежительное отношение к местному населению наряду с откровенным вмешательством в дела местных кланов, а также зверские истязания и расстрелы афганских военнопленных — все это не только не способствовало укреплению позиций арабских фундаменталистов среди афганских повстанцев, а, наоборот, усилило националистически окрашенное возмущение и открытую неприязнь к богатым иностранцам.

Немаловажным фактором усиления недовольства моджахедов арабами стало различное отношение к джихаду. Для афганских моджахедов главным был и остается контроль над своей территорией, которая обычно совпадает с родоплеменными границами. Это дает авторитет власти и право регулярно взимать поборы с населения и всех проезжающих на пужды святого дела — джихада. А для арабских наемников главное — создание пуританского исламского общества и возможность вести исламский джихад, самый успешный, по их мнению, в течение последних 700 лет. Действия арабских ударных групп (по несколько сот человек каждая), несмотря на фанатизм и хорошие бое-

вые качества их участников, не привели к падению Желалабада, а, напротив, сировоцировали еще большую междоусобицу среди афганских моджахедов.

Многие афганцы стали открыто возмущаться тем, что их борьбой манипулируют пакистанцы и саудиты, т. е. иностранцы. И не случайно. Действительно, захват Желалабада планировалось приурочить к мартовскому заседанию министров иностранных дел ОИК в Эр-Рияде, провести в захваченном городе заседание временного афганского правительства и таким образом обеспечить его общемусульманское признание. Однако в итоге все обернулось иначе — появились новые тысячи погибших мусульман.

В 1989 г. численность арабских наемников в Афганистане достигла 3 тыс. человек. На них были возложены задачи по организации успешного наступления и захвата какого-либо из афганских провинциальных центров до наступления зимы. Цель — прежняя: обеспечить перевод куда-либо переходного правительства афганской оппозиции. А ведь это свидетельствует о многом: и об уровне действительной популярности моджахедов среди простых афганцев, и о реальных возможностях кабульского режима сохранить власть после ухода советских войск.

Может быть, моджахеды еще не проиграли «священную войну» в Афганистане, но ее второй раунд обернулся поражением для «правоверных». Несмотря на все усилия, они оказались не в состоянии свергнуть правительство Наджибуллы. Поскольку колонны моджахедов не сумели приблизиться к Желалабаду, Кандагару, Кабулу, Герату, с тех пор как последняя колонна советских войск пересекла мост близ Термеза через Амударью, лидеры моджахедов наконец впервые за весь период джихада признали свое поражение. «Мы испробовали все. Мы не можем продвинуться вперед ни на шаг», — признал лидер умеренной группировки моджахедов. Фундаменталисты говорят о борьбе: «до последней капли крови», но все меньше и меньше слышится разговоров о победе.

В штаб-квартире переходного правительства исламского единства афганских моджахедов царит мрачное настроение. Вооруженная охрана по-прежнему браво приветствует «президента» профессора Моджаддиди при въезде и выезде из резиденции. Но сам «президент» не столь уверен в ближайшем будущем. Он

говорит: «Это, вероятно, будет долгая борьба. Она продлится гораздо дольше, чем мы думали. Но в конце концов мы победим»²⁷. Однако далеко не все афганцы думают так.

Несмотря на то что администрация в лагерях афганских беженцев, уступая нажиму моджахедов, стремящихся обеспечить приток новобранцев в свои ряды, теперь выдает карточки на получение товаров первой необходимости и продуктов новым семьям беженцев только после того, как мужчины из этих семей запишутся в формирования моджахедов, все меньше и меньше афганцев изъявляют готовность воевать, а среди записавшихся многие дезертируют. Один из беженцев, 70-летний моулави Аджиб, говорит: «За кого мы сражаемся и ради чего? Если бы это была действительно священная война, то разве аллах не обеспечил бы уже к настоящему моменту нашей победы?»²⁸. Шестеро его внуков и оба сына уже пали жертвами джихада. Неудивительно, что он прячет своего единственного внука как самое большое сокровище.

Постепенно начали меняться акценты в освещении событий в Афганистане и на Западе. Ведь предполагалось, что армия Наджибуллы распадется через несколько месяцев после ухода советских войск. Незадолго до завершения вывода советских войск американцы и западные союзники, в том числе Великобритания, отозвали из Кабула своих дипломатических представителей, ожидая падения президента Наджибуллы и «марксистского режима» ИДПА.

Уходивший в отставку американский поверенный в делах Д. Глассман предсказал, что этот режим «исчезнет к июлю»²⁹. В награду за свою службу Глассман был назначен советником по национальной безопасности вице-президента Куэйла...

Примечательно, что мнения квалифицированных и реально владеющих информацией дипломатов американская администрация не воспринимала. Так, в разгар боев под Джелалабадом специальный представитель при пешаварском альянсе и бывший советник посольства США в Кабуле Э. Макуилльямс докладывал в госдепартамент, что «надежды США на быструю военную победу мятежников над кабульским режимом нереальны». Надо сказать, реакция Вашингтона на трезвые мысли Э. Макуилльямса была незамедлительной — его отозвали в США. И не случайно: как со-

общал пресс-центр МИД РА, только за полгода после вывода советских войск «непримиримые» потеряли в боях убитыми более 36 тыс. человек, около 200 иностранных советников и 50 полевых командиров, а также почти 19 тыс. человек ранеными³⁰.

Не предвзято настроенные американские журналисты сообщали, что среди мирного афганского населения зреет негодование, они осуждают наращивание военной помощи оппозиции со стороны США. В августе 1989 г. в газете «Вашингтон пост» появилась статья с недвусмысленным заголовком: «От победы к поражению в Афганистане». Американский импульс гражданской войны в Афганистане привел к тому, что за 8 месяцев после вывода советских войск из Афганистана по городам, кишлакам и позициям правительственных войск было выпущено более 4 млн. артиллерийских снарядов и ракет. В результате погибло 2,5 тыс. мирных жителей, около 6 тыс. получили ранения³¹. А ведь это гражданские лица, в большинстве своем дети, женщины и старики. Жертвами так называемой священной войны становятся мусульмане. Вывод советских войск и безуспешные попытки вооруженной оппозиции достичь победы любой ценой, не считаясь ни с нормами ислама, ни с элементарной человеческой моралью, до предела обнажили истинные цели «борцов за свободу». Война для них и их партнеров — средство сохранения власти и наращивания богатств, которые в условиях мирного времени квалифицировались бы в любой стране и при любой религии как преступно нажитые. Вновь в американских газетах зазвучали характерные нотки, хотя и анонимно.

«...Один американский официальный деятель, ведающий делами Афганистана, при условии что его фамилия не будет названа, признал, что обосновывать нынешнюю политику на Капитолийском холме становится все труднее и труднее. Ведь в конечном итоге Советский Союз вывел свои войска из Афганистана. По мнению большинства американцев, война в этой стране закончилась. Кроме того, лидеры сопротивления — это далеко не бой-скауты, говорит вышеупомянутый деятель администрации. Здесь и вопросы торговли наркотиками, и отношения к женщинам, и нарушения прав человека, и призрак исламского фундаментализма...»³²

О действительной популярности лидеров пешаварского альянса и их ставке на военное решение афганского конфликта свидетельствуют результаты опросов, проведенных в 106 из 249 лагерей афганских беженцев на территории Пакистана еще в разгар «священной войны» с кяфирами в 1987 г. Лишь отдельные лидеры афганской оппозиции набрали по одному проценту голосов, а остальные — и того меньше³³.

Было бы неверным полагать, что вывод советских войск из Афганистана, крах мифа о скоростном падении народной власти в Кабуле, а также яростные, но безуспешные попытки хронически взаимно враждующего конгломерата сил вооруженной оппозиции с учетом колоссальных финансовых и военных вливаний и прямого соучастия Вашингтона, Исламабада и Эр-Рияда в реализацию амбиций лидеров «непримиримых» остались незамеченными. В публичном заявлении председателя постоянного комитета представителей конгресса США по разведке Э. Бейлапсона прозвучало недвусмысленное предупреждение: «Теперь, когда Советы ушли, оказание военной помощи афганским мятежникам не отвечает больше нашим интересам. Если администрация Буша не прекратит эту помощь, то конгрессу придется сделать это за администрацию»³⁴.

Способность народной власти в Афганистане самостоятельно и успешно отражать натиски антиправительственных сил наряду с искренними и последовательными усилиями по поиску путей прекращения братоубийственной войны постоянно склопляют чашу общественного мнения в свою пользу. В репортаже французской телекомпании ТФ-1 из расположения одного из отрядов афганской оппозиции в конце лета 1989 г. сообщалось, что «правительство Наджибуллы прекрасно держится, а между вооруженными формированиями оппозиции в Афганистане и «переходным правительством» в Пакистане взаимопонимания и сотрудничества все меньше». Другой французский журналист иронично подметил, что «Соединенные Штаты за собственный счет познают пределы и тайны «большой игры» в Афганистане. 15 февраля 1989 г. ЦРУ в своей штаб-квартире в Лэнгли устроило настоящий праздник по поводу вывода советских войск из Афганистана — одной из немногих успешных и гладко проведенных операций. Но сегодня атмосфера гораз-

до более мрачная. Трезвые оценки ситуации в Афганистане стали чаще появляться и на страницах печати в мусульманских странах. Предложенный президентом Наджибуллою план мирного урегулирования в Афганистане является единственной альтернативой войне в этой стране, писала издающаяся в Маскате газета «Оман». Ни нынешнее афганское правительство, ни оппозиция не в состоянии добиться решающей победы в обозримом будущем. Поэтому отказ от урегулирования конфликта мирным способом означает бесполезное продолжение истощающего силы обеих сторон вооруженного противостояния, подчеркивает «Оман». «Выборы, а не война должны определять, кто в Афганистане более достоин того, чтобы управлять страной»³⁵, — отмечала газета.

Однако по-прежнему в сообщениях из Афганистана преобладают военные сводки. Перспективы разблокирования острейшего и многолетнего регионального конфликта не внушают большого оптимизма. На фоне строгого и неукоснительного следования букве Женевских соглашений со стороны РА и СССР позиция и действия Пакистана и США в процессе урегулирования афганской проблемы не способствуют ее справедливому разрешению. При помощи и содействии пакистанских властей на территорию Афганистана перебрасываются боевики непримиримой оппозиции, не прекращаются поставки оружия и боеприпасов. Смерть и страдания мирному населению приносят варварские ракетные обстрелы городов.

Ставка на силу и беспрецедентное вмешательство внешних сил в гражданскую войну в Афганистане вызывает законное беспокойство у мировой общественности. Возникшие под влиянием нового политического мышления шансы ослабить конфронтационные процессы на Азиатском континенте, реализовать благоприятные предпосылки для урегулирования региональных конфликтов находят все большую поддержку среди государств — членов ООН. Примером этому является единодушное принятие резолюции «Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности» на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 1 ноября 1989 г., в которой выражалось требование неукоснительно соблюдать Женевские соглашения в целях скорейшего достижения всеобъемлющего урегулирования в Афганистане.

Не менее важен и внутривнутриполитический аспект. Почти год длившаяся оборона Джелалабада и Хоста в условиях близости пакистанской границы и почти непрерывной блокады свидетельствует о том, что население этих городов не желает победы моджахедов. Более того, усилилась тенденция отказа части оппозиции от вооруженной борьбы с правительством и переход к сотрудничеству с ним. В стране сложилась ситуация, когда ни одна из противоборствующих сторон не в состоянии решить своих стратегических целей силой оружия. В этих условиях продолжение войны — путь в тупик, это гибель десятков и сотен тысяч людей, разрушенные города и селения, слезы и страдания мирного населения.

Следовательно, политике национального примирения альтернативы нет. На фоне активных поисков афганским правительством конструктивных путей прекращения кровопролития преступной по отношению к своему народу выглядит позиция непримиримых, отвергающих политическое урегулирование конфликта при посредничестве ООН как неисламское по форме.

Но ведь не грех вспомнить, что такой видный авторитет в области ислама, как покойный ныне аятолла Р. Хомейни, именно в интересах мусульман считал возможным согласиться на прекращение не менее кровопролитной ирано-иракской войны при посредничестве ООН. Следовательно, причины отказа фундаменталистской оппозиции от компромисса в афганском конфликте при посредничестве ООН носят далеко не исламский характер.

Видимо, главная причина в том, что, пока идет война, лидеры фундаменталистской оппозиции имеют политический вес, военные возможности, неограниченную финансовую помощь, т. е. реальную власть.

А если представить себе, что в Афганистане наступил мир, то что будет с фундаменталистской верхушкой? В религиозном отношении фундаменталисты не только в Афганистане, но и в большинстве мусульманских стран, к примеру в той же Саудовской Аравии, находятся в непримиримой оппозиции к официальному мусульманскому духовенству и рассматриваются им как своего рода еретики — хариджиты. Религиозным авторитетом они, как правило, не располагают.

В социальном плане, учитывая устойчивый харак-

тер родоплеменных отношений в афганском обществе, фундаменталисты также вряд ли могут рассчитывать на соответствующие их амбициям места в иерархии родоплеменной знати.

В политическом отношении экстремизм исламских фундаменталистов скорее отталкивает основную массу населения, чем притягивает.

Следовательно, остается единственный путь сохранения политического веса и непрерывного потока финансовых инъекций — война. Но афганский народ устал от войны, вряд ли афганцы, да и простые пакистанцы, согласятся на второе десятилетие войны. А афганская непримиримая оппозиция стала не только важным фактором внутривнутриполитической нестабильности в Пакистане, но и международным рассадником наркобизнеса и незаконной торговли оружием. А такая ситуация представляет угрозу безопасности людей, далеко выходящую за пределы региона.

Годы войны в Афганистане убедительно свидетельствуют о наличии двух путей решения афганского вопроса. Первый — неизведанный путь поиска мирного политического урегулирования на основе компромисса интересов реальных противоборствующих афганских сил. Путь долгий и непростой, но дающий надежду истерзанной стране и смертельно уставшему от войны народу. И путь второй — кровавый тупик затяжной гражданской войны, которая на втором ее десятилетнем витке может завершиться печально известной на Ближнем Востоке ливанской схемой государственного распада на взаимно враждующие анклавов. Ведь очевидно, что в подобных конфликтах стороны, как правило подпитываемые из-за рубежа, не в состоянии достичь решительных военных побед, а лишь сохраняют неустойчивое равновесие кровопролития. Цена всему этому тоже заранее известна — новые страдания, переломанные судьбы и тысячи, тысячи мусульман, погибших от рук единоверцев.

* * *

Все дальше уходит тот день, когда последнее подразделение советских войск покинуло территорию Афганистана. Причина кровопролития, которую постоянно выдвигали на первый план лидеры непримиримой оппозиции, устранена. Но гражданская война, начав-

шаяся задолго до декабря 1979 г., продолжается и после вывода ОКСВ, что еще раз подтверждает резкое ограничение в современных условиях возможности разрешения внутренних социально-политических противоречий применением военной силы вообще и привлечением для этого иностранных войск в частности.

Время смывает издержки, неизбежно связанные с пребыванием любой иностранной армии в чужой стране. Сегодня афганские военнослужащие оценивают свои успехи, состоящие повседневной работы в войсках по тем критериям, которые заложили в Афганистане советские солдаты и офицеры. Афганские воины считают, что шурави личным примером воспитали в них дух стойкости и самопожертвования, которые проявились после февраля под Желалабадом и Хостом.

Советско-афганские отношения, их будущее воспринимаются афганцами как жизненно важный для страны вопрос. Пожалуй, нет человека, даже в среде оппозиции, который не понимал бы всю значимость и глубину связей между нашими государствами.

«Война не вечна, — заявил в одном из интервью президент Республики Афганистан Наджибулла, — наступит на нашей земле мир, и мы убеждены, что советско-афганское сотрудничество получит второе дыхание во многих областях...

Ваш Верховный Совет дал оценку решению о вводе советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. У политиков своя ответственность, и о ней сказано. Мы же склоняем свои головы перед памятью советских людей, которые отдали свои жизни, выполняя свой долг: солдат, военных и гражданских специалистов, дипломатов и журналистов.

Война принесла много горя. Оно не сразу забудется. Но не забудутся многими и многими афганцами доброта и мужество советских людей, их бескорыстие и человечность».

Трудно не согласиться с этими словами.

Афганская война заслуживает особого внимания среди большого количества локальных конфликтов и войн, которые потрясли мир после второй мировой войны. Историки и политики, философы и военные на протяжении полувека пытаются сделать выводы и извлечь уроки из опыта второй мировой войны. Однако около 90 войн и конфликтов послевоенного периода пока остаются недостаточно изученными и исследован-

ными. Значительное место среди них занимает афганская война, которая оказала большое влияние на формирование «нового мышления» в международных отношениях.

Многие специалисты справедливо считают, что вводу советских войск в Афганистан предшествовали де-стабилизация и внешнее вооруженное вмешательство в дела суверенного государства, что о вводе многократно просили афганские руководители. Это так. Однако эти доводы объясняют, но никак не оправдывают действия советского руководства в принципиальном плане. Возник трагический разрыв между целями и намерениями, средствами и методами их осуществления. Идеология оказалась оторванной от действительных интересов людей, а потому бесплодной.

Таким образом, ошибочно (с точки зрения конституционно-процессуальных норм) принятое политическое решение на ввод советских войск в Афганистан явилось неизбежным следствием той внешней политики, которую проводили в то время ведущие державы мира.

Нельзя не отметить и в определенной мере повлиявшие на развитие событий в стране просчеты в интернациональном воспитании советских воинов в духе уважения обычаев, традиций, религиозных чувств афганцев, недостаточное знание страны пребывания. Недостатки и упущения в интернациональном воспитании советских военнослужащих обернулись антисоветизмом, который стал знаменем всей контрреволюции, той общей платформой, на которой произошло объединение всех оппозиционных сил. Затянувшееся на десятилетие присутствие советских войск в Афганистане стало главным фактором консолидации антиправительственных сил.

Однако, признавая все отрицательные последствия ввода ОКСВ в Афганистан и недостатки в его действиях, необходимо отметить, что в ходе оказания интернациональной помощи был достигнут и существенный положительный результат.

За период пребывания в Республике Афганистан ОКСВ выполнил свою задачу в той мере, в какой она соответствовала потребностям времени: способствовал укреплению народной власти, укреплению вооруженных сил республики, осуществлял охрану и оборону важных государственных и военных объектов, сопро-

вождение колонн, перевозку продовольствия и предметов первой необходимости для мирного населения. На выполнение этих важных задач постоянно было задействовано до 70 процентов группировки советских войск в Афганистане.

Много добрых дел сделали советские воины для простых людей Афганистана. Выносили раненых детей с минных полей, оборудовали игровые площадки в детских домах «Ватан» («Родина») для сирот, чьи родители погибли, защищая завоевания революции, строили мосты, ремонтировали и восстанавливали дома, школы, мечети, помогали нуждающимся хлебом, керосином, одеждой, спичками, чаем, сахаром...

Сотни спасенных от разрушения населенных пунктов, тысячи вылеченных от различных болезней, избавленных от голода стариков и детей, бесчисленные километры разминированных дорог, тысячи тонн перевезенных и сопровождаемых под обстрелом грузов — таков далеко не полный перечень задач, которые выполняли воины-интернационалисты на земле Афганистана.

Советские солдаты, сержанты и офицеры не напрасно прошли в Афганистане суровую боевую и нравственную школу. Свидетельством тому — деятельность тысяч воинов-интернационалистов по военно-патриотическому воспитанию на Родине.

За время пребывания ОКСВ в Республике Афганистан был получен ценный боевой опыт, значительно обогативший теорию и практику ведения боя в горнопустынной местности. Действия советских подразделений и частей в основном проходили в горах, против отдельных отрядов мятежников, при полном отсутствии у противника авиации и при массовом применении им современных средств противовоздушной обороны и мины-взрывных заграждений. В то же время вооруженная борьба характеризовалась отсутствием сплошных фронтов, боевыми действиями на разобщенных направлениях, решительными действиями противоборствующих сторон в интересах захвата инициативы, овладения определенными территориями.

Непрерывное изменение военно-политической обстановки в Афганистане, оснащение бандформирований новым вооружением, применение мятежниками различных приемов и способов боевых действий оказывали существенное влияние на тактику действий советских

войск. Это требовало постоянного творческого поиска принципиально новых подходов в интересах успешного выполнения боевых задач.

Уход советских войск из Афганистана не есть их поражение. Они сражались героически, умело и самоотверженно. Нужно сказать прямо: военного разгрома формирований непримиримой оппозиции наши войска, взаимодействуя, разумеется, с афганской правительственной армией, могли бы добиться, но при двух условиях. Пришлось бы, по мнению иностранных специалистов, довести численность ОКСВ до 500—700 тыс. человек, чтобы полностью перекрыть тропы из Пакистана и Ирана. Это во-первых. А во-вторых, нанести воздушные, а может быть, и наземные удары по базам оппозиции, размещенным в приграничной полосе Пакистана. Естественно, Советский Союз не пошел, не мог пойти по этому авантюристическому пути, подобно тому, какой выбрали два десятилетия назад США во Вьетнаме. Здесь сказалось коренное различие между этими конфликтными ситуациями, которые сторонники тезиса о «поражении» пытаются ставить на одну доску.

Закрыт «афганский» вопрос, перевернута страница нашей истории, но афганская тема не завершена. Она все сильнее и настойчивее будет звучать в литературе, во внутренней политике, в социальных отношениях, ибо Афганистан пропустил сквозь себя более 600 тыс. человек.

Не все вопросы, связанные с присутствием советских войск в Афганистане, нашли отражение в предлагаемой читателю книге. Сосредоточив внимание главным образом на политическом аспекте войны, авторы не смогли по независящим от них обстоятельствам подробно рассказать о боевой деятельности ОКСВ, проанализировать ход и результаты боев. Все это — дело будущего. Тема афганской войны нуждается в дальнейшем всестороннем изучении. Поэтому авторский коллектив намерен продолжать начатое исследование.

Сегодня Республика Афганистан идет в будущее по трудному пути национального примирения и обновления. Потребуется немало усилий, чтобы пройти этот путь, на котором еще немало преград. Но, как гласит народная мудрость, «дорогу осилит идущий».

ПРИМЕЧАНИЯ

От авторов

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1987. Т. 13. С. 472.

² Известия. 1989. 27 дек.

Глава первая

¹ См.: История Афганистана с древнейших времен до наших дней. М., 1982. С. 453.

² Цит. по: Мухаммед Алп. Афганистан. М., 1957. С. 23—24.

³ Афганцами обычно называют всех живущих в Афганистане, хотя нужно иметь в виду наличие в стране различных национальностей и народностей.

⁴ См.: Отчет Центрального статистического управления ДРА. Кабул, 1986. С. 3 (на дари).

⁵ См.: Материалы отдела по делам религии ЦК НДПА. Кабул, 1985. С. 203 (на дари).

⁶ См.: Хакикате инкилабе саур. 1986. 23 окт. (на дари).

⁷ Хакикате инкилабе саур. 1986. 23 окт. (на дари).

⁸ Документы внешней политики СССР. М., 1960. Т. 4. С. 166.

⁹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 52. С. 318—319.

¹⁰ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 52. С. 319.

¹¹ Правда. 1988. 7 марта.

¹² См.: Хакикате инкилабе саур. 1986. 2 окт. (на дари).

¹³ См.: Краткая история НДПА. Кабул, 1988. С. 38—63 (на дари).

¹⁴ См.: Хальк. 1966. 11 апр. (на дари).

¹⁵ Устав НДПА//Парчам. 1967. № 1—2 (на дари).

¹⁶ Апис. 1973. 17 июля, 23 авг. (на дари).

¹⁷ Monde. 1973. February 3, 4.

¹⁸ Постановление Пленума ЦК НДПА. Кабул, 1973. 22 дек. С. 5 (на дари).

¹⁹ Правда. 1989. 28 ноября.

Глава вторая

¹ Kabul New Times. 1986. December 10. Материалы Центрального музея Армии РА. Зал № 1. Стенд № 2 (на дари).

² См.: Краткая история НДПА. Кабул, 1988. С. 128 (на дари).

⁸ См.: Краткая история НДПА. Кабул, 1978. С. 43 (на дарн).

⁹ См.: Хакикате инкилабе саур. 1978. 9 июля (на дарн).

⁵ Raja A. The Tragedy of Afghanistan. L., 1988. P. 92.

⁶ См.: Хакикате инкилабе саур. 1980. 5 янв. (на дарн).

⁷ Bonosky Ph. Washington's Secret War against Afghanistan. N. Y., 1985. P. 42—50.

⁸ Raja A. The Tragedy of Afghanistan. P. 90.

⁹ Ibid. P. 94.

¹⁰ Ibid. P. 95.

¹¹ Ibid. P. 95.

¹² Ibidem.

¹³ Ibid. P. 97.

¹⁴ Ibid. P. 98.

¹⁵ Материалы Центрального музея Армии РА. Зал № 1. Стенд № 2 (на дарн).

¹⁶ Анис. 1978. 3 мая (на дарн).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Актуальные проблемы афганской революции. С. 202—234.

²¹ Анис. 1979. 21 февр. (на дарн).

²² Raja A. The Tragedy of Afghanistan. P. 117.

²³ Н. М. Тараки организовал заговор против Х. Амина и потерпел поражение. См.: Закрытое письмо членам НДПА. Кабул, 1979. С. 8—9 (на дарн).

²⁴ Закрытое письмо членам НДПА. С. 11.

²⁵ Хакикате инкилабе саур. 1980. 23 янв. (на дарн).

²⁶ Там же.

²⁷ Griffiths J. Afghanistan: Key to a Continent. L. 1981. P. 156, 193.

²⁸ Sen Gupta. Afghanistan: Politics, Economics and Society. L. 1986. P. 82—84.

²⁹ Ды Саур инкилаб. 1979. 19 хута (на пушту).

Глава третья

¹ Мисак-и хун. 1980. № 4. С. 16 (на пушту).

² См.: Караван. 1972. 20 июля (на пушту).

³ Amin, Tahir. Afghan Resistance: Past, Present and Future. Asian Survey. Vol. XXIV. N. 4. 1984. April. P. 378.

⁴ Mitchell, Richard P. The Society of the Muslim Brothers. London, 1969. P. 193—194.

⁵ Фахри, Маджид. Исследование арабской мысли. Бейрут, 1970. С. 253 (на арабском языке).

⁶ Цит. по: Левин З. И. Развитие основных течений общественно-политической мысли в Сирии и Египте. М., 1972. Наука. С. 109.

⁷ Кутб С. Вехи пути. Каир, 1964. С. 6 (на арабском языке).

⁸ Кутб С. Будущее за исламом. К исламскому обществу. Аман, 1969. С. 230 (на арабском языке).

⁹ Кутб С. Вехи пути. С. 6 (на арабском языке).

¹⁰ Хедаят уль-Ислам. 1985. С. 14—15 (на арабском языке).

¹¹ См.: Ульфат. Джихад и руки за занавесом. Пакистан, 1979. С. 213—216 (на дарн).

¹² Sustaining Afghan Refugees in Pakistan. UNRISD. Geneva, 1983. P. 9.

¹³ Здесь и далее данные по проиранским группировкам афганской вооруженной оппозиции приведены по: Urban M. War in Afghanistan. L., 1988. P. 243—244.

¹⁴ Adamec Ludwig W. A Biographical Dictionary of Contemporary Afghanistan. Akademische Druck- u. Verlagsanstalt Guas-Austria, 1987. P. 71.

¹⁵ Программа Исламской партии Афганистана (ИПА). Пешавар, 1981. С. 10—11 (на дари).

¹⁶ Нуман А. Afghanistan under Soviet Domination, 1964—1981. N. Y., 1982. P. 132.

¹⁷ Программа Движения исламской революции Афганистана. Пешавар, 1979. С. 10—11 (на дари).

¹⁸ См.: Национальный фронт освобождения Афганистана. Пешавар, 1979. С. 17 (на дари).

¹⁹ См.: Новое время. 1981. № 21. С. 24.

²⁰ Красная звезда. 1986. 31 дек.

²¹ U. S. News & World Report. 1989. August 14. P. 32.

²² См.: Красная звезда. 1986. 19 дек.

²³ Strategic Digest. New Delhi. 1987. December. P. 2294.

²⁴ Азия и Африка сегодня. 1987. № 4. С. 25—28.

Глава четвертая

¹ U. S. Department of State, Foreign Relations of the United States. 1948. W. USGPO. 1975. Vol. 5. Part. 1. P. 492.

² Bradsher H. Afghanistan and the Soviet Union. Durham, 1983. P. 20.

³ См.: Красная звезда. 1989. 29 авг.

⁴ Department of state Policy Review Report. 1972. May 31.

⁵ CIA Biographical Report: The Afghan Leadership. 1973. June 8.

⁶ US — Afghanistan joint Statement, issued at Kabul. August 8/State Department Bulletin. 1976. N. 75. September 6.

⁷ Garthoff R. Detente and Confrontation: American — soviet Relations from Nixon to Reagan. W., 1985. P. 932.

⁸ Department of State Cable 00820. 1978. January 30.

⁹ Department of State Annual-Policy Review and Assessment. 1975.

¹⁰ Bonosky Phillip. Washington's Secret War Against Afghanistan. N. Y., 1985. P. 59.

¹¹ Department of State memorandum. 1978. April 30.

¹² Ibidem.

¹³ From the US Embassy in Kabul to the Secretary of State, 3805. 1978. May 18.

¹⁴ Department of State memorandum. 1978. April 30.

¹⁵ Department of State Cable 0199. 1979. August 16.

¹⁶ Hammond Th. Red Flag over Afghanistan: The Communist Coup. The Soviet invasion and the Consequences. Boulder, Westview, 1984. P. 110.

¹⁷ Brsesinski Z. Power and Principle. N. Y., 1983. P. 427.

¹⁸ Raja A. The Tragedy of Afghanistan. P. 232—234.

¹⁹ Ibid. P. 233—234.

²⁰ Ibid. P. 237—238.

²¹ Ibid. P. 232.

- ²² Department of State Cable 06251. 1979. August 16.
²³ CIA Cable 51273. 1979. September 28; Department of State Cable 06521. 1979. August 16.
²⁴ Department of State Report "Afghanistan and Pakistan". 1980. January 1.
²⁵ The New Republic. 1980. July 18.
²⁶ См.: Аль-Хуррия. 1982. 22 февр. (на арабском языке).
²⁷ The Times of India. New Delhi. 1987. June 24.
²⁸ Klare M. T. Low intensity Warfare. N. Y., 1988. P. 196—197; Times. 1984. March 26.
²⁹ Washington Post. 1988. January 15.
³⁰ Woodward, Bob. Veil: The Secret Wars of the CIA 1981—1987. N. Y., 1987. P. 582.
³¹ US Army Training and Doctrine Command. US Army Operational Concept for Low intensity Conflict. TRADOC Pamphlet. N. 525—544. 1988. P. 2.
³² Reagan R. Weekly Compilation of Presidential Documents. 1986. March 17. P. 358.
³³ TRADOC Pamphlet N. 525—534. US Army Operational Concept for Special Operations Forces. 1984. P. 8—9.
³⁴ Wolf Ch. Developing Cooperative Forces in the Third World. Rand Corporation. 1985. P. 4.
³⁵ Weinberger C. Annual Report to the Congress FY 1986. February 4. P. 30—31.
³⁶ Washington Post. 1985. July 19.
³⁷ Cronin Richard P. Afghanistan After Five Years; State of Conflict. The Afghan Resistance. The US Role, Report N. 85—20F. W., 1985. January. P. 7.

Глава пятая

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 386.
² Материалы Центрального музея Армии РА. Зал. № 2. Стенд № 5 (на дари).
³ Материалы аппарата Главного военного советника в Афганистане. Кабул, 1986.
⁴ Красная звезда. 1989. 1 июня.
⁵ См.: Правда. 1989. 28 ноября.
⁶ Там же.
⁷ Аргументы и факты. 1990. № 7. 17—23 февр.
⁸ Афганистан в нашей судьбе. М., 1989. С. 97—98.
⁹ Известия. 1979. 16 марта.
¹⁰ Правда. 1979. 21 апр.
¹¹ Н. М. Тараки организовал заговор против Х. Амина и потерпел поражение. Закрытое письмо членам НДПА. Кабул, 1979. С. 3 (на дари).
¹² Апис. 1978. 16 дек. (на дари).
¹³ Апис. 1978. 23 дек. (на дари).
¹⁴ Arnold A. Afghanistan: The Soviet Invasion in Perspective. Stanford, Hoover Institution Press. 1981. P. 82.
¹⁵ Ibid. P. 100.
¹⁶ Ibid. P. 101.
¹⁷ Ibid. P. 81.
¹⁸ Эхо планеты. 1989. № 46 (85). 11—17 ноября. С. 26—30.
^{19—38} См.: Коммунист Вооруженных Сил. 1990. № 18. С. 60—61, № 19. С. 71—75.

- ³⁹ Красная звезда. 1989. 18 ноября.
⁴⁰ См. там же.
⁴¹ Советская Россия. 1989. 15 ноября.
⁴² Haggison S. Inside the Afghan Talks//Foreign Policy. 1988. N. 72. P. 35.
⁴³ Ibidem.
⁴⁴ Urban M. War in Afghanistan P. 205.
⁴⁵ Ibid. P. 231.
⁴⁶ Советская Россия. 1989. 15 дек.
⁴⁷ Urban M. War in Afghanistan. P. 43—45.
⁴⁸ Литературная Россия. 1990. № 1. 5 янв.
⁴⁹ Известия. 1989. 26 дек.

Глава шестая

- ¹ Красная звезда. 1982. 7 апр.
² Постановление Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г.//Правда. 1989. 30 ноября.
³ Комсомольская жизнь. 1989. № 10. С. 19.
⁴ Московский комсомолец. 1989. 11 ноября.
⁵ Комсомольская жизнь. 1989. № 10. С. 20.
⁶ См.: Московский комсомолец. 1989. 11 ноября.
⁷ Красная звезда. 1989. 23 апр.
⁸ Красная звезда. 1989. 10 марта.
⁹ См.: Красная звезда. 1989. 9 сент.
¹⁰ Комсомольская правда. 1985. 23 июня.
¹¹ См.: Комсомольская правда. 1985. 17 окт.
¹² См.: Вечерняя Москва. 1989. 16 окт.
¹³ Там же.
¹⁴ См.: Красная звезда. 1989. 8 апр.
¹⁵ Литературная газета. 1989. 26 июня.

Глава седьмая

- ¹ Хакикате инкилабе саур. 1987. 23 окт. (на дари).
² Материалы XV Пленума ЦК НДПА. Кабул, 1985. С. 41 (на дари).
³ Тезисы ЦК НДПА по случаю второй годовщины Апрельской революции. Кабул, 1980. С. 2 (на дари).
⁴ Проблемы мира и социализма. 1980. № 4. С. 39.
⁵ Огонек. 1988. № 30. С. 26.
⁶ Материалы XII Пленума ЦК НДПА. Кабул, 1983. С. 12 (на дари).
⁷ Haggison S. Inside the Afghan Talks//Foreign Policy 1988. Fall. N. 72.
⁸ Ibidem.
⁹ New York Times. 1983. May 4.
¹⁰ Haggison S. Inside the Afghan Talks//Foreign Policy. 1988. Fall. N. 72.
¹¹ Ibidem.
¹² New York Times. 1986. June 19.
¹³ White Book. The Implementation of the Geneva Accords is in the Interests of All Mankind. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Afghanistan. Kabul, 1988. P. 43.
¹⁴ Ibid. P. 49.

- 15 Ibidem.
- 16 Ibidem
- 17 Ibid. P. 50.
- 18 Ibid. P. 51.
- 19 Ibid. P. 52.
- 20 Ibid. P. 59.
- 21 The New York Times. 1988. May 6.
- 22 Правда. 1988. 5 ноября.
- 23 Правда. 1989. 16 февр.
- 24 Afghanistan Exposes Interference in Internal affairs. Kabul, 1989. P. 10.
- 25 Хакикате инкилабе саур. 1986. 19 окт. (на дари).
- 26 Аль-Буньян аль-Марсус. № 16—17. С. 30—36 (на арабском языке).
- 27 India Today. New Delhi. 1989. September 30.
- 28 Ibidem.
- 29 Daily Telegraph. 1989. July 11.
- 30 Ibidem.
- 31 См.: Правда. 1989. 19 сент.
- 32 Christian Science Monitor. 1989. September 21.
- 33 New Statement. 1988. May 20.
- 34 New York Times. 1989. May 22.
- 35 Oman. Abu-Dabi. 1989. August 27.

Приложение

ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА (АФГАНИСТАН) ¹

1. Старший лейтенант АКРАМОВ Наби Махмаджанович
2. Младший сержант АЛЕКСАНДРОВ Вячеслав Александрович (посмертно)
3. Рядовой АНФИНОГЕНОВ Николай Яковлевич (посмертно)
4. Рядовой АРСЕНОВ Валерий Викторович (посмертно)
5. Капитан АУШЕВ Руслан Султанович
6. Генерал армии АХРОМЕЕВ Сергей Федорович
7. Полковник БАРСУКОВ Иван Петрович
8. Майор БЕЛЮЖЕНКО Виталий Степанович
9. Майор БОГДАНОВ Александр Петрович (посмертно)
10. Полковник БОЯРИНОВ Григорий Иванович (посмертно)
11. Генерал армии ВАРЕННИКОВ Валентин Иванович
12. Подполковник ВОСТРОТИН Валерий Александрович
13. Подполковник ВЫСОЦКИЙ Евгений Васильевич
14. Майор ГАЙНУТДИНОВ Вячеслав Карибулович
15. Полковник ГОЛОВАНОВ Александр Сергеевич (посмертно)
16. Старший лейтенант ГОНЧАРЕНКО Владислав Федорович
17. Капитан ГОРОШКО Ярослав Павлович
18. Генерал-майор ГРАЧЕВ Павел Сергеевич
19. Капитан ГРИНЧАК Валерий Иванович
20. Генерал-лейтенант ГРОМОВ Борис Всеволодович
21. Капитан ГУЩИН Сергей Николаевич
22. Лейтенант ДЕМАКОВ Александр Иванович (посмертно)
23. Лейтенант ДЕМЧЕНКО Георгий Александрович (посмертно)
24. Старший лейтенант ЗАДОРЖНЫЙ Владимир Владимирович (посмертно)
25. Старший лейтенант ЗАПОРОЖАН Игорь Владимирович
26. Подполковник ЗЕЛЬНЯКОВ Евгений Иванович
27. Рядовой ИГОЛЬЧЕНКО Сергей Викторович
28. Капитан милиции ИСАКОВ Михаил Иванович
29. Младший сержант ИСЛАМОВ Юрий Верикович (посмертно)
30. Сержант ИСРАФИЛОВ Абас Исламович (посмертно)
31. Старший сержант КАПШУК Виктор Дмитриевич
32. Капитан КАРПУХИН Виктор Федорович
33. Майор КОВАЛЕВ Владимир Александрович (посмертно)

¹ Военские звания даны на время представления.

34. Подполковник КОВАЛЕВ Николай Иванович (посмертно)
35. Старший лейтенант КОЗЛОВ Сергей Павлович
36. Капитан 2 ранга КОЗЛОВ Эвальд Григорьевич
37. Полковник КОЛЕСНИК Василий Васильевич
38. Ефрейтор КОРЯВИН Александр Владимирович (посмертно)
39. Полковник КОТ Виктор Севастьянович
40. Капитан КРАВЧЕНКО Николай Васильевич
41. Сержант КРЕМЕНИШ Николай Иванович
42. Лейтенант КУЗНЕЦОВ Николай Анатольевич (посмертно)
43. Подполковник КУЗНЕЦОВ Юрий Викторович
44. Капитан КУЧЕРЕНКО Владимир Анатольевич
45. Капитан КУЧКИН Геннадий Павлович
46. Подполковник ЛЕВЧЕНКО Анатольевич Николаевич (посмертно)
47. Капитан ЛУКАШОВ Николай Николаевич
48. Капитан МАЙДАНОВ Николай Саипович
49. Генерал-полковник МАКСИМОВ Юрий Павлович
50. Майор МАЛЫШЕВ Николай Иванович
51. Генерал армии МАТРОСОВ Вадим Александрович
52. Рядовой МЕЛЬНИКОВ Андрей Александрович (посмертно)
53. Сержант МИРОЛЮБОВ Юрий Николаевич
54. Старший сержант МИРОНЕНКО Александр Григорьевич (посмертно)
55. Полковник НЕВЕРОВ Владимир Лаврентьевич
56. Старший лейтенант ОНИЦУК Олег Петрович (посмертно)
57. Майор ОПАРИН Александр Яковлевич (посмертно)
58. Подполковник ОЧИРОВ Валерий Николаевич
59. Полковник ПАВЛОВ Виталий Егорович
60. Старший лейтенант ПАВЛЮКОВ Константин Григорьевич (посмертно)
61. Майор ПИМЕНОВ Василий Васильевич
62. Подполковник ПИСЬМЕННЫЙ Вячеслав Михайлович
63. Старший лейтенант ПЛОСКОНОС Игорь Николаевич
64. Капитан ПОПКОВ Валерий Филиппович
65. Капитан ПУГАЧЕВ Федор Иванович
66. Подполковник РАЙЛЯН Александр Максимович
67. Подполковник РУБАН Петр Васильевич (посмертно)
68. Полковник РУЦКОЙ Александр Владимирович
69. Младший сержант СИНИЦКИЙ Виктор Павлович
70. Генерал-майор СЛЮСАРЬ Альберт Евдокимович
71. Маршал Советского Союза СОКОЛОВ Сергей Леонидович
72. Майор СОКОЛОВ Борис Иппокентьевич
73. Майор СОЛУЯНОВ Александр Петрович
74. Лейтенант СТОБЕА Александр Иванович (посмертно)
75. Подполковник УХАБОВ Валерий Иванович (посмертно)
76. Капитан ФИЛИПЧЕНКОВ Сергей Викторович
77. Полковник ХАУСТОВ Григорий Павлович
78. Старший сержант ЧЕПИК Николай Петрович (посмертно)

79. Старший лейтенант ЧЕРНОЖУКОВ Александр Викторович
80. Рядовой ЧМУРОВ Игорь Владимирович
81. Подполковник ШАГАЛЕЕВ Фарит Султанович
82. Лейтенант ШАХВОРОСТОВ Андрей Евгеньевич (посмертно)
83. Старшина ШИКОВ Юрий Алексеевич
84. Старший лейтенант ШОРНИКОВ Николай Анатольевич (посмертно)
85. Майор ЩЕРБАКОВ Василий Васильевич
86. Майор ЮРАСОВ Олег Александрович (посмертно)

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
От авторов	3
Глава первая. Трудный путь к апрелю	
1. Страна афганцев	6
2. Влияние идей Октября	12
3. Политика афганского руководства в 30—50-е годы	18
4. Развитие демократического движения. Образование НДПА	21
5. Военная работа НДПА	35
Глава вторая. Апрельская революция	
1. Накануне	40
2. Апрельское вооруженное восстание	46
3. Первые шаги новой власти	58
4. Борьба в партии	60
5. Борьба за влияние в армии	68
Глава третья. Оппозиция: истоки и исход	
1. Возникновение оппозиции	79
2. Идеология «защитников» ислама	89
3. Расширение социальной базы оппозиции. Начало гражданской войны	98
4. Почему они воевали против	110
5. Шиитская восьмерка	116
6. Пешаварский альянс	122
7. Джихад и наркотики	136
Глава четвертая. «Афганская карта»	
1. Хроника вмешательства	143
2. «Исламский фактор» в действии	158
3. Стратегия «конфликта низкой интенсивности»	167
4. Урегулирование или эскалация?	172
Глава пятая. Ввод советских войск в Афганистан	
1. Советская военная помощь	179
2. Решение принято	191
3. Ввод советских войск в Афганистан	218
4. Последствия ввода ОКСВ	237
Глава шестая. Девять лет, один месяц и восемнадцать дней...	
1. Боевые будни ограниченного контингента	244
2. Опаленные войной	265

	<i>Стр.</i>
3. О мужестве, героизме и благородстве	277
4. Где же вы теперь, друзья-однополчане?	291
5. Это надо живым	296
6. Требуется помощь и милосердие	303

Глава седьмая. Национальное примирение

1. Революционные процессы становятся неуправляемыми	312
2. В поисках выхода из тупика	323
3. Женевские соглашения	328
4. Возвращение домой	338
5. «Сезон боев», или «афганская модель»	343
Примечания	357
Приложение	363

Коллектив авторов
ВОИНА В АФГАНИСТАНЕ

Редактор *В. Д. Козинец*
Художники *Б. Л. Игнатьев, А. Р. Косолапов*
Художественный редактор *А. Н. Жданов*
Технический редактор *М. В. Федорова*
Корректор *Т. В. Федотова*

ИБ № 4050

Сдано в набор 18.02.91. Подписано в печать 17.09.91.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 11½. Усл. печ. л. 19,32 + 2 вкл. 5/8 печ. л.,
1,05 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 21,21. Уч.-изд. л. 21,28.
Тираж 35 000 экз. Изд. № 1/5465. Зак. 247. Цена договорная.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.

4 p.

ВОЙНА В АФГАНИСТАНЕ

